

БУБРИХОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Проблемы
прибалтийско-финской
филологии и культуры

Министерство образования Российской Федерации
Петрозаводский государственный университет

**БУБРИХОВСКИЕ ЧТЕНИЯ:
Проблемы прибалтийско-финской
филологии и культуры**

Сборник научных статей

Петрозаводск 2002

ББК 81.66
Б901

Под редакцией

докт. филол. наук, профессора *П. М. Зайкова*,
канд. филол. наук, доцента *Т. И. Старшовой*

*Проведение научных конференций
и публикация настоящего сборника статей
осуществляются при поддержке Правительства Республики Карелия*

Б901 Бубриховские чтения: Проблемы прибалтийско-финской филологии и культуры: Сб. науч. ст. / ПетрГУ. — Петрозаводск, 2002. — 320 с.

ISBN 5-8021-0231-4

Данный сборник научных статей включает материалы двух научных конференций (октябрь 2000 г., март 2001 г.) «Бубриховские чтения: Проблемы прибалтийско-финской филологии и культуры», проведенных в Петрозаводском государственном университете на факультете прибалтийско-финской филологии и культуры.

Сборник начинается статьями, в которых прослеживается история преподавания финского, карельского и вепсского языков в Петрозаводском госуниверситете. Другие статьи посвящены различным проблемам, связанным с историей и современным состоянием языков, литературы и культуры прибалтийско-финских и других финно-угорских народов, освещают вопросы ономастики и культурно-языкового контактирования.

ББК 81.66

ISBN 5-8021-0231-4

© Петрозаводский государственный университет, 2002

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Старшова Т. И.</i> Финский язык в системе подготовки специалистов в Петрозаводском государственном университете	5
<i>Зайков П. М.</i> О преподавании карельского языка в Петрозаводском государственном университете	12
<i>Муллонен М. И.</i> Десять лет преподавания вепского языка в Петрозаводском государственном университете	18
<i>Зайцева Н. Г.</i> Исследование прибалтийско-финских языков Карелии: теория и практика	26
<i>Ыйстуу Я.</i> Возрождение южно-эстонского (вырусского) и карельских литературных языков: общие и отличительные черты	34
<i>Зайков П. М.</i> К проблеме исторической неустойчивости границ между одноосновными и стяженными двухосновными глаголами в диалектах карельского языка	43
<i>Федотова В. П.</i> Об изобразительных средствах карельского языка	51
<i>Беликова А. Е.</i> Лексико-семантическая группа финских глаголов звука: проблема комплексного описания	57
<i>Захарова Е. В.</i> Опыт лингвистической классификации православной лексики финского языка в контексте формирования христианского тезауруса	64
<i>Гилова Н. М.</i> Классификация неопределенных местоимений карельского языка	75
<i>Рогозина В. В.</i> О фразеологизмах в вепском языке	84
<i>Богданова Е. В.</i> К проблеме семантики возвратных глаголов карельского языка	94
<i>Карлова О. Л.</i> Фонетические условия бытования формантов -l'a, -l'u, -l в ойконимии Карелии	103
<i>Ковалева С. В.</i> Некоторые итоги социолингвистического исследования по формированию новой лексики в карельском языке	113
<i>Михайлова Л. В.</i> Топонимия Валаама русского происхождения	125
<i>Кузьмин Д. В.</i> Ареальная дистрибуция топонимных моделей Беломорской Карелии	139

<i>Крюков А. В.</i> О «топонимических» фамилиях ингерманландских финнов	150
<i>Рахимова Э. Г.</i> Модели метафорических уподоблений в рунах калевальской метрики	171
<i>Семакова И. Б.</i> О формировании ритмики рунических напевов Беломорской Карелии (по материалам сборника А. Лауниса «Напевы карельских рун»).....	179
<i>Семакова И. Б.</i> Мелодические модели рунических напевов Беломорской Карелии (по материалам сборника А. Лауниса «Напевы карельских рун»).....	187
<i>Краснопольская Т. В.</i> Опыт выявления локального и индивидуального в напевах карельских причитаний	198
<i>Ковыришина Ю. И.</i> Напевы севернорусских былин в контексте полиэтнической культуры	208
<i>Жижева В. Е.</i> Освоение прибалтийско-финских заимствований коми языком. История изучения вопроса	218
<i>Кондратьева Н. В.</i> Семантические функции падежа прямого объекта в удмуртском языке	234
<i>Старшова Т. И.</i> «Финн по крови, духом россиянин»	239
<i>Богданов Е. В.</i> Город в творчестве Л. Онерва	248
<i>Ильина Н. В.</i> Особенности пейзажной и натурфилософской лирики бесермянского поэта М. Федотова	266
<i>Вавулинская Л. И.</i> Проблемы национальной школы в Карелии во второй половине 1940–1960-х годов	271
<i>Миронова В. П.</i> Традиционная культура современной карельской деревни (по материалам полевых исследований)	278
<i>Пулькин М. В.</i> Карельский язык в деятельности органов государственной власти и крестьянского самоуправления в XVIII – начале XX века	285
<i>Ивкова Ю. П.</i> Этническая идентичность и этнические стереотипы молодых карелов в пространстве межэтнического взаимодействия	302
<i>Ивкова Ю. П.</i> Этническая принадлежность в структуре социальной идентичности карелов	310

Финский язык в системе подготовки специалистов в Петрозаводском государственном университете

В 1940 году созданный Карело-Финский государственный университет объявил набор студентов на 1940/1941 учебный год. Историко-филологический факультет приглашал абитуриентов на специальность «финно-угорские языки и литература». На работу в университет были приглашены ведущие ученые страны, на должность заведующего кафедрой финно-угорских языков – д. ф. н., проф., член-корр. АН СССР Д. В. Бубрих (1890–1949). Он возглавлял также кафедру финно-угорских языков ЛГУ и ИЯЛИ К.-Ф. Базы АН СССР.

В годы войны, когда университет находился в эвакуации в Сыктывкаре, кафедра была временно закрыта, но уже в 1943/1944 учебном году восстановлена.

По возвращении в Петрозаводск при кафедре была открыта аспирантура (1945), первая в университете.

Послевоенная деятельность кафедры осложнялась трудными материально-техническими условиями. Работу парализовала также борьба с лженаучными теориями в языкознании. Остро стоял и кадровый вопрос. В 1947/1948 учебном году основным штатным работником кафедры была В. Е. Злобина, только что закончившая аспирантуру (рук. Д. В. Бубрих). По совместительству преподавал доц. В. И. Алатырев, специалист по удмуртскому языку. Кафедрой приглашались для чтения лекций специалисты институтов К.-Ф. Базы АН СССР М. М. Хмяляйнен, А. А. Беляков, Х. И. Лехмус. Все ведущие лингвистические дисциплины читал Д. В. Бубрих.

Уже в 1944/1945 учебном году некоторые студенты-филологи избрали в качестве специализации финно-угорское языкознание и финскую литературу. Так, в 1945 году под руководством Лехмус Х. И. были подготовлены дипломные работы Т. Гуттари на тему

«Сказочные мотивы в произведении А. Киви "Семеро братьев"» и В. Эрвасти «Э. Лейно как новатор финской поэзии». Оба дипломника были известными в Карелии финноязычными поэтами.

В 1947 году был произведен набор на I и II курсы нового отделения – финской филологии. Оно ставило задачу подготовки научных работников по финно-угорскому языкознанию и карело-финскому фольклору и литературе. Его первыми выпускниками стали сейчас широко известные ученые: литературоведы д. ф. н. Э. Г. Карху, к. ф. н. А. А. Мантере и лексикограф к. ф. н. М. Э. Куусинен. Педагогическую подготовку тогда осуществляли педагогическое училище и учительский институт.

Несмотря на то, что в 1950-е годы доля финского населения Карелии значительно возросла за счет привлечения в республику финнов-ингерманландцев и составила рекордную в истории Карелии цифру – 27,8 тыс. человек, или 4,3% (данные переписи 1959 года), функции финского языка в республике стали планомерно сужаться. В 1954 году «он преподавался лишь как предмет в школах тех районов, где проживали финны и карелы. В 1956 году после возвращения Карелии статуса автономной республики его изучение в школах и вузах республики было прекращено» (Строгальщикова З. И., 1992, 13). В этой связи отпала и необходимость в подготовке кадров, а стало быть, и в существовании кафедры. Такое предложение было внесено Карельским обкомом КПСС в Министерство ВО СССР 9 июля 1958 года. В том же году прием абитуриентов на специальность «финский язык и литература» был прекращен. Студенты с I по III курс (51 человек) были переведены на специальность «русский язык и литература», студентам IV курса (15 чел.) была предоставлена возможность завершить образование по действующему плану специальности «финский и русский языки и литература». Кафедра финского языка была упразднена, штатный состав был передан на кафедру иностранных языков (А. Г. Морозова), русского языка (В. С. Суханова), трое сотрудников были уволены по сокращению штатов, в том числе заведовавшая кафедрой в 1950–1958 годах В. Е. Злобина, а также преподаватель М. И. Муллонен и лаборант Л. А. Кабанен. Так завершился первый этап истории финно-угорского отделения.

Несмотря на все противоречия времени, основная задача была в определенной мере выполнена. Усилиями ведущих специалистов Карелии, Эстонии и Москвы из выпускников кафедры удалось в последующие годы подготовить значительное количество специалистов в области финно-угорского языкознания и литературоведения: И. С. Галкин, И. В. Сало, А. Г. Морозова, М. И. Муллонен, М. И. Зайцева, Н. А. Лавонен, А. С. Степанова, Э. С. Киуру, Ю. Ю. Сурхаско, В. Д. Рягоев и другие. Они стали со временем ведущими учеными.

Следующий документ, относящийся к истории кафедры, – это приказ министра ВССО РСФСР № 369 от 30.05.1963 об организации кафедры финского языка и литературы в ПГУ «в связи с возросшей потребностью КАССР в кадрах, владеющих финским языком». Ежегодный набор на отделение составил 25 человек, а с 1986 года возрос до 50 человек. Первым заведующим кафедрой стала доцент А. Г. Морозова, представитель школы Д. В. Бубриха, которая руководила кафедрой с 1963 по 1974 год. На протяжении последующих лет, с 1974 по 1989 год, кафедрой заведовала доцент М. И. Муллонен. С 1989 года ею руководит доцент Т. И. Старшова. Основной задачей отделения стала подготовка учителей и преподавателей, переводческих и научных кадров. Усилия преподавателей, особенно в 1960–70-е годы, были направлены на создание уничтоженной учебно-методической базы обучения. Возникла необходимость в написании учебников, учебных пособий и словарей для общеобразовательных учреждений и высшей школы. Авторами учебников для вузов стали доценты А. Г. Морозова, М. И. Муллонен, для средней школы – Л. Э. Александрова, М. И. Муллонен. М. Э. Куусинен и В. С. Суханова подготовили «Учебный русско-финский словарь глагольного управления». М. Э. Куусинен на протяжении десятилетий трудился над двуязычными учебными и академическими словарями. В подготовку учебных пособий для студентов включился весь коллектив кафедры.

Многие проблемы решались, как и в предыдущие годы, в тесном контакте с учеными ИЯЛИ КНЦ РАН, среди которых много выпускников кафедры. Они приняли самое активное участие в

чтении лекционных курсов, руководстве дипломными и курсовыми работами и учебными полевыми практиками студентов.

И чем больше возникало проблем, чем более значительными становились поставленные перед кафедрой задачи, особенно на этапе создания и развития факультета прибалтийско-финской филологии и культуры, тем теснее становилось сотрудничество вузовской и академической науки.

Студентами кафедры выполняются исследования по разнообразной тематике: по лексике и грамматике современного финского языка, проблемам перевода, литературе Финляндии и Карелии, фольклору и «Калевале», методике преподавания языка, ономастике и топонимии и т. д. Результаты исследований они докладывают на ежегодных студенческих конференциях, как правило посвященных знаменательным датам финно-угроведения. В память об основателе финно-угроведения в Петрозаводском госуниверситете, выдающемся ученом конференции проходят в последние годы под заголовком «Бубриховские чтения». Стипендия Совета факультета также носит имя Д. В. Бубриха.

В 1960–1970-е годы установились научные и учебные связи с вузами Финляндии. С 1968 года Министерство образования Финляндии финансирует ставку преподавателя финского языка и культуры. С чтением лекций на кафедру приезжали известные ученые, профессора: В. Кауконен, К. Лайтинен, И. Савиярви, А. Ряйсянен, Х. Сихво и другие. В последние годы активизировался также обмен аспирантами, студентами, преподавателями и стажерами. Министерство образования Финляндии оказывает помощь в приобретении новинок учебной, научной, художественной литературы и словарей. Это позволяет организовывать обучение на современном уровне, хотя нехватка литературы в силу значительного количества студентов ощущается постоянно.

С рядом факультетов и вузов Финляндии кафедра имеет договоры о сотрудничестве и участвует в совместных проектах.

Увеличение специализаций в университете, а также возрастающий интерес к изучению языков выдвинули новую для кафедры задачу преподавания финского языка как иностранного (в настоящее время обучается более 200 студентов разных специальностей).

Кафедра финского языка и литературы сегодня – это коллектив преподавателей и сотрудников, состоящий из 18 человек, это более 260 студентов, изучающих финский язык как специальность. В аспирантуре кафедры сейчас обучаются 5 выпускников, преподавателей кафедры, которые под руководством проф. М. И. Муллонен и доц. И. И. Муллонен исследуют проблемы развития финского языка в иноязычной среде Карелии, современного финского языка и ономастики прибалтийско-финских народов.

Деятельность кафедры в настоящее время направлена на совершенствование учебного процесса, создание новых технологий обучения, на развитие творческих начал и навыков исследовательской работы студентов.

В последние годы кафедра сталкивается в своей деятельности и со значительными трудностями. Помимо сложно решаемых материально-технических проблем остро стоит кадровая, которую усугубила эмиграция финноязычного населения из Карелии в Финляндию. В 1990-е годы на постоянное жительство в Финляндию уехало 7 перспективных преподавателей. Оплата труда в вузах России также не стимулирует привлечение на кафедру специалистов, молодые преподаватели покидают кафедру, проработав несколько лет.

В последнее десятилетие значительные изменения претерпел и контингент студентов. Сфера употребления финского языка в Карелии все более сужается. По ряду социальных и национально-политических причин произошла языковая ассимиляция. Даже в этнически однородных семьях, особенно молодых, языком общения стал русский. Например, в возрастной группе до 34 лет с детьми по-фински общаются оба родителя лишь в 4% семей (Кожанов А. А., Яловицына С. Э., 1998, 161). Теперь на факультет поступают не этнические носители, а изучавшие язык на различных курсах и в школе. Несмотря на широкое преподавание финского языка в образовательных учреждениях, его статус ближе к иностранному языку, который преподается углубленно, как предмет или факультативно.

В этой связи потребовали пересмотра и методики его преподавания в вузе.

С учетом современных условий рынка труда в ближайшей перспективе возникнут и вопросы большей вариантности специализаций. Актуальным становится, в частности, введение специализации по журналистике для СМИ на национальных языках и открытие специализации по межкультурным коммуникациям для полноценной подготовки переводчиков.

Также очевидно, что прибалтийско-финское языкознание – достаточно узкая специальность и тем, кто связывает свое будущее с переводческой деятельностью, необходимо знание и других языков. Сегодня факультативно изучаются скандинавские языки (шведский, норвежский), по желанию студентов продлевается и период изучения английского языка. Организация углубленного изучения языков связана с кадровой ситуацией на соответствующих кафедрах.

Специальность «финский язык и литература» пользуется устойчивым спросом у абитуриентов, конкурс при поступлении на протяжении последних лет составляет 3–4 человека на место (хотя знание основ языка является по-прежнему условием приема), проходной балл достаточно высок (по результатам 3 экзаменов – 13–14).

Подводя итоги 60-летней деятельности кафедры, можно отметить ее достойный вклад в культуру, науку и образование. Подготовлено более 900 специалистов. В числе выпускников более 20 кандидатов и 5 докторов наук. Выпускники кафедры работают практически во всех школах республики, где изучается финский язык. Они преподают в вузах и учебных заведениях Карелии, Москвы, Санкт-Петербурга, Новгорода, Мурманска, а также в зарубежных – Финляндии, Швеции, Норвегии, Венгрии.

Заметный вклад в культуру края внесли наши выпускники – писатели, поэты, переводчики художественной литературы: Т. Сумманен, Т. Викстрем, В. Машин, М. Мазаев, Т. Флинк, Р. Коломайнен и многие другие.

Значительное количество выпускников работают переводчиками в различных фирмах и туристических организациях по всей России, в редакциях издательств, радио и телевидения, в национальных печатных СМИ Карелии.

Сохраняющийся интерес к специальностям кафедры, востребованность подготовленных ею специалистов, а также сохра-

няющийся научный интерес к прибалтийско-финским языкам и культуре народов позволяют смотреть на перспективы кафедры с оптимизмом.

Литература

Строгальщикова З. И. Языковая политика в Карелии и судьбы коренных народов // Финны, карелы. М., 1992. С. 4–15.

Кожанов А. А., Яловицына С. Э. Этносоциологическое обследование финского населения Карелии: основные задачи и первые результаты // Финны в России: история, культура, судьбы. Петрозаводск, 1998. С. 129–174.

О преподавании карельского языка в Петрозаводском государственном университете

В 1987 году по инициативе Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН в г. Петрозаводске была проведена научно-практическая конференция «Карелы», на которой активно обсуждался вопрос о возрождении карельской письменности и обучении карельскому языку в школах республики. Было решено, что карельская письменность будет создаваться на основе латинской графики с опорой на собственно-карельское и ливвиковское наречия. Через некоторое время была утверждена азбука и в отдельных школах Олонецкого района начали обучать детей-карел разговорному языку. Ученые-языковеды приступили к написанию букварей на карельском языке. После их публикации (Markianova L., Dubrovina Z. Aberi, 1990; Zaikov P. Vienan aapini, 1992) учителя смогли приступить к обучению школьников чтению и письму на карельском языке. Использование книг для чтения (Markianova L. Kirjuniekku, 1992; Boiko T. Oma sana, 1993; Boiko T. Karjalan kielen uardehet, 1996; Zaikov P. Kaunista karjalua, 1993; Zaikov P. Luvemma vienankarjalaksi, 1995; Remsujeva R. Ihmehhete, 1999) придало обучению карельскому языку более систематический характер. В настоящее время готовятся грамматики карельского языка. «Грамматика карельского языка. 5–9 классы» (P. Zaikov. Karjalan kieliooppi, 2002), автором которой является П. М. Зайков, вышла в свет. Подобная грамматика на ливвиковском наречии в скором времени будет опубликована. Таким образом школьное обучение будет полностью обеспечено учебной литературой. Количество обучающихся карельскому языку возросло с 300 человек (в 1989 году) до 2500 (в настоящее время).

Качественное школьное обучение требовало квалифицированных учителей карельского языка, которых еще двенадцать

лет назад ни в одном учебном заведении Карелии не готовили. По этой причине приказом ректора Петрозаводского госуниверситета от 1 октября 1990 года на филологическом факультете была открыта кафедра карельского и вепсского языков. Впоследствии кафедра финского языка и литературы и кафедра карельского и вепсского языков отделились от филологического факультета и образовали факультет прибалтийско-финской филологии и культуры. Подготовка учителей и специалистов по карельскому языку была возложена на кафедру карельского и вепсского языков. Первой заведующей кафедрой была Виено Петровна Федотова, ст. науч. сотр. Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН, которая наряду со своей основной работой взяла за организацию новой кафедры. Кроме нее на кафедре работали еще три преподавателя (П. М. Зайков, Л. Ф. Маркианова, М. И. Муллонен), читавшие основные курсы по карельскому и вепсскому языкам. В первый год карельскому языку обучалось 8 человек. В настоящее время на специальность «карельский, финский языки и литература» ежегодно поступает учиться 21–23 студента. Через два года после начала работы кафедры ее заведующей стала Горшкова Ольга Эйнарловна, которая в настоящее время читает лекции по карело-финскому фольклору и по финскому языку. В тот период создавались программы по основным курсам, приглашались специалисты по различным дисциплинам для чтения спецкурсов по финно-угорскому языкознанию, этнографии, фольклористике. В 1997 году кафедру возглавил Зайков Петр Мефодьевич, успешно защитивший в том же году диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук. В настоящий период на кафедре работают 8 преподавателей: П. М. Зайков, О. Э. Горшкова, А. В. Мелентьева, Е. В. Богданова, Н. М. Гилоева, О. Л. Карлова, В. В. Рогозина, А. В. Сакса. Помимо того, некоторые курсы и спецкурсы ведут М. И. Муллонен, И. Ю. Винокурова. Карельскому языку обучают студентов в следующем объеме: I курс – 248 часов (вводный курс – 90 часов, морфология имени – 96 часов, разговорная практика – 62 часа); II курс – 248 часов (морфология имени – 186 часов и 62 часа разговорной практики); III курс – 190 часов (морфология глагола); IV курс – синтаксис карельского языка (60 часов). Также студен-

там читаются лекции по диалектологии (30 часов) и истории карельского языка (32 часа), сравнительной грамматике карельского и финского языков (30 часов), практике перевода (82 часа). В целом на грамматику карельского языка отводится 588 часов, на развитие речи – 248 часов, спецкурсы – 90 часов и 82 часа – на переводы. Лекции по грамматике карельского языка читаются на карельском, по диалектологии и истории карельского языка – на финском языке. Кроме того, для студентов читаются лекции по карело-финскому фольклору (47 часов), карельской этнографии (20 часов), этнической истории карел (20 часов). В текущем учебном году для студентов III и IV курсов введен курс эстонского языка в объеме 60 часов.

Начальный этап преподавания карельского языка был связан со значительными трудностями, поскольку полностью отсутствовали научно-методические пособия по грамматике карельского языка. Со временем для студентов были опубликованы грамматические пособия (Zaikov P. *Karjalan kielen kielioppie. I*, 1992; Zaikov P. *Karjalan kielen kielioppie. II*, 1993; Markianova L. *Livvin murdehen fonetiekkku*, 1992; Markianova L. *Livvin murdehen morfolougii. Nominat da abusanat*, 1993; Markianova L. *Livvin murdehen morfolougii. Verbit. Adverbi*, 1995). Позднее преподаватели карельского языка подключились к работе над сборниками упражнений, которые к настоящему времени опубликованы на средства, полученные от Карельского просветительского общества Финляндии (Rugojeva L., Medvedeva T., Gorškova O., Češeiko N. *Harjotuksie vienankarjalaksi (länneoppi. Substantiivi)*, 1999; Rugojeva L., Medvedeva T. *Harjotuksie vienankarjalaksi (Adjektiivit, numeralit, pronominit)*, 2000; Zaikov P., Rugojeva L., Gorškova O. *Harjotuksie vienankarjalaksi (Verbi. Infinitiivit. Partisiipit. Partikkelit)*, 2000; Iljina O., Bogdanova L., Markianova L. *Karjalan kielen harjoituskogomus. Nominat*, 1999; Bogdanova L., Iljina O., Markianova L. *Karjalan kielen harjoituskogomus*, 2000).

Преподаватели кафедры достаточно активно исследуют различные проблемы грамматического строя и лексики карельского языка. П. М. Зайков опубликовал монографию «Глагол в карельском языке (грамматические категории лица-числа, времени и склонения)» (Петрозаводск, 2000) и продолжает исследовать

именные формы глагола (инфинитивы и причастия). Е. В. Богданова готовит к защите диссертацию на тему «Возвратное спряжение в карельском языке». Н. М. Гилоева анализирует систему местоимений в диалектах карельского языка. О. Л. Карлова занимается исследованием карельской топонимии. Все они неоднократно выступали с докладами на научных конференциях. А. В. Мелентьева приступила к исследованию лексики рыбной ловли в диалектах карельского языка. Есть все основания надеяться, что исследуемые преподавателями проблемы будут обобщены в кандидатских диссертациях и таким образом удастся заметно повысить научный потенциал сравнительно молодой кафедры карельского и вепсского языков. При кафедре в заочной и очной аспирантуре обучаются пять аспирантов, из которых четверо являются выпускниками нашей кафедры.

Деятельность кафедры в значительной мере направлена на совершенствование учебного процесса, создание новых методов обучения, выработку навыков исследовательской работы студентов. В этой связи необходимо публиковать курсы лекций по тем дисциплинам, по которым отсутствуют соответствующие пособия. Пособие П. М. Зайкова «Диалектология карельского языка», опубликованное в 1987 году, полностью распродано и поэтому требует переиздания с соответствующей доработкой. К сожалению, до сих пор отсутствуют пособия по истории карельского языка, сравнительной грамматике карельского и финского языков. Отрадно отметить, что недавно опубликовано пособие О. Э. Горшковой «Карельское устное народное творчество» (O. Gorškova. Karjalan kansanrunous, 2002).

Преподаватели кафедры принимают активное участие в международном проекте «Языки и культура миноритетных народов Норвегии, Швеции, Финляндии, Эстонии и Карелии». Практически на всех конференциях и рабочих совещаниях (Оулу, Петрозаводск, Тарту, Паяла, Пюссюйоки) преподаватели кафедры выступали с докладами и сообщениями. Между нашей кафедрой и кафедрой финского языка университета Оулу существует договор о совместных полевых исследованиях карельского и вепсского языков. Студенты выезжают в карельские и вепсские деревни с целью записать на аудио- и видеопленки образцы карельской речи и фольклора.

В свою очередь, лучшие студенты имеют возможность учиться в течение одного семестра в университете г. Оулу.

Студенты кафедры принимают активное участие в студенческих научных конференциях. Их доклады и сообщения строятся, как правило, на материале, который они самостоятельно собирают во время диалектологической практики, которая является обязательной для всех студентов, закончивших III курс обучения, охватывают широкий спектр вопросов по грамматике, лексике, топонимии и фольклору. Как правило, самостоятельно собранный материал ложится в основу и дипломных сочинений студентов.

За сравнительно короткий период существования кафедра проделала заметную работу по подготовке научно-методических изданий, равно как и научной литературы. Это позволяет на хорошем уровне готовить специалистов по карельскому и вепсскому языкам. Выпускники кафедры работают школьными учителями, журналистами, преподавателями высших учебных заведений. Представляется, что роль кафедры в подготовке национальной интеллигенции Республики Карелия и в дальнейшем будет значительной.

Литература

Зайков П. М. Глагол в карельском языке (грамматические категории лица-числа, времени и наклонения). Петрозаводск, 2000.

Boiko T. Oma sana. Petroskoi, 1993.

Boiko T. Karjalan kielen uardehet. Petroskoi, 1996.

Bogdanova L., Iljina O., Markianova L. Karjalan kielen harjoitus-
koomus. Petroskoi, 2000.

Gorškova O. Karjalan kansanrunous. Petroskoi, 2002.

Iljina O., Bogdanova L., Markianova L. Karjalan kielen harjoitus-
koomus. Nominat. Petroskoi, 1999.

Markianova L. Kirjuniekku. Petroskoi, 1992.

Markianova L. Livvin murdehen fonetiekku. Petroskoi, 1992.

Markianova L. Livvin murdehen morfoulogii. Nominat da abusanat.
Petroskoi, 1993.

Markianova L. Livvin murdehen morfoulogii. Verbit. Adverbi. Petroskoi, 1995.

Markianova L., Dubrovina Z. Aberi. Petroskoi, 1990.

Remsujeva R. Ihmehete. Petroskoi, 1999.

Rugojeva L., Medvedeva T., Gorškova O., Češeiko N. Harjotuksie vienankarjalaksi (Iänneoppi. Substantiivi). Petroskoi, 1999.

Rugojeva L., Medvedeva T. Harjotuksie vienankarjalaksi (Adjektiivit, numeralit, pronominit). Petroskoi, 2000.

Zaikov P. Vienan aapini. Petroskoi, 1992.

Zaikov P. Karjalan kielen kielioppie. I. Petroskoi, 1992.

Zaikov P. Karjalan kielen kielioppie. II. Petroskoi, 1993.

Zaikov P. Kaunista karjalua. Petroskoi, 1993.

Zaikov P. Luvemma vienankarjalaksi. Petroskoi, 1995.

Zaikov P., Rugojeva L., Gorškova O. Harjotuksie vienankarjalaksi (Verbi. Infinitiivit. Partisiipit. Partikkelit). Petroskoi, 2000.

Zaikov P. Karjalan kielioppi. 5–9. Petroskoi, 2002.

Десять лет преподавания вепсского языка в Петрозаводском государственном университете

Прошло десять лет с тех пор, как в Петрозаводском университете при филологическом факультете открыли кафедру карельского и вепсского языков. Это было огромное событие в истории культуры вепсов, ведь до тех пор специалистов по вепсскому языку в высшей школе никогда не готовили. Потребность подготовки учителей вепсского языка возникла в связи с тем, что в конце 1980-х годов в Карелии появилась возможность обучать в школе детей вепсов родному языку.

Правда, в начале 1930-х годов, более полувека тому назад, в нашей стране была уже попытка создания вепсской письменности и преподавания языка в школе (Муллонен М. И., 1967). Однако организаторы обучения не успели даже по-настоящему развернуть дело – через несколько лет обучение было прекращено. Зловещий 1937 год как бы поставил крест на развитии вепсской письменности. С тех пор в течение полустолетия никто не осмеливался даже заикнуться о том, чтобы восстановить прерванный процесс. В условиях отсутствия письменности в иноязычном окружении народ быстро ассимилировался.

В книге «Проблемы истории и культуры вепсской народности», вышедшей в Петрозаводске в 1989 году, в статье В. В. Пименова и З. И. Строгальщиковой констатируется, что «вепсский язык бытует только в устной речи». Но вот прошло 10 лет, и положение резко изменилось. Начавшаяся в середине 80-х годов демократизация общественной жизни страны дала возможность вепсской интеллигенции, ученым и писателям вновь поднять проблемы сохранения вепсского народа. Большую роль в этом сыграли научная и общественная деятельность ученого-этнографа З. И. Строгальщиковой, ее острые выступления в печати,

требования срочных действий государственных органов и общественных организаций.

В июне 1987 года в вепском селе Винница был проведен первый вепский народный праздник под названием «Древо жизни». Одновременно там же состоялась научная конференция с участием ученых из Петрозаводска, Петербурга и Эстонии. На конференции была поставлена проблема сохранения языка и культуры вепсов. Благодаря инициативе ученых, осенью 1988 года в Петрозаводске было проведено большое совещание по проблемам развития экономики и культуры вепсов с участием хозяйственных и партийных органов Карелии, Ленинградской и Вологодской областей, на территории которых проживают вепсы. На совещании была выработана программа возрождения вепсской народности. Важное место в этой программе уделялось сохранению и развитию языка как условию сохранения народа и его культуры.

Н. Г. Зайцева и З. И. Строгальщикова как специалисты по языку и культуре вепсов с самого начала стали активными проводниками в жизнь идеи воссоздания письменности и составления школьных учебников. Учить детей вепсскому языку первым начал Рюрик Петрович Лонин, основатель Шелтозерского музея, создавший в 1987 году кружок вепсского языка. Он, не имея педагогического образования, но будучи большим энтузиастом, занимался с детьми до тех пор, пока Шелтозерская школа не подхватила его идею и не ввела изучение языка в школе.

Созданное в 1989 году Общество вепсской культуры во главе с З. И. Строгальщиковой поручило ученым-языковедам Н. Г. Зайцевой и М. И. Муллонен составить учебники по вепсскому языку для начальной школы. В течение 1990–1991 годов были подготовлены букварь (Zaiceva N., Mullonen M., 1991) и две книги для чтения в начальной школе (Zaiceva N., Mullonen M., 1994), а еще через два года – учебный словарь (Zaiceva N., Mullonen M., 1995), в который вошли уже многие новые слова из школьной лексики.

Когда решено было ввести преподавание вепсского языка в школе, тут же, естественно, встал вопрос о подготовке учителей. Первые специалисты по вепсскому языку были подготовлены в Петрозаводском университете на кафедре финского языка и литературы, где студенты, владеющие разговорным вепским язы-

ком, стали факультативно изучать грамматику вепсского языка. Студентка Елизавета Харитоновна написала первую дипломную работу по вепсскому языку под руководством М. И. Муллонен.

В эти же годы на кафедре финского языка и литературы готовились специалисты по карельскому языку, для которых читали спецкурсы исследователи карельского языка из Карельского научного центра П. М. Зайков, Л. Ф. Маркианова. Таким образом, когда встал вопрос об открытии кафедры карельского и вепсского языков, на факультете был уже определенный контингент студентов, занимающихся этими языками, и преподаватели имели уже какой-то опыт работы.

Когда весной 1990 года кафедра финского языка и литературы предложила обсудить на Совете филологического факультета вопрос об открытии новой кафедры, руководство факультета не поддержало эту идею. Однако приглашенные на заседание Совета представители карельской интеллигенции и студенты-карелы сумели убедить большинство членов Совета в необходимости создания новой кафедры. Поддержал начинание кафедры и ректорат университета.

Осенью 1990 года был объявлен первый набор студентов на новую специальность. Карелам предстояло изучать параллельно финский и карельский языки, вепсам – финский и вепсский. Создание второй кафедры на отделении финского языка и литературы дало возможность через несколько лет преобразовать отделение в самостоятельный факультет прибалтийско-финской филологии и культуры.

Как предполагалось, в первый набор вепсов поступило пять человек. Хорошо, если из такой малочисленной народности находится ежегодно несколько человек, готовых посвятить себя изучению языка и культуры своего народа. В карельскую группу набирается ежегодно примерно двадцать человек, в вепсскую – до пяти. Начинать преподавание было чрезвычайно трудно, т. к. все надо было создавать с нуля: разрабатывать теоретические и практические курсы, создавать учебные пособия. При подготовке курса грамматики вепсского языка использовались в основном фундаментальные работы финских исследователей Л. Кеттунена (Kettunen L., 1943) и Э. А. Тункело (Tunkelo E. A., 1946), а также теоретические

исследования отечественных вепсологов (Зайцева Н. Г., 1981; Зайцева М. И., 1978; Хмяляйнен М. М., 1966) и сборники диалектных текстов, изданные как в Финляндии, так и в нашей стране. Учебной литературы почти не было. На практических занятиях слушали и расшифровывали магнитофонные записи диалектных текстов, большое количество которых хранится в фонограммархиве Карельского научного центра. На наш взгляд, это очень эффективное средство освоения языка, студенты слушают живую речь и одновременно осваивают диалектные различия.

С появлением отдельных разделов перевода Библии на вепсский язык (переводчик Н. Г. Зайцева) студенты использовали библейские тексты для домашнего чтения. С 1993 года в Петрозаводске начала выходить на вепсском языке ежемесячная газета «Kodima», которая активно используется на занятиях. Вообще, по мере выхода новых книг на вепсском языке они сразу применяются в учебном процессе. Большую помощь педагогам оказала Н. Г. Зайцева, написавшая первые учебные пособия по вепсской грамматике (Zaiceva N., 1995, 2000).

Новые лекционные курсы вводились по мере их подготовки. Сегодня изучаются все разделы грамматики, история языка, сопоставительная грамматика финского и вепсского языков, этнография вепсов. Практические занятия посвящаются освоению устной речи, грамматики и переводам текстов с финского и русского языков на вепсский. Языковые курсы ведутся в основном на вепсском языке и частично на финском. Параллельно с вепсским языком изучается финский язык. Методически преподавание построено так, что изучение грамматики финского языка несколько опережает изучение параллельных разделов грамматики вепсского языка. Наша многолетняя практика преподавания обоих языков показывает, что такой метод помогает лучше осваивать систему языка, увидеть сходства и различия этих языков. Надо сказать, что курс финского языка вепсы изучают в полном объеме, включая историю финского языка, финно-угроведение, историю финской литературы, теорию перевода, пишут курсовую работу на финском языке и т. д. Наряду с прибалтийско-финскими языками студенты изучают и русскую филологию, и иностранные

языки, и другие общепилологические и общественные дисциплины, проходят диалектологическую и педагогическую практику.

Студенты, владеющие разговорной речью, теорию осваивают довольно хорошо. Труднее приходится тем, которые начинают с нуля изучение обоих языков, но и они, приложив определенные усилия, неплохо осваивают два родственных языка. Например, один из первых выпускников кафедры Виталий Корзин проявил очень незаурядные способности в изучении языков. Начав с нуля изучение вепского и финского языков, прекрасно овладел и тем и другим. Кроме того, он неплохо владеет немецким и после окончания университета работает переводчиком, где знание нескольких языков ему очень пригодилось. Выпускницы 1999 года Лана Мигунова и Катя Крылова, не изучавшие до университета ни финского, ни вепского, закончили университет с отличием и написали дипломные работы на вепском языке. Обе сразу же устроились на работу по специальности: Лана Мигунова ведет телевизионные передачи на вепском языке на Карельском телевидении, Катя Крылова работает переводчиком. Первым моим помощником в преподавании вепского языка стала Елизавета Харитоновна, которая в течение пяти лет вела практические занятия со студентами. На смену ей пришла выпускница 1997 года Валентина Рогозина, владевшая вепским уже до поступления в университет. Она параллельно преподает вепский язык в Карельском педагогическом университете. Ее однокурсница Светлана Кикинчук работает учителем вепского языка в Рыборецкой средней школе (Вепсская национальная волость). Выпускник этого же курса Николай Фомин является редактором вепской газеты «Kodima». Выпускница Ольга Ершова учится в аспирантуре на своем факультете, изучает особенности языка вепского фольклора.

Вот только несколько примеров трудоустройства выпускников, хорошо овладевших вепским языком. Всего за эти годы диплом специалиста по вепскому языку получили 15 человек. Но даже если не у каждого работа связана с вепским языком, изучение языка и культуры предков не проходит бесследно. Родной язык – это особый духовный мир, особое состояние души. Большинство студентов учатся с удовольствием, однако нагрузка студента, которому приходится изучать несколько языков одновре-

менно, большая, и не каждый способен ее выдержать – отчисляется довольно много. Но думаю, что мы ни в коем случае не должны снижать требования. Плохо подготовленные студенты сегодня, в условиях конкурса на рынке труда, никому не нужны, и этого нельзя не учитывать. Справедливости ради надо сказать, что по сегодняшним условиям наши студенты получают полноценную подготовку. Уже несколько лет дипломные работы студентов-вепсов пишутся на вепском языке, хотя это иногда чрезвычайно трудно, т. к. абстрактной лексики и научной терминологии очень не хватает. Материал для дипломных работ студенты часто собирают из уст народа или расшифровывают ранее сделанные магнитофонные записи. Очень интересными были в последние годы дипломные работы, посвященные исследованию вепской лексики (изобразительные слова, глаголы движения, обрядовая лексика, способы образования неологизмов, фразеология и т. д.). Изучение лексики обычно связано с изучением обычаев, обрядов, духовной культуры носителей языка. Некоторые работы связаны с сопоставительным изучением двух языков – вепского и финского. Параллельное изучение двух родственных языков расширяет лингвистическое видение, облегчает понимание многих явлений истории языка.

В карельских группах тоже изучается краткий курс вепского языка как близкородственного. С недавнего времени на кафедре начали преподавать эстонский язык.

На кафедре проводится большая лексическая работа. В процессе преподавания вепского языка формируется письменный язык, апробируются литературные нормы, основы которых были определены уже при написании школьных учебников, создаются новые слова. В этом словотворческом процессе участвуют как преподаватели, так и студенты. Словотворческой работой занимаются, конечно, и редакция газеты, и редакторы радио- и телепередач на вепском языке, новых слов всем не хватает. Всю вновь создаваемую в разных учреждениях лексику должна обобщать лексико-терминологическая комиссия, созданная в Национальном комитете при Правительстве Республики Карелия, однако эта комиссия работает пока очень слабо, не контактируя с другими учреждениями, пользующимися вепским языком. На наш

взгляд, эту работу надо бы всячески интенсифицировать, привлекая к ней в том числе и школьных учителей. Кстати сказать, преподаватели кафедры участвуют в проведении курсов повышения квалификации учителей, в проведении языковых конкурсов в школах, осуществляя тем самым связь с выпускниками, работающими в школах.

Подытоживая сказанное, можно сделать вывод: 10 лет тому назад у вепсов появился шанс, и наверное последний, возродить язык и культуру и тем самым сохранить народ как таковой. Ведь известно, что нет живого языка – нет и народа. Сейчас очень важно не останавливаться на достигнутом. Первая эйфория быстро прошла, она сменилась тяжким ежедневным трудом. Людей, пишущих на вепсском языке, способных написать книги для детей и взрослых, пока еще очень мало. Хорошо, что появились такие энтузиасты, как петербургский музыкант Игорь Бродский, написавший для младших школьников книгу о родной природе (Brodski J., 2000), или как поэт Николай Абрамов, который начал писать стихи на вепсском языке и выпустил уже два поэтических сборника (Abramov N., 1996, 1999). Будем надеяться, что наши сегодняшние студенты продолжают эти начинания.

Общественные функции вепсского языка за эти годы, безусловно, расширились, из устной диалектной речи постепенно формируется единый письменный язык. Сейчас трудно сказать, как он будет развиваться дальше. Многое будет зависеть от тех специалистов, которых мы сейчас готовим, от их трудоустройства, от их энтузиазма. Без творческого вдохновения здесь ничего не сделаешь. Я призываю наших сегодняшних студентов, всю вепсскую молодежь не дать зарастить протоптанной тропе, а используя научно-технические возможности сегодняшнего и завтрашнего дня, продолжать начатое дело в новом веке, чтобы, отмечая через 10 лет следующий юбилей кафедры, можно было рассказать о гораздо более значительных достижениях на ниве развития языка и культуры вепсского народа.

Литература

Зайцева М. И. Суффиксальное глагольное словообразование в вепском языке. Л., 1978.

Зайцева Н. Г. Именное словоизменение в вепском языке. Петрозаводск, 1981.

Зайцева Н. Г. Вепский глагол. Сравнительно-сопоставительное исследование. Петрозаводск, 2001.

Муллонен М. И. Вепская письменность // Прибалтийско-финское языкознание. Л., 1967. С. 105–109.

Хямляйнен М. М. Вепский язык // Языки народов СССР. Т. 3. М., 1966.

Abramov N. Koumekümne koume. Petroskoi, 1996.

Abramov N. Kurgiden aig. Petroskoi, 1999.

Brodski I. Ičemoi londuz. Petroskoi, 2000.

Kettunen L. Vepsän murteiden lauseopillinen tutkimus. Helsinki, 1943.

Tunkelo E. A. Vepsän kielen äännehistoria. Helsinki, 1946.

Zaiceva N., Mullonen M. Abekirj. Petroskoi, 1991.

Zaiceva N., Mullonen M. Lujem i pagizem vepsäks. Petroskoi, 1991.

Zaiceva N., Mullonen M. Ičemoi lugemist. Petroskoi, 1994.

Zaiceva N., Mullonen M. Vepsä-venäläine, venä-vepsläine vajehnik. Petroskoi, 1995.

Zaiceva N. Vepsän kelen grammatik (Nimiden kändluz). Petroskoi, 1995.

Исследование прибалтийско-финских языков Карелии: теория и практика

Любая наука, насколько бы теоретизированной она ни была, имеет выходы в практику, а ее данные прямо или опосредованно проверяются жизнью, оцениваются ею. Хотелось бы кратко проанализировать соотношение теории и практики в исследовании прибалтийско-финских языков Карелии, пронаблюдать, востребованы ли теоретические исследования в области названных языков живой жизнью, выяснить, каково применение накопленных теоретических знаний.

К прибалтийско-финским языкам Карелии относятся карельский, вепсский и финский, которыми традиционно занимается один из старейших секторов Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН – сектор языкознания. В данной статье сосредоточим основное внимание на вепсском и карельском языках, не имеющих длительной письменной традиции, то есть языках младописьменных. Следует отметить, что история исследования названных языков Карелии, по сути дела, насчитывает столько же лет, сколько лет существует названный ранее институт, который в 2000 году отмечал 70-летие. Несмотря на то, что в России проживали представители многих финно-угорских народов, финно-угроведение как наука до 30-х годов XX века находилось практически в зачаточном состоянии. А 20–30-е годы прошлого столетия – годы так называемой культурной революции, характеризующиеся движением за возрождение языков и культур, – потребовали сразу же теоретических знаний в области карельского и вепсского языков, поскольку началась интенсивная работа по созданию письменностей для бесписьменных народов. К этому времени из 17 народов финно-угорской языковой семьи только три – финский, венгерский и

эстонский – имели письменность к началу XX века. То есть книга для многих финно-угорских народов почти до конца XVIII века была неизвестным понятием. Венгерский лингвист Б. Мункачи в 1911 году писал: «Очень редкие жители Приуралья и Сибири знают буквы... Книгу и буквы для них заменяют живые устные традиции, которые играют здесь намного большую роль, чем у просвещенных народов, поскольку являются средством сохранения исторического сознания» (см. об этом: Домокош П., 1993, 170–171). По сути дела, то же самое можно сказать и о карелах и вепсах, которые до 30-х годов XX века не имели письменности. Поскольку языки, являясь таковыми, были еще вдобавок совсем не исследованными, то в 1930-е годы перед учеными встал вопрос о теоретическом изучении языков. В это же время ученым следовало, выявив теоретические основы, одновременно создавать книги. Им из ничего предстояло сотворить целый мир, перешагнуть рубеж устного народного творчества и помочь народам перейти без всяких предпосылок к письменности, к письменным традициям. Эти начинающие цивилизаторы, взявшиеся за создание письменностей, должны были на основе чужих образцов фиксировать на бумаге образцы исследуемой речи, формировать из букв слоги, слова, определять словесные границы, утверждать разделительные знаки, выделять предложения без соответствующих аппаратов, которых тогда не было. В процессе создания письменностей принимали участие и сотрудники Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. Н. И. Богданов руководил группой ученых, занимавшихся вепским языком и проблемами вепсской письменности, в которую входил также сотрудник сектора языкознания М. М. Хямляйнен (о периоде создания вепсской письменности см.: Муллонен М. И., 1967, 105–109). Именно они в отечественной науке стояли у истоков теоретических изысканий и практического их использования в вепском языке. Мы высоко оцениваем вклад названных ученых в теорию и практику вепсского языка. Именно они в период создания письменности привлекли к работе учителей-филологов, создав с 1930 по 1937 год по вепсскому языку около трех десятков книг по разным дисциплинам для школ (см.: Zaitseva N., 1994, 13–19, 51–63).

С карельским языком все обстояло несколько иначе. Не вдаваясь в политические предпосылки данной проблемы, осложненные переплетением судеб карельского и финского языков, скажем о деятельности Д. В. Бубриха, связанной с карельской письменностью (о жизни и деятельности Д. В. Бубриха см.: Керг Г. М., 1975). Отметим лишь, что именно в 30-е годы XX века были заложены и основы исследования карельского языка. Основоположником кареловедения по праву следует считать именно Д. В. Бубриха. Под его руководством в 30-е годы шел интенсивный сбор материала по диалектам карельского языка, в результате чего был составлен и в наше время издан «Диалектологический Атлас карельского языка» (Бубрих Д. В., Беляков А. А., Пунжина А. В., 1997), материалы которого позволили Д. В. Бубриху в основных чертах сформулировать наиболее существенные черты карельских наречий и диалектов, высказать предположения об их сложении. В этот же период предпринимается попытка создания карельской письменности и единого карельского языка. Появляются первые нормативные грамматики, представляющие интерес с той точки зрения, что в них отражаются наиболее характерные черты, присущие всем диалектам карельского языка. Прежде всего, конечно же, следует назвать «Граматику карельского языка» Д. В. Бубриха (1937). Занимаясь в настоящее время на новом этапе проблемами возрождения вепсской письменности, просматривая все возможное, что дало бы толчок к пониманию отбора диалектных фактов для письменной концепции вепсского языка, мы стремились вновь и вновь отыскать какие-либо серьезные рецензии, оценки, лингвистические характеристики названной «Граматики карельского языка». К сожалению, кроме эмоциональных газетных статей, обвиняющих Д. В. Бубриха в несовершенстве его единой грамматики, ничего не обнаружили. Думается, что у грамматики, вышедшей в 1937 году, не было достаточно времени, чтобы как-то быть апробированной и понятой. В настоящее время данный труд интересен тем, что, с одной стороны, может помочь понять систему грамматических взглядов Д. В. Бубриха, с другой стороны, даст возможность разобраться, чем же руководствовался автор книги при отборе тех или иных явлений для грамматики единого карельского языка, поскольку его диалекты

значительно отличаются друг от друга. Именно последнее обстоятельство принуждает в настоящее время развивать карельскую письменность на двух или даже трех диалектах карельского языка, создавая предпосылки для развития нескольких литературных языков для одного народа, тем самым дробя его на части. А ведь известно, что язык является и наиболее важным памятником праистории всех народов, и средством их наибольшего единения и идентификации со своим народом. Думается, что работа Д. В. Бубриха нуждается в ее осмыслении и переосмыслении с позиции сегодняшнего дня. Требуются серьезный лингвистический анализ книги, филологическая оценка ее основ. Несомненно то, что подобный анализ поможет и в наше время, пользуясь, возможно, иными критериями, по-другому взглянуть на диалектные различия карельского языка, сможет дать ключ к пониманию, а может быть, даже и устранению некоторых диалектных различий. По крайней мере, лингвистам-кареловедам следует достойно оценить труд Д. В. Бубриха.

Названный период, т. е. начало исследования карельского и вепсского языков, был интересен тем, что тогда как бы практика жизни диктовала теории, в чем она нуждается, что еще следует предпринять. Практика как бы подгоняла теорию, активизировала работу ученых.

Но преподавание языков в школах было прекращено, перестали издаваться книги и журналы на карельском и вепсском языках. Тем самым произошел как бы отрыв теоретической лингвистической науки от практики. И почти на столетия прибалтийско-финские языки Карелии – вепсский и карельский – стали предметом чистой академической науки, превратившись в какой-то степени в музейный экспонат и элемент экзотики.

Правда, следует сказать, что академические исследования в области названных языков не прекращались и значительно пополнились за это время грамматиками некоторых говоров, углубленными исследованиями в области отдельных проблем синхронной и исторической грамматики. Появлялись и уходили новые методы и методики исследования языков. Но все это никак не отражалось на практике. Объект исследования – карельский и вепсский народы, постепенно забывая свой язык, с одной сторо-

ны, и лингвистическая наука, с другой стороны, развивались сами по себе. Конечно, ученым была понятна вся необратимость этих процессов, но, к сожалению, слишком остро политика отражалась на языковой практике.

Десятилетие тому назад, в самом конце 1980-х годов, появилась вновь возможность более тесно связать предмет научных исследований лингвистов с практикой, призванная оказать существенную помощь карельскому и вепсскому народам в их борьбе за выживание. Языковая ситуация к данному периоду времени значительно изменилась, и не в лучшую сторону. ЮНЕСКО все с большей тревогой стало говорить о группе народов и их языков, находящихся под угрозой исчезновения. Но изменились и некоторые ориентиры и приоритеты. Так, в свое время известный финский ученый-филолог Э. Лённрот, посетив в 1842 году средних – исаевских – вепсов (Исаевская волость ныне не существует), отметил в своем дневнике, что дни вепсского народа сочтены, и в первую очередь на том основании, что они двуязычны. Наука и жизнь в настоящее время убедительно показывают, что само по себе двуязычие не является свидетельством полной ассимиляции народа. При правильном отношении к данному процессу это, скорее, показатель выживаемости народа, стремящегося сохранить родной язык, его умение вписаться в окружающее пространство. Мировое общественное мнение сейчас высоко оценивает элементы дву- и многоязычия и дву- и многокультурия, полагая, что за ними будущее. Понимая, что карельский и вепсский языки, пользуясь новейшей терминологией, находятся под угрозой исчезновения (язык вепсов, например, включен уже в «Красную книгу языков народов России», 1994, 21–22), и осознавая всю ответственность перед родными народами, лингвисты Карелии поспешили на помощь карельскому и вепсскому языкам, стремясь вернуть им часть теоретических знаний, накопленных в академических трудах. Как известно, ЮНЕСКО, например, называет в этом отношении три взаимосвязанных подхода к решению проблемы (см., напр.: Wurm S., 1994):

- 1) сбор как можно более полной информации о народах, находящихся под угрозой исчезновения, и выявление самих этих народов;

2) сбор как можно более полной информации о существовании данных конкретных народов и их языков, понимание того, как относятся к ситуации сами народы. Существует мнение, что если у подобного народа имеется группа людей, обеспокоенная своим положением, или даже один человек, который желает видеть свой язык и свой народ поддержанным и сохраненным, то такому народу следует оказывать всемерное внимание и поддержку;

3) как можно более глубокое изучение языков и сбор лингвистического материала по ним, пока народы говорят на своем языке, поскольку только живой контекст иллюстрирует грамматические правила или дает «живую картину того, как язык работает» (Леман К., 1996, 182).

В конце 1980-х годов начался бурный период возрождения письменности и закладывания традиций нормированной речи на карельском и вепском языках. Следует отметить, что ученым был известен опыт периода 1930-х годов, который мог оказать существенную помощь. И вновь уже новому поколению языковедов пришлось активно включиться в непривычную для себя деятельность по составлению учебников карельского и вепского языков для высших учебных заведений, школ, а также методических пособий для учителей. Пришлось учить студентов, учителей, журналистов самим закладывать основы национальной журналистики и программ и концепций национальной школы Карелии (см., напр.: Зайцева Н. Г., Пасюкова С. П., 1991). В настоящее время во многих школах Карелии, Ленинградской и Вологодской областей дети изучают вепсский и карельский языки. И можно констатировать, что практически все учебники и учебные пособия созданы учеными Института языка литературы и истории Карельского научного центра РАН и Петрозаводского государственного университета. За 10 лет подготовлено около трех десятков книг и словарей, около полутора десятков пособий для студентов, осуществлено множество переводов на национальные языки (см., напр.: Zaikov P., 1992, 1993, 1999; Зайков П., Ругоева Л., 1999; Markianova L., 1990, 1992, 1993; Markianova L., Boiko T., 1996; Zaiceva N., Mullonen M., 1991; 1994; 1995; Zaiceva N., 1995, 2000; Boiko T., 1993, 1996; Fedotova V. P., 2001).

Деятельность по написанию учебной литературы, которая для создания грамматических правил нуждается в достаточно скрупулезных и детальных грамматических и иных сведениях, оказала несомненную помощь и ученым. Она дала возможность выявить в академических работах значительные лакуны и пробелы и тем самым позволила языковедам по-новому взглянуть на предмет своего исследования и выявить проблемы, требующие более тщательного и систематического их рассмотрения и исследования (см.: Зайцева Н. Г., 1996, 1999). Тем самым осуществляется тесная связь академической науки и практики; последняя как бы проверяет всю глубину и надежность исследований. В свою очередь, академические исследования, воплощаясь в учебниках, книгах для чтения, словарях, как бы возвращают часть знаний, полученных у народа, обратно народу, служа тем самым укреплению письменных и нормированных традиций языков и в конечном итоге – просвещению народов, возрождению их языков и культур.

Литература

Бубрих Д. В. Грамматика карельского языка (фонетика и морфология). Петрозаводск, 1937.

Бубрих Д. В., Беляков А. А., Пунжина А. В. Диалектологический Атлас карельского языка. Хельсинки, 1997.

Домокош П. Формирование литератур малых народов: Пер. с венгер. Йошкар-Ола, 1993.

Зайков П. М. Грамматика карельского языка. Петрозаводск, 1999.

Зайков П., Ругоева Л. Карельско-русский словарь. Петрозаводск, 1999.

Зайцева Н. Г., Муллонен М. И. Вепско-русский, русско-вепский учебный словарь. Петрозаводск, 1995.

Зайцева Н. Г. Младописьменные языки Карелии и академическая наука // 50 лет Карельскому научному центру РАН: Тез. докл. Петрозаводск, 1996. С. 212–214.

Зайцева Н. Г. Языки малочисленных народов в многокультурном мире // Важнейшие результаты научных исследований Карельского научного центра РАН: Тез. докл. Петрозаводск, 1999. С. 135–136.

Керт Г. М. Дмитрий Владимирович Бубрих. Очерк жизни и деятельности. Л., 1975.

Красная книга языков народов России: Энциклопедический словарь-справочник. М., 1994.

Леман К. Документация языков, находящихся под угрозой вымирания // Вопросы языкознания. 1996. № 2. С. 180–191.

Маркианова Л. Ф., Бойко Т. П. Карельско-русский словарь (ливвиковское наречие). Петрозаводск, 1996.

Муллонен М. И. Вепсская письменность // Прибалтийско-финское языкознание. Л., 1967. С. 105–109.

Федотова В. П. Школьный фразеологический словарь карельского языка. Петрозаводск, 2001.

Boiko T. P. Oma sana. Petroskoi, 1993.

Boiko T. P. Karjalan kielen uardehet. Petroskoi, 1996.

Markianova L. Kirjuniekku. Petroskoi, 1992.

Markianova L. Livvin murdehen morfoulogii. Petroskoi, 1995.

Markianova L., Dubrovina Z. Aberi. Petroskoi, 1990.

Zaikov P. Vienan aapini. Petroskoi, 1992.

Zaikov P. Kaunista karjalua. Petroskoi, 1993.

Zaikov P. Karjalan kielen kielioppie. Petroskoi, 1993.

Zaiceva N. Vepsän kelen grammatik. I pala. Petroskoi, 1995; II pala. Petroskoi, 2000.

Zaiceva N., Mullonen M. Abekirj. Petroskoi, 1991.

Zaiceva N., Mullonen M. Lugem i pagižem vepsäks. Petroskoi, 1991.

Zaiceva N., Mullonen M. Ičemoi lugemišt. Petroskoi, 1994.

Wurm S. Minority Languages // Problems of Survival. Osaka, 1994.

Возрождение южно-эстонского (вырусского) и карельских литературных языков: общие и отличительные черты

Среди прибалтийско-финских народов эстонцы и карелы занимают по численности соответственно второе и третье места вслед за финнами: по официальным данным переписи населения 1989 года, в тогдашнем Советском Союзе насчитывалось около 1 млн. эстонцев (из них в пределах Эстонии проживали 963 281 эстонец) и около 131 000 карел (Künnap A., 1991, 418; Клементьев Е. И., 1991, 5). В действительности общее число эстонцев и карел было больше: около 80 000 эстонцев проживало в странах Скандинавии и Западной Европы, а также в США, Канаде и Австралии, а часть карел проживали и проживают в Финляндии. По результатам последней переписи населения Республики Эстония, проведенной в марте 2000 года, число эстонцев в республике составило 939 310 человек (см.: http://www.stat.ee/wwwstat/est_stat/statistika_fr.html).

Знание и использование эстонского и карельского языков как родного среди эстонцев и карел различное. По данным переписи населения 1989 года, 95% эстонцев, проживающих в Эстонской ССР, владели родным языком. Оставшиеся 5% населения, не владеющего языком, в основном проживали за пределами республики. Уровень знания карельского языка среди карел Карельской АССР в то же время составлял 50,6% (Клементьев Е. И., 1991, 65). Доля карел в населении Карельской АССР была в 1989 году 10,0%, эстонцы составляли 61,8% всего населения ЭССР (в настоящее время – 65,3% населения).

Начало истории эстонского литературного языка во многом напоминает ситуацию карельских литературных языков в настоящее время: с XVII века до середины XIX века на территории

нынешней Эстонии существовали два литературных языка: северно-эстонский, или таллиннский, и южно-эстонский, или тартуский литературный язык. Это означало, что параллельно издавались книги (хрестоматии, грамматики и т. д.) на обоих литературных языках. Такая же ситуация в течение последнего десятилетия наблюдается в Карелии: в одно и то же время возрождаются литературные языки у ливвиков и собственно карел в Республике Карелия и, кроме того, возрожден еще третий литературный язык – у тверских карел в Тверской области.

Всем трем карельским литературным языкам обучают в общеобразовательных школах Республики Карелия и Тверской области, а также они являются и объектами обучения и изучения в вузах. В Петрозаводском государственном университете была основана кафедра карельского и вепсского языков еще в начале 1990/1991 учебного года. Карельский педагогический университет начал преподавание обоих языков на кафедре карельского и вепсского языков три года спустя. Оба университета готовят учителей карельского и вепсского языков. Тверской диалект изучается в Тверском государственном университете с 1995 года. Прием студентов на специальность «карельский язык» в обоих университетах Петрозаводска производится как в группу ливвиковских, так и в группу собственно карел.

И в этом мы находим параллели с Эстонией: в 1803 году в Тартуском университете впервые стали читать лекции на эстонском и финском языках, при этом северно-эстонский и южно-эстонский диалекты являлись разными предметами. Обучение двум эстонским диалектам и финскому языку велось с целью подготовки врачей и священников для службы в окрестностях Выборга (финский язык) и на территориях двух губерний – Эстляндской (северная часть Эстонии) и Лифляндской (южная часть Эстонии и Латвия). Преподавание параллельно северно-эстонского и южно-эстонского диалектов (литературных языков) велось при Тартуском университете до середины XIX века.

В середине XIX века продолжались начавшиеся еще в 1820-е годы дискуссии о необходимости создания единого эстонского литературного языка. Самые главные мероприятия эстонского национального движения (создание первых культурных обществ,

первый всеэстонский певческий праздник, рождение национальной литературы и изобразительного искусства и т. д.) также относятся к этому же периоду (1860-е годы). Создание единого эстонского литературного языка имело для эстонцев консолидирующее значение. Возник существенный вопрос: какой диалект – северно-эстонский или южно-эстонский – будет служить лучшей основой единого литературного языка? Каждый деятель культуры считал самым подходящим свой родной диалект.

Нынешний эстонский литературный язык в основном зиждется на северно-эстонских диалектах (островной, западный, средне-эстонский, восточный диалекты), хотя в грамматике и лексике наблюдаются и некоторые южно-эстонские черты [к южно-эстонским диалектам относятся тартуский, мультгиский (вильяндиский) и вырусский (в него входит сетуский диалект)].

Почему основой для эстонского литературного языка стали именно северно-эстонские диалекты? Здесь можно выделить как объективные, так и субъективные факторы. К объективным факторам, в первую очередь, относится то, что население, говорившее на северно-эстонских диалектах, было гораздо более многочисленным, чем говорившее на южно-эстонском. Кроме того, в 1739 году вышла Библия на северно-эстонском литературном языке, которой пользовались и южные эстонцы (на южно-эстонском литературном языке в 1686 году был издан Новый Завет). Из субъективных факторов можно отметить то, что среди самых выдающихся эстонских языковедов первой половины XIX века были представители северных эстонцев. Они считали северно-эстонские диалекты более подходящими для основы единого литературного языка, и, по мнению некоторых из них, северно-эстонские диалекты были более развиты по сравнению с южно-эстонскими. Самым последовательным борцом за статус южно-эстонского литературного языка был языковед, литератор и национальный идеолог Якоб Хурт, начавший собирать эстонский фольклорный материал.

Часто, особенно в первой половине 1990-х годов, размышления о том, сколько литературных языков нужно карелам – один или несколько, и если один, то какой диалект служит лучшей основой для единого литературного языка, какой из них самый чис-

тый, какой диалект имеет самый т. н. карельский характер, были опубликованы и на страницах газеты «Oma tuua». По сути дела, вопрос о лексической чистоте какого-нибудь диалекта относится к псевдопроблемам. Если иметь в виду эстонские диалекты, то, в сравнении с современным литературным языком, в каждом из диалектов наблюдается значительно больше заимствований из языков ближайших соседей. Заимствований из шведского языка в островном и западном диалектах гораздо больше, чем в других диалектах. В диалекте северного побережья доминируют финские заимствования, в восточном и южных диалектах – русские и латышские заимствования. В то же время лексика эстонских диалектов переходила в диалекты соседей, так как заимствование лексики, как правило, двусторонний процесс. Что же касается карельских диалектов, то вполне очевидно, что в ливвиковском и людиковском диалектах русских заимствований больше, чем в северно-карельском диалекте, так как исторически интенсивность контактов в вышеназванных регионах в течение столетий имела разный характер.

Создание единого литературного языка – длительный процесс, предполагающий определенные традиции использования и внедрения литературного языка на диалектном уровне. Все-таки надо упомянуть, что ситуация создания какого-либо литературного языка всегда имеет свой, строго специфический для конкретного языка характер, вследствие чего автоматическое перенесение опыта каких-либо других языков оказывается ненужным, даже вредным. Наблюдаться могут лишь самые общие, теоретические тенденции развития литературного языка.

Очень важным для изучения, а также развития и нормирования литературного языка является подготовка на современном уровне специалистов. В этом смысле ситуация в Республике Карелия вполне нормальная: финно-угроведов для республики готовит Петрозаводский университет. Уже десять лет прошло с момента создания кафедры, готовящей специалистов по карельскому и вепсскому языкам. Изучение и развитие любого языка нуждается в образованных специалистах, для которых изучаемый ими диалект или язык является родным, так как только человек, говорящий на языке как на родном, знает все его богатства и тонкости.

1990-е годы оказались периодом возрождения нескольких литературных языков прибалтийско-финских меньшинств в России, Финляндии, Швеции и Норвегии. Профессор Оулуского университета Хелена Сулкала назвала этот процесс бумом рождения маленьких литературных языков (*piienten kirjakielten syntybuumi*). К этим литературным языкам относятся, наряду с вышеназванными карельскими и вепскими литературными языками, еще *meänkieli* 'наш язык' в Швеции и язык *kveeni* в Норвегии (Sulkala H., 2000, 9). В Эстонии еще в конце 1980-х годов возникла идея создания на базе местных говоров вырусского (южно-эстонского) литературного языка. Каждый из упомянутых литературных языков развивается в какой-то степени по-разному, так как социально-политические условия в отношении говорящих на этих языках меньшинств являются различными. Вырусский литературный язык все-таки в какой-то степени отличается от других: ливвиковский, северно-карельский, тверской, вепский, *meänkieli* и язык *kveeni* относятся к языкам национальных меньшинств, проживающих в иноязычной среде и до сих пор не имеющих своего литературного языка (первый опыт создания литературного языка карел и вепсов относится к 1930-м годам). Вырусцы же по национальности эстонцы, проживающие в Республике Эстония и получившие образование на эстонском языке. В 1995 году в городе Выру был основан Вырусский институт, в деятельности которого на первом плане стоят вопросы по созданию вырусского литературного языка. 31 октября 1995 года была создана международная комиссия по вопросам орфографии и ортологии вырусского литературного языка (Pajusalu K., 2000, 72). Азбука «ABC kirjõppus ja lugõmik algkoolilatsilõ» вышла в свет в 1998 году. 1999 год был объявлен годом вырусской литературы. Наряду с научными исследованиями по вырусскому диалекту написан целый ряд учебных пособий (Iva S., 2000). Изучение вырусского литературного языка как предмета началось в некоторых школах Южной Эстонии в 1993 году, в 1995 году были организованы первые курсы повышения квалификации учителей вырусского языка.

В принципе проблематика, связанная с вопросами создания и развития вырусского литературного языка, во многом напоминает

проблематику карельских литературных языков (даже начало процессов в Карелии и Эстонии совпадают – вырусское движение началось в 1988 году), острейшим вопросом которой является создание правил орфографии и выбор говора или наречия, подходящего для основы литературного языка. К нынешнему времени острые дискуссии по этим вопросам уже позади, но разные мнения по тому или иному вопросу встречаются на страницах печати и сейчас: где находится центр вырусского диалектного ареала, почему пользуются той или иной грамматической формой слова именно этой, а не той деревни и т. д. Из года в год все актуальнее становится вопрос обучения вырусскому литературному языку в общеобразовательных школах и подготовки учителей. В 1997/1998 учебном году курсы вырусского языка для студентов были организованы при кафедре прибалтийско-финских языков Таллиннского педагогического университета. Группа образовалась из студентов, родившихся в Северной Эстонии. Некоторые родители школьников против обучения вырусскому языку и боятся, что в будущем оно будет обязательным. Встречаются и мнения, что разговоры о вырусском литературном языке и деятельность в этой области, по существу, вредны и даже враждебны в отношении целостности развитого эстонского литературного языка.

Создание вырусского литературного языка является в какой-то мере феноменом: в сравнении с карельскими литературными языками отмечается движение в противоположном направлении – от единого литературного языка в сторону диалектного, локального литературного языка. Но и такая направленность нуждается в понимании и толерантности со стороны эстонцев других регионов Эстонии, так же как карелы, вепсы и остальные прибалтийско-финские языковые меньшинства нуждаются в помощи и поддержке большинства своих регионов.

Нынешний процесс создания и возрождения литературных языков прибалтийско-финских меньшинств имеет двухплановый характер. На научном уровне процесс служит разработке ряда теоретических вопросов, изучение которых началось еще в период деятельности Д. В. Бубриха. Сегодняшняя ситуация требует, по всей видимости, сосредоточения на проблемах ортологии, терминологии и лексики. На социально-политическом уровне

самым актуальным является продолжение развития литературных языков, совместная работа представителей разных литературных языков, учреждений, и, конечно, важным остается вопрос о престиже карельского языка среди самих карелов.

Как было сказано выше, вопросы такого рода очень деликатны и никто здесь в советах не нуждается. Это касается практической стороны дела. В теоретическом плане обмен опытом между учеными разных исследовательских центров позволяет по оценке ситуации и по результатам исследований делать выводы, имеющие гораздо более широкий фон по сравнению с локальным опытом.

С осени 1996 года Тартуский университет и Вырусский институт ежегодно проводят конференции, посвященные тематике прибалтийско-финских народов и языков. Наряду с эстонскими исследователями в конференциях участвуют ученые из Латвии, Финляндии, Швеции, Германии и с 1998 года также из Республики Карелия. Центром изучения новых прибалтийско-финских литературных языков стал и Оулуский университет в Финляндии во главе с профессором Хеленой Сулкала. В проекте участвуют ученые из Финляндии и Эстонии, но на конференциях с докладами выступали и участники из Швеции, Норвегии и Карелии. Таким образом, международный теоретический опыт отражается и в деятельности по возрождению карельских литературных языков.

Приложение

Развитие эстонского литературного языка от летописей до статуса государственного языка

I половина XIII века – первые памятники эстонской письменности «*Летопись Генриха Латвийского*» и «*Датская налоговая книга*».

1525 – данные о первой эстоноязычной книге, изданной в Германии (книга не сохранилась).

1535 – катехизис Вандадта и Кооля (сохранилось 11 страниц).

1632 – основание университета *Academia Gustaviana* (Тартуский университет).

- 1637 – 1-я грамматика северно-эстонского языка: Генрих Шталь. «*Anführung...*».
- 1648 – 1-я грамматика южно-эстонского языка: Иоганн Гутс-лафф. «*Observationes...*».
- 1660 – 2-я грамматика северно-эстонского языка: Генрих Гёзен. «*Manuductio...*».
- 1684 – первая азбука Бенгта Готфрида Форселиуса.
- 1686 – «*Новый Завет*» на южно-эстонском языке.
- 1693 – 3-я грамматика северно-эстонского языка: Иоганн Хорнунг. «*Grammatica...*».
- 1715 – «*Новый Завет*» на северно-эстонском языке.
- 1732 – 4-я грамматика северно-эстонского языка: Антон Тор Хелле. «*Kurzgefasste...*».
- 1739 – Библия на северно-эстонском языке.
- 1766 – 1767 – издание 1-го журнала на эстонском языке.
- 1780 – 5-я грамматика северно-эстонского языка: Аугуст Вилгельм Хупел. «*Sprachehre...*».
- 1803 – основание лектората эстонского и финского языков при Тартуском университете.
- 1813–1832 – начало издания первого финно-угорского журнала «*Beiträge...*».
- 1838 – основание Ученого Эстонского Общества (вопросы по темам языка и литературы).
- 1843, 1853 – 1-я общая грамматика эстонского языка Эдуарда Аренса.
- 1858 – начало издания газеты «*Perno Postimees*» (выходит по сей день).
- 1869 – «*Эстонско-немецкий словарь*» Фердинанда Иоганна Видемана.
- 1872 – основание Общества эстонских литераторов.
- 1875 – «*Грамматика эстонского языка*» Ф. И. Видемана.
- 1884 – 1-я эстоноязычная грамматика Карла Аугуста Хермана.
- 1903 – начало деятельности общества «*Молодая Эстония*».
- 1908 – начало издания журнала «*Эстонская литература*».
- 1908–1911 – языковые конференции по проблемам ортологии и орфографии.
- 1912–1926 – период т. н. обновления языка (Йоханнес Аавик).

1918 – 24 февраля – манифест о суверенитете Эстонии.

1918 – первые документы о статусе эстонского языка в Республике Эстония.

1919 – эстонский язык становится учебным языком Тартуского университета, основание трех профессур: по эстонскому языку, по прибалтийско-финским и по уральским языкам.

1920 – основание Общества родного языка и журнала «*Эстонский язык*».

1925 – закон о культурной автономии национальных меньшинств РЭ.

1934 – закон о языке РЭ.

Литература

Клементьев Е. И. Карелы. Karjalažet: Этнографический очерк. Петрозаводск: Карелия, 1991.

Iva S. Võron kielen opetusmateriaaleista // Kielikontaktit – kieli ja kulttuuri päiväkodissa, koulussa ja opettajankoulutuksessa. Oulu; Kajaani, 2000. S. 31–38.

Künnap A. Uural keelte valda jaskond Nõukodule Liidu poolt kontrollitaval territooriumil 1989 // Keel ja Kirjandus. 1991. № 7. S. 416–419.

Pajusalu K. Eteläviro opetettavana kielimuotona // Kielikontaktit – kieli ja kulttuuri päiväkodissa, koulussa ja opettajankoulutuksessa. Oulu; Kajaani, 2000. S. 66–75.

Sulkala H. Kielikontaktit-seminaarini tausta ja tarkoitus: pienten kielten tutkimuksen ja opetuksen verkosto // Kielikontaktit – kieli ja kulttuuri päiväkodissa, koulussa ja opettajankoulutuksessa. Oulu; Kajaani, 2000. S. 8–12.

**К проблеме исторической неустойчивости
границ между одноосновными и стяженными
двухосновными глаголами в диалектах
карельского языка**

Как известно, все глаголы карельского языка делят на одноосновные и двухосновные. Одноосновные глаголы имеют лишь гласную основу или основы. В отличие, например, от финского литературного языка, где количество гласных основ не может быть больше одной (*tule-*), в карельском их количество может достигать двух и даже трех. Так, в глаголах с гласной основой на *e-* в формах 3 л. ед. числа презенса изъявительного и возможностного наклонений выявляется вторая гласная основа с исходом на *o, ö*, напр.: *las(k)e-n* 'я отпущу', *lasko-u* 'он отпустит', *syl(l)e-n* 'я плюну', *syلكö-u ~ sylgöy* 'он плюнет'. Глаголы же типа *karaloija – kabaloiija* 'пеленать', *ahavoija* 'сушить', *emännöijä* 'хозяйничать' имеют три гласные основы. Третья гласная основа представлена в формах II причастия пассива, напр.: *karaloiče-n – kabaloiče-n* 'я пеленаю', *karaloiččo-u – kabaloiččo-u* 'он пеленает', *karaloi-tu – kabaloi-ttu* (II прич. пасс.), *ahavoiče-n* 'я вялю', *ahavoiččo-u* 'он вялит', *ahavoitu – ahavoi-ttu* 'завяленный', *emännöiče-n* 'я хозяйничаю', *emännöiččo-y* 'он хозяйничает', *emännöi-ty ~ emändöi-ttu* 'хозяйничающий'. Подобная ситуация наблюдается также и в северновепсском диалекте. Н. Г. Зайцева полагает, что возникновение трех гласных основ в названном диалекте вепсского языка (двух долгих и одной краткой) произошло под влиянием карельского языка (Зайцева Н. Г., 2000, 161).

Двухосновные же глаголы, наряду с гласной основой или двумя основами, имеют согласную основу, оканчивающуюся на согласный звук, напр.: *parkita* 'выделять (шкуру)', *parkiče-n* 'я выделяю'

ваю', parkičšo-u 'он выделяет', parkit-tu 'выделанная', maistele-n 'я пробую', maistelo-u 'он пробует', maissel-tu 'пробованная'.

Оппозиция одноосновных и двухосновных глаголов достаточно стабильно сохраняется в карельском языке. Подтверждением тому может служить следующее явление. В собственно-карельском наречии существовал фонетический закон, по которому в безударном слоге дифтонги *oi*, *öi*, *ui*, *yü* теряли второй компонент. В ливвиковском и людиковском наречиях, а также в вепсском языке, напротив, действовал закон сохранения гласного *i* в подобных ситуациях, за исключением случаев, когда за ним следовал согласный *s* (> *š*), напр.: *pastoi* 'он пек' (сравни: с.-кар. *paisto*) (Rapola M., 1919–1920, 8). В собственно-карельском наречии появились имперфектные формы одноосновных глаголов без суффикса *-i*. Первоначально явление имело чисто фонетический характер. Впоследствии оно морфологизировалось и стало увязываться с грамматическими формами. Основы без суффикса имперфекта стали выступать в 3 л. ед. числа, 1 и 2 л. мн. числа имперфекта, напр.: *hiän kačšo*, *kučču*, *kusy* 'он смотрел, звал, спросил', *myö kačšo-ma*, *kučču-ma*, *kusy-mä* 'мы смотрели, звали, спросили', *työ kačšo-ja*, *kučču-ja*, *kusy-jä* 'вы смотрели, звали, спросили'. В двухосновных же стяженных глаголах, в которых основа также заканчивается на *i*-овый дифтонг, выпадения суффикса имперфекта никогда не происходит, напр.: *uinota* 'заснуть': *uinoi* 'он заснул', *uinoi-ma* 'мы уснули', *uinoi-tta* 'вы уснули', *meruta* 'вытапливать масло': *merui* 'он вытапливал', *merui-ma* 'мы вытапливали', *merui-tta* 'вы вытапливали'. Язык тем самым стремится сохранить особую оформленность имперфектных форм стяженных двухосновных глаголов в отличие от одноосновных для того, чтобы не произошло смешения их парадигм. Сохранение суффикса имперфекта в подобных формах двухосновных стяженных глаголов исторически вполне объяснимо. Они стали оформляться на *i*-овый дифтонг после того, как процесс отпадения суффикса имперфекта в одноосновных глаголах уже прекратился. Двухосновные стяженные глаголы, вероятнее всего, ранее имели основы имперфекта с исходом на *si-*, *zi-*, напр.: *uinosi* – *uinozi* 'он уснул', *uinosima* – *uinozima* 'мы уснули', *uinosija* – *uinozija* 'вы уснули', *merusi* – *meruzi* 'он вытопил (масло)',

merusima – meruzima 'мы вытопили', merusija – meruzija 'вы вытопили'. Позднее на их месте или параллельно с ними (как это происходит в настоящее время в собственно-карельском наречии, за исключением языка тверских, валдайских и тихвинских карел) стали употреблять глагольные формы имперфекта от стяженных двухосновных глаголов без согласных s и z (см.: Pulkkinen P., 1968; Lehtinen T., 1979).

Несмотря на сказанное, в настоящее время в отдельных диалектах карельского языка наблюдаются случаи перехода двухосновных стяженных глаголов в разряд одноосновных и наоборот. Так, глаголы *lanketa* 'упасть', *haitata* 'мешать, затруднять', *kavota* 'потеряться', *kolkata* 'стучать', *purhata* 'пускать пузыри', *guveta* 'приступать', *leikata* 'резать', *urolta* 'утонуть' в подавляющем большинстве диалектов являются двухосновными стяженными. В отдельных же диалектах они перешли в разряд одноосновных глаголов. Так, в тихозерском диалекте *lankie* имеет парадигму одноосновного глагола (*lanke-n*, *lanke-u*). В остальных диалектах этот глагол является двухосновным стяженным *lanketa* ~ *langeta* с основой *lankie-*, *langie-*. В севернокарельских диалектах параллельно употребляются *kolkata* (*kolkku-a-n*, *kolkku-a-u*) и *kolkku-a* (*kolka-n*, *kolkka-u*) напр.: *Kolkkasin kovan ovie, rämähytin räysäsäpuita* (KKS, II, 293) 'я стукнул дверью так, что отозвалось в стрехе' и *Kolka silloin koilistuuli kun mie riilessä remajan* (KKS, II, 294) 'дуй северо-западный ветер, когда я в риге работаю'. В первом случае глагол выступает в виде двухосновного стяженного, а в другом – в виде одноосновного. В вокнаволоцком и большинстве диалектов ливвиковского наречия зафиксирован глагол *leikkuo* (KKS, III, 49), спрягающийся как одноосновный (*leiko-n* 'я режу', *leikko-u* 'он режет'). В остальных же диалектах этот глагол является двухосновным стяженным: *leikata* 'резать': *leikkua-n* 'я режу', *leikkua-u* 'он режет', *leikat-tu* 'резанный'. Глагол *ampuo* 'стрелять' является повсеместно одноосновным (*ammi-n*, *ammi-u* – *ambu-u*), за исключением тихвинского диалекта, где он перешел в разряд двухосновных: *ammuta*: *ammi-n* 'я стреляю', *ammut-tu* 'застреленный' (KKS, I, 50). В севернокарельских диалектах глагол в значении 'мешать, затруднять' может быть и одноосновным (*haittua*: *haita-n* 'я мешаю'), и двухосновным стяженным (*haitata*:

haittua-n) (KKS, I, 150). Глагол *muata* 'спать' является двухосновным стяженным, поскольку имеет гласную основу с исходом на дифтонг (*maqua-n* 'я сплю'). Тем не менее в силу перехода дифтонга в монофтонг его основа становится иной (*maqa-u, maqa-u*) и глагол находится на пути перехода в разряд одноосновных. К подобным глаголам, являющимся в одних диалектах двухосновными стяженными, а в других одноосновными, относятся и такие, как *kavota* (*katuo-*) и *katuo* (*kavo-, kato-*) (KKS, II, 104, 111) 'потеряться', *halata* (*halkua-*) и *halkuo* (*halo-, halko-*) (KKS, I, 153, 156) 'колоть', *nyhätä* (*nyhtyä-*) и *nyhtie* (*nyhi-, nyhti-*) (KKS, III, 560) 'полоть', *rahita* (*rahiče-, rahiččo-*) и *rahtie* (*rahi-, rahti-*) (KKS, V, 10, 11) 'жалеть', *ruveta* (*rupie-*) и *rupie* (*ruve-, rupe-*) 'приступить', *urpota* (*urpuo-*) и *urpuo* (*уро-, urpo-*) 'утонуть' и другие.

В чем же причина смешения парадигм одноосновных и двухосновных стяженных глаголов в диалектах карельского языка? Почему имеются случаи перехода последних в класс одноосновных глаголов (обратный переход происходит намного реже)? Хотя, как отмечалось ранее, оппозиция названных групп достаточно прочно удерживается. На наш взгляд, этому может быть несколько объяснений. Во-первых, возможно, это связано с тем, что карельский язык до последнего времени существовал в устной форме и не имел своей письменности. Если языку не обучают и он не имеет четко выраженных грамматических правил, закрепленных в опубликованных грамматиках, то в некоторых часто употребляемых двухосновных стяженных глаголах в формах 3 л. ед. числа презенса изъявительного наклонения трифтонг имеет склонность переходить в дифтонг, напр.: *hiän urpuo-u* > *urpo-u*, *maqua-u* > *maqa-u*, *leikka-u* > *leikka-u*, *rupie-u* > *rupeu* и др. Вообще следует отметить, что в диалектах карельского языка наблюдается определенная нестабильность в сохранении окончания 3 л. ед. числа презенса *-u, y*. Он может изменяться, во-первых, в *a, ä, o, ö*, напр.: (Вокнаволок) *käsköö piijoillah lämmitteä kylyn, a holopoilla käsköö hauvan kaivoo kylyn kynnyksen alla* (KKN, III, 121) 'он приказывает служанкам вытопить баню, а холопам вырыть яму под порогом бани'; (Пугозеро) *a tämä palaa ylen viikon* (NKK, I, 164) 'а это горит очень долго', *kačon koira šuolla seizoo* (NKK I, 162) 'смотрю – собака на болоте стоит'; (Паданы) *a se*

koski *matkoo* sezen levehykkäne (NKK I, 177) 'а порог идет такой широкий'; (Тихвин) *mua säräjää* (KKN, I, 105) 'земля и трясется', *lähtöö* toissildana keskimmäine poig Vaska. Tuatto *kyzelöö* (KKO, II, 32) 'на другой вечер идет средний сын Васька. Отец спрашивает'; (Дёржа:) *ken hebzel vedää* (NKK, I, 258) 'кто на лошади возит', *nošatmaa tuloo* (NKK, I, 256) 'он приходит поднимать'; (Сямозеро) *neidine lähtöö* lehmii lypsämäh 'девушка пойдет доить коров'; (Ведлозеро) *mučoileh laskettaa* (KKN, II, 36) 'он жене говорит', *briha pakiččoo* deädälleh blohoslovenjoa (KKN, II, 32) 'парень просит благословенья у своего дяди'; (Видлица) *sit se kuivaa* (KKN, II, 13) 'потом это сено высыхает', *kuivahuu häi jo käbryh menöö* (NKK, I, 331) 'высохнув, она (береста) уже сворачивается'. Во-вторых, имеются случаи, когда к основе глагола с исходом на дифтонг, лично-числовое окончание -и, у вообще не присоединяется, другими словами, формы 3 л. мн. числа презенса выражаются основами глагола, напр.: (Тихвин) *hän magua yön* (OKP, 1980, 250) 'он спит ночь'; (Вокнаволоок) *kun isäntä kotih tulou, nin šehän šiun šyö* (KKN, III, 117) 'когда хозяин придет домой, то он тебя съест'; (Мяндусельга) *šiida (pappi) tuo venčad piähäh* (KKN, III, 10) 'потом (поп) приносит венцы на голову'; (Рыпушкалица) *tulou koalikku, taričeh yökse, magoa yön* (KKN, II, 6) 'приходит странник, просится переночевать, спит ночь'; (Видлица) *häi rubia pygöi lugomah* 'он теперь будет читать'; (Ведлозеро) *moatomh kere elämäh rubio sih* (KKN, II, 40) 'вдвоем со своей матерью стали они жить'. В-третьих, в односложных глаголах окончанием 3 л. ед. числа презенса изъявительного наклонения может выступать -т, которое является окончанием 2 л. ед. числа, напр.: (с.-кар.) *se koira voit purra* 'та собака может укусить', *hiän aina käyt lasta kaččomassa* 'она всегда приходит посмотреть на ребенка'. В данных случаях окончание -и, у не могло присоединиться к основе глагола, поскольку создавалось непроизносимое сочетание из трех гласных фонем. Присоединение окончания -т стало возможным потому, что формы 2 л. ед. числа кроме своего основного значения (отнесенность действия к собеседнику) имеют распространенное переносное значение, а именно обобщенно-личное, напр.: *loitomma panet, nin lähempöä otat* 'подальше положишь, поближе возьмешь', *mitä kylvet, sitä i leikkuat* 'что посеешь, то и

пожнешь'. В тихвинском же диалекте карельского языка в подобных глаголах присоединяется окончание 3 л. мн. числа -h, напр.: *miun tuatto maguah kovašša* (ОКР, 1980, 235) 'мой отец спит в шалаше', *hien jiih kaheksi yöksi sinne* (ОКР, 1980, 237) 'он останется там на две ночи', *hiää rubioh siula sluuzimah verno* (ОКР, 1980, 107) 'он будет служить тебе верно'. Окончание -h передвинулось в сферу функционирования 3 л. ед. числа в силу тех же фонетических ограничений, что и в предшествующем случае. Кроме того, это стало возможным потому, что значения форм 3 л. ед. и мн. числа перекрещиваются: обе имеют обобщенно-личное значение.

Таким образом, в диалектах карельского языка в формах 3 л. ед. числа презенса изъявительного наклонения наблюдаются случаи перехода трифтонгов в дифтонги, напр.: *gurieu > gureu*, *leikkua > leikkau*. Это, в свою очередь, не могло не способствовать тому, что в других формах презенса двухосновных стяженных глаголов вместо дифтонгов стали употреблять монофтонги (*ruve-n*, *ruve-t*, *ruve-mma*, *ruve-tta* и др.). Тем самым глагол вполне может переходить в разряд одноосновных.

Следует отметить, что переход двухосновных стяженных глаголов в группу одноосновных – процесс не новый. Исторически такие переходы в карельском языке и ранее происходили. Так, глаголы типа *viijä* 'отнести', *tuuvva* 'принести', *suaha* 'получить', *suuvvä* 'есть', *luuvvä* 'бить' и четырехсложные глаголы типа *haravoiija* 'сгребать сено', *ahavoiija* 'вялить', *emännöijä* 'хозяйничать' в настоящее время являются одноосновными. Тем не менее ранее они были двухосновными, имея гласную основу (основы) и согласную основу. В них в настоящее время к гласной основе присоединяются негеминированные окончания императива: *vie-kyä* – *vie-giä* 'отнесите', *viekäh* – *vie-gäh* 'пусть он отнесет', *tuo-kua* – *tuo-gua* 'принесите', *tuo-kah* – *tuo-gah* 'пусть он принесет', *syö-kyä* – *syö-giä* 'ешьте', *syö-käh* – *syö-gäh* 'пусть он ест', *lyö-kyä* – *lyö-giä* 'бейте', *lyö-käh* – *lyö-gäh* 'пусть он бьет', *haravoi-kua* – *haravoi-gua* 'сгребайте сено', *haravoi-kah* – *haravoi-gah* 'пусть он сгребает сено', *ahavoi-kua* – *ahavoi-gua* 'вяльте', *ahavoi-kah* – *ahavoi-gah* 'пусть он вялит', *emännöi-kyä* – *emännöi-giä* 'хозяйничайте', *emännöi-käh* – *emännöi-gäh* 'пусть он хозяйничает'. Эти же

самые окончания присоединяются к согласной основе двухосновных глаголов, напр.: *tul-kua* – *tul-gua* 'приходите', *tul-kah* – *tul-gah* 'пусть он придет', *män-kyä* – *men-gjä* 'идите' и др. В собственно-карельском наречии к основам этих же глаголов также присоединяется негеминированное окончание II причастия пассива *-tu, -ty*, напр.: *tuo-tu* 'принесенный', *syö-ty* 'съеденный', *lyö-ty* 'битый', *ahavoi-tu* 'высушенное' и др. Правило, однако, таково, что в одноосновных глаголах к гласной основе присоединяются геминированные окончания и суффиксы *-kkua, -kkyä/kkiä* и *-ttu, -tty*, напр.: *kaččo-kkua* 'смотрите', *keittä-kkyä* 'сварите', *kaččo-kkah* 'пусть он смотрит', *keittääkkäh* 'пусть он сварит', *kaččo-ttu* 'смотренный', *keite-tty* 'сваренный' и др. Другими словами, названные односложные (типа *viijä*) и четырехсложные глаголы (типа *ahavoiija*), являющиеся в настоящее время одноосновными, при спряжении ведут себя как двухосновные. Объяснение этому феномену кроется в том, что эти группы глаголов первоначально являлись не одноосновными, а двухосновными, имевшими гласную и согласную основы, а именно *viijä: vie-, viy-, tuuvva: tuo-, tuuy-, suaha: sua-, saay-, luuvvä: leve-, lev-, haravoiija: haravoiče-, haravoj-, emännöijä: emännöiče-, emännöj-* (см.: Itkonen E., 1949, 34). Упомянутые выше суффиксы первоначально присоединялись не к гласной, а к согласной основе: *viy-kyä, tuuy-kua, saay-kua, lev-kyä, emännöj-kyä, haravoj-kua, viy-ty, tuuy-tu, lev-ty, haravoj-tu, emännöj-ty*. Впоследствии конечные согласные *γ, v* отпали (*γ, v > ø*), а согласный *γ* перешел в гласный *i*, образовав дифтонг *oi, öi*. Эти исторически двухосновные глаголы перешли в разряд одноосновных и в настоящее время являются особыми, поскольку ведут себя в глагольной парадигме подобно двухосновным.

Литература

Зайцева Н. Г. Одна ли лексическая основа у одноосновных глаголов в вепском языке? // Гуманитарные исследования в Карелии. Петрозаводск, 2000. С. 156–163.

Зайков П. М. Грамматика карельского языка. Петрозаводск, 1999.

Зайков П. М. Глагол в карельском языке (грамматические категории лица-числа, времени и наклонения). Петрозаводск, 2000.

- ОКР = Образцы карельской речи / Сост. В. Д. Рягов. Л., 1980.
- ККС I = Karjalan kielen sanakirja. I osa. LSFU XVI, 1. Helsinki, 1968.
- ККС II = Karjalan kielen sanakirja. II osa. LSFU XVI, 2. Helsinki, 1974.
- ККС III = Karjalan kielen sanakirja. III osa. LSFU XVI, 3. Helsinki, 1983.
- ККС IV = Karjalan kielen sanakirja. IV osa. LSFU XVI, 5. Helsinki, 1997.
- ККН I = Karjalan kielen näytteitä / Julk. E. Leskinen. Helsinki, 1932.
- ККН III = Karjalan kielen näytteitä / Julk. E. Leskinen. Helsinki, 1936.
- ККО = Karjalan kielen opas / Julk. J. Kujola. Helsinki, 1922.
- NKK I = Näytteitä karjalan kielestä. I. Joensuu; Petroskoi, 1994.
- Rapola M.* Kantasuomalaiset pääpainottomain tavujen i-loppuiset diftongit suomen murteissa // Suomi IV:17. Helsinki, 1919–1920.
- Pulkkinen P.* Supistumaverbien imperfektityypit Karjala-Aunuksessa // Suomi 113:2. Helsinki, 1968.
- Lehtinen T.* Itämerensuomen verbien historiallista johto-oppia: suomen avajaa, karkajaa-tyyppiset verbit ja niiden vastineet lähisukukielissä // Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksista. 1979. № 169.

Об изобразительных средствах карельского языка

Можно утверждать со всей определенностью, что карельский язык обладает богатейшими средствами выражения мыслей, чувств, настроений. Об этом свидетельствуют уже изданные словари карельского языка: это прежде всего многотомный словарь, издающийся в Финляндии (KKS, I–V, 1968–1974), словари Г. Н. Макарова (Макаров Г. Н., 1990), А. В. Пунжиной (Пунжина А. В., 1994), П. М. Зайкова и Л. И. Ругоевой (Зайков П. М., Ругоева Л. И., 1999), Л. Ф. Маркиановой и Т. П. Бойко (Маркианова Л. Ф., Бойко Т. П., 1996).

Специфические изобразительные средства карельского языка представлены в словарях «Фразеологический словарь карельского языка» (Федотова В. П., 2000), «Краткий фразеологический словарь карельского языка» и словаре «Дескриптивные глаголы в карельском языке».

Материалы указанных словарей свидетельствуют о том, что слово является важнейшим элементом существования, именно поэтому в карельском языке мы находим огромное количество образных метафорических выражений, фразеологическим центром которых является слово *sana*. Во «Фразеологическом словаре карельского языка» отражено более 200 таких фразеологизмов: *sana kielele pürghih* 'хочется сказать' (= слово на язык просится); *ottua oma sana järilleh* 'отказаться от данного слова' (= взять свое слово обратно); *kana (lehmü) müö da sana osta* 'найди вовремя нужное слово' (= курицу (корову) продай, но слово купи); *dielo on kahtel sanal* 'бабушка надвое сказала' (= дело находится на двух словах); *šanalla katkou* 'оскорбляет' (= ломает словом); *peräüdiö šanašta* 'отказаться от слова' (= пятиться от слова); *kaunehet šanat* 'красноречие' (= красивые слова); *mutka|šanat*

'поговорка' (= обходные слова); *šuu šanoja ei valiče* 'слов не выбирает' (= рот слов не выбирает); *halattuo šanua ei šano* 'безмолвствует' (= расколотого слова не скажет); *ristih emmä ole šanua šanon* 'живем в ладу, в согласии' (= не вымолвили слова крест-накрест).

С раннего детства карелы слышали эти высказывания, они были главным средством воспитания: *mitä isä ilmah, šitä poika polveh; šuku šukuo ajau* – в этих выражениях передается ответственность членов семьи за то, какими вырастут дети, букв. что отец (выдает) в мир, то сын передаст следующему поколению, так как один род идет за другим; *vihua ajau tuamo lapsih, kiruou* – здесь в образной форме выражена мысль о том, что недобрые слова воспитывают (= вгоняют зло в детей; *viisahan tuamon tütär on, kun ei ole šuu korvajuurih šuate* 'у умной матери дочь не *полопотая*' (= рот не до ушей); *tuamon šukset on šalmošša* (= материнские лыжи в углу – так подчеркивали сходство детей с родителями по их делам).

Метафорическая фразеология наглядно раскрывает различные стороны человеческого характера, заставляя задуматься вовремя над сказанным словом. Например, если судить по количеству фразеологизмов, то одной из самых отрицательных черт характера является завистливость, тесно связанная с жадностью, алчностью: *još kaimuau katehuš, šie vaikka kuin yrittäisit, nin še kaikki on kun kivešta lohkuamini, niin kun vaštahakua puuhu noušu* (= когда тебя *сопровождает зависть*, за что бы ты ни взялся, все *пойдет тяжело*; это как *откальвание от камня, как карабкание вверх по дереву*). Осуждая завистливость и жадность, карелы говорят: *kaiikičči on hänellä kiät hankona ta silmät haravana* 'у него всегда *руки загребущие* (= руки-вилы) и *глаза завидующие* (= глаза-грабли)'; *ahneh ta kateh ihmini viey toiselta šilmän piästä* 'жадный и завистливый человек' (= *украдет у другого глаз с головы*); с другой стороны, *katehen kattila ei šavo* 'завистник не разбогатеет' (= в кастрюле завистника не станет гуще).

С помощью фразеологизмов учат тому, как вести себя в обществе, на людях: *elä likua yöraikkuaš, jätä puhtahaksi, silloin on kaiikičči silmät kahallah* букв. *не загрязняй место своего ночлега,*

оставь чистым, тогда всегда можешь *быть с открытыми глазами*, т. е. веди себя хорошо, и тогда не надо будет стыдиться.

Большим чувством, глубоким лиризмом проникнуты выражения: *harmi harman hivukšen tuou* 'печаль старит' (= печаль приносит седые волосы); *tulou mieš merentakani, vain ei turpehenalani* (= *вернется человек из-за моря, но только не из-под земли*); *omat tuuhuset hepukkaisella henkүүл'äһ ta malinaisella maikuaһ'äһ* 'родина мила' (= родная земелька пахнет куманикой и вкусом, как малина).

Таким образом, метафорическая, образная фразеология пронизывала всю жизнь во всех ее проявлениях. Приведенные здесь образцы фразеологических единиц свидетельствуют о том, что карельский язык – это развитый язык с точки зрения выразительности. И наиболее ярким изобразительным средством является карельская фразеология.

Лексика с конкретными значениями, находящаяся в центре фразеологизма, позволяет передавать самую широкую гамму абстрактных понятий: *Leipä on kahekši leikattu* 'развелись' (= хлеб надвое разрезан); *še on ruočin šuoššä* 'это далеко' (= это находится в шведском болоте); *istuo ruskiel stuulal* 'бездельничать' (= сидеть на красном стуле); *unahtua kiveksi* 'забыть напрочь' (= забыть в камень); *viärän koivun kautti on oma* 'он чужой, не свой' (= через кривую березу – свой); *smuttie kullin kielin* 'соблазнять' (= смущать золотым языком); *on kirpun koivien nylkijä, skuiрра* 'скряга' (= настолько скупой, что у блохи с ноги шкуру спустит).

Особой выразительностью обладает карельская соматическая фразеология. Метафорические выражения, фразеологическим центром которых являются понятия, связанные с человеком, с его душой, умом, с его наружными и внутренними органами, – это наиболее конкретное и поэтому доступное для усвоения выражение мыслей и чувств: *mavon šyömän һamраһan riäһ panen* 'буду помнить всегда' (= на зуб, изъеденный червяком, положу); *kannella kielie* 'сплетничать' (= носить языки); *piäššä kynsistä* 'освободиться' (= вырваться из когтей); *jalloil on luajittu* 'сделано плохо' (= сделано ногами). В соматической фразеологии, как видно из приведенных примеров, чаще всего в центре фразеологизма находится наиболее характерная деталь, связанная с содержанием высказывания.

Метафорическая фразеология является наиболее ярким лингвистическим выражением эмоций. Если нужно смягчить прямое значение высказываемого, используется более соответствующее ситуации обходное выражение: *šuaattua maah* 'проводить в землю' вместо *hauvata* 'похоронить'; *on aisašta piällicči hyrännyt* 'она родила внебрачного ребенка' (= через оглоблю перепрыгнула); *ikä on illašša* 'старик' (= век к вечеру); *halla vačas* 'тоска' (= заморозок в сердце).

Обратный эффект получается, когда значение усиливается путем огрубления, вульгаризации ситуации: *händeä išköy* 'распутничает' (= бьет хвостом); *luzikka luudu, toine rabua* 'тщедушный человек, мешок костей' (= ложка костей, вторая – грязь).

Антонимические слова одного класса в метафорическом комплексе создают определенное настроение: *ei ole kielläjä, ei käskijä* (= нет ни запрещающих, ни велящих). Фразеологизм раскрывает различные аспекты самостоятельности человека.

Нередко в карельском языке фразеологизм выражен описанием с помощью предложения, которое в прямом смысле алогично, но фразеологическое его значение обладает наглядностью и выразительностью: *piessalta piän leikkua ta toisella liittäy* 'изворотливый' (= у беса голову отрезет и другому приставит); *eletäh kun viimeistä päivyä ta sitäki iltapuoleh* 'живут бездумно' (= живут, как последний день, и тот к вечеру); *keski kämmenez on peigalo* 'неумеха' (= посреди ладони находится большой палец); *mušta jumalakse, pieni pirukše* 'не годится' (= черен для бога, мал для черта).

Нередко в карельской фразеологии используется приписывание неодушевленному предмету свойств или действий одушевленного: *andua hännällä valdua* 'распутничать' (= дать волю хвосту); *riehtilä rōngähtäy* 'готовится угощение' (= сковорода рявкнет); *istuja d'engu* 'деньги в запасе' (= сидящая деньгá); *jalgu soittau* 'бойкий' (= нога играет, музицирует); *d'oga aida hamba-staw* 'все судят' (= каждая изгородь ругает).

Опредмечивание отвлеченного понятия при сложении фразеологического значения создает выразительность, наглядность изображаемого явления: *osa on niin aštun* 'было тяжело' (= доля так шагала); *oža ei ole muannun* 'удачливый' (= счастье не спало); *mieli on vilahtan* 'влюбился' (= душа метнулась); *mieli mettä keittäy*

'радостно' (= душа мед варит); *riähkä|värčči* 'грешник' (= мешок с грехами); *hikiset päivät* 'тяжелая работа' (= потные дни).

Близкими к метафорической фразеологии с точки зрения их выразительности являются глагольно-глагольные словосочетания, в составе которых находятся дескриптивные глаголы, дающие звучанием и значением определенную, точную характеристику действию или процессу, выраженному глаголом с известным нейтральным значением. Такие глаголы характерны для всех финно-угорских языков.

Дескриптивные, описательные, глаголы в карельском языке делятся на две группы. В одной находятся глаголы, которые к настоящему времени утратили свои значения, и осталось нечто неуловимое, которое в сочетании с глаголом конкретного значения с наибольшей точностью передает выраженное им действие или процесс: дескриптивный глагол *čopottua* в сочетании с глаголами известных значений выражает действие (процесс), которое определяется как спокойное, неторопливое: *aštuo čopottua* 'вышагивать'; *eliä čopottua* 'жить-поживать'; *istuo čopottua* 'посиживать'; *kerätä čopottua* 'собирать не спеша'; *ruadua čopottua* 'работать не спеша, ковыряться'.

Глагол *čällätä* обозначает глагольное действие, которое в сочетании с глаголом конкретного значения определяется как совершающееся плохо, кое-как: *leikata čällätä tukat* 'остричь волосы кое-как, обкорнать'; *niittää čällätä* 'скосить кое-как'; *ommella čällätä* 'сшить кое-как, скропать'; *pestä čällätä* 'вымыть кое-как, всполоснуть'; *revustua čällätä* 'заляпать'.

Вторую группу составляют дескриптивные глаголы, которые и самостоятельно имеют определенные конкретные значения. Это прежде всего звукоподражательные глаголы, которые копируют различные звуки: глагол *račkuttua* 'хрустеть; громохатать'; действие в глагольно-глагольном словосочетании характеризуется как энергичное, происходящее с хрустом и треском: *račkuttua sormii* 'хрустеть пальцами'; *astuo račkuttua* 'ходить со скрипом'; *katkuo račkuttua* 'хрястать'; *sugie račkuttua* 'скрести расческой'; *süvvä račkuttua* 'есть с аппетитом (есть с хрустом)'.

В составе дескриптивных глагольно-глагольных словосочетаний используются также глаголы, которые и самостоятельно

обладают изобразительными свойствами: глагол *ravahuttua* 'отхватить, оттяпать' в сочетании с глаголами нейтрального значения характеризует действие как происходящее энергично, быстро, внезапно: *ajua ravahuttua* 'промчатся'; *iškie ravahuttua* 'хлестнуть'; *jättyä ravahuttua* 'оставить внезапно, бросить'; *kivistiä ravahuttua* 'внезапно заболеть'; *kylmii ravahuttua* 'быстро застыть, схватиться льдом'; *ottua ravahuttua* 'взять вдруг, схватить'; *soittua ravahuttua* 'внезапно заиграть на все лады'.

Карельский язык, письменность и литературный язык которого возрождаются в настоящее время, имеет богатейшие выразительные возможности, и дело за тем, чтобы талантливые люди использовали это богатство, зафиксированное теперь в словарях, о которых говорилось выше. Те же, кто не знает карельского языка, имеют возможность познакомиться с живостью и красотой карельской речи через переводы, которые мы старались сделать максимально понятными для любого читателя, интересующегося языком и жизнью карел.

Литература

Зайков П. М., Ругоева Л. И. Карельско-русский словарь. Петрозаводск, 1999.

Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск, 1990.

Маркианова Л. Ф., Бойко Т. П. Карельско-русский словарь (ливвиковское наречие). Петрозаводск, 1996.

Словарь карельского языка / Сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск, 1994.

Федотова В. П. Дескриптивные глаголы в карельском языке: Словарь. Петрозаводск, 2002.

Федотова В. П. Фразеологический словарь карельского языка. Петрозаводск, 2000.

Федотова В. П. Краткий фразеологический словарь карельского языка. Петрозаводск, 2001.

KKS = Karjalan kielen sanakirja. I osa. 1968; II osa. 1974; III osa. 1983; IV osa. 1993; V osa. 1997. Helsinki.

**Лексико-семантическая группа
финских глаголов звука:
проблема комплексного описания**

Если мы откроем первый том толкового словаря *Nykysuomen sanakirja* на странице 470, то вместо толкования слова **hilistä** обнаружим ряд синонимов: *helistä, hilahdella, ritistä* и немногочисленный список иллюстраций. Аналогичным образом будет представлен глагол **havista** 'шуметь, шуршать' (о листьях, крыльях) (перевод и пометы из Финско-русского словаря, 1977): *kahista, suhista, humista* с примерами. Любопытно, но для глагола **kahista** 'шуршать, шелестеть' толкованием служат *havista, rahista*. Кроме синонимических толкований в словаре довольно часто можно встретить отсылки к другим лексемам (через помету *virt.*) без каких-либо комментариев. Например, **rämpsähtää** 'треснуть, хрустнуть' – *virt. rämähtää, gumähtää, rumahtaa, lonskahtaa*. Читатель, пожелавший узнать, чем разнятся эти глаголы, окажется в затруднительном положении, поскольку оба способа толкования (и синонимический, и сравнительный) образуют замкнутый круг со скрытым внутри него значением. Тем более не удовлетворяет такое толкование иноязычного читателя, который не в состоянии интуитивно ощутить оттенки значений и особенности употребления этих глаголов. Однако стоит отдать должное упомянутому словарю: значения некоторых других глаголов расписаны подробно и ясно. Примером тому может служить глагол **röhistää** 'хрипеть' с обстоятельным толкованием *henkitörvessa tai ilmatiehyissä olevan liman tai muiden esteiden johdosta hengitettäessä kuuluvasta römeästi rahisevasta äänestä; myös muusta sellaista muistuttavasta ääntelystä*.

К сожалению, такая непоследовательность является недостатком не только словаря *Nykysuomen sanakirja*, но и многих других

толковых словарей. Эта проблема давно знакома лексикографам, и для ее решения требуются иные подходы к описанию значений.

Как известно, значения слов представляют собой комбинации элементарных компонентов смысла. На этом представлении о природе смысла основан метод компонентного анализа, который применяется в первую очередь в лексической семантике для описания лексических значений. Его суть – последовательность процедур, которая ставит в соответствие каждому слову определенным образом организованный набор семантических компонентов.

Ономатопозитические и звукоизобразительные слова давно привлекают лексикологов. Интересующие нас глаголы звучания характеризуются яркой денотативно ориентированной семантикой, поскольку тесно привязаны к миру объектов, производящих звуки, и их объективным характеристикам – высоте тона, громкости и т. п.: *kilistä* 'звенеть, звякать, брнчать' отличается от *kahista* 'шелестеть, шуршать' характером источника (металл, стекло $\neq$ листья, ткань, бумага), т. е. твердый, тяжелый и прочный материал – *kilisee*, а мягкий, легкий и гибкий – *kahisee*, различаются они и характером звучания (серия ударов $\neq$ трение). Кроме того, не менее важную роль в оформлении значения глаголов звучания играет концептуальная (сигнификативная) составляющая, так как способы членения мира звуков зависят не только от объективных характеристик звуковых единиц (акустических параметров, причин возникновения звука и т. п.), но в той или иной степени определяются этноспецифической картиной мира, присущей данному языку. Слышим мы все одинаково, однако окружающий мир различными людьми воспринимается не совсем одинаково. Например, голос чайки финн воспринимает как немелодичный, неприятный звук и обозначает его глаголом *kirskua* 'скрежетать' (*saranat, jarrut, lasipalaset kirskuvat ja lokki kirskuu*), русский же не слышит в этом звуке ничего неприятного (или, по крайней мере, не выражает своего отношения) и пользуется абсолютно нейтральным глаголом **кричать** (*чайка кричит*). Именно поэтому глаголы с семантическим компонентом 'звук' часто представляют трудность для перевода. Как правило, чем менее существенны объективные характеристики звука для выбора лексем, тем большую роль играют собственно концептуальные,

сигнификативные противопоставления: **helistä** 'pitää heleää ääntä, soida heleästi, helkkyä, helskyä' ('звенеть') и **rämistä** 'pitää' erämiellyttävän särähtelevää, rämeää hälyä' ('дребезжать') отличаются, например, по таким параметрам, как чистота и мелодичность звука. Среди глаголов звука есть и такие, ядерная семантика которых не содержит почти никаких указаний на характер звука, отражая его концептуализацию или оценку. Например, **hälistä** 'шуметь, галдеть' (*Väkijoukko hälisee. Iloinen lapsilauma, vecarat hälisevät*) – характер звука не определяется. Глаголы **jymistä** 'грохотать, громыхать (гулко, глухо)' и **romista** 'грохотать, барабанить' имеют в качестве одного из компонентов значений оценку обозначаемого действия как слишком громкого или в некоторых употреблениях нежелательного (*Koneet jymisivät. Ukon ääni jymisi. Tykit, koski, ukkonen jymisee; Raudat romisevat. Peltikatto romisee rankkasateessa*).

Глаголы звука образуют поле, центр которого формируется «идеальными» глаголами звука типа **helistä, kolista, risahtaa, sihistä** и т. п., а периферия заполнена глаголами с семантическим компонентом 'звук', который, однако, не образует вершину (исходный пункт) толкования: **mätkähtää** 'isohkosta esineestä: pudota, kaatua, töksähtää jhk niin että syntyy pehmeähkö ääni' ('шлепнуться'): *Istua mätkähti tuoliin. Lunta mätkähti hänen kädestään matolle; romahtaa* 'загреть': *Hän romahti pitkin portaita. Eräänä aamuna se (sairas hevonen) oli noussut horjuen pystyyn ja romahtanut sitten takaisin polvilleen* (Seppänen). У последнего глагола авторы словаря *Nykysuomen sanakirja*, однако, выделили два значения, первое из которых имеет помету ономотопа, а другое включает в себя компонент звука опосредованно, через основное действие 'упасть, обрушиться, разрушиться'. То есть в одном значении глагол звука может быть «идеальным», а в другом отклоняться от этого семантического канона. Периферийные глаголы звука входят одновременно и в другие лексико-семантические группы: *Kaukana rätisevät rattaat / Kärryjä rätisi* (=kulki rätisten) *pitkin maantietä* (Aho). *Kynttilä rätisi* (=paloit rätisten) *loppuaan kohti* (Heror.). В первом примере реализуется в первую очередь значение звукового глагола, а в следующих это значение уходит на периферию и основным становится значение движения, переме-

щения. [Русские примеры: *Тарахтеть через всю деревню на тракторе* (движение).]

Данный лексический пласт можно описывать как с диахронических, так и с синхронных позиций. Многие слова, сейчас не осознаваемые как звукоподражания, имеют оноματοпозтическую природу. Б. А. Серебренников называет это явление «забвением первоначальной этимологии слова» (Серебренников Б. А., 1977, 180). Например, глагол **puhua** некогда имел значение 'дуть' и лишь позднее получил значение 'говорить'; **sirkka** 'сверчок' – изначально это было подражанием звуку, издаваемому этим насекомым. Это закономерный и естественный процесс развития языка. Несмотря на обилие историко-лексикологических работ, современное состояние этой лексики остается почти не исследованным из-за неразработанности общей теории звукоизобразительности. Конечно, яркая фонетическая окраска, выделяющая эту группу из общего словаря, подталкивала исследователей к описанию особенностей фонетической мотивированности финских ономатопов (Anttila R., 1976; Palm M., 1966; Ravila P., 1952), но семантическая сторона и прагматический аспект оставались долгое время без внимания. Дескриптивная лексика считается особым «украшением» финского языка и уральских языков вообще (Hakulinen L., 1979; Anttila R., 1976).

Можно наметить несколько путей исследования финских оноματοпозтических глаголов в частности и глаголов звучания в целом:

- комплексное описание предполагает выработку толкований для глаголов звука и анализ системных отношений между словами данного семантического поля: построение и описание синонимических рядов глаголов звучания, определение круга конверсивов, дериватов, аналогов. Для этих целей предполагается использование принципов лексико-семантического анализа, разработанных Московской семантической школой, таких как *интегральность* (т. е. описание лексики в комплексе с достаточно общими правилами данного языка, среди которых семантические, прагматические, коммуникативные и иные правила организации содержания текстов), *активность* (т. е. содержание наиболее исчерпывающей информации о лексеме, необходимой как для понима-

ния ее в любом тексте, так и для правильного употребления данной лексики в речи говорящего), *системность* (т. е. описание лексики как элемента определенного лексикографического типа или типов), установка на отражение языковой, или «наивной», картины мира (означает, что при описании того или иного лексикографического типа надо стараться увидеть определенный фрагмент некоего общего взгляда на мир, присущего данному языку, и учитывать это особое мировидение, которое может сильно отличаться как от научной картины мира, так и от способов видеть мир, свойственных иным языкам);

- практической задачей предполагаемого исследования может быть критический анализ лексикографической подачи глаголов звука в толковых словарях финского языка, а также подготовка статей для интегрального словаря финского языка (в котором словарная информация – значение – согласуется с грамматическими и иными правилами) и объяснительного словаря синонимов финского языка. Традиционный словарь синонимов не дает пользователю представления о значении каждого члена синонимического ряда, о семантических оттенках и синтаксических особенностях синонимов. В синонимическом словаре А. и П. Лейно (Leino A., Leino P. *Synonyymisanasto*, 1996) для глагола *suhista* 'шуметь, шипеть, жужжать' предлагается такой ряд: *havista, humista, kohista, pauhata, sihistä*, но если *käärme* 'змея' или *kärpänen* 'муха' могут *suhista*, то могут ли они, например, *pauhata* 'шуметь, грохотать, греметь' или *kohista* 'шуметь, бушевать, бурлить' (опыты очень тонкого и полного описания синонимических рядов со значением 'звук' представлены в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» под ред. Ю. Д. Апресяна (1995);
- для глаголов звучания может быть составлена «грамматика сочетаемости». Построение такой грамматики предполагает классификацию типов субъектов и других участников ситуации (актантов), которая описывается глаголом звука. Такая «грамматика сочетаемости» может быть существенным подспорьем для построения модели парадигмы регу-

лярной многозначности глаголов звучания, которая позволяла бы предсказывать пути развития лексической семантики глагольного слова и фиксировать отклонения от стандарта. Такого рода работа выполнена на материале русских глаголов звучания Е. В. Падучевой (Падучева Е. В., 1998). Анализ могут быть подвергнуты, например, такие варианты употребления глаголов звука: *Silkki kahisee – Naiset kahisevat silkissä* или *Korvissa humisee – Korvat humisevat*;

- глаголы звучания могут быть рассмотрены и как особая разновидность знаков – знаки-иконы (Anttila R., 1976), знаки, самой структурой своего означающего репрезентирующие какие-то существенные признаки означаемого. Звукоподражательная основа многих глаголов звучания делает их привлекательным объектом для фоносемантики. Сопоставление финских глаголов звука с глаголами других языков может привести к определению претендующего на универсальность списка наиболее «естественных» фонем, описывающих различные типы звуков. Выбор звукокомплекса для таких слов не вполне устойчив, но и не произволен. Исследователи не раз отмечали среди фонетических особенностей этих глаголов чередование гласных, особенно в первом слоге. Например, глаголы *kalista – kilistä – kolista – kulista* 'стучать, лязгать, греметь, брякать, звенеть' обозначают звук, сопровождающий удары относительно тяжелых предметов друг о друга, но различия по тембру этого удара будет передавать чередующаяся гласная. *Kilistä* или *kulista* обозначает более высокий и мелодичный звук, нежели *kolista* или *kalista*. Считается, что узкие гласные (*i* и *u*) используются в глаголах, обозначающих более тихий звук, а широкие (*a* и *ä*), наоборот, громкий и даже иногда неприятный звук: *hilistä* 'звенеть, петь'; *hulista* 'журчать'; *hälistä* 'шуметь, галдеть'; *risahtaa* 'треснуть, хрустнуть, скрипнуть'; *räsähtää* 'громко, неприятно хрустнуть, треснуть'; *piristä* 'звенеть, шипеть'; *päristä* 'трещать, дребезжать'. Чередование согласных также меняет значение: *kiristä* 'тихо скрипеть, поскрипывать, пищать' и *niristä* 'скрипеть, тихо хрустеть' передают звук, сопровождающий трение твердых предметов, а *piristä* 'не-

громко звенеть, дребезжать' – дрожащих металлических или стеклянных (*Hampaat, ovi kirisevät. Hanki kirisee suksien alla / Hiekka nirisee anturan alla / Soittokello pirisee*) (см.: Sivula J., 1989, 180–181). Таким образом, любые фонетические чередования влекут за собой изменения в семантике и эти изменения носят систематический характер.

Литература

Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.

Падучева Е. В. Парадигма регулярной многозначности глаголов звука // Вопросы языкознания. 1998. № 5. С. 3–24.

Серебренников Б. А. Номинация и проблема выбора // Языковая номинация (Общие вопросы). М., 1977. С. 147–187.

Anttila R. Affektiivis[-deskriptiivis-onomatopoeettis]ten sanojen asema kielen merkityssysteemissä // Virittäjä. 1976. № 1. S. 126–132.

Hakulinen L. Suomen kielen rakenne ja kehitys. Helsinki: OTAVA, 1979.

Leino A., Leino P. Synonyymisanasto. Keuruu: OTAVA, 1996.

Nykysuomen sanakirja. I–VI. Helsinki; Porvoo, 1992.

Palm M. Deskriptiiviverbiemme kompositiosta // Virittäjä. 1966. № 4. S. 382–385.

Ravila P. Onomatopoeettisten ja deskriptiivisten sanojen asema kielisysteemissä // Virittäjä. 1952. № 4. S. 262–274.

Sivula J. Deskriptiiviset sanat // Nykysuomen sanavarat. WSOY. Porvoo; Helsinki; Juva, 1989. S. 165–182.

Suomalais-venäläinen sanakirja / Toim. V. Ollikainen, I. Salo. М., 1977.

**Опыт лингвистической классификации
православной лексики финского языка
в контексте формирования
христианского тезауруса**

Христианство пришло на территорию Финляндии вместе с мощным потоком духовной и материальной культуры. Церковно-книжная традиция сыграла известную роль в формировании финского литературного языка. Причем нормы старофинского языка вырабатывались в основном в процессе переводческой деятельности.

Языковая норма находится в непосредственной зависимости от изменений в социальной сфере, и наиболее проницаемой для внешних воздействий является лексическая система, поскольку область лексики моделирована слабее, чем область грамматики или фонетики. Именно поэтому лексическая система языка находится в «открытом» состоянии, т. е. в постоянном предрасположении к инновациям. Необходимость номинации новых реалий в общественной жизни приводит к появлению новых понятий, к обогащению и обновлению словарного состава языка. С приходом христианской веры на территорию Финляндии в процессе приобщения народа к христианской традиции и обряду ревнители и проповедники христианства активизировали все возможности языка для выражения того многообразия понятий, с которыми они столкнулись в процессе перевода Библии.

Как Мартин Лютер, осуществивший перевод Библии на немецкий язык, стал основателем литературного немецкого языка, так и литературный финский язык начинается с М. Агриколы, с его перевода Библии на финский язык. До М. Агриколы финская письменная традиция успела затронуть лишь незначительную часть всего многообразия понятий, с которыми пришлось столкнуться

М. Агриколе в процессе перевода Библии. На его долю выпало обогатить не только финскую культуру, предоставив ей многовековое христианское наследие, выраженное средствами родного языка, но и финский язык, изобретая совершенно новые изобразительные средства для передачи содержания библейских текстов. По сути, М. Агриколе пришлось выступить в роли языкотворца.

Появление новых реалий, более высокая степень общественного развития, усиление языковых контактов, становление и развитие общезинского литературного языка – все это внешние, экстралингвистические причины, которыми объясняется существенный прогресс в развитии лексической системы финского языка в данный период.

В силу исторических причин христианство на территории Финляндии представлено как восточной, так и западной его ветвями. Ведь миссионерская деятельность христианской церкви на территории Финляндии проходила в условиях постоянного соперничества между русской православной церковью и сначала (до XVI века) католической, а затем лютеранской церковью Швеции. Это не могло не отразиться на особенностях христианской лексики финского языка, где ряд терминов христианской культуры представлен словами, имеющими отличные друг от друга эквиваленты, каждый из которых адекватен либо только для лютеранской, либо только для православной традиции. Например, *apotti* (<древнешвед. *abboti*<ср. лат. *abbas*<греч.<арам. 'отец, монах') 'настоятель лютеранского монастыря, аббат' и *igumeeni* (<русск. 'игумен'<греч.) 'настоятель православной обители, игумен', *messu* (<древнешвед. 'церковный праздник'<лат. 'богослужение') 'лютеранское богослужение' и *liturgia* (<русск. 'литургия'<греч. 'всеобщее служение') 'православное богослужение'; в православной традиции церковный хлеб называют *prosofa* (<греч. 'предложение, подношение'), а в лютеранской *oblaatti* (<швед. *oblat*<пасс. прич. от гл. *offere* 'предлагать, подносить'). И обратный случай, когда для лексемы финского языка находится два эквивалента в русском языке. Например, слово *diakoni* в православной традиции означает 'диакон' (слово было заимствовано из русского языка, куда в свое время оно пришло из греческого) – лицо, проходящее церковное служение на низшей ступени свя-

щенства, а в лютеранской традиции так называют брата милосердия (социального работника), и в данном случае слово пришло из современного шведского, в шведский – из латыни, а в латынь – из греческого языка. В православном лексиконе существует целый ряд терминов, и вовсе отсутствующих в лексике, используемой лютеранами, поскольку понятия, обозначаемые данными лексемами, незнакомы лютеранской традиции: *vanhaus-koinen* (калька с русского эквивалента) 'старовер', *vihkikruunut* 'венцы', *skiitta* (<русск.<греч) 'скит', *katabaasi* (<греч. 'снижение, спускание вниз') 'катавасия' – название заключительного гимна православного канона. И напротив, слова, обозначающие чуждые православной церкви понятия, но входящие в лексикон лютеран: *paispappi* 'женщина-священник', *piispanrouva* 'жена епископа', *adventti* 'адвент'. Таким образом, свод понятий и реалий в православной традиции отличается от лютеранского, следствием чего и являются различия в лексике православия и лютеранства. Выявление своеобразия данного пласта лексики может получить свое развитие только в контексте истории становления религиозных течений в данном регионе.

Первый православный текст на финском языке появился в 1780 году. Это было краткое, всего в два десятка страниц, издание православного катехизиса, предназначенное для знающих грамоту православных финнов. Это был перевод с русского языка, выполненный настоятелем лютеранского прихода Сортавалы, пробстом Самюэлем Алопазусом. Перевод был выполнен по заказу духовного капитула Порвоо и одобрен Санкт-Петербургским архиепископом. Всего в период с 1780 по 1860 год вышло четыре православных издания. И только после 1860 года православная литература начала появляться ежегодно (Makkonen H., 1999).

Православная лексика финского языка в значительной степени пополнилась в конце XIX – начале XX века благодаря переводам православных текстов, выполненных Сергеем Окуловым, основателем братства Св. Сергея и Германа, его заслугой является появление православного вестника «*Aamun Koitto*». Существование финской православной церкви как национального института считается заслугой Сергея Окулова. Благодаря его деятельности, православная церковь в трудные для Финляндии годы борьбы за

автономию не стала орудием в руках русского правительства в его стремлении русифицировать православных финнов. Известно также, что Сергей Окулов работал над созданием греко-славяно-финского словаря, но записи пропали во время зимней войны (Parrukoski H., 1981). В 70–80-е годы XX века словарь православной лексики снова активно пополняется благодаря новым переводам греческих и церковно-славянских текстов (Helsingin mitropoliitta Johannes, 1979). В процессе перевода возникала потребность создания целого пласта лексики терминологического характера, доселе не получившей развития.

Лингвистический анализ православной лексики финского языка позволит нам выявить закономерности, управляющие лексической системой в целом, даст возможность для постижения национально обусловленных особенностей отражения действительности в языке и, наконец, позволит установить, как нашли свое воплощение в языке понятия и реалии, привнесенные христианской культурой. Обрядовый термин несет в себе информацию о культуре народа и его традициях, поскольку слово, будучи центральной единицей языка, служит основным накопителем и хранителем культурно-исторической информации. Но все-таки наиболее полное представление о том или ином аспекте внеязыковой действительности дают лексико-семантические группы слов. Можно выделить следующие лексико-семантические группы, связанные с православием:

1) термины, называющие обрядовые акты, например: *saiganaivoitelu, voitelu* 'елеопомазание, соборование', *siunaaminen* 'благословение', *mirhavoitelu* 'миропомазание', *vigilia* 'всенощная';

2) глаголы, обозначающие обрядовые действия, такие как *ripittää* 'исповедовать', *suitsuttaa* 'кадить', *veisata* 'петь духовные песни', *vihkiä* 'венчать, посвящать', *vihmoa* 'кропить', *voidella* 'совершить помазание', *paastota* 'говеть';

3) названия исполнителей обрядовых действий: *piispa* 'архиерей', *arkkimandriitta* 'архимандрит', *diakoni* 'диакон', *rippi-isä* 'духовный отец', *munkkikokelas* 'послушник';

4) лексика, называющая материальные компоненты обряда:
а) ритуальные предметы, например: *käsiristi* 'напрестольный крест', *suitsutuspihka* 'ладан', *vihmin* 'кропило', *voiteluöljy* 'елей';

б) облачения священников: *sakkos* (греч. 'мешок') 'верхнее облачение епископа, саккос', *mitra* 'головной убор епископа и архимандрита'; в) церковная утварь: *tuohus* 'восковая свеча', *uhripöytä* 'жертвенник', *muistelupöytä* 'канун', *suitsutusastia* 'кадило'; г) церковные постройки и их элементы: *skiitta* 'скит', *alttarihuone* 'алтарь', *ryhä portti* 'царские врата', *pokosta* 'погост', *tapuli* 'колокольня', *liekkikupoli*, *sipulikatto* 'купол', *kuorolava* 'клирос';

5) календарная лексика: *helatorstai* 'Вознесение Христово', *helluntai* 'Пятидесятница', *Taivaaseenastumispäivä* 'Вознесение, Успение', *Temppeliinkäynti*, *Temppeliinkäyminen* 'Введение во Храм, Сретение', *Praasniekka* 'престольный праздник', *Palmusunnuntai* 'Вербное воскресенье', *suuri raasto* 'великий пост';

6) библейская лексика: *uletä* 'вознестись', *ylösnousu*, *ylösnousemus*, *ylösnouseminen* 'воскресение', *serafi* 'серафим', *vanhurskas* 'праведник', *vertaus* 'притча', *Öljymäki* 'Елеон, Елеонская гора, Масличная гора';

7) названия сверхъестественных сил: *suojelusenkeli* 'ангел-хранитель', *suojeluspyhimys* 'святой-покровитель', *ylienkeli*, *arkkienkeli* 'архангел';

8) традиционная и обрядовая пища: *pasha* 'пасха', *hautajaispuuro* 'кутья', *antidora* (<греч. *vastalahja*) 'антидор', *prosfora* 'проскомидия, просфора'.

Как уже было сказано, появление нового понятия или реалии в общественной жизни требует номинации. Значительную группу обрядовых терминов в православной лексике финского языка представляют заимствования. Лексика, общая для православия и лютеранства, включает в себя древние славянские заимствования, традиционно относимые к наиболее раннему пласту христианской терминологии: *rakana* (заимствовано русским из латинского через посредство греческого и старославянского; в латинском языке *raganus* значило 'деревенский, сельский', а метонимический сдвиг 'сельский' > 'нехристианский' произошел еще в латинском языке, отразив первоначальное распространение христианства в Римской империи в среде горожан) (Савельева Л. В., 1997, 104), *risti* (старославянское *кръсть* этимологически восходит к германскому *Christus*) (Савельева Л. В., 1997, 117), *kuoma* (слав. 'кума, кум'), *Raamattu* (<слав. 'грамота' <греч.), *rippi* (<слав. 'поп');

заимствования, встречающиеся уже в текстах М. Агриколы: *hurskas* 'набожный, благочестивый', *laupias* 'милосердный', *lunastaa* 'искупать', *relastaa* 'спасать', *siunata* 'благословлять', *kunnia* 'честь', *armo* 'милость'; заимствования из шведского: *enkeli* 'ангел' (в шведский пришло из латыни), *helvetti* 'ад, преисподняя', *helluntai* 'Пятидесятница' (<швед. 'святой день'), *kaapu* 'ряса', *kalkki* 'чаша для причастия' (швед.<лат. *calyx* 'чаша') (Rapola M., 1962, 62).

В лексике православия пласт заимствований представлен в основном словами греческой, латинской и славянской (церковнославянской и русской) этимологии: из греческого пришли: *sakkos* (греч. 'мешок') 'верхнее облачение епископа, саккос', *profeetta* 'пророк', *panihida* (<греч. 'всеношная') 'панихида', *marttyuri* 'мученик'; из латинского: *vigilia* < лат. 'ночная служба', *orari* < лат. 'полотенце'; 'орарь'; из славянского: *klobukki* 'клобук' (<от глагола 'нахлобучить'), *tsasouna* 'часовня', *praasniekka* 'престольный праздник'. Лексемы этой группы функционально ограничены, относятся главным образом к религиозно-обрядовой сфере, тяготея к наименованиям терминологического характера.

Часть культурной лексики усваивается языком в ее этимологически первоначальной фонетической форме, лишь в необходимой степени приспособляясь к фонетической и морфологической системам языка. Несколько иной характер заимствований представляют собой лексические кальки или слова, созданные по иноязычной словообразовательной модели с использованием собственного языкового материала: *ihmeidentekijä* 'чудотворец' (русский эквивалент термина является калькой с греческого), *kahdeksansävelmistö* (от греческого 'восьмигласник') 'октоих', *kolme(i)yhteinen* 'триединый', *käsintekemätön* 'нерукотворный', *vanhauskoiset* 'староверы'.

Неологизмы, создаваемые в качестве субститутов иностранных слов с использованием средств финского языка, закономерно оформляются согласно характерным для него способам словообразования. Современная лексикология выделяет несколько способов образования лексических единиц:

- 1) Морфологический и морфолого-синтаксический способы.

Богатая суффиксальная система финского языка сделала возможным восприятие всего международного лексического богатства. Путем суффиксации были образованы следующие лексемы: *rapisto* 'духовенство' (при помощи собирательного суффикса -*sto*), *raholainen* 'бес, лукавый' (посредством продуктивного суффикса -*lainen*, с помощью которого образуются существительные со значением лица); отглагольные существительные со значением действия-процесса: *palvonta* 'поклонение' (при помощи суффикса -*nta*), *ristiminen* 'крещение', *raastoaminen* 'говенье' (при помощи суффикса -*minen*), *ylösnousemus* 'воскресение' (при помощи суффикса отглагольных существительных со значением действия или результата действия -*mus*); отглагольные существительные со значением субъекта действия: *palvelija* 'служитель', *pelastaja* 'спаситель' (при помощи суффикса -*ja*); со значением орудия, средства: *vihmin* 'кропило' (от глагола *vihtoa* при помощи суффикса -*in*).

2) Словосложение, при котором новые слова создаются путем объединения в одном слове двух или более слов или словоформ: *enkeli joukko* 'сонм', *pyhimyskehä* 'нимб', *jouluaatto* 'сочельник'.

3) Лексико-синтаксический способ словообразования, при котором новые слова рождаются в результате лексикализации словосочетаний: *ylösnousemus*, *henkiinherääminen* 'воскресение', *ristiinnaulita* 'распять', *pyhiinvaeltaja* 'паломник'.

4) Лексико-семантический.

В развитии языка важную роль играют не только его пополнение неологизмами, но и изменения в семантике старых слов. Потребность в новых средствах для выражения мысли удовлетворяется за счет переосмысления известных лексем. Часто неизвестное в литературном языке диалектное слово получало новую семантику, относящуюся к области обозначений новых идеологических представлений, и становилось названием заимствованного международно известного понятия. Так, например, М. Агрикола ввел в литературный язык целый список диалектных слов, наделив их новыми значениями, привнеся таким образом в семантику этих слов новый культурный компонент. Например, лексемы *hurskas* 'набожный, благочестивый' и *neitsyt* в сочетании *Neitsyt Maria* (Дева Мария) М. Агрикола заимствовал из юго-западных диалектов финского языка (Rapola M., 1962, 54).

Интересно проследить, как некоторые языческие термины, претерпев семантическую трансформацию, превратились в термины христианства, сохранив при этом в традиционном народном сознании и прежнюю семантику. К словам, относящимся к терминологии язычества, семантика которых развилась по схеме языческий>христианский, относится лексема *pyhä*. В новом этимологическом словаре финского языка (SSA, 1995, 448) в статье к данному слову тезис Койвулеhto о германском происхождении лексемы *pyhä* снабжен знаком вопроса и здесь же дается указание на собственно-финскую этимологию, выдвинутую Е. Н. Сетяля и Л. Хакулиненom. Основное правило этимологизации гласит, что прежде чем приступить к установлению этимологии заимствования, необходимо рассмотреть все возможности отечественной этимологии. Т. К. Nilsson делает попытку доказать, что лексема *pyhä* этимологически восходит к лексеме *pihä*, т. е. по происхождению является исконно прибалтийско-финским словом (Nilsson Т. К., 1996). Сначала он устанавливает, что данная лексема не обладает фонетическими признаками, которые бы указывали в направлении заимствованного слова. А фонотактически структура этого слова (CVCV) представляет канонический пример протоуральского слова. Таким образом, отсутствуют предпосылки, которые принуждали бы к принятию этимологии заимствования. Значение данного слова никоим образом не ограничивалось значением 'святой', как предполагает гипотеза Койвулеhto. Э. Лённрот, например, использовал лексему *pyhä* в значении 'отделенный, огражденный': 'maa on ollut pyhässä' (SSA, 1995, 448). Известны также диалектные значения глагола *pyhittää* 'помогать, оплачивать нанесенный ущерб' и 'хранить или держать для себя' (SSA, 1995, 448). Т. К. Nilsson подкрепляет свою версию примерами из собраний А. Viikuna:

- 1) *pyhittää* со значением: а) 'действовать, использовать'; б) 'захватить владение', 'запасти для себя', 'отделить территорию';
- 2) *pyhät pirtit* 'помещение, обычно баня, где женщины рожали';
- 3) *pyhäiset ihmiset* 'умершие', *pyhäinen* 'место, на котором лежал покойник, старое пустующее здание, места совершения самоубийств'. Субстантивированно эта лексема имеет значение 'черт';

4) топонимы с элементом *ruhä*, например *Ruhäjärv*, возникли в связи с тем, что данные места человек избегал по причине страха. Место, определяемое как *ruhä*, считалось опасным, которого надо остерегаться, отсюда возникло множество поведенческих предписаний.

Все это в полной мере соответствует второму основному правилу этимологизации, которое гласит, что понятие, давшее первичное значение корня, находится в окружающей человека среде, а не в абстрактном духовном мире. В нашем случае речь шла первоначально о слове со значениями 'ограда, забор' и 'оберегать', которое, позднее претерпев некоторые фонетические и семантические изменения, в конце концов обрело новое, абстрактное значение – 'святой' (Nilsson T. K., 1996).

Современное значение следующих слов также является результатом изменения семантики слов в соответствии с эволюцией религиозных представлений народа: слова, первоначально относящиеся к языческому культу, с установлением христианства обрели христианскую семантику: *joulu* – прежде так назывался языческий праздник середины зимы (<сканд., ср. дат. и норв. *jul*, древненорв. *jol*) (SSA, 1995, 243); *Jumala* – в форме *Jomali* встречается в норвежских сагах как имя языческого бога, которому поклонялось население побережья Белого моря; употребляется также в значении 'колдун, ведун' (SSA, 1995, 247); *Perkele* – считается, что это было одно из имен языческого бога Укко (лит. *Perkunas*) (SSA, 1995, 340), а современное значение 'дьявол' является результатом идеологической борьбы христианской церкви с язычеством, которая и привела к появлению отрицательно коннотированного значения.

Примерами образования нового значения слова путем переосмысления известных лексем являются: *ölju* 'масло' > 'елей'; *pensas* 'куст' > 'купина'; *suitsuttaa* 'дымить, курить' > 'кадить'. В результате этих процессов общеупотребительное слово становится элементом специальной лексики или приобретает сложные и отвлеченные значения.

Так структура понятий и соответствующих им лексем финского языка обогащается новыми смысловыми отношениями. В. В. Виноградов писал: «Внутренние закономерности развития словарного состава, свойственные данному народному, нацио-

нальному языку, обнаруживаются... в общих типах семантических изменений слов, в принципах использования прежних слов для выражения новых понятий путем переносного употребления, путем расширения или видоизменения существующих слов» (Виноградов В. В., 1977, 76).

Семантические перемены и сдвиги в системе уже известных слов иллюстрируют качественные трансформации словарного состава. Таким образом, под влиянием различных тенденций язык все более приспособлялся к потребностям эпохи и формировался книжно-литературный язык, лексика которого обладала более развитой системой выражения абстрактных отвлеченных понятий.

Семантическую классификацию православной лексики с точки зрения функционального статуса можно определить следующим образом:

1) слова, сохраняющие религиозную семантику и вне христианского контекста: Raamattu 'Библия', Evankeliumi 'Евангелие', ehtoollinen 'причастие, причащение', pääsiäinen 'Пасха', laskiainen 'масленица'. В данную группу вошли ранние заимствования, давно освоенные языком вследствие длительного функционирования в условиях финского языка, и лексемы, образованные с использованием средств финского языка;

2) слова, употребление которых исключено за пределами христианского контекста в литературном языке; как правило, существуют иные, не относящиеся к религиозной сфере способы выражения соответствующих реалий: Joulу 'Рождество Христово' – syntyminen, syntymä 'рождение';

3) слова, не имеющие соответствий в литературном языке: tropari 'тропарь', panagia 'панagia', orari 'орарь', omofori 'омофор'. Данная группа представлена сравнительно поздними заимствованиями, имеющими исключительно религиозно-обрядовую семантику, сохранившими этимологически первоначальную фонетическую форму, лишь в необходимой степени адаптированными к фонетической и морфологической системам языка;

4) слова, имеющие параллельные значения как в религиозно-обрядовой сфере, так и в нейтральной: kirkastus 'просветление' – 'преображение' (Kristuksen kirkastus – 'Преображение Господне'), veisu 'народная песенка' – 'гимн', ketjut 'цепи' – 'вериги', kaaru

'плащ' – 'ряса', *kastaa* 'мочить' – 'крестить', *lusikka* 'ложка' – 'лжица', *olemus* 'существо, облик, сущность' – 'ипостась'.

Данная группа слов характеризуется значениями, развившимися путем приращения смысла, т. е. путем изменения в семантике слов.

Итак, с принятием христианства в Финляндии связано возникновение финской письменности и развитие традиций общезинского литературного языка (первоначально в виде церковного). Важнейшим источником формирования христианского тезауруса явилась языковтворческая деятельность тех, кто занимался переводами Священного писания на язык народа. Появилось большое количество слов, выражавших развитые и утонченные понятия христианской учености и гармонично вписавшихся в систему языка. Необходимо учитывать существование в общезинском лексическом фонде финского языка православного пласта. Исследование православной лексики в отечественном языкознании находится как бы в начале пути. В частности, несомненный интерес для исследователей представляет ее лингвистическая классификация.

Литература

Авцинов В. М. Финско-русский и русско-финский словарь религиозной лексики. *Pieksämäki: Kustannus Oy Taifuuni, 1999.*

Виноградов В. В. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977.

Савельева Л. В. Языковая экология. Петрозаводск, 1997.

Helsingin mitropoliitta Johannes: Kirkollisten tekstien kääntämisestä // Ortodoksia 28. Kuopio, 1979. S. 41–51.

Makkonen H. Ortodoksisen kirjallisuuden juhluvuosi // *Ortodoksinen Kulttuuri 1–2. Joensuu, 1999. S. 16–19.*

Nilsson T. K. Ostseefinnisch *pyhä «heilig» – ein Erbwort: wider eine germanische Lehnwortetymologie // *Linguistica Uralica, 2/1996. Tallinn, 1996. S. 85–91.*

Parrukoski H. Sergei Okulov // *Ortodoksia 31. Kuopio, 1981. S. 88–115.*

Rapola M. Agrikolan apajalla // *Tietolipas 28. Helsinki, 1962.*

SSA = Suomen Sanojen Alkuperä. Helsinki, 1995.

Классификация неопределенных местоимений карельского языка

Термин «неопределенные местоимения» употребляется в узком и широком понимании. В грамматиках русского языка, а также в трудах, посвященных теме местоимений, только местоименные слова типа *кто-либо, кто-нибудь, что-то, что-нибудь* и т. д. обозначаются указанным термином (ГРЯ, 1960, 27; Майтинская К. Е., 1969, 245; Шелякин М. А., 1986, 68). В грамматиках финского языка к неопределенным местоименным словам отнесены также и слова со значением *всякий, каждый, все* и т. д. (ГФЯ, 1958, 132; Setälä E., 1973, 91), в то время как «в большинстве грамматик местоимения с только что названными значениями называются либо *определятельными*, либо *обобщительно-определятельными*» (Майтинская К. Е., 1969, 245). Именно последний термин охватывает все оттенки значений данной группы местоимений.

Мнения исследователей карельского языка по вопросу о местоимениях, входящих в группу *неопределенных местоименных слов*, а также о выделении отдельной группы местоимений с *обобщительно-определятельным* значением различны.

По мнению А. Генетца, группу неопределенных местоимений карельского языка образуют вопросительные местоимения с некоторыми частицами и «другими словами», например, «*hot kudatani 'хоть который, который угодно', ken n' i 'кто-нибудь'*» и т. д., а также местоимения «*joga 'каждый', tolen 'оба', miu 'другой, иной'*» и т. д. (Genetz A., 1883, 206).

Е. Ахтия к неопределенным местоимениям карельского языка относит: 1) вопросительные местоимения, к которым присоединен суффикс *-gi ' -то, -нибудь'*, или слова *tahto, tah ' -нибудь', liene, ollou ' -то', puuttuu* (следует заметить, что у Е. Ахтия почти все

аффиксальные частицы пишутся слитно); 2) вопросительные местоимения в значении неопределенных, а также местоимения *joga, jogahine* 'каждый' и, по его мнению, прилагательные *mollembat, moletit* 'оба', *miu, toine* 'другой' и т. д. (Ahtia E., 1936, 70).

В грамматиках собственно-карельского диалекта карельского языка П. М. Зайкова также выделена одна группа неопределенных местоимений, куда вошли местоимения как с неопределенным, так и с обобщительно-определятельным значением: *kennih* 'кто-нибудь', *minih* 'что-нибудь', *jokahini* 'каждый', *toini* 'другой', *molemmat* 'оба', *kaikki* 'все' (Zaikov P., 1992, 85; Зайков П., 1999, 60).

Х. Оянсуу обращает внимание на то, что неопределенные местоимения с морфологической точки зрения различны, и при их классификации учитывает происхождение и образование местоимений данной группы. По его мнению, местоимения со значением *кто-то, что-нибудь, какой-либо* и т. д. и местоимения типа *каждый, оба, все* относятся к различным подгруппам неопределенных местоимений (Ojansuu H., 1922, 94).

В. Рягов выделяет две группы – неопределенные и определятельные местоимения карельского языка. По его мнению, местоимения *kaikki* 'все', *joga, jogahine* 'каждый' и т. д. относятся к определятельной группе, *ken to* 'кто-то', *mütüš to* 'какой-то', *mi to* 'что-то' и т. д. образуют группу неопределенных местоимений. Главное отличие между вышеуказанными группами местоимений В. Рягов видит в их функциях: «Функция определятельных местоимений заключается в выделении определенного, ограниченного числа предметов из неопределенного множества» (Рягов В. Д., 1977, 108–109), в то время как неопределенные местоимения указывают на неопределенные, невыясненные предмет, лицо, место и т. д.

Л. Маркианова в грамматике ливвиковского наречия карельского языка также выделяет две группы местоимений – неопределенные: *kentah* 'кто-нибудь', *mitah* 'что-нибудь', *kudaken* 'кое-что' и т. д. и определятельные местоимения: *kai* 'все', *jogahine* 'каждый', *mollembat* 'оба' (Markianova L., 1993, 84–85).

Выделение в отдельные группы неопределенных и обобщительно-определятельных местоимений вполне логично. Все неопределенные местоимения указывают на предметы, лица, место,

время, которые для говорящего не обладают конкретной, индивидуальной определенностью. Специфика обобщительно-определятельных местоимений состоит в том, что они указывают (или называют) на отдельный предмет (или предметы), который (которые) говорящий объединяет с другими предметами по широким, категориальным признакам.

Например, в предложении *Oldih hänel fat'eral miittumad liennou ven'alaizet* (ОЛР, 1978, 120) неопределенное местоимение *miittumad liennou* указывает на невыясненное, неизвестное обстоятельство – 'у нее на квартире жили какие-то неизвестные русские'.

В предложении *Pandih kaikkid tuah* (ОЛР, 1978, 22) обобщительно-определятельное местоимение *kaikki* указывает на в определенной степени выясненное обстоятельство – 'похоронили всех'.

Группа неопределенных местоимений представлена в карельском языке достаточно широко. Местоимения с неопределенным значением разнообразны как по значению, так и по образованию. Большая часть неопределенных местоимений карельского языка образована путем присоединения к вопросительным местоимениям различных аффиксальных и префиксальных частиц.

Каждый словообразовательный элемент (аффикс или префикс) вносит в местоимения свои специфические признаки неопределенности. В зависимости от доминирующих признаков неопределенности неопределенные местоимения, образованные путем присоединения к вопросительным местоимениям словообразовательных элементов, могут подразделяться на три типа:

1) **неопределенно-нефиксированные**: с аффиксальными частицами *-ni*, *-nih*, *-(ni)buiten*, *-nibut*, *-tah*, *-tahto* 'нибудь, угодно', *-gi* 'нибудь', *-olgah*, *-l'uubo* 'угодно'.

Общее значение местоимений с данными словообразовательными элементами можно назвать *нефиксированным выделением* одного из *неконкретизированных элементов множества*: местоимения не фиксируют внимания на чем-то или ком-то одном, пусть и неизвестном, неопределенном: *kentahto* 'кто-нибудь, кто угодно', *mittuinetah* 'какой-нибудь, какой угодно', *mil'uubo* 'что-нибудь, что угодно', *migi* 'что-нибудь' и т. д.

С.-кар., Кестеньга: *mihinih pannah vettä* (ККН, 1936, 65) 'во что-нибудь наливают воды'; Мяндусельга: *Ossa mid'ä n'i*

paremboa (KKN, 1936, 12) 'купи **что-нибудь** получше'; Тихвин: *kenni seizualeih suurella labiella* (Рягоев В. Д., 1977, 269) '**кто-нибудь** встанет на большую лопату'; Тверск.: *keh n'ibuit tuttavah pürgiü* (ОКР, 1963, 34) '**к кому-нибудь** из знакомых просят (на ночь)'; *mid'ä olgah ana viel'ä süüvä* (ОКР, 1963, 56) '**дай еще чего-нибудь** поесть'; *midä l'uiho rua* (ОКР, 1963, 118) '**делай что угодно**'.

Ливв.: *pidäü midägi ehtindäs eccie* (СКЯ, 1990, 45) '**надо поискать что-нибудь** от болезни'; *tütöt palkattih bes'odupert'i mittumangi üksinäzen leskel'l'üö* (СКЯ, 1990, 25) '**девушки арендовали для посиделок избу у какой-нибудь** одинокой вдовы'; Тулмозеро: *otadgo tüttären minun kudoan tahto* (KKN, 1934, 41) '**возьмешь ли в жены которую-нибудь** из моих дочерей'; Видлица: *mihtah sencoih ga voi i net rapna* (ОКР, 1994, 310) '**в какие-нибудь** сени можно и эти (половики) постелить'.

Люд., Святозеро: *starix mit't'eni voib ottua ned* (L1, 1967, 108) '**старуха какая-нибудь** (какая угодно) может взять те (вещи)'; *kondii oppiü olgis luadida midäni* (LS, 1944, 214) '**медведь пытается что-нибудь** из соломы сделать'; Святозеро: *nägigo kedä ni?* (ФСЛР, 1975, 255) '**видел ли он кого-нибудь?**'.

2) неопределенно-фиксированные: с аффиксальными частями *-gi, -go, -to, -liene, -lien(n)öü, -ollou, -nih* '-то'.

Особенность местоимений с указанными словообразовательными элементами в том, что они указывают на *отдельные фиксированные, но не конкретизированные* для говорящего предмет, лицо, время, событие и т. д. Несмотря на то, что внимание фиксируется на одном из элементов множества, конкретный участник события менее известен для говорящего, чем если бы он был указан местоимением первой группы: *migi* 'что-то', *kengo* 'кто-то', *kudaito* 'который-то', *mittuineliene* 'какой-то', *miollou* 'что-то', *kennih* 'кто-то' и т. д.

С.-кар., Ухта: *kattiloita noita paikkazi ta sitten mitäki šamvuaroja* (ОКР, 1994, 96) '**кастрюли эти** чинил и **какие-то** самовары'; Вычтайбола: *smietin kennih on* (ОКР, 1994, 82) '**понимаю, что там кто-то** есть'; Тверск.: *ken ollou šielä ajau* (ОКР, 1963, 161) '**кто-то там** едет'; *aiga proidiu kudaigi, i miun iškietäh* (ТККН, 1990, 46) '**какое-то** количество времени пройдет, и меня забудут'.

Ливв.: *hänele on midägi cuudittu, gu nenga ei voi* (СКЯ, 1990, 40) 'на него **что-то** напущено, коль так болеет'; Видлица: *keng andau kanfiettazen, keng andau pečeenien* (Pyöli R., 2000, 19) '**кто-то** даст конфету, **кто-то** – печенье'; *levo katetah kengo lavval, kengo päriel* (KKN, 1934, 21) 'крышу **кто-то** кроет досками, а **кто-то** – дранкой'; Тукса: *kento ruadau, kento laškisteleh* '**кто-то** работает, а **кто-то** ленится'; *mittuineliene koiru käveli meijän kois ümbäri* '**какая-то** собака ходила вчера вокруг нашего дома'; *mi ollou sil'mil'e rodiiheze* (СКЯ, 1990, 311) '**что-то** с глазами случилось'.

Люд., Святозеро: *muga eletäh kengi bohatembi, kengi köühembi* (ОЛР, 1978, 42) 'так и живут: **кто-то** побогаче, **кто-то** победнее'; *kudamazgi küläizes koume taluoit, kudamazgi enämbi* (ОЛР, 1978, 45) '**в какой-то** деревеньке три дома, **в какой-то** большие = **в некоторых** деревеньках три дома, **в некоторых** больше'.

Значение фиксированности или нефиксированности неопределенного значения местоимений с аффиксальными частицами *-gi* и *-nih* зависит от конкретного контекста.

3) **слабоопределенные**: с префиксальной частицей *kuda-* 'кое': *kudaken* 'кое-кто', *kudami* 'кое-что' *kudakumban'e* 'кое-какой'.

Значением местоимений со словообразовательным элементом *kuda-* является указание на *фиксированные в ограниченном количестве и не конкретизированные для слушающего, но известные говорящему* элементы множества: местоимения указывают на что-либо известное говорящему, но не определенное для слушающего.

С.-кар., Тверск.: *Kudakedä kucuttih* (СКЯ, 1994, 119) '**кое-кого** позвали'; *kudakumbaz'ista tuhjoloista jo keräin marjat* (СКЯ, 1994, 119) '**с кое-каких** кустов уже собрала ягоды'; *šuitkazie kudamidä* (KKN, 1932, 35) '**кое-какие** шутки'.

Ливв.: *varustiin kudamidä evähäkse ottua* (СКЯ, 1990, 160) '**собрала кое-что** из еды взять с собой'; *kudaken avvutteli vähäzin* (СКЯ, 1990, 159) '**кое-кто** помогал понемногу'.

Иногда к вопросительному местоимению *mi* присоединяются две частицы – аффиксальная *-gi* и префиксальная *-kuda*: *kudamigi*, при этом местоимение имеет слабоопределенное значение: '**кое-что**'.

С.-кар, Тверск.: *hiän meil'ä auttel'iis' kuda mid'äigi* (ТКК, 1990, 128) 'он помогал бы нам кое в чем'.

Ливв., Коткозеро: *pertis kuda midägi vai ainos köbelöitän* (ОКР, 1969, 156) 'в избе постоянно кое-что делаю'; *siid ruvetah andamah laukas kudamidägi* (ОКР, 1969, 158) 'потом в магазине начинают кое-что продавать'.

Также к слабоопределенным относятся местоименные прилагательные *eräs, muduaš (mudiaš), üksi, toine (toini, tuoini)*, имеющие значение 'некий, кое-какой, один, некоторый'.

С.-кар., Паданы: *coarin peällä rubei nouzomah eräs bohat't'eri* (ККН, 1936, 50) 'против царя стал восставать некий богатырь'.

Ливв.: *erästü pidäü icelles toimittua* (СКЯ, 1990, 50) 'кое-что надо самому понимать'; Рыпушкалица: *eräs oli t'ot'a Maša* (ОКР, 1994, 322) 'была одна (некая) тетя Маша'.

Люд., Тивдия: *kui santaa erähit* (ОКР, 1994, 352) 'как говорят некоторые'; *oletel' eraz lehm* (ОКР, 1994, 352) 'была одна (кое-какая) корова'.

В собственно-карельском наречии встречаются различные формы местоименного слова *eräs*: *erähäine, erähäini, erähäs*.

Ругозеро: *oli šielä erähäs hengi* (ККС, 1968, 129) 'был там один (некий) человек'.

Юшкозеро: *mändäiz erähännet tuaš poikes* (ККС, 1968, 129) 'пусть некоторые тоже уйдут'.

С.-кар., Паданы: *üksi poiga varraštai toizelda hebozen* (ККН, 1936, 44) 'один (некий) парень крадет у другого (некого) лошадь'.

Ливв., Рыпушкалица: *ühthed molodoit kääüdih* (ОКР, 1994, 319) 'одни (некие) молодожены приходили'.

Местоименное прилагательное *muduaš (mudiaš)* встречается только в тверском диалекте: *mudianzešša talošša talviper't'i šalviaci kül'geh* (СКЯ, 1994, 164) 'в некоторых домах зимняя изба рубилась к боковой стене'; *kül'issä muduannet i n'üt paissah kar'ielakši* (СКЯ, 1994, 164) 'в деревнях некоторые и теперь говорят по-карельски'.

К группе неопределенных местоимений относятся также *вопросительные местоимения*, если они, выступая в предложении, имеют неопределенное значение. Любое вопросительное место-

имение (*ken* 'кто', *mi* 'что', *kudai* 'который', *mittuine* 'какой') может быть неопределенным, причем в зависимости от контекста, или неопределенно-нефиксированным или неопределенно-фиксированным.

С.-кар., Ругозеро: *ken kandau vaštoa, ken kandau tazua* (ККН, 1936, 65) 'кто-то несет веник, кто-то несет таз'.

Ливв., Рыпушкалица: *siel vie midä pidännöü tuudu voib jälles luadie* (ККН, 1934, 2) 'там если что-нибудь еще нужно будет, можно потом сделать'; *kudaman süöü zivattu, a kudaman höšt'ööl'öih pollettelou* (СКЯ, 1990, 159) 'какую-то (траву) животное ест, а какую-то в навоз втоптывает'.

Люд., Святозеро: *pagettih kaikin iäre ken kunnagi* (ОЛР, 1978, 209) 'убежали все кто куда'.

Довольно часто неопределенное значение вопросительным местоимениям придают слова *hoz, hot', hod* (заимств. из русск. 'хоть'), *vaikka* 'угодно' и словосочетание *mene tiijä* 'поди знай'.

С.-кар., Вокнаволоок: *vaikka mittyöššä šovašša* (ККС, 1983, 327) 'хоть в какой угодно одежде'; Ругозеро: *hiän hod midä ürittät tarrpa* (ККН, 1936, 63) 'он кого угодно (из животных) пытался убить'; Тверск.: *hos' mit'üt't'ä tarjua šais kerätä* (СКЯ, 1994, 56) 'хоть каких-нибудь (каких угодно) ягод удалось бы собрать'; *ne viel'ä kaikki šiel'ä mänt'ia kedä* (ТКК, 1990, 142) 'они все еще там, неизвестно кто'.

Ливв., Ведлозеро: *cetverti – tämän moine palaine tavaruua, hoz mittumia* (ОКР, 1968, 228) 'четверть – это столько-то товара, хоть какого'; Пряжа: *rahvastu mene tiije mi kerdüi sih* (КНС, 1967, 478) 'народу поди знай сколько собралось там'; *mene tiije ken sanoi* (СКЯ, 1990, 205) 'поди знай кто сказал'.

Люд., Тивдия: *män't'ia midä oli heil* (ОКР, 1994, 367) 'неизвестно что у них было'; *panet kalat, voi hot' mittust kalat* (ОКР, 1994, 355) 'положишь рыбу, можно хоть какую'.

Неопределенные местоимения – самая объемная и разнообразная группа местоименных слов карельского языка. Прежде всего это объясняется наличием большого количества различных словообразовательных элементов. Правописание неопределенных местоимений с частицами находится в прямой зависимости от долгое время отсутствовавших в карельском языке устойчивых

письменных традиций. В современных грамматиках карельского языка все аффиксальные и префиксальные частицы пишутся слитно с главной частью – вопросительным местоимением (Zaikov P., 1992, 85; Зайков П., 1999, 60; Markianova L., 1993, 84). В образцах карельской речи встречается три способа написания неопределенных местоимений с частицами:

- 1) через дефис: *lucce mih-tahto roadoh lähten* (ОКР, 1969, 199) 'лучше на **какую-нибудь** работу пойду';
- 2) раздельно: *anna mi tahto meres poikki mennä minulleni* (KKN, 1934, 28) 'дай мне **что-нибудь** через море перейми';
- 3) слитно: *roakod midätahto* (ОЛР, 1978, 246) 'делайте **что** угодно'.

Частицы *-gi*, *-go*, *-nih* пишутся всегда слитно. Частицы *-liene*, *-ollou* пишутся часто раздельно (как в образцах карельской речи, так и в словарях карельского языка). Скорее всего, это зависит от того, что конструкции типа *kenollou* 'кто-то', *milliene* 'что-то' возникли значительно позже конструкций типа *kengi* 'кто-то', *minih* 'что-то'. Тем не менее неопределенное местоимение с частицей можно, без сомнения, определить как устоявшуюся конструкцию. Это доказывает сокращение некоторых словообразовательных элементов: *-tahto* - *-tah*; *-liene* - *-lie*, а также склонение местоимений: изменяется лишь местоименная часть, частица остается неизменяемой: *migi* 'что-то': *misgi* 'о чем-то', *midägi* 'чего-то' и т. д.; *mittuineliene* 'какой-то': *mittuzelliene* 'у какого-то', *mittustulienne* 'какого-то'.

Литература

ГРЯ = Грамматика русского языка / Ред. В. В. Виноградов и др. М., 1960.

ГФЯ = Грамматика финского языка / Ред. Б. А. Серебренников, Г. М. Керт. М.; Л., 1958.

Зайков П. М. Грамматика карельского языка. Петрозаводск, 1999.

Майтинская К. Е. Местоимения в языках разных систем. М., 1969.

ОКР = Образцы карельской речи / Сост. Г. Н. Макаров. М.; Л., 1963.

ОЛР = Образцы карельской речи / Сост. В. Д. Рягоев, Г. Н. Макаров. Л., 1969.

ОКР = Образцы карельской речи / Сост. В. Рягоев, М. Эсканен. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1994.

ОЛР = Образцы людиковской речи / Сост. А. П. Баранцев. Петрозаводск, 1978.

Рягоев В. Д. Тихвинский говор карельского языка. Л., 1977.

СКЯ = Словарь карельского языка / Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск, 1990.

СКЯ = Словарь карельского языка / Сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск, 1994.

ФСЛР = *Баранцев А. П.* Фонологические средства людиковской речи. Л., 1975.

Шелякин М. А. Русские местоимения. Тарту, 1986.

Ahtia E. V. Karjalan kielioppi. Äänne- ja sanaoppi. Suojärvi, 1936.

Genetz A. Tutkimus Venäjän karjalan kielestä. Helsinki, 1880.

Genetz A. Tutkimus Aunuksen kielestä. Helsinki, 1883.

KKN = Karjalan kielen näytteitä. 1 osa / Julk. E. Leskinen. Helsinki, 1932.

KKN = Karjalan kielen näytteitä. 2 osa / Julk. E. Leskinen. Helsinki, 1934.

KKN = Karjalan kielen näytteitä. 3 osa / Julk. E. Leskinen. Helsinki, 1936.

L1 = Lähisukukielten lukemisto / Toim. P. Virtaranta. Helsinki, 1967.

Markianova L. Livvin murdehen morfolougii. Petroskoi, 1993.

Ojansuu H. Itämerensuomalaisten kielten pronominioppia. Turku, 1922.

Pyöli R. Elostu paginan välis. Nykyaunusta ja karjalaiskultturia. Lahti, 2000.

Zaikov P. Karjalan kielen kielioppie. Petroskoi, 1992.

Setälä E. Suomen kielen lauseoppi. Helsinki, 1973.

ТКК = Karjalan kieltä ja kansan kulttuuria. 1 osa. Tverinkarjalaisia kielennäytteitä / Toim. H. ja P. Virtaranta. Helsinki, 1990.

О фразеологизмах в вепском языке

Фразеологизм, или фразеологическая единица (ФЕ), – это лексически неделимое, устойчивое в своем составе и структуре, целостное по значению словосочетание, воспроизводимое в виде готовой единицы. Разнообразны ресурсы фразеологического компонента языка. Фразеологизмы могут возникать на основе образного представления действительности, которое отображает многовековой опыт единого языкового коллектива. Они образуются на основе представления типовой ситуации или исторических событий, еще живущих в сознании носителей языка или уже забытых в подробностях.

Вопросы фразеологии по-прежнему привлекают внимание исследователей, поскольку с изучением фразеологии связаны многие проблемы, касающиеся значимых единиц языка, лексико-семантической сочетаемости слов и других сложных явлений языка.

Фразеологизмы присущи всем языкам, на каком бы уровне развития они ни находились. В пределах каждого национального языка разговорная речь располагает собственным набором языковых особенностей. Употребляются в ней также и общелитературные языковые средства. Примером этому может служить и вепский язык, несмотря на то, что он имеет статус младописьменного языка. ФЕ сохранились в вепской народной речи. Фразеология вепского языка изучена явно недостаточно. Между тем ФЕ достаточно хорошо представлены в книге образцов вепской речи (Зайцева М. И., Муллонен М. И., 1969) и «Словаре вепского языка» (Зайцева М. И., Муллонен М. И., 1972), что дает возможность представить классификацию типов фразеологизмов в данном языке.

Нет единого мнения относительно природы фразеологизма. Как считает В. Н. Телия, «в современной зарубежной лингвисти-

ке устойчивые выражения часто рассматриваются как стилистические средства, фигуры речи или штампы» (Телия В. Н., 1996, 559–561). В отечественном же языкознании большинство ученых придерживаются мнения В. В. Виноградова, который выделил два пласта во фразеологическом составе. Первый – это «сочетания, в которых полностью переосмыслены слова-компоненты, фразеологические сращения (полностью немотивированные сочетания) и фразеологические единства (мотивированные сочетания)». Второй пласт – это «фразеологические сращения, в образовании которых использованы слова с несвободным значением» (Виноградов В. В., 1947, 343).

Развивая теорию В. В. Виноградова, исследователи фразеологии выдвигают различное количество типов фразеологизмов. Например, классификация Архангельского включает четыре основных типа ФЕ: «ФЕ, основанные на семантической взаимозависимости между двумя постоянными при лексическом совмещении членов; ФЕ, основанные на лексической взаимозависимости и семантической зависимости членов; ФЕ, основанные на лексической детерминации постоянного и переменного; ФЕ, основанные на лексическом совмещении двух переменных при лексико-семантической детерминации членов» (Архангельский В. Л., 1964, 111).

По мнению В. М. Никитина: «Фразеологизм в языковой системе – побочный материал... фразеологизмы входят в язык, не создавая в языке существенного для языка явления» (Никитин В. М., 1968, 69). Классификация В. М. Никитина состоит из 5 типов ФЕ: «противоречащие лексике; противоречащие формуле; противоречащие смыслу; противоречащие принципам связей слов; отклоняющиеся от смысла» (Никитин В. М., 1968, 75).

Состав фразеологизмов и выявление их из речевого потока вызывают определенные трудности. В состав фразеологизмов ученые вводят все устойчивые сочетания слов, имеющие метафорическое значение, другие ограничивают перечень фразеологизмов только определенной группой устойчивых словосочетаний. Некоторые ученые к фразеологическим сочетаниям относят пословицы, поговорки, присловья, крылатые слова, афоризмы. Например, в состав фразеологизмов русского языка включаются сложные союзы, сложные предлоги, составные термины и т. д.

Но общепринятыми являются такие термины, как «устойчивый оборот», «неразложимое сочетание слов», «стабильное сочетание» и другие единицы, входящие во фразеологическую систему (Ахманова О. С., 1966, 503). Для исследователей фразеологии остается спорным вопрос: выводить ли пословицу из состава фразеологии или оставить? Несомненно, пословицы являются объектом фразеологии, но единого мнения среди языковедов по этому вопросу нет. Например, М. М. Копыленко выводит пословицу из состава фразеологии, считая ее подлежащим изучению в фольклористике (Копыленко М. М., 1973, 14). Обычно пословицу определяют как устойчивое выражение, имеющее форму законченного предложения и содержащее в себе назидательность. Отсюда следует, что пословица не является эквивалентом слова и не обладает целостным значением, поэтому некоторые исследователи исключают ее из объектов фразеологии. Нельзя выразить и передать одним словом значение пословицы, но и многие другие ФЕ не эквивалентны слову. Пословицы генетически связаны с непословичными ФЕ: те и другие выделены из народной речи. О генетической связи пословиц и ФЕ «говорят случаи возникновения непредикативных ФЕ на базе пословиц» (Назарян А. Г., 1981, 54). Например: *Anda sor'm ka i käden pureb* 'дай палец, так и руку откусит' (пословица) – *käzi purda* 'руку откусить' (номинативная ФЕ); *äghou mad ed kinda* 'бороной землю не вспашешь' (пословица) – *äghou ma kinta* 'бороной землю пахать' (номинативная ФЕ); *ed sina surmad, a surm sindei vardiçob* 'не ты смерти ищешь, а смерть тебя сторожит' (пословица) – *surm vardiçob* 'смерть сторожит' (номинативная ФЕ); *tedaizîn eilä ozad, ka surmale vastha mänižin* 'знал бы, что нет счастья, так смерти навстречу пошел бы' (пословица) – *surmale vastha mända* 'идти навстречу смерти' (номинативная ФЕ). Таким образом, из вышеизложенного следует, что объективных причин для выведения пословиц из состава фразеологии нет, поскольку они обладают основными признаками ФЕ. Традиционно к фразеологии причисляются только пословицы с переносным значением.

В качестве критериев определения фразеологизмов в русском языке называют в различных комбинациях устойчивость, целостность значения, не выводимую из суммы значений составляющих

его слов, раздельнооформленность, возможность структурных вариантов или новообразований, воспроизводимость, непереводаемость на другие языки. В целом фразеологизм характеризуют как сочетание слов с «переносным значением», как устойчивое словосочетание с «идиоматическим значением», как «устойчивую фразу». Во фразеологизме находят метафоричность, образность, экспрессивно-эмоциональную окраску.

И лексика, и фразеология имеют общее назначение – обеспечить общение между людьми. Слово в языке выполняет номинативную функцию, а фразеологизм – функцию образноэкспрессивной характеристики. Фразеологизмы образуются из готовых единиц языка (слов). Важным источником обогащения фразеологического фонда вепсского языка является метафорическое переосмысление. Оно выражается в переносе значения, которое основано на сходстве между двумя предметами, явлениями и понятиями. Например: *tikin roigad* (свободное словосочетание 'птены дятла'), *tikin roigad* (фразеологизм 'шумные, неугомонные дети'); *lambhan kel'* (свободное словосочетание 'язык овцы'), *lambhan kel'* (фразеологизм 'ласковый человек'); *avoï su* (свободное словосочетание 'открытый рот'), *avoï su* (фразеологизм 'разиня').

Метафора возникает в лексической системе языка и остается элементом этой системы в пределах единицы, с которой она генетически связана. Фразеологизм же в отличие от метафоры возникает на базе свободного сочетания и образует единицу, относящуюся к другой микросистеме языка. Это обуславливает разные значимости метафоры и ФЕ в языке.

Постоянно наполняясь новыми единицами, фразеологический состав отражает культурно-исторический опыт народа, а также особенности исторических законов развития данного языка.

Разработанные в русистике теоретические установки, а также принципы классификации фразеологизмов несомненно могут найти применение и в исследовании прибалтийско-финских языков.

По степени изученности ФЕ прибалтийско-финские языки можно разделить на три группы: языки (финский и эстонский), имеющие письменность, бесписьменные языки (водский, ижорский, ливский), где хранителем фразеологии является устная речь народа, и младописьменные языки (карельский и вепсский).

Самым ранним и ценным изданием финских образных выражений является книга языковеда Х. Флоринуса, изданная в 1702 году (Florinus H., 1702). Наибольшее количество фразеологического материала было собрано в 30-е годы XX века. Особая роль в науке отводится Э. Лённроту, собравшему во время своих путешествий большое количество пословиц и поговорок. Происхождением финских ФЕ занимались М. Хаавио, Л. Хакулинен, Л. Кеттунен, О. Таллгрэн и др. языковеды. В эстонском языке ФЕ фиксировались уже в XVII веке. Фразеологизмы отражены в словарях эстонского языка. Значительным вкладом в изучение эстонской фразеологии является работа Ф. А. Вакка, изданная в 1974 году (Vakk F., 1974).

По карельскому языку сбор материала начали финские ученые. Итогом собирательской работы стали сборники пословиц и поговорок (Kuusi M., 1954). Фразеологизмы богато представлены в многотомном словаре карельского языка, готовящемся в Финляндии. Но, несомненно, большим событием в изучении фразеологии является выход в свет «Фразеологического словаря карельского языка» (Федотова В. П., 2000), в котором отражена общекарельская лексика в ее конкретном функционировании в народной разговорной речи. Четко выделены типы фразеологизмов в карельском языке.

По вепсскому языку более трехсот ФЕ выделено в «Словаре вепсского языка» (Зайцева М. И., Муллонен М. И., 1972). В 1981 году опубликована статья «Об одном типе фразеологических сочетаний в вепсском языке» (Зайцева М. И., 1981). В Карельском филиале РАН хранятся аудиозаписи живой диалектной речи, где можно найти образцы фразеологии. Встречаются образные выражения, отраженные в книге «Образцы вепсской речи» (Зайцева М. И., Муллонен М. И., 1969).

Метафоризация, переосмысление, семантический сдвиг в сочетании слов формируют фразеологизм – таково мнение исследователей фразеологии различных языков. Существенным признаком фразеологизма является его образность.

Подобно карельскому языку с точки зрения семантической слитности, фразеологизмы вепсского языка можно разделить на три типа (Федотова В. П., 1985):

- фразеологические сращения (идиомы – своеобразные выражения – фразеологические единицы);
- фразеологические единства;
- фразеологические сочетания.

Фразеологическим сращением в вепском языке можно считать сочетание лексем, в которых общая грамматическая схема сохраняется неизменной, но в его лексическом составе остаются неподвижными лишь опорные системы. Выражения, которые в современном языке лишены формы или могут быть полностью переосмыслены, или иметь связь с внутренней формой выражения. Рассмотрим примеры фразеологических сращений:

lud kogho panda 'лечь спать, отдыхать' (кости в кучу сложить);

Radoupai tuled ka vaise lud kogho panda oleiš. 'С работы приедешь – лишь бы отдохнуть' (кости в кучу сложить);

tehta pälag 'выйти замуж раньше старшей сестры' (сделать макушку);

Sizarelez-se tegi pälagen, a elod eilend. 'Выскочила замуж раньше старшей сестры (сделала сестре макушку), а жизни-то не было';

not pästta latkha 'приступить к еде' (запустить невод в миску).

Когда маленькие дети капризничали и отказывались от еды, взрослые использовали данное образное выражение в шутливой форме:

Nu, prihač, not pästa latkha, kacumai mičen maiman tabadad. 'Ну, парень, опусти-ка невод в миску, посмотрим, какую рыбу поймает'. Под словом невод подразумевалась ложка.

n'aba langeni 'надорвался' (пуп упал);

Hänou n'aba langeni, de i jal'ges rata ei void'. 'Он надорвался, а затем и работать не мог';

kovitada lud 'намять бока' (делать твердыми, прочными кости);

A Stroicanpäjän-se pit'avläižed prihad miile kovitiba lud. 'А в Троицу-то парни из Долгозера намяли нам бока';

kohthu tönduda 'забеременеть' (отправиться за животом);

Sil vodet mä nä kohthu tönduin. 'В тот год я забеременела';

keled kandita 'сплетничать' (языки таскать);

Vaise ihten i mahtad, näge keled kandita. 'Только одно и умеешь, что сплетничать'.

Фразеологическое сращение – это абсолютно неделимое словосочетание или сочетание слов.

Фразеологическим единством в вепсском языке можно считать эквиваленты слов, выступающие в одинаковой синтаксической роли, а также целостное значение которых (обычно образное) в той или иной степени мотивировано отдельными значениями составляющих их слов. Иначе говоря, в данной фразеологической группе слова подчинены единству общего образа. Значение конкретного словосочетания расширяется и обобщается. Рассмотрим это на некоторых примерах.

päč lämbinu 'уже старая' (печь уже истопилась);

Hänel jo päč lämbinu, a mehele tendui. 'Она уже старая (ее печь истопилась), а замуж собралась';

kel' kazvatui suhu 'язык онемел' (язык прирос ко рту);

A minai i kel' kazvatui suhu, ni vajeht en void sanuda. 'А у меня язык прирос ко рту, сказать ничего не могла';

langeta mel'he 'запомнить' (запасть в ум);

Nece niidiš minii muga mel'he lanksi, sigizel i svathuzile ajoin. 'Эта девушка так мне запомнилась, что осенью свататься поехал';

sapkad vajehtada 'передумать' (менять сапоги);

Mechine nä mest sapkad vajehti ei me lehmad. 'Вот ведь леший, опять передумал (сапоги поменял) корову продавать';

jotta koivuizou čajuu 'отстегать прутом' (напоить, угостить березовым чаем);

Tuleske kod'he, ka mä jotan kaivuizou čajuu. 'Приди-ка домой, так я тебя отстегаю' (угощу березовым чаем);

lihid heng 'нетерпеливый' (короткая душа);

Kaiken lihid heng vellele sanui. 'Не стерпел (короткая душа), все брату рассказал';

ajada sil'mid rist'mha 'ехать свататься' (поехать глаза крестить);

A mii kehlan iškimai da ajoimai sil'mid rist'mha. 'А мы ударили об заклад и поехали свататься (глаза крестить)'.

Этот пример может быть рассмотрен как пограничный вариант, он сочетает в себе черты фразеологического единства и фразеологического сращения. Четкой границы между ними не существует.

Фразеологическое сочетание в вепсском языке образуется путем слияния в одном комплексе слов реального для данного контекста конкретного значения со словами, смысл которых противоречит логике. В состав фразеологических сочетаний входят слова со свободным и фразеологически связанным значением, причем целостное значение вытекает из значения отдельных слов.

viritada korvag'urhe 'дать оплеуху' (зажечь в корень уха);

A bat'ku viriti korvg'urhe ka mel'pähä tuli minii. 'А отец как дал оплеуху (зажег мне в корень уха), так я сразу поумнел';

taivaz louhtui 'небо затянулось тучами' (небо застыло);

Kac, taivaz nä louhtui, ka eile radod. 'Смотри, небо затянулось тучами (небо застыло), не будет работы';

ajada kahthe kabjha 'ехать галопом' (ехать в два копыта);

A mä näge rachile, da kahthe kabjha svathuzile. 'А я на коня верхом да галопом (в два копыта) свататься';

pinho panda 'напустить порчу' (сложить (положить) в поленницу).

Рассмотрим конкретное значение: Houg tarbi panda pinoho. 'Нужно сложить дрова в поленницу'.

Ken-se svad'bas pinoho pani, ka ezmäsa elod hiile ii linned. 'Кто-то свадьбу у них расстроил (положил в поленницу), так с первых дней жизни не стало'.

putta hondole jäl'gele 'заблудиться' (попасть на плохой след).

В данном высказывании в различных диалектах можно встретить замену слова *hondole* словом *hubale, pahale*. Может быть заменен также глагол *putta* на *mända*.

Putui hondale jäl'gele, muga i lüuta emboit. Mäni hubale jäl'gele i kadei. 'Пропал где-то. Заблудился где-то (попал на плохой след)';

sil'miš pidäda 'следить, наблюдать' (держат в глазах);

Lapsid tariž sil'miš pidäda. 'За детьми нужно следить (в глазах держать)';

joksta händas 'бежать следом' (бежать в хвосте);

Vanhazesai joksenedeb händas. 'До старости бегают по пятам (в хвосте бегать)'.

Из данных примеров видно, что фразеологическое сочетание семантически расчленено, так как в нем, как правило, лишь один компонент имеет фразеологически связанное значение.

Как уже говорилось выше, основой фразеологизма является образность. Образная система превращает фразеологизм в наиболее экспрессивное средство разговорной речи, в процессе формирования фразеологизма в вепсском языке важную роль играют выразительно-изобразительные качества речи, в том числе как смягчающее обозначение какого-либо предмета или явления. Использование более мягкого выражения вместо грубого придает высказыванию более эмоциональную, насыщенную окраску:

maha kerazim 'похоронили' (убрали в землю);

pästi gor'aspäi 'умер' (выпустил из горя);

päzui kannmizespäi 'родила' (отделалась от ноши);

peza mureta 'увести чужого мужа (жену)' (разрушить гнездо).

В словосочетаниях *toda rusked jaug* 'родить внебрачного ребенка' (принести красную ногу); *aizou ištta* 'распутничать' (сидеть на оглобле); *sormou tehtud* 'глупый, слабоумный' (пальцем сделанный) показано негативное отношение говорящего по отношению к тому или иному явлению.

Экспрессия фразеологизмов применяется для реализации таких специфических задач разговорной речи, как краткости высказывания, придания выражению шуточной интонации, передачи душевного состояния. С помощью фразеологизма высказывание приобретает некий лиризм:

heng avazui vastha 'обрадовался' (душа раскрылась на встречу);

kiven elo tuli 'старость пришла' (жизнь камня пришла);

sil'mäd pil'v katoi 'горе пришло' (туча глаза укрыла).

Исследование фразеологизмов в вепсском языке можно продолжить в данном ключе, а также выявить механизмы формирования образцов в рамках косвенной вторичной номинации.

Литература

- Архангельский В. Л.* О понятии устойчивой фразы и типах фразы // Проблемы фразеологии. М.; Л., 1964.
- Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
- Виноградов В. В.* Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Шахматов А. А. 1864–1920: М.; Л., 1947. С. 339–364.
- Зайцева М. И., Муллонен М. И.* Словарь вепсского языка. Л., 1972.
- Зайцева М. И., Муллонен М. И.* Образцы вепсской речи. Л., 1969.
- Зайцева М. И.* Об одном типе фразеологических сочетаний в вепсском языке // Прибалтийско-финское языкознание. Л., 1981. С. 22–25.
- Копыленко М. М.* Сочетаемость лексем в русском языке. М., 1973.
- Назарян А. Г.* История развития французской фразеологии. М., 1981.
- Никитин В. М.* Проблема классификации фразеологизмов и их относительная устойчивость варьирования // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц: Материалы межвузовского симпозиума. Тула, 1968. С. 68–77.
- Телия В. Н.* Фразеологизм // БЭС «Языкознание». М., 1996. С. 559–561.
- Федотова В. П.* Фразеологизмы в карельском языке. Петрозаводск, 1985.
- Федотова В. П.* Фразеологический словарь карельского языка. Петрозаводск, 2000.
- Florinus H.* Vanhain Suomalaisten Tavalliset ja Suloiset Sanan Laskut. Helsinki, 1702.
- Kuuski M.* Sananlaskut ja puheenparret / SKS. Helsinki, 1954.
- Yakk F.* Fraseoloogiline ülekanne- ja selle tüübid / KK. Helsinki, 1974.

К проблеме семантики возвратных глаголов карельского языка

Человек производит различные действия над предметами окружающего мира – это обычная, много раз повторяемая ситуация. Но есть и другая ситуация – воздействие человека на самого себя – свое тело, свои мысли и чувства. Эту ситуацию принято обозначать выражением «действие возвращается на самого себя». Для обозначения этой «возвратной» ситуации в карельском языке выработаны специальные средства, которые называют «возвратными»: глаголы, местоимения, специальные слова и выражения. Все они известны, так или иначе описаны в лингвистической литературе, но они еще не осмысливались в единстве, во взаимосвязи как средства, обслуживающие единую семантическую категорию карельского языка.

Категория возвратности отражает определенный характер субъектно-объектных отношений: возвращение действия, производимого субъектом, на самого себя, или, в терминах теории референции, полная или частичная однореферентность объекта действия с его субъектом. Возвратность, как и другие семантические категории, должна «выводиться из языка, из языковых форм...» (Бондарко А. В., 1983, 34). В карельском языке категория возвратности выявляется на основе оппозиции возвратный глагол – невозвратный, например: *pessä ketäniñ, miäniñ, pestä kedätah, midätah* 'мыть кого-либо, что-либо' – *peseytyö, pestäkseh* 'мыться', *sugie kedätah, midätah* 'расчесывать кого-либо, что-либо' – *sugiekseh* 'расчесываться'. Однако эта оппозиция не включает в себя противопоставления транзитивности/интранзитивности, как, например, в русском языке, где возвратные глаголы являются носителями признака интранзитивности. (Об оппозиции возвратности/невозвратности в русском языке см.: Бондарко А. В., 1971, 55–56.) В карельском

языке возвратные глаголы образуются как от переходных, так и от непереходных глаголов и являются транзитивными в том смысле, что действие в них направлено на субъект, который в этих случаях является и объектом действия. Таким образом, транзитивность карельских возвратных глаголов особого свойства – направленность действия на субъект – выражена морфологически, т. е. с помощью лично-возвратных суффиксов. Присоединяясь к основе глагола, лично-возвратные показатели указывают на действие, обращенное на его производителя, субъектом и объектом которого является одно и то же лицо или предмет. Возвратные формы образуются, как правило, от переходных глаголов, поэтому, естественно, от глаголов с транслативно-возвратной семантикой.

Исследование категории возвратности, особенно ее связей с категориями залога, переходности/непереходности, каузативности, отдельных средств ее выражения, привлекало внимание специалистов в области типологического изучения языков (Э. Генюше, В. П. Недялков, А. А. Холодович, В. С. Храковский), а также ученых, разрабатывающих теорию функциональной грамматики (И. Б. Долинина, М. А. Шелякин). Описаны возвратные образования во многих языках: русском, немецком, английском, латышском, литовском, мордовском, марийском, коми и др. Такой интерес закономерен, поскольку исследование возвратности включает все основные аспекты изучения языка в их взаимосвязи: морфологию, синтаксис, семантику, словообразование, лексикологию и фразеологию.

Центральной проблемой этих исследований, осуществляемых от формы к семантике, остается семантика возвратных образований, которая рассматривается преимущественно на материале возвратных глаголов. Традиционно все глаголы, имеющие возвратный показатель, например аффикс *-ся* в русском языке или *-и*, *-у* в собственно-карельском, *-kseh* в ливвиковском, *-ze* в людиковском наречии карельского языка, называются возвратными. Однако возвратный показатель может быть многозначным и иметь не только возвратное, но и взаимное или пассивное значение. В связи с нечетким употреблением термина «возвратный» ряд ученых различают возвратность и собственно возвратность. М. М. Гухман считает, что «возвратное значение имеет довольно

ограниченное, узкое содержание, определяемое известным синтаксическим отношением между субъектом, производителем признака, и самим признаком. Собственно возвратность означает лишь, что действие глагольного признака направлено на объект, являющийся в то же время субъектом-производителем этого признака (агентом)» (Гухман М. М., 1964, 105). Сходное определение дается А. А. Шахматовым: «Собственно-возвратный глагол означает, что действие глагольного признака имеет своим объектом физическую личность самого субъекта – производителя признака» (Шахматов А. А., 1941, 477).

Другая точка зрения на возвратность, точнее на семантику возвратных глаголов, представленная менее широко, заключается в том, что возвратность определяется не через соотношение субъекта и объекта действия, а рассматривается как характеристика самого действия. Постфикс *-ся* в русском языке, по мнению Н. П. Некрасова, «относится не столько к лицу или предмету действующему, сколько к самому действию, и определяет преимущественно не отношение действия к предмету, а самое значение действия, придавая ему смысл самостоятельного проявления...» (Некрасов Н. П., 1865, 313).

Исследуя рефлексивные глаголы в карельском языке, можно выделить классы рефлексивных глаголов, у которых «рефлексивный показатель» имеет структурную и семантическую функцию, обозначая рефлексивность, т. е. однореферентность ролей в широком смысле. Термином «рефлексивное» (собственно-возвратное значение) обозначается значение однореферентности двух актантов, передаваемое смыслом «себя». Глаголы этого типа обычно рассматриваются как собственно-возвратные, значение которых синонимично смыслу, передаваемому сочетанием «производящий» невозвратный глагол + себя. Кроме возвратных глаголов в языках имеются разнообразные средства, передающие возвратность: возвратные местоимения, лексемы с возвратным значением, синтаксические конструкции.

В карельском языке наряду со словоизменительной формой существуют и словообразовательные формы. Словообразовательные значения граммы *-и*, *-у* устанавливались путем сопоставления соответствующих возвратных и невозвратных глаголов.

Как сопоставимые мы рассматриваем такие возвратные глаголы, которые выводятся по значению из соответствующих в звуковом и морфологическом отношении невозвратных глаголов и отличаются от них только наличием, например, показателя *-utu -uty: istu-utu-u 'усаживается' (istu-u 'сидит')* (с.-кар.) или *-vi, -vii: peze-vii-n 'умываюсь' (peze-n 'мою')* (ливв.).

В карельском языке необходимым условием рефлексивности (возвратности) считается идентичность агенса и пациенса. Рефлексивные глаголы представляют действие как происходящее с субъектом или внутри субъектной сферы. Значение замкнутости действия в сфере субъекта, присущее рефлексивам, объясняется тем, что они во многом взяли на себя функции утраченного медиума, который выражал отнесенность действия к субъекту (Posti L., 1961, 335–357).

Рассмотренные нами толкования понятия «возвратность» свидетельствуют о том, что в языковой семантике выявляется категория возвратности, основными средствами выражения которой являются возвратные глаголы и местоимения. Между категорией возвратности и «возвратными средствами ее выражения» не существует однозначного соответствия. Этим во многом объясняется наличие двух подходов в определении категории возвратности, узкого, семантического, когда возвратность понимается как направленность действия на само действующее лицо, являющееся одновременно субъектом и объектом этого действия, и более широкого, формального, при котором лингвисты исходят из наличия формального показателя возвратности. При широком подходе значением возвратного показателя считается «самостоятельное проявление действия» (Некрасов Н. П., 1865, 313) или «замкнутость действия в сфере субъекта» (Янко-Триницкая Н. А., 1962, 245). Таким образом, возвратность может быть определена очень широко как некая общая соотношенность субъекта и объекта действия.

Возвратные формы широкоупотребительны в карельском языке. Определенную роль в образовании возвратных форм глагола, очевидно, сыграло и влияние русского языка. Под влиянием русского языка, вероятно, развились и разновидности значений возвратных форм в карельском языке. По семантическому признаку карельские

возвратные глаголы можно разделить на несколько подгрупп (которые в основном совпадают с разновидностями значений возвратно-среднего залога в русском языке):

1. Собственно-возвратное значение. В этом случае рефлексивный показатель (РП) обозначает, что действие имеет своим объектом физическую личность самого субъекта – производителя действия и это действие непосредственно направлено на его внешность. Устанавливается прямое соответствие между возвратными формами и основными формами *pestä* 'мыть', *šuořita* 'одеваться', *jaksua* 'раздеть'.

Peseutyö, *pestäkseh* 'мыться'; *šuořiutuo*, *šuořitakseh* 'одеваться'; *jaksautuo*, *jaksuakseh* 'раздеваться'; *Jogo pezittös? Jogo pezevüif?* 'Уже ли ты вымылся?' *Pitäy pešeytyö* 'Надо умыться' (KKS, 221); *Jaksoiheze*, *pani sumkažen laučale* 'Разделся, положил сумку на лавку' (KHC, 434); *Külbietäheze* *lavvoil* 'Парятся на лавках' (KKN, II, 3); *Tullah pertti*, *jaksetahaze*, *rubetah d'uomah čuajuo*, *koufeida*, *süvväh murgina* 'Заходят в избу, раздеваются, пьют чай, кофе, обедают' (KKN, II, 24); *Pezimökseh* *sigä muard'as tuldui d'ärver randaz da ištuiimme hengävüimme da sit sih küläh tulimme* 'Умылись на берегу озера, придя с ягод, сели, отдохнули и затем в деревню пришли' (ОЛР, 48).

2. Средне-возвратное значение. В этом случае РП обозначает, что действие не направлено на посторонний объект, а сосредоточено в сфере субъекта и сводится к внешним изменениям в состоянии субъекта (внешние, физические изменения и изменения в состоянии и положении субъекта).

Istavuo, *istuokses* 'садиться'; *kumarduo*, *kumarduakseh* 'наклониться'; *Kumarduakseh tervehüön luadijes* 'Поклониться при приветствии'; *Midäbo sinä nengaleite kumardelettos?* 'Чего ты так кланяешься?' (KHC, 338); *Istutahez* *kreslah i lähtietäh ajamah* 'Усаживаются в сани и едут' (KHC, 367); *Otti kumardakseh poigah* 'Стал кланяться сын' (KHC, 114); *Ga mene kävähätäi!* 'Ты иди сюда!' (KHC, 409); *Mäni meččäh – kumardelieči, kumardelieči, tuli kodih – sinčoih oijenduači.* – *Kirveš* 'Пошел в лес – кланялся, кланялся, пришел домой – в сених растянулся. – Топор' (КППЗ, 206); *Molodijad kummrdeuzuttai d'umalooden edes* 'Молодожены кланяются перед иконами' (ОЛР, 169).

3. Побочно-возвратное значение. Здесь РП обозначает, что действие, отстраняя объект или ставя его в косвенное отношение к себе, в то же время не охватывает и субъекта, а лишь как бы исходит из него.

Buabo *pidähes* minus 'Бабушка держится за меня' (конкретное); *Pidäje* minus lujembah! 'Держись за меня покрепче!' (СКЯ, 263).

Nügöi *piemmös* täs ruavos 'Теперь держись за эту работу' (абстрактное); *Pidiäkseh* lähembä dorogas 'Держатся ближе к дороге' (СКЯ, 264); *Pideleheze* juondas 'Он воздерживается от пьянки' (СКЯ, 263).

4. Каузативно-рефлексивное значение.

Palkatakseh paimoikse 'Наняться в пастухи'; *Taričeh* enzimäzeh taloih üökse 'Просится в первый дом на ночь' (КНС, 442); *Pidäü* minul lähtie *taritakseh*, eigo minuu ota, joute olles 'Надо мне пойти предложить от нечего делать, не возьмет ли меня' (КНС, 196); *Vot hänel on ülen keühü eländü i lähtöü* papile kazakakse *tariččemaheze* 'Живут они очень бедно, и сын идет проситься в работники к попу' (КНС, 412); *Tuli hiaruh, pagizi mužikanke, üäkse tariččüiheze* 'Пришел в деревню, поговорил с мужиком, попросился на ночь' (ОКР, 93).

5. Страдательно-возвратное значение. Отчасти оно совмещается с собственно-возвратным значением и возникает в тех же глаголах при неодушевленном субъекте.

Veneh *pračkahtih* kiveh 'Лодка ударилась о камень'; *Uksi pamahtüiheze* salbah 'Дверь захлопнулась'; *I kivi kiveh türskähtäh* 'И камень о камень стучается' (КППЗ, 71); *Iče gu Timka puroo hemehtü, kai lojahtah* 'Сам Тимка как ест горох, так целкает' (КНС, 376).

6. Страдательно-возвратное значение с коннотацией безлично-го субъекта.

Kujo *umbavui* lumel kogonah 'Проулок занесло снегом'; *Vilu pertih höürähtäh* uksen avattuu 'Холод в избу ворвется через открытую дверь; избу выстудит через открытую дверь' (СКЯ, 89).

7. Качественно-пассивно-безобъектное значение. Здесь РП, замыкая действие в самом субъекте, выражает наличие у субъекта характеристического свойства, обладание субъекта способностью подвергаться какому-нибудь действию.

Halgo *halgaheze* hänel lendäjen 'Дрова у него колются легко (с лёту)'; Veičettä *riičihez*, nieglatta *ombelehez*. – Jiä 'Без ножа по-рется, без иголки зашивается. – Лед' (КППЗ, 214).

8. Активно-безобъектное значение. Это значение выступает у возвратных глаголов, соотносительных с переходными глаголами без РП и обозначающих действие субъекта, фактически переходящее на какой-нибудь предмет, направленное на других, но мыслимое в отвлечении от объекта, как характеристическая, отличительная черта самого субъекта.

Koigu *purehes* 'Собака кусается'; Šiiloi *poltahes* 'Крапива жжется' (СКЯ, 278).

9. Взаимно-возвратное значение. В этом случае РП выражает взаимодействие субъекта и объекта как производителей и объектов процесса. Взаимное значение РП первоначально развивалось у возвратных глаголов именно в формах множественного числа. Понятие взаимности прежде всего включает в себе признак перехода действия с одного субъекта на другой или другие субъекты, признак взаимодействия двух или нескольких лиц.

Lehmät *puskietahes* 'Коровы бодаются'; Šikokset *sepävyttih* 'Сестры обнялись' (КРС, 156); Omat *sebäiltähes* vastah tulduu 'Свои обнимаются при встрече' СКР, 329); Kuzbo *tuttavuittokseh?* 'Где вы познакомились?' (ОР, 98); Vellekset *sepävyttih* 'Братья обнялись' (ККС, 340); A šin ker *sebeälimmökseh* vanhah loaduh 'А с ним мы обнимались по старым обычаям' (ККС, 339).

10. Обще-возвратное значение. В этом случае РП, замыкая действие в сфере субъекта, образует возвратные глаголы, выражающие изменения во внутреннем состоянии субъекта. Очевидно, это значение может возникнуть лишь в лексическом кругу глаголов со значением чувства, внутреннего душевного переживания. Возвратные глаголы внутреннего состояния не могут иметь страдательного значения. Соотношение субъектных и объектных значений в них иное, чем в глаголах «физических изменений». Здесь РП указывает на то, что субъект сам охвачен действием – состоянием (т. е. переживанием, чувством). Это значение родственно лексическому значению так называемых общих глаголов, которые не имеют соответствия среди простых форм.

Igävöijäkseh 'скучать', atkaloijakseh 'печалиться', kummittelakseh 'удивляться', ihailakseh 'восхищаться'; *Ihastuo* hüväle viestile 'Обрадоваться хорошей весту'; Hübö *ihastellaheze* ku pienet lapset 'Они радуются, как маленькие дети'; Mie *hätäyvyin* kokonah 'Я совсем растерялся' (КРС, 35); *Kačahlih* brihačču da *ükähtih*, iče pihale lähti 'Посмотрел парень, усмехнулся, сам во двор вышел' (КНС, 70); Häi *heittiheze* kuurehekse 'Глухим притворился' (КНС, 434); Eletäh ollah, i lambahakse *muutuldah* 'Живут-поживают, и превращает (невестка) ее в овцу' (КНС, 141); Häi itköü, itköü, kai *unohteleh* 'Она плачет, плачет, даже забывается' (ККН, II, 16); Še mužikka otti linnun *kaččuokseh*: «mitä šie, ukkozen, tästä linnuštä tahot?» 'Взял мужик птицу посмотреть: «что ты, мужичок, от этой птицы хочешь?»' (ККН, III, 34); Kaikin ollah vaikkani, *niakoindellaheze* 'Все молчат, отнекиваются' (ОКР, 84).

11. Косвенно-результативно-возвратное значение, выражающее полноту, исчерпанность проявления действия.

Süvväkseh 'наестся досыта', juvvakseh 'напиться'; *Lehmät süödihes* tuorestu heiniä 'Коровы наелись свежей травы'; Vaiku varoit ruvetah n'okkimah verestü kalua, reboi kerras ajau linnut iäres, *süöhes* iče da vaste sit piästäu vuoroh varoit 'Как только вороны начинают клевать свежую рыбу, лиса сразу прогоняет птиц, наестся сама, а потом подпустит ворон' (ОР, 64).

Под влиянием русского языка, очевидно, употребляются и возвратные формы глаголов – грамматические кальки с русского, например: *alkoakseh* 'начинаться', *kuččuheze* 'называется', *guadaheze* 'делается', *lugeheze* 'считается' и т. п., которые соответствуют в русском языке конструкциям со страдательным залогом. Järvi *kuččuheze* Pertärvi 'Озеро называется Пертозеро'. Безусловно, значения карельских возвратных глаголов не исчерпываются перечисленными выше, т. к. далеко не всегда они поддаются группировке по семантическому признаку.

Литература

Бондарко А. В. Грамматическая категория и контекст. Л., 1971.

Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.

Гухман М. М. Развитие залоговых противопоставлений в германских языках. Опыт историко-типологического исследования родственных языков. М., 1964.

КНС = Карельские народные сказки / Сост. У. С. Конкка. Л., 1963.

КППЗ = Карельские пословицы, поговорки, загадки / Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск, 1959.

КРС = Зайков П., Ругоева Л. Карельско-русский словарь (севернокарельские диалекты). Петрозаводск, 1999.

Некрасов Н. П. О значении форм русского глагола. СПб., 1865.

ОКР = Макаров Г. Н., Рягоев В. Д. Образцы карельской речи. Л., 1969.

ОЛР = Баранцев А. П. Образцы людиковской речи. Петрозаводск, 1979.

СКЯ = Макаров Г. Н. Словарь карельского языка (ливвиковский диалект). Петрозаводск, 1990.

Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. М., 1941.

Янко-Триницкая Н. А. Возвратные глаголы в современном русском языке. М., 1962.

КKN, II = Karjalan kielen näytteitä. Aunuksen ja Raja-Karjalan murteita / Julk. E. Leskinen. Helsinki, 1934.

КKN, III = Karjalan kielen näytteitä. Ent. Poventsan ja Kemin kihlakuntien karjalaismurteita / Julk. E. Leskinen. Helsinki, 1936.

КKS = Karjalan kielen sanakirja. 1 osa. LSFU, 1968. XVI, 1; 2 osa. LSFU, 1974. XVI, 2; 3 osa. LSFU, 1983. XVI, 3; 4 osa. LSFU, 1993. XVI, 4; 5 osa. LSFU, 1997. XVI, 5.

OP = Omil pordahil. Petroskoi, 1999.

Posti L. Itämerensuomalaisen verbitaivutuksen kysymyksiä // Virittäjä. Helsinki, 1961. № 65. S. 351–366.

Фонетические условия бытования формантов -l'a, -lu, -l в ойконимии Карелии

Топонимная модель -la/-lä, ее истоки и функционирование на территории современной Карелии – одна из практически не изученных проблем карельской топонимики.

В карельском языковом ареале тип топонимов с суффиксом -la/-lä представлен в названиях домов и поселений. Известно, что в прибалтийско-финских языках тип топонимов с суффиксом -la/-lä первоначально возникает как наименование домов, в которых к имени основателя присоединялся данный суффикс. Позднее, когда поселение разрасталось, название первого дома, родового гнезда, распространялось на образованную деревню (Nissilä V., 1962, 62).

Исходя из карельского топонимического материала, антропонимные основы, к которым присоединялся суффикс -la/-lä, можно разделить на две большие группы. Это христианские имена (и восходящие к ним фамилии) и нехристианские имена и фамилии.

Наиболее многочисленную группу топонимов l-овой модели составляют антропонимы, восходящие к православным именам. Здесь мы имеем дело с карелизованным христианским именем: Ossippala: с.-кар. Ossippa < рус. Осип; Prokkol'a: с.-кар. Prokko < рус. Прокопий; Jussila: с.-кар. Jussi < рус. Иван; D'essoilu: ливв. D'essoi < рус. Евсей; Jyrgil: ливв. Jyrgi < рус. Егор; Kibroilu: ливв. Kibroi < рус. Киприан.

В свою очередь, нехристианский именовслов достаточно пестр по своим истокам. В него включаются как собственно-личные имена, так и прозвища, при этом провести границу между ними достаточно сложно. И те и другие отражались в патронимах или родовых фамилиях, часть из которых могла позднее перейти в

официальные. Ниже приведены некоторые примеры отражения нехристианского именовслова в ойконимах I-ового типа:

Činkkilä (Пирттигуба). В двух домах данной деревни жили братья Činkin Simana (< рус. Семён), Činkin Kormila (< рус. Корнилий). Официальной же фамилией братьев Činkki была Антипов (Virtaranta P., 1978, 125).

Ruhol'a (фам. Ругоев; Костомукша); Vuččila (vučči 'бочка'; Янгозеро); Hukkala (hukka 'волк'; Вокнаволоок).

Keksoilu (kekšoi 'большой живот' фам. Кекшоев (KKS); Тулокса); Kanoilu (kanoi 'курица'; Мегрега); Kažil (kaži 'кошка'; Тулокса).

В топонимии на -la хорошо прослеживается традиция карельского именовслова. В то же время неантропонимные основы практически не нашли отражения в этой ойконимной модели. Это обстоятельство оказывается существенно важным для понимания механизма появления палатализованного варианта суффикса -la в собственно-карельской и сосуществования фонетических вариантов в ливвиковской топонимии.

Если на территории современной Финляндии I-овая модель представлена двумя ее фонетическими вариантами -la/lä, то в карельской топонимии ситуация несколько иная. Здесь мы сталкиваемся, с одной стороны, с тремя фонетическими типами -la/-lä/l'a, функционирующими на территории собственно-карельского наречия, с другой стороны, с отличными от упомянутых выше фонетическими вариантами -lu/-l, представленными в ливиковском ареале.

В финском и карельском языках существует последовательная гармония гласных, означающая, что в одном простом слове могут употребляться либо гласные заднего ряда а, о, у, либо гласные переднего ряда ä, ö, y. Переднерядные же гласные е, і нейтральны, т. е. они могут сочетаться в слове как с гласными переднего ряда, так и с гласными заднего ряда.

Эта фонетическая закономерность в целом прослеживается и на топонимическом материале, в частности I-овой модели: Nekkala (Вокнаволоок); Tuhkala (Кестеньга); Äppälä (Реболы); Кууrolä (Вокнаволоок); Kurgila (Янгозеро); Haroilu (Видлица);

Tykkyl (Тулокса); Aleksal (Ильинский); Čärhäl (Куйтежа); Nurmoilu (Нурмойла).

Но рассматривая ойконимы l-овой модели Беломорской Карелии, наряду с распространенным типом -la/lä мы столкнулись с упомянутым выше фонетическим типом -l'a с палатализованным консонантом.

При анализе данной модели выявляются некоторые закономерности в ее функционировании:

1. Суффикс -l'a присоединяется к антропонимам, в которых представлены гласные заднего ряда.

2. Практически все антропонимы, к которым присоединяется данный суффикс, имеют конечный гласный -o: Prokkol'a (Вокнаволок, Кестеньга, Костомукша, Сяргозеро); Himol'a (Поросозеро); Rebol'a (Реболы); Vaskol'a (Кестеньга); Kaskol'a (Вокнаволок); Levol'a (Кестеньга); Čohol'a (Тумча).

Исключение составляют топонимы на -l'a в районе Кестеньги, где эта модель представлена не только в ойконимии, но и в названиях домов: Mattil'a, Pekkal'a, Kusmal'a.

При этом, как явствует из примеров, здесь нет четкой привязки суффикса к основам на -o. Видимо, значительная активность модели привела со временем к размыванию фонетических условий ее бытования. Об этом свидетельствует и параллельное функционирование двух фонетических вариантов (с -la и -l'a) ряда топонимов: д. Akkala~Akkal'a, дом Siitarila~Siitaril'a.

Конечный -o в антропонимах – суффикс, свойственный прибалтийско-финским именам. Имевший первоначально деминутивную семантику, он постепенно обобщился в антропонимах в качестве маркера личного имени. При этом фонетически он восходит к первоначальному дифтонгу oi (Наkulinen L., 1968, 144). Это относится как к нехристианскому, так и к христианскому именованию: Kautsoi, Hekoï (Helena), Ogoï (Olga), Maaroi=Maijoi (Maria) (Forsman A. V., 1894, 206–208).

В ливвиковском и людиковском именовании суффикс -oi сохраняется в качестве закономерного структурного элемента антропонимов вплоть до сегодняшнего дня: Pešoi (< рус. Петр), Natoi (< рус. Наталья), Griigoï (< рус. Григорий) и т. д. В собст-

венно-карельском же ситуация изменилась в соответствии с общеязыковой фонетической закономерностью.

Уже в прафинском языке существовала фонетическая закономерность, в соответствии с которой в дифтонгах *oi*, *öi*, *ui*, *yí* в конце безударного слога выпадал второй его компонент.

Она последовательно отражается в собственно-карельском наречии и ряде финских диалектов, в частности, в имперфектных и деминутивных формах, также, например, в формах множественного числа: *emopen* 'матушка' (<*emoinen) (Бубрих Д. В., 1948, 104–107); *antoma* 'мы отдали' (<*antoima), *kučču* 'он позвал' (<*kučču) (Зайков П. М., 1999); *pikku ahvenet ruoton'en* 'мальки окуня с костями' (<*ruotoineen) (Räisänen A., 1972, 289).

Выпадение *-i* в собственно-карельском наречии наглядно проявляется при сопоставлении с ливвиковским. В ливвиковском наречии наблюдается последовательное сохранение *i*-овых дифтонгов: *puutui* 'он оказался', *seizatui* 'он остановился', *kukoi* 'петух', *mečoi* 'глухарь' (Itkonen T., 1971, 153–152). В собственно-карельском наречии в данных случаях выступают без *i*-овые формы: *puuttu*, *seisattu*, *kukko*, *meččo*.

Утрата конечного *-i* в дифтонге повлекла за собой ряд фонетических изменений, одно из которых – палатализация.

Смягчение происходит обычно в том случае, когда гласный *-i* или согласный *-j* находятся после переднерядных *t*, *s*, *n*, *l*, *r*: *kot'i* 'дом'; *pal'l'as* > *paljas* 'голый'; *tykkäs'i* 'любил' и т. д.

Но наряду с такой регрессивной палатализацией существует прогрессивная, где в безударном слоге конечный *-i* дифтонга либо утрачивается полностью, либо его позиция ослабевает. Редукция *i*-ового дифтонга сопровождалась своеобразной передачей оттенков *-i* последующему согласному – дентальным *t*, *n*, *l* и *h* (Itkonen T., 1968, 77). В результате происходила палатализация последних: *karvan'en* (<*karvainen); *pellol'l'a* 'на полях' (<*peldoilla); *keinu'n* 'качаюсь' (<*keinuin) (Itkonen T., 1968, 87).

Финский лингвист М. Рапола пишет о том, что признаки фонетической утраты *-i* с последующей палатализацией ощутимы в восточных диалектах финского языка на территории Саво, в восточной части Карельского перешейка и на юге Саймаа. «Отголоски» существовавшего некогда *i*-ового дифтонга в виде смягче-

ния топонимного суффикса -la (Hiukol'a, Paskol'a) встречаются также в Центральной Финляндии, в районе Päijät-Häme (Rapola M., 1966, 478–479). По мнению Т. Итконена, они проникли туда довольно поздно из Саво (Itkonen T., 1968, 87).

Х. Оянсуу также предполагает, что именно утрата гласного -i могла повлиять на палатализацию -l в топонимах на -la (Rebol'a, Himol'a) (Ojansuu H., 1918, 85).

Истоки же явления восходят, видимо, к древнекарельскому. Это явление, по мнению финского исследователя Х. Лескинена, было заимствовано предками карел из древнерусского языка в XI веке на западном и юго-западном побережье Ладожского озера. Таким образом, палатализация есть результат влияния древнерусского языка (Leskinen H., 1990, 379–380).

В районе Кайнуу компонент -i начинает исчезать, по мнению А. Ряйсянена, после 1550-х годов. На исчезновение, видимо, оказали влияние диалекты Северного и Среднего Похьянмаа, в которых утрата -i была обычным явлением, причем эти диалекты повлияли и на последствия выпадения -i, а именно на то, что здесь палатализации не возникало (Räisänen A., 1972, 309).

Исследователь пишет, что установить хронологические рамки исчезновения -i очень сложно. Во-первых, утрата происходила постепенно, во-вторых, многое находилось во власти писаря документов. По данным топонимии, зафиксированной в старых документах, последний компонент дифтонга исчезает практически полностью к началу XVIII века – Kukkola: в 1672 году Kuckoila, также и в 1710, 1740, 1745 годах, но в 1725 году Kuckola (Räisänen A., 1972, 310–311).

Возвращаясь вновь к условиям появления палатализованного варианта суффикса -l'a, можно в русле представленной выше фонетической закономерности констатировать, что утрата конечного элемента безударного дифтонга oi из антропонимов (Kaskoi > Kasko; Prokkoi > Prokko) закономерно приводила к палатализации следующего за редуцированным -i дентального -l в ойконимии на -la.

Если говорить об ареале распространения топонимов с палатализованным суффиксом -l'a на территории Карелии, то он совпадает с территорией собственно-карельского наречия. В этом контексте закономерным выглядит довольно последовательное

отражение палатализованного варианта -l'a в виде -ля в земельной книге Кексгольмского лена 1637 года, описывавшей население Северного Приладожья: Раголя, Киroyля, Сорояля, Кимболля и т. д. Как явствует из примеров, -ля выступает в позиции после основы на -о, то есть аналогично представленным выше севернокарельским примерам. Фонетические условия бытования -l'a сохранились в Северном Приладожье в неизменном виде вплоть до XX века. Об этом свидетельствуют образцы речи, записанные в 1960-х годах от уроженцев прихода Импилахти: *Minä olin yhtenä kezän siel... Hippol'as* 'Я был однажды летом там... в Хипполя; *Minä ku ukkol'ah men'in...* 'Я когда замуж (ukkol'a) вышла...' (Punntila M., 1992, 65).

Все вышесказанное позволяет предполагать, что истоки палатализованной модели -l'a восходят к периоду нахождения карел в Приладожье, где в речи древних карел, видимо под влиянием древнерусского языка, на рубеже тысячелетий происходит выпадение конечного элемента безударных i-овых дифтонгов с палатализацией последующих дентальных t, n, l и h. Топонимия l-ового типа распространяется в Приладожье, судя по некоторым изысканиям финляндских топонимистов, видимо, после XV века с приходом населения с запада (Lehikoinen L., 1981; Kepsu S., 1988, 232) и в соответствии с фонетической закономерностью Северного Приладожья дистрибутируется на -la, -lä, и -l'a.

При этом ареальная дистрибуция, намечающаяся в употреблении палатализованного -l'a и непалатализованного *-la > -lu вариантов суффикса после исторического дифтонга *oi на топонимическом материале, подтверждается апеллятивами, которые, правда, в целом составляют очень немногочисленную группу слов в прибалтийско-финских языках: с.-кар. -toattol'a (<*toattoila) (Itkonen T., 1968, 80); *miehoila 'дом мужа, замужество', которое в собственнокарельском ареале известно как miehol'a: *Mie olin jo miehol'assa* (Vuok.) 'Я была уже замужем' (Вокнаволок) (KKS).

В то же время в ливвиковских диалектах от Суоярви на восток стабильно наблюдается сохранение -i и отсутствие палатализации суффикса -miehoilu: *Ongo hyvä olla miehoilas* (Vit.) 'Хорошо ли быть замужем' (Видлица) (KKS).

Возвращаясь к функционированию l-ового суффикса в топонимии ливвиковского ареала, нужно отметить, что ойконимы на -l (в виде -l или -lu) широко распространены прежде всего в Олонецкой Карелии. Финский языковед В. Ниссиля предполагает, что такая активность l-овой модели связана с особенностями сельскохозяйственного освоения данной территории, где человеку отводилось важное место (Nissilä V., 1973, 271). Другими словами, в номинации главную роль играют человек, его имя, а не, к примеру, особенности ландшафта.

Нужно отметить, что наряду с ойконимами на -lu/-l используются параллельные названия одних и тех же поселений, в которых модель на -la выступает в качестве определения к детерминанту – апеллятиву со значением 'деревня' (кар. kylä, hieru): Keksoilu = Keksoilankylä, Keksoinkylä; Vuaččil = Vuaččilanhieru; Kerkel = Kerkelänhieru. В этом ряду примеров особенно примечателен вариант Keksoinkylä, где атрибутом является антропоним, не оформленный l-овым суффиксом.

Интересным является и тот факт, что разные варианты личного имени человека впоследствии ложились в основу ойконимов: Ноškil (Лумбозеро) < кар. Hoski < рус. Осип; Ноškoilu (Вешкойла) < кар. Ноškoі < рус. Осип.

Как видно из примеров, названия двух деревень Ноškil и Ноškoilu образованы от двух карельских вариантов православного имени Осип. Причем выбор того или иного имени, как явствует из примеров, имеет непосредственную связь с выбором фонетического варианта суффикса -lu/-l. В ливвиковском ареале l-овая модель, как уже упоминалось выше, представлена двумя фонетическими вариантами -lu/-l.

В связи с этим возникает множество вопросов: Как объяснить наличие конечного гласного -u данного суффикса? Существует ли закономерность в выборе присоединения суффиксов -lu или -l'?

В системе конечных гласных ливвиковского наречия действовал существенный фонетический закон, согласно которому конечный гласный -a/-ä переходил в гласный -u/-у в следующих случаях.

1) Если слово являлось двусложным и первый слог был исторически длинным, напр.: villu 'шерсть', randu 'берег', liävy 'хлеб' (сравн. kala 'рыба').

2) В многосложных словах, напр.: harakka > harakku 'сорока', alusta > alustu 'основа', ruhäillä > ruhäilly 'гром'.

Но если же предыдущий слог оказывался открытым, конечный гласный -a/-ä в многосложных словах исчезал, напр.: matala > madal 'мелкий', palttina > paltin 'полотно', riehtilä > riehtil 'сковорода'.

По мнению Т. Итконена, предки ливвиковских карел заимствовали эту фонетическую закономерность из вепсского языка. В вепсском языке данная закономерность выражалась в том, что в двусложных словах (в которых первый слог исторически был длинный) и во всех многосложных словах происходило отпадение конечного гласного, напр.: pelto > peud 'поле'.

Вепсский язык оказал влияние на карельский таким образом, что в карельском конечный гласный сначала редуцировался, а затем отпадал. Появились такие формы, как jalg 'нога', peld 'поле', которые существуют сейчас в людиковском наречии карельского языка (Itkonen T., 1971, 172).

В ливвиковском же диалекте этот фонетический процесс имел продолжение:

– конечные гласные не подверглись изменению и выпадению. Напр.: peldo 'поле', lindu 'птица';

– слова, оканчивающиеся на гласные -a/-ä, получили следующие формы: a > *ã (редуц.) > u: jalga 'нога' > jalgã > jalgu; izändä > 'хозяин' > izändã > izändy (Itkonen T., 1971, 172).

Исходя из вышеупомянутых фонетических законов, попытаемся объяснить конечную огласовку топонимов l-ового типа ливвиковского ареала.

В ойконимах, образованных с помощью фонетического варианта -l (суффикса -la/-lä), наблюдается та же фонетическая закономерность, что и на апеллятивном уровне. Происходит выпадение конечного гласного -a/-ä при открытом предшествующем слоге, напр.: Jyrgil (Ведлозеро), Hoskil (Лумбозеро), Radil (Видлица) (сравн. апеллятив madal 'мелкий').

Анализ фонетического типа -lu выявляет аналогичные собственно-карельскому ареалу закономерности функционирования данной модели, а именно: суффикс -lu присоединяется к антропонимам, которые оканчиваются на деминутивный суффикс -oi и в них в соответствии с гармонией гласных представлены заднерядные гласные: Hoskoilu (Вешкойла); Martoilu (Мергега); Karoilu (Тулокса); Jeroilu (Мергега); Kanoilu (Мергега); Timoilu (Крошнозеро); Reboilu (Видлица).

Как уже было сказано выше, суффикс -oi характерен для прибалтийско-финских имен. В ливвиковском наречии карельского языка он сохраняется не только в антропонимах, но и на апеллятивном уровне: kukoi < kukko 'петух'; meŕoi < meŕŕo 'глухарь'.

Важно отметить, что специфической ливвиковской особенностью является обобщение слабой ступени согласных в открытом слоге перед дифтонгом на -i, прежде всего это касается деминутивных форм (Genetz A., 1884, 126). Иначе говоря, -i подобно согласному закрывает слог. Это выглядит закономерным, если вспомнить фонетический закон, согласно которому переход конечного гласного -a/-ä в гласный -u/-y в многосложных словах происходит, если предпоследний слог является закрытым (сравн. апеллятив ha-tak-ku и ойконим Je-roi-lu).

Однако необходимо заметить, что в антропонимах на -oi в отличие от деминутивных форм существительных, образованных с помощью данного суффикса, выступает сильная ступень согласных: Kukkoilu, Vuáčŕoilu, Prokkoilu. Финский языковед А. Генетц пишет о подобных исключениях, происходящих и на апеллятивном уровне (напр., tyttöi) (Genetz A., 1884, 126).

Подводя итоги, мы пришли к следующему выводу: сохранение -i в дифтонге oi в ливвиковском наречии повлекло за собой замену конечного гласного -a на -u (Reboilu), тогда как утрата данного гласного в собственно-карельском привела к палатализации последующего согласного -l (Rebol'a).

Литература

- Бубрих Д. В.* Историческая фонетика финского-суоми языка // Советское финноугроведение. Петрозаводск, 1948. Т. VIII.
- Зайков П. М.* Грамматика карельского языка. Петрозаводск, 1999.
- Поземельная книга Кексгольмского лена 1637 года.
- Forsman A. V.* Tutkimuksia Suomen kansan persoonallisen nimistön alalla / SKS. Helsinki, 1894.
- Genetz A.* Tutkimus Aunuksen kielestä. Helsinki, 1884.
- Hakulinen L.* Suomen kielen rakennus ja kehitys. Helsinki, 1968.
- Itkonen T.* Aunuksen äänneopin erikoispiirteet ja aunukselaismurteiden synty // Virittäjä. 1971. № 2.
- Itkonen T.* Itäsuomalaisen liudennuksen fonologinen paradoksi. SUST 145, Helsinki, 1968.
- KKS=Karjalan kielen sanakirja. 1 osa. 1968; 2 osa. 1974; 3 osa. 1983; 4 osa. 1993. Helsinki.
- Kepsu S.* Pohjois-Kymenlaakson kylännimet. SKST 367. Hämeenlinna, 1988.
- Lehikoinen L.* Kirvun talonnimet. Karjalaisen talonnimisysteemin kuvaus. SKST 493. Hämeenlinna, 1981.
- Leskinen H.* Vepsän, karjalan ja inkeroisen asemasta kolmen äännepiirteen valossa. Itämeren suomalaiset kielikontaktit. KKTJ 61. Helsinki, 1990.
- Nissilä V.* Ortodoksisia henkilönnimiä Aunuksen kylännimistöissä. SUSA 72. Helsinki, 1973.
- Nissilä V.* Suomalaista nimistöntutkimusta. Helsinki, 1962.
- Ojansuu H.* Karjala-Aunuksen äännehistoria. Helsinki, 1918.
- Punttila M.* Impilahden karjalaa. Castrenianumin toimitteita 41. Joensuu, 1975.
- Rapola M.* Suomen kielen äännehistorian luennot / SKS. Helsinki, 1966.
- Räsänen A.* Kainuun murteiden äännehistoria. 1 vokaalisto / SKS. Helsinki, 1972.
- Virtaranta P.* Vienan kyllä kiertämässä. Helsinki, 1978.

Некоторые итоги социолингвистического исследования по формированию новой лексики в карельском языке

Процесс создания письменной формы языка непосредственно связан с развитием языковой структуры. Язык подвергается значительному воздействию экстралингвистических факторов: интенсивное использование языка в массовой коммуникации, сфере образования, написание учебников и грамматик – все это стимулирует развитие прежде всего новых пластов лексики. Лексические новообразования впоследствии могут закрепиться в языке, войти в его активный словарный фонд, могут быть заменены новыми, более удачными лексемами. Язык и отдельные его элементы (в том числе и лексика) являются участниками процессов социализации. К таким процессам относятся «...социально обусловленный отбор и функциональное закрепление вариантов, как спонтанно порожденных эволюционирующей системой данного языка, так и проникших из родственных лингвем (языков, диалектов, просторечия и т. д.), присвоение и усвоение иноязычных заимствований вплоть до целостной лингвемы литературного языка ...полная смена языка в том или ином социуме и т. п.» (Диакроническая социолингвистика, 1993, 9). К процессам социализации языка относится и нормализация языковых форм. Расширение сфер функционирования языка в процессе его развития и прежде всего распространение образования и усиливающееся воздействие средств массовой коммуникации обычно сопровождаются значительной унификацией всей речевой практики. Для признания нормативности языкового явления выделяются, по крайней мере, три признака: соответствие данного явления структуре языка; массовая и регулярная воспроизводимость данного явления в процессе коммуникации; общественное одобрение и

признание соответствующего явления нормативным (Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, 338). Последний признак реализуется при кодификации того или иного языкового явления. Изучение процессов социализации языка входит в предметную область диахронической социолингвистики.

Создание письменности предполагает решение задач по упорядочению и нормированию языка. Этот процесс в первую очередь должен быть связан с теми разрядами лексики, которые несут наиболее точную, однозначную информацию о том или ином предмете, действии, процессе и определяются как термины. В карельском языке в настоящее время закрепляются некоторые группы терминов (так, например, Республиканской терминологической комиссией выпущен первый бюллетень «Лингвистической терминологии», обсуждаются и утверждаются школьная терминология и общественно-политическая лексика). Причем тенденцией в терминообразовании можно сейчас назвать создание слов на базе собственных средств карельского языка. Для сравнения, в начале 1990-х годов в употребление вводились наряду с исконными формами обильные заимствования из русского и финского языков.

При образовании языкового соответствия тому понятию, которое ранее не было отражено в языке, важно учитывать следующие моменты: удачно ли создано новое слово с точки зрения принципов словообразования и семантической точности, имеет ли оно тенденцию к закреплению, а главное, ясна ли семантика слова пользователю языка. Анализ перечисленных аспектов позволит, в свою очередь, определить наличие у нового языкового явления (в данном случае новых лексических единиц) названных выше признаков, необходимых для признания его нормативным. Определенную пользу могут оказать данные социолингвистического эксперимента. Такое исследование было начато нами в 1992–1993 годах и продолжено в 1998–2001 годах. Для его проведения была составлена социолингвистическая анкета, включавшая соответственно социологическую и лингвистическую части. Социологическая часть анкеты состояла из демографических вопросов, а также вопросов о языковой биографии, языковом окружении и о настоящей языковой деятельности информан-

тов. Кроме того, сюда входили вопросы, касающиеся языковых умений и навыков на основе самооценки. Основной же частью анкеты явилась лингвистическая. Целью лингвистических заданий было выяснить, какие варианты (например, заимствования из русского и финского языков, представляющие собой семантически тождественные формы) используются носителями языка предпочтительнее, какие имеют шанс впоследствии закрепиться в языке, не вызывают ли новообразования затруднений в понимании*. В анкетах было предложено перевести на карельский язык небольшой текст традиционного содержания, включавший некоторые понятия в новом языковом оформлении; перевести с карельского языка слова, ранее употреблявшиеся чаще всего в описательной форме; выбрать одну из единиц дублетной лексики, а также перевести на русский язык предложения, включающие варианты единицы, т. е. имеющие дублет.

Общее количество информантов в течение периода 1992–1993 годов составило 192 человека в возрасте от 9 до 79 лет. Среди анкетированных были как сельские, так и городские жители. Так называемыми объектами исследования стали: 1) школьники сельских школ, а также города Олонца (поскольку с 1991 года началось преподавание карельского языка в школах); 2) владеющие карельским языком жители сел и городов Петрозаводск и Олонец; 3) студенты факультета прибалтийско-финской филологии и культуры Петрозаводского университета, изучавшие карельский язык. В ходе исследования мы старались придерживаться таких требований, как массовость и репрезентативность.

Как уже было указано, одним из заданий в анкетах стал перевод на русский язык десяти лексем, представляющих собой новообразования, так как ранее в карельском языке в данном виде и значении они не использовались. Слова были взяты из публикаций в газете «Oта тиа» (из номеров, выпущенных в 1992–1993 годах). В основном это были моносемичные лексемы, которые впоследствии могли бы употребляться в терминологическом значении или стать самостоятельными терминологическими едини-

---

*В статье приведены данные по ливвиковскому наречию карельского языка.

цами. Поэтому перевод их предлагался без контекста. Среди лексем были: 1) *muuttolinnut* 'перелетные птицы' (заимствование из финского языка, представляет собой сложное слово, обе части которого известны в карельском языке – *muuttua* 'менять, переменять', *lindu* 'птица'); 2) *leboräivü* 'выходной день' (образовано по финскому образцу от *leroräivä*, но оба компонента сложного слова известны в карельском языке: однокорневое слово *lebävüs* обозначает 'отдых', карельское *räivü* 'день'); 3) *riälinnu* 'столица' (данного понятия не было в карельском языке, но оба компонента сложного слова являются собственными элементами); 4) *mielikohtu* 'любимое место' (представляет собой новообразование в форме сложного слова, составленного из карельских слов *mieli* 'настроение' и *kohtu* 'место'); 5) *rahvahanlugu* 'численность населения' (является калькой от финского *väkiluku* с двумя собственными компонентами *rahvas* 'народ' и *lugu* 'счет'); 6) *lugumiärgü* 'численность, количество' (калька с финского *lukumäärä*, обе части сложного слова известны в карельском языке – *lugu* 'счет', *miärgü* 'мера'); 7) *sobimus* 'договор' (в газетных текстах использовалось в виде заимствования от финского *sopimus*; в карельском языке существует глагол *sobie* 'ладить, улаживать'); 8) *mustoräças* 'памятник' (образовано по финскому образцу от *muistoräças*, но обе части сложного слова есть в карельском языке – *räças* 'столб', *mustua* 'помнить'); 9) *ilmasto* 'климат' (в данном значении заимствовано из финского языка, но в карельском имеется *ilmu* 'погода'); 10) *tiedokeskus* 'научный центр' (создано под влиянием финского *tietokeskus* в том же значении; в карельском языке известна первая часть сложного слова *tiedo* 'знание', второй компонент – финское заимствование).

Анализ данных лингвистических заданий, выполненных школьниками, изучавшими карельский язык, показал, что возрастной группе 9–10-летних информантов понятны такие слова, как *muuttolinnut*, *leboräivü*, *riälinnu* (переводилось в основном буквально как 'главный город'), *mustoräças* и *ilmasto*. Только один отвечавший лексему *riälinnu* перевел как 'голова'. Таким образом, в процессе обучения школьники усвоили часть вновь образованных слов и семантика этих слов учащимся в основном ясна. Остальные пять лексем школьникам были неизвестны.

Студентами были переведены практически все предложенные слова. В целом восприятие новых слов было тождественно их семантике. Единственная лексема, вызвавшая затруднение, – *sobimus*. В качестве переводов были следующие варианты: 'соглашение', 'договор', но наиболее часто встречалось 'согласие'. В данном случае можно говорить о влиянии семантики исконного глагола *sobie*.

Несколько иная картина выявилась при анализе ответов карельязычных информантов более старшего возраста, не изучавших в момент опроса карельский язык в учебных заведениях.

Большинство отвечавших не перевели слова *muuttolinnut*, небольшая часть информантов перевели его правильно, несколько анкетированных написали просто 'птицы'. Многие поясняли, что такого понятия в карельском языке нет, но оно может быть переведено описательно, например: *lämmän ruolen linnut*.

Лексема *leboräivü* переводилась информантами этой группы в основном верно, в некоторых ответах был просто 'день'. В качестве синонима назывался также *ruhäpäivü*.

Не вызвал затруднений перевод слова *piälinnu*. Но следует отметить, что некоторые отвечавшие указывали свой вариант употребления этого понятия – русское заимствование *stolitsa*. В одном из ответов встретился такой перевод, как 'птица', очевидно, под влиянием созвучности второй части сложного слова с карельским *lindu* 'птица'.

По-разному было истолковано слово *mielikohtu*. В основном семантика лексемы была понята правильно – 'любимое место, любимый край, место по душе', среди вариантов была даже 'родина'. Предлагался также синоним *paraskohtu*. В нескольких же случаях встретился перевод 'мнение'; в данном случае можно говорить об ориентации при переводе на финское слово *mielipide* со значением 'мнение, точка зрения', т. е. знание финского языка стало здесь причиной неправильного понимания лексемы, несмотря на то, что обе части сложного слова являются исконными словами карельского языка.

Гораздо больше затруднений вызвал перевод слова *rahvanlugu*. Меньшая часть отвечавших перевели его правильно как 'численность населения'. Среди ответов были такие, как 'люди',

'численность', 'народный счет'. Один информант под вопросом написал 'собрание'. Согласно данным анкет, можно сделать вывод, что семантика слова была ясна тем, кому знаком финский эквивалент *väkiluku*. Большинство информантов значения слова не поняли.

Лексему *lugumiäri* переводили в основном как 'мера'. Значение сложного слова практически большинством понято не было. Среди ответов встретился, например, такой, как 'счет+мера'. Также был вариант 'техника чтения', т. е. мера чтения, счета (информантом был учитель карельского языка). Таким образом, семантика данной кальки для большинства была неясной.

Финское заимствование *sobimus* переводилось во многих ответах как 'дружба, дружеские отношения, содружество' (под влиянием карельских слов *sobie* 'ладить', *sobu* 'дружба, согласие'). Практически не было ни одного правильного ответа – 'договор'. Один из информантов под вопросом написал 'одежда' (под влиянием карельского *soba*).

Значение слова *mustoräças* только часть отвечавших поняла как 'памятник'. Многие написали 'памятный столб', т. е. дали буквальный перевод. Среди ответов встретились такие, как 'километровый столб' и даже 'черный платок'. В некоторых ответах указывалось, что в данном значении можно употреблять русское заимствование *ramätniekku*.

Наибольшие затруднения при переводе вызвала лексема *tie-dokeskus*. Большинство информантов не перевели ее. Единицы ответили правильно, двое написали просто 'центр'.

В следующем задании было предложено прочесть варианты перевода нескольких русских слов и далее использовать один из вариантов при переводе предложений с русского на карельский язык. Это задание на выбор дублетной лексики выявляло предпочтения информантов, поскольку в качестве вариантов были предложены либо исконные карельские слова, либо русские или финские заимствования: руководитель – *piälizmies* и *johtai* (ср. фин. *johtaja*); газета – *gaziettu* и *lehti* (фин. заимствование); район – *rajon(u)* и *piiri* (фин. заимствование); пенсия – *penziel* и *eläkeh* (ср. фин. *eläke*); урок – *urokku* и *oppitunti* (фин. заимствование); оценка – *oçenku* и *arvosana* (фин. заимствование).

Результаты анализа ответов среди школьников показали, что из первой пары дублетов преимущественно был выбран вариант *johtai*; во втором предложении практически все информанты написали *gaziettu*; из пары *rajon(u) – piiri* большинством было выбрано русское заимствование; в последних трех предложениях в 100% ответов были употреблены русские заимствования – *urokku, penziel, oŕenku*.

Иначе отвечали студенты, изучавшие карельский язык в вузе. Из первой пары дублетов примерно 60% выбрали карельское *piälizmies*, 40% – финское заимствование *johtai*. Во втором предложении большинство информантов использовали финское заимствование *lehti*, примерно 35% отвечавших – *gaziettu*. Из пары *rajon(u) – piiri* первый вариант выбрали приблизительно 40% отвечавших, второй вариант – соответственно около 60%. Преимущественно русские заимствования были выбраны из дублетных пар *penziel – eläkeh*, *urokku – oppitunti*. В последнем предложении одна треть студентов выбрали русское *oŕenku*, остальные – финский вариант *arvosana*.

Группа информантов более старшего возраста в 85% ответов употребили лексему *piälizmies*, в 80% – *gaziettu*, в 80% – *rajonu*, в 100% – *penziel, urokku*, в 85% – *oŕenku*. Старшая по возрасту категория карелоязычных информантов по преимуществу пользуется русскими заимствованиями при отсутствии собственного понятия в карельском языке.

Далее предлагалось перевести на русский язык четыре предложения, взятых из текстов газеты «*Oma tuua*», с целью выяснить, насколько понятны информантам такие лексемы, как *seuras* (фин. заимствование со значением 'в обществе, в союзе'), *ozaruoli* (в значении 'член, участник'), *pluanat* ('планы', заимствовано из русского), *kuri* – в значении 'дисциплина' (по аналогии с финским *kuri*). Лексемы были включены в предложения:

Karjalan rahvahan seuras oli monii sadoi karjalazii. 'В Союзе карельского народа насчитывается много сотен карел'.

Minä olen Vepsän kultuuruseuran ozaruoli. 'Я – член Общества вепсской культуры'.

Neil ollah suuret pluanat. 'У них большие планы'.

Ruavas oli kova kuri. 'На работе была жесткая дисциплина'.

Школьникам перевод этих предложений стал недоступен. Студенты практически все верно перевели предложения; при переводе второго предложения многие написали 'я являюсь частью' (а не членом), очевидно, под влиянием карельского *oza* 'часть'. При переводе последнего предложения встретился вариант: 'На работе был строгий закон'. Один информант перевел следующим образом: 'У незрелых (овощей, фруктов) твердая кора' (карельское *kuogi* 'кора' созвучно слову *kuigi*).

Информанты более старшей возрастной группы переводили первое предложение как: 'В Карельском народном обществе много сотен карел', 'Союз карельского народа насчитывает несколько сотен карел', 'В Карельском центре культуры много сотен карел'. Таким образом, смысл словосочетания *Karjalan rahvahan seugas* в основном был понят правильно.

Перевод второго предложения у большинства не вызвал затруднений. Лексему *ozaruoli* информанты переводили русскими эквивалентами 'представитель, член'. Тем не менее часть отвечающих не нашли правильного соответствия данному понятию. Так, один из информантов, не поняв смысла сложного слова, указал, что первая его часть по-карельски означает 'счастье'.

Третье предложение анкетируемые перевели без особого труда, т. е. русское заимствование *ruapat* 'планы' закрепилось в карельском языке. Последнее предложение было переведено в основном верно, лишь один информант написал свой вариант: *Ruavas oli kova elos* 'У народа была суровая жизнь'.

Кроме перечисленных заданий в части анкет было предложено перевести на карельский язык следующие слова и словосочетания: площадь Ленина, площадь Карелии, профессия, хобби, синица, контакт, связь, рассказ, писатель, перечень, точка, восток, запад, завтрак, дарить, веселый. Большинство этих понятий до последнего времени не имели карельских эквивалентов. Отвавшие предложили следующие варианты своего перевода данных слов:

«Площадь Ленина» переводилась собственной единицей *Leninan lagevo, lagivo, lagevu*, а также финскими – *Leninan katu, aukio* и русскими заимствованиями в русском и финском написании – *Leninin plošadi, ploššadi*, площади, площадка, площадку. Наи-

большее количество вариантов пришлось на русское заимствование *plöšadi*, а также на карельское *lagevo*.

«Площадь Карелии» в значении «территория» не была переведена ни одним информантом, лишь единственный написал *Karjalan katu*, неверно истолковав значение словосочетания.

«Профессия» переводилась в большинстве ответов как *ruado* или *ruado*. Некоторые указали финский вариант понятия – *amatti*. Многие ответили, что прямого соответствия этому понятию в карельском языке нет, но в данном значении можно употреблять словосочетания *Häi ruatoi, häi oli* или заменить вопросами *Kenekse opastuit?, Kenennübo ruat?*

Понятие «хобби» переводилось как *hobbi* или *hobbi*, но чаще употреблялись словосочетания, состоящие либо из двух исконных элементов, либо из одного исконного, второго – русского заимствования: *armas dielu, mieles ruado, armas ruodu, mielitändö dielo, mielehine ruado, südäizen ruodaliine, dielo*.

Слово «синица» в основном не вызвало затруднений для перевода, однако не все нашли ему карельское соответствие. Среди вариантов перевода были: *tiaine, tiukku, тиаине*. Кроме того, встретились также: *линдуйне* ('птица'), *кэвят линду* ('весенняя птица'), *синине линду* (дословно 'синяя птица'). В одном переводе было *tshirkone*.

«Контакт, связь» переводились следующими вариантами: *ühteüs, sobu* ('дружба'), *kosketus, yhtevyz, vastavus*, а также *ухтеюс, sviäzi*.

Различные варианты были предложены информантами при переводе лексемы «рассказ». Большинство перевели финским заимствованием *kerdomus*, также встретились карельские варианты: *саномийне, суарну, санома, саномус, kirjoitus, soornu, pagin*.

Разными способами было образовано слово «писатель»: *kirjaili, kirjoja, kirjuttai, kirjoitai, кирьёттай*. В нескольких ответах было предложено русское заимствование 'писатели'.

Одним из наиболее трудных для перевода явилось слово «перечень». Некоторые информанты указали, что произносят его по-русски; среди русских заимствований встретилось также 'списку'. Один информант написал, что в карельском языке нет эквивалента понятию «перечень», но в данном значении можно употребить

следующие словосочетания: *sanele minul, kirjoittele minul* 'скажи мне, перечисли мне'. Среди исконных вариантов чаще всего были указаны *luvvi, lugu, luvus*, в одном случае – *čötaičus*. Встретилось также финское заимствование *luvettelo* (ср. фин. *luettelo*).

Ранее не использованному в карельском языке слову «точка» информантами были предложены следующие соответствия: *tippi, pilku* (фин. *pilkku* 'запятая'). Наиболее часто указывалось *čoke* (*čokke*) – вновь образованное слово от глагола *čokata* 'сунуть' и уже достаточно устоявшееся в карельском языке, что свидетельствует об удачном в данном случае словообразовании.

Лексему «восток» информанты переводили в основном сложным словом *päivänpouzu* или *päiväizennouzu*. Кроме того, встретилось также финское *idä* и русское заимствование 'стокка'. Некоторые указали, что данное слово они произносят по-русски.

Слово «запад» переводилось как: *luade, länzi* (финское заимствование), *päivänlasku, päiväizenvierü* и даже *lounas*. Следует отметить, что не все информанты сумели перевести данное понятие на карельский, указав, что произносят его в речи по-русски.

«Завтрак» большей частью переводилось как *huondesvero*, а также *huondessyöndykerdu*, хуондес суомийне, русским заимствованием 'завтракка'.

Глагол «дарить», соответствия которому в виде одного слова нет в карельском языке, был переведен так: *anduo* ('давать'), *anduo mustokse* ('давать, отдавать на память'), *anduo podarkakse* ('давать в подарок', причем если первый элемент словосочетания – исконный глагол, то второй компонент – русское заимствование).

Прилагательное «веселый» большинством информантов было переведено русским заимствованием, достаточно прочно утвердившимся в карельском языке, – *vessel*.

Кроме того, отвечавшим предлагалось перевести на карельский названия месяцев года. Среди ответов в основном были собственные названия: *rakkaskuu* 'январь', *tuhukuu* 'февраль', *kevätkuu* 'март', *sulakuu* 'апрель', *oraskuu, tougokuu* 'май', *kezäkuu* 'июнь', *heinäkuu* 'июль', *elokuu* 'август', *süvüskuu* 'сентябрь', *li-gakuu* 'октябрь', *külmükuu* 'ноябрь', *talvikuu* 'декабрь'. Кроме того, некоторые перевели русскими заимствованиями: январь, фев-

рали, марту, апрелю, майю, июни, хейнюкуй (собственное название), августу, сентябрю, октябрю, ноябрю, декабрю.

Анкетирование было продолжено в 1998–2001 годах. Количество информантов составило около 150 человек. Лингвистическая часть анкет включала два задания: перевод на русский язык карельских слов – новообразований, часть из которых является собственными единицами или образованиями на основе собственных единиц, финскими заимствованиями или кальками, образованными по финскому образцу. Вторым заданием был перевод с русского на карельский слов, приближающихся по значению к терминологическим единицам, или которые можно использовать в терминологическом значении.

Среди слов для перевода на карельский язык были: район, решение, Пенсионный фонд, депутат, парта, учебник, правительство, республика, линейка, физкультура, значение, переводчик, организация, союз, член организации, выборы, мэр, двойка, закон. Данный набор слов можно отнести к двум тематическим группам лексики, входящим в употребление в карельском языке, – общественно-политической и школьной. Анализ анкетных данных показал следующие результаты:

«Решение» перевелось как *piätändü* или *piätös*. «Пенсионный фонд» – *eläkkehön fondu*, *eläkefondu* (первая часть сложного слова – фин. заимствование, вторая часть – заимствование из русского). «Депутат» был переведен заимствованием из русского *deputaatto*, *deputaattu* или из финского *edustai*. Слово «парта» переводили различными вариантами: русским заимствованием *partu*, сложным словом, образованным из собственной лексемы и русского заимствования *opastusstola*, *ruupartu*. Среди вариантов перевода слова «учебник» были: *kniigu*, *opastandukniigu*, *opastuskniigu*.

Для большинства информантов стал недоступен перевод лексемы «правительство»; среди ответов были финское заимствование *hallitus*, а также *valdivolline piämiehistö*. Слово «республика» переводили как *tasavalta*, *tasavaldu*, *valdivo*.

Школьные термины «линейка», «физкультура», «двойка» переводились как *viivatus* (*viivotin*, *viivatti*), *voimistelu* (*voimistelurokku*, *voimistelutunti*), *kaksi* (*kaksoine*, *kakkoine*).

В качестве переводов слова «значение» были предложены merkičus, pidävüs. Достаточно мало информантов перевели слова «организация», «союз», «член организации». Среди переводов соответственно были: järjestö, liitto и jäsen (все фин. заимствования).

Наибольшее число ответов было при переводе слов «выборы» – vallindot, valličus, vaalit, vallitus, valličendu и «мэр» – linnan piäherru, piämies, piälikkö.

Лексема «закон» была переведена в основном вариантами русского заимствования zakonu, zakon, zuakkonu, а также были предложены käskü (käsküs) в значении «приказ».

Данные подобных исследований могли бы помочь в деле создания новых слов, с точки зрения выбора как наиболее удачных приемов словообразования, так и лексической базы. Поскольку большое количество новых слов в карельском языке (особенно на страницах печати) являются авторскими неологизмами, то, возможно, и самим авторам было бы интересно узнать – понятен ли его неологизм читателю. Многие информанты предлагали в ответах свои варианты перевода. Это также, на наш взгляд, можно было бы учитывать при создании новых групп лексики, в том числе и терминологической.

Литература

Диахроническая социолингвистика. М., 1993.

Л. Маркианова, Т. Бойко. Карельско-русский словарь. Петрозаводск, 1996.

Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Топонимия Валаама русского происхождения

Валаам, один из островов одноименного архипелага, расположен в северной части Ладожского озера. Свыше пятидесяти островов образуют Валаамский архипелаг, среди которых выделяется своими размерами остров Валаам. Если площадь всего архипелага 36 кв. км., то площадь острова Валаам составляет его большую часть – 27,8 кв. км. Вторым по величине островом архипелага является Скитский, расположенный вблизи Валаама. Его площадь всего 2,8 кв. км. К средним по величине островам можно отнести: Предтеченский, Байонной, Святой, Лембос, Емельяновский. Остальные – маленькие скалистые или совсем крошечные голые острова.

Самыми высокими точками на Валааме являются гора Чёрный Нос высотой 36,3 м и гора Феодоровская высотой 42 м, имеющая вид усеченного конуса. Немного выше (51,8 м) гора Большая Скитская на острове Скитском. Выше других островов в архипелаге поднимается Лембос из группы Байевых островов. Его высота достигает 58,2 м (Михайлова Л. В., 1992).

Острова Валаамского архипелага еще в давние времена были известны людям, так как расположены они вблизи населенных материковых берегов Ладожского озера.

Приблизительно в I тысячелетии до н. э. из внутренней части лесной полосы Восточной Европы к Балтийскому морю пришли племена, являющиеся языковыми предками современных финнов, карелов, вепсов, эстонцев, води, ливов и ижоры. Древнее прибалтийско-финское население, по мнению Д. Бубриха, жило на небольшом участке между Рижским и Финским заливами. До территории современных Финляндии и Карелии они еще не дошли, «там еще кочевали отдаленные языковые родственники древних прибалтийских финнов – лопари (саамы), представлявшие

собою бродячих охотников, рыболовов, оленеводов» (Бубрих Д. В., 1947, 10, 11).

Территория Карельского перешейка вокруг Ладожского озера была первоначальной областью поселения племени Корела, одной из групп прибалтийских финнов. В IX веке это племя заняло северо-западное и северное побережье Ладожского озера.

В X–XI веках усилились связи населявших Карелию племен со славянами. Южная часть Карелии вошла в состав Древнерусского государства. В это время на территорию Карелии начинает проникать славянское население (Очерки истории Карелии, 1957, 1, 42–43).

В начале XII века церковная миссионерская деятельность из Новгорода распространилась до южного побережья Ладожского озера. Большую роль в распространении христианства на Руси играли монастыри, которые стали возникать почти сразу же после принятия христианства. Помимо монастырей, возникших вблизи Новгорода, стали появляться монастыри в окрестностях Ладоги, одним из которых был Валаамский монастырь.

Кто были первоначальными обитателями острова Валаам? Достоверных исторических сведений не сохранилось. Археологические раскопки на острове не проводились. В 1984 году на о. Валаам работал Приладожский отряд Карельской археологической экспедиции (начальник отряда Г. А. Панкрушев). В отчете экспедиции говорится о том, что в X–XI веках остров Валаам был почти полностью под водой и стал пригодным к заселению не ранее XI–XII веков. По той же причине, вероятно, на острове Валаам отсутствуют досредневековые памятники, хотя имеются места, пригодные для древних поселений.

Когда на остров пришли первые монахи и основали здесь мужской православный монастырь – точно неизвестно. По монастырским источникам, на Валааме уже в X веке был православный монастырь Святой Троицы (Путешествие по святым местам русским, 1840, 135).

В финской литературе отмечается, что основание православного монастыря на Валааме относится к XII веку (Valamo ja sen sanonta, 1982, 1–10). По мнению российских историков, монастырь был основан не ранее начала XIV века. Нет точных сведений и об основателях монастыря Сергии и Германе, так как руко-

писное житие их было утрачено из-за многочисленных войн, опустошавших монастырь.

Спасо-Преображенский Валаамский монастырь находился под покровительством русских царей и получал от них жалованные грамоты. Жалованная грамота великого князя Василия II освобождала крестьян, живших на монастырских землях, от государственных пошлин и повинностей в пользу монастыря. По писцовой книге 1500 года Валаамский монастырь приобрел 200 хозяйств на побережье Ладожского озера.

Валаамский монастырь становится также и крупнейшим культурным центром на Русском Севере. Там переписывались и переводились многочисленные книги.

Наряду с такими известными монастырями, как Палеостровский, Муромский, Коневецкий, Соловецкий, Валаамский монастырь занимался миссионерской деятельностью и являлся крупнейшим центром православия на северо-западе Русского государства.

Долгое время Валаамский монастырь находился на Русском Севере между Швецией и Россией. Шведы, захватывая русские земли, насильно обращали православное русское и карельское население в лютеранство. С этим было связано переселение Корелы с основной территории к реке Неве и в другом направлении – в современную Среднюю и Северную Карелию. Шведы часто нападали на Валаамский монастырь. В 1611 году они вновь высадились на Валааме. Часть монахов и игумен Макарий были ими убиты, храмы и кельи разрушены. Оставшиеся в живых монахи укрылись в Васильевском монастыре близ Старой Ладоги.

В 1617 году Россия вынуждена была заключить со шведами Столбовский мир, по условиям которого она уступала Швеции Ижорскую землю с городами Ямь, Копорье, Ивангород, Карельский уезд с г. Корела (ныне г. Приозерск) и остров Валаам. Россия лишилась выхода к Балтийскому морю.

Корела героически выдержала это великое испытание. Она начала свое знаменитое «великое переселение». «Исход карел» («карельских выходцев» – в терминологии документов XVII века) «явился убедительной демонстрацией веками складывавшейся дружбы народов русского и карельского» (Чернякова И. А., 1989, 3).

С 1617 по 1715 год острова Валаамского архипелага являлись территорией Шведского государства. В ходе Северной войны (1700–1721) Россия вернула западную часть Карелии и Валаамский архипелаг. В 1715 году государь Петр Великий издает указ о восстановлении Валаамского монастыря. После провозглашения 31 декабря 1917 года государственной независимости Финляндии от России острова Валаамского архипелага отошли к Финляндии и на Валааме расположился финский гарнизон, более 250 солдат с артиллерией. Валаам становится центром православной жизни Финляндии. Здесь проводились ежегодные съезды духовенства. В начале февраля 1940 года монастырь, около 150 монахов и послушников, был эвакуирован в Финляндию. Валаамский архипелаг находился в запустении до 1949 года, когда здесь появилось первое постоянное послевоенное население. Более 10 лет действовала на Валааме турбаза Карельского областного совета по туризму и экскурсиям, которая была закрыта в 1982 году в связи с образованием историко-архитектурного и природного музея-заповедника. В декабре 1989 года на острове был вновь открыт мужской православный монастырь, который действует и в настоящее время.

Сложная история Валаама, многочисленные войны, пожары, отсутствие на острове долгое время постоянного населения привели к тому, что многие исторически сложившиеся названия объектов Валаамского архипелага были утрачены и могут быть прослежены только по историческим документам. Важным источником, раскрывающим историю Валаама, являются топонимы и особенно микротопонимы.

В настоящее время многие географические объекты имеют по 2–3 названия и более. Так, например, озеро Никоновское на Валааме имеет также топонимы: Щучье, Никкананлампи, Niikkananlampi (фин.). Второе название острова Никоновский – Ягодный. Залив Осочный называют также: бухта Дивная, Шаралахтинская бухта, залив Саралаhti, Saralahti (фин.). Валаамский монастырь является важным духовным и культурным центром русского государства на Севере. Исследование культуры Валаамского монастыря поможет лучше уяснить общие тенденции

развития культуры русского народа и продвижения русского государства на Север.

Топонимия Валаамского архипелага представляет собой значительный по объему пласт слов, отражающий разные стороны жизни населения Приладожья: хозяйственно-экономический уклад, духовную культуру, восприятие окружающего мира, природы, мировоззрения.

Выгодное расположение островов Валаамского архипелага в районе наибольшей глубины Ладожского озера, микроклимат острова, суровый и переменчивый характер Ладоги, резкая смена направления и силы ветра, наличие на острове Валаам многочисленных бухт, заливов, озер и каналов, сочетание хвойных лесов с искусственными посадками, редкие растения, своеобразие животного мира наложили свой отпечаток на региональную топонимическую систему.

Географические названия (топонимы), являющиеся своеобразными историческими памятниками, помогут нам узнать историю Валаама. Они расскажут нам о том, кто жил на этой земле, чем занимались здесь люди, какими были их быт и мировоззрение.

В силу исторического развития топонимия Валаама имеет уникальный характер. В ней отразились влияния как карельского языка, так и финского, шведского и русского языков. Несмотря на то, что многие географические объекты имеют карельские и финские названия, большую группу составляют русские по происхождению топонимы. Это объясняется, вероятно, тем, что на протяжении многих веков единственным постоянным населением Валаама являлись монахи, которые говорили на русском языке.

Целью данной статьи является исследование топонимов русского происхождения. В XIX – нач. XX века, когда территория Валаамского архипелага вошла в состав Финляндии, многие русские по происхождению названия были усвоены финским языком, транслитерированы или переведены, а затем вновь заимствованы русскими из финского. Например: гора Змеиная – Käärmevuori – гора Кярмевуори; Красный залив – Punainenlahti – Пунайненлахти. Во всех транслитерированных с финского языка топонимах географический объект упоминается дважды: остров Емельянсари, где финское saari 'остров',

гора Исон-Скиттанмяки, mäki 'гора', русское название – гора Большая Скитская.

Северо-восточная оконечность острова Скитский – мыс Вюволок, окаймленный каменной отмелью, лежит напротив Валаама, это западный входной мыс бухты Монастырской. Топоним Вюволок является гибридом, т. е. состоит из двух слов: финского и русского. Вуо в переводе с финского 'пояс, кушак'. Волоком в старину называли перешеек между двумя бассейнами, по которому перевозили суда. Слово «волок» имело также значение «путь лесом, перегон лесом». Из названия Вюволок можно предположить, что по этому мысу на острове Скитский проходил круговой, опоясывающий путь лесом. На острове Скитский действительно было построено несколько дорог (Михайлова Л. В., 1994, 90).

За основу классификации русских топонимов Валаамского архипелага может быть принята следующая:

1-я группа. Топонимы-существительные:

а) простые: Аэродром, Пожня, Ферма, Карьер, Кабан, Пень, Стрельбище, Собор, Поселок, Крюк.

2-я группа. Это словосочетания:

а) сочетание существительных с именами собственными: Савельев хутор, Часовня Зосимы и Савватия, Сосна Шишкина;

б) топонимы с субстратными элементами, этимологизированными нерусскими языками: Кураканиеми;

в) словосочетание прилагательного с существительным: Горелый лес, Чёрный Нос, Красная Гора, Золотой Берег, Воскресенский скит, Финская застава, Красная щель;

г) словосочетание числительного с существительным: Первая точка, Вторая точка, Первый песочек;

д) сочетание двух прилагательных: Восточный Сосновый;

е) прилагательное: Высокий, Рыбачий, Святой, Дивный, Петровское, Феодоровское.

3-я группа. Словосложение:

а) словосложение имен: Константиноеленинская (от имен Константин, Елена);

б) словосложение прилагательных: Среднеостровский, Ново-иерусалимский.

4-я группа. Суффиксальные:

а) мужской род: -ов, -овск, -вск, -ик, -ок: Беланов, Петровский, Никоновский, Луковый;

б) женский род: -ов, -овск, -вск, -ск, -н: Зимняковская, Петровская, Царская, Неводная, Попова;

в) средний род: -ев, -ов, -овск: Лещево, Крестовое, Никоновское, Витальевское, Петровское, Германово.

Топонимия Валаамского архипелага сформировалась под влиянием различных факторов, главными из которых являются естественно-географическая среда, социально-исторические условия, мировоззрение населения Валаама и материковой части Приладожья.

К древним топонимам Валаама относятся субстратные топонимы, потерявшие внутреннюю форму для русских. Остров Ржаной имел первоначальное название: Лихочун, Лохочун, Лухочун. Уже множество вариантов говорит о том, что первоначальная форма утрачена и лишь отдельно о ней напоминает современное название. К этой же группе топонимов можно отнести такие названия, как Мамай, Ряпой, Западный Гунго.

К языческим относятся топонимы, отражающие религиозные представления древних жителей Валаама и всего Приладожья. В дохристианские времена Валаамский архипелаг был местом поклонения языческим богам, как и другие острова Ладожского озера. Языческие религии – это «религии одного языка, ориентированные на отдельное замкнутое сообщество людей и являющиеся специфическим продуктом творчества данного народа» (Шаповалов В. Р., 1998, 131).

В древних верованиях аборигенов севера особое место занимал культ камней, которые напоминали силуэтные изображения животных и птиц. В статье «О культе гор и его месте в истории религии» С. А. Токарев отмечает, что насчитывается не менее десяти разновидностей культа гор, «восходящих к разным историческим эпохам и разным условиям жизни людей» (Токарев С. А., 1982). Такими священными камнями, возможно, являются небольшие острова на Ладожском озере, например Гусь-камень, расположенный к юго-востоку от о. Валаам.

Священным был и Конь-камень на о. Коневец, расположенном в Ладожском озере к югу от острова Валаам. Настоящее название острова, по местному преданию, связано с языческим обрядом. Как рассказывает легенда, местное население с ближайшего берега использовало этот остров как пастбище для коней. Они верили, что коней охраняли духи, скрывающиеся под большим камнем, его называли «коневым», этому камню приносили в жертву коня. Конь-камень находится на северо-западном берегу острова, в долине под Святой горой. Он имеет вид конуса. На этом камне была поставлена монахами часовня, а на Святой горе позднее был построен скит. Гора эта названа Святой после явления Божией Матери монаху Иоакиму, ученику св. Арсения. Преподобный Арсений пришел на остров с Валаама в 1393 году и «изгнал от камня нечистого духа, который в виде ворона перелетел на материк в бухту против монастыря, отчего та бухта и получила название Чортова лахта, а остров, где монастырь, – Коневец» (Историко-статистическое описание Коневского монастыря, 1869).

В восточной части Валаама находится гора Чёрный Нос, которую называют также Лысая Гора. Известный исследователь язычества Б. А. Рыбаков в книге «Язычество древних славян» пишет, что «само название "Лысая Гора" уже говорит в пользу древнего ритуального места. В позднейшие христианские времена с Лысыми горами связывали всегда предания о нечистой силе, о шабашах ведьм и ведьмаков» (Рыбаков Б. А., 1981, 230). В языческие времена на Лысых Горах устанавливались идолы, жертвенники, совершались ритуальные обряды. Такими священными горами могли быть возвышенности или горы, верхняя часть которых специально расчищалась. Возможно, поэтому их называли «лысыми».

Безлесая вершина Лысой Горы на Валаама была также местом совершения языческих обрядов. Как символ новой веры был установлен монахами на скале большой деревянный крест под навесом. Крест был хорошо виден издали с Ладоги и служил маяком для рыбаков.

Культ гор, горных вершин, т. е. ближайших к нему точек, был известен повсеместно, «это явление, – отмечает Б. А. Рыбаков, – было общечеловеческим». В таких местах часто ставили кресты и

строили католические или православные храмы, посвященные святым, которые замещали древних языческих богов.

Широкое распространение среди языческих славян имел топоним Девичий. На Валааме мы встречаем дважды это название. Это остров Девичий в южной группе Емельяновых островов и полуостров Девичий, являющийся южной оконечностью Валаама (Михайлова Л. В., 1992, 96).

Существуют многочисленные объяснения и топонима Валаам. По нашей версии, название острова Валаам произошло от имени языческого бога Ваала, т. е. имеет тоже языческое происхождение. Вероятно, православные монахи-миссионеры, распространяя христианство, посетили остров в Ладожском озере, где они обнаружили языческое капище и дали ему символическое название, по имени бога Ваала, олицетворяющего все язычество. Ваал почитался как языческий бог плодородия и жизни среди части древних евреев и финикийцев. Ваал (Баал-Хаад) или Гад – это божество ханаанской (сиро-палестинской) мифологии, с которым приходилось соперничать библейскому богу. Ваал посылает дождь и росу, орошает нивы и виноградники. Ваала представляли умирающим и воскрешающим богом, подобно Озирису или Дионису. Имя Ваал означает «владыка», «хозяин». Есть у Ваала эпитеты: «Могучий Воин», «Владыка Земли», «Ездящий на облаках».

Славянам и другим народам имя Ваала было известно из Библии, в которой показана борьба между Господом Богом и языческим богом Ваалом, т. е. борьба христианства и язычества. «Оставили господа и стали служить Ваалу и Астартам» (Библия. Книга судей Израилевых, 1968, 260).

В географических названиях Царства Иудейского и Израильского встречается также топоним Ваал: Ваал-Фегор, Ваал-Перацим, Беф-Ваал-Меон. Это языческие места: «...и сказал Давид: Господь разнес врагов моих предо мною, как разносит вода. Посему и месту тому дано имя Ваал-Перацим» (Библия. Вторая книга Царств, 1968, 332).

Второе название горы Змеиной, возвышающейся в южной части острова Валаам, «гора Кармил», было заимствовано еще в XIX веке валаамскими монахами из Библии, так как Кармил это место, где устраивались жертвенники Ваалу: «...теперь пошли и со-

бери ко мне всего Израиля на гору Кармил, и четыреста пятьдесят пророков Вааловых. И взяли они тельца, который дан был там, и приготовили, и призывали имя Ваала от утра до полудня, говоря: Ваале, услышь нас!» (Библия. Третья книга Царств, 1968, 385, 386). И на Валааме, на горе Змеиной, тоже были «высоты Вааловы», «горы Валаама», совершались языческие обряды, что еще раз подтверждает происхождение названия острова Валаам от имени языческого бога Ваала (Михайлова Л. В., 1992).

Древней языческой земле посвятил свою картину «Святой остров» (1917 год), созданную под впечатлением поездки на Валаам и услышанных здесь легенд, известный художник и путешественник Н. К. Рерих. На картине изображен остров, лишенный растительности. В изрезанной трещинами скале выделяются лики, напоминающие нам древние изваяния. С левой стороны к острову подходит ладья с двумя святыми старцами – Сергием и Германом, основателями мужского православного монастыря на Валааме, искоренившими на острове язычество.

Таким образом, уже в дохристианские времена острова Валаамского архипелага были связаны общностью культовых отправлений.

К православным названиям Валаама относятся топонимы, связанные с миссионерской деятельностью православных монахов. Это, прежде всего, топоним Святой, принадлежащий острову из группы Байевых островов, расположенных к востоку от Валаама. В описании карты Валаамских угодий, составленной в 1785 году землемером Эриком Колониусом, этот остров был также назван Старый Валаам (Валаамский монастырь и его святыни, 1990, 45). Есть предположение, что первоначально именно здесь был основан преп. Сергием и Германом монастырь. На этом острове в 1474–1485 годах жил в отшельничестве валаамский монах Александр, основавший впоследствии на реке Свирь Троицкий монастырь и получивший имя Александр Свирский. Его считали в монастыре валаамским святым, поэтому и остров получил название Святой.

На Валааме и островах, принадлежащих монастырю, с целью распространения православия и закрепления монастырских владений строились скиты, часовни, ставились кресты, окрестности

получали новые названия. В Валаамском монастыре насчитывается около 10 поклонных крестов, деревянных и гранитных, установленных в различных уголках острова. На берегу озера Хирмуламппи, получившего позднее название Крестовое, на вершине горы Чёрный Нос – Лысой Горе, где совершались языческие ритуальные обряды, монахи поставили деревянные кресты под навесом, после чего появились на острове микротопонимы «у креста». Топоним Крестовый имеют и остров Никольский и восточная группа островов Валаамского архипелага.

В различных уголках Валаама – в лесу, на дорогах, в бухтах были построены часовни. Одни из них были названы в честь известных икон: часовня Знамения Божией Матери, часовня Казанской Божией Матери и др., остальные часовни получили свое название в честь различных святых: часовня Во имя препод. Нила Столбенского, часовня Во имя св. Пророка Елисея.

До наших дней сохранились на Валааме названия бухт, заливов, мостов и дорог, одноименных с расположенными вблизи часовнями и скитами: Никольский залив, Предтеченский пролив, Скитский залив, Владимирский мост, Тихвинский мост.

В Валаамском монастыре до середины XIX века были распространены общежитский, скитский образ жизни и отшельничество. Отшельники жили в пещерах, в лесах, на уединенных островах, принимали дополнительные обеты: отказывались от пищи, носили вериги, спали в гробу, т. е. выполняли различные «подвиги». Поэтому многие топонимы на Валааме произошли от имен этих монахов: Антониевское озеро, Витальевское озеро, бухта Феодоровская, Никоновская дорога, Серапионовская дорога и другие.

К северу от о. Валаам до его восточной окраины тянутся низменные, небольшие Петровские острова. Такое же название имеют северный мыс, бухта и целый район северной части Валаама. Название этому району Валаама было дано в честь Петра I, очевидно в 20-х годах XVIII века, так как в результате Северной войны Россия вернула выход к Балтийскому морю, утраченные земли, принесла освобождение и Валааму. В 1715 году Петром I был издан указ о восстановлении на острове монастыря.

В память о пребывании на Валааме известного русского художника И. И. Шишкина названа великолепная сосна – памятник

природы Сосна Шишкина. Художник неоднократно бывал на Валааме и посвятил природе острова свои многочисленные произведения, такие как «Сосна на Валааме», «Вид на острове Валааме» и другие.

Некоторые топонимы на Валааме связаны с хозяйственной деятельностью монастыря. Так, в районе Феодоровской бухты можно пройти по дороге до Первого песочка. Этих объектов три, они представляют собой ряд маленьких бухт с ровным дном. Песок использовали в строительстве, а песок для присыпки чернил даже продавали. В восточной части острова монахи также добывали песок, этот район известен под названием Карьер. Топоним Кирпичный относится к объектам, расположенным около кирпичного завода, это Кирпичное поле, Кирпичный карьер, Кирпичная канава. На скалах Валаама имеются надписи: «Проведена сия канава в 1859 г.», «Сооружена сия канава в 1865 г.». Канава – это старинное русское слово. Канавами называли каналы Вышневолоцкой и Мариинской систем. Искусственный канал на Валааме, соединяющий внутренние озера Лещевое и Среднеостровское, называется Кирпичная канава. Топоним Берег Кожевенного завода подтверждает, что именно в северной части Валаама монахи занимались кожевенным ремеслом.

В монастыре были острова Ржаной, Овсяный; поля Гороховое, Турнепсовое и другие, которые засеивались овсом, ячменем, рожью, турнепсом, картофелем, горохом. Бухта и островок напротив маленькой монастырской мельницы, в одной из юго-восточных бухт Валаама, называются Мельничными.

К северу от Валаама находится остров, названный монахами Бредневым. Бредни – это сети типа невода. Около острова Бредневый у монахов был садок для загона рыбы, из которого они ловили ее бреднем.

Валаамские монахи создали на Валааме модель Иерусалима, с соответствующими ему объектами и названиями. На острове встречаются такие топонимы, как гора Елеон, Сион, Фавор, Мертвое море, река Иордан, Гефсиманский сад. Эти названия были перенесены на Валаам из Палестины.

В 1901 году в западной части Валаама началось строительство Воскресенского скита с храмом, названным Новый Иерусалим.

Именно в Палестине имеется Иерусалимский храм, недалеко от которого расположены поток Кедрон, река Иордан, Гефсиманский сад, Мертвое море.

На Валааме также имеется свой поток Кедрон, за которым в 1911 году был основан Гефсиманский скит. Окрестности скита также имеют библейские названия: это гора Елеон, Успенская церковь, Вознесенская часовня. За воротами Гефсиманского скита дорога идет дальше, через Никоновское поле, называемое также Иосафатовой долиной. Следующим объектом с библейским названием Мертвое море является одно из внутренних озер Валаама – Лещевое.

К западу от Валаама расположен остров Предтеченский, на котором в 1858 году была поставлена деревянная церковь и основан скит. Объяснение топониму Предтеченский мы можем также найти в Библии, согласно которой, «Предтеча» – это «Святой Иоанн», который «крестил Иисуса в реке Иордан». Этот остров неслучайно называли Предтеченским. Здесь жизнь была строже, чем в монастыре и других скитах.

Среди русских по происхождению топонимов Валаамского архипелага можно выделить следующие группы: характеризующие размер, цвет, расположение объекта, особенности растительного и животного мира, водоемов. Так, размеры характеризуют топонимы Малый, Большой: Большая Никоновская бухта, Малая Никоновская бухта.

По цвету различаются топонимы: Чёрный – это гора Чёрный Нос и бухта Чёрная; Зелёный, Красный. Мыс Красный в действительности имеет красноватый цвет. Такое впечатление создается за счет железа, входящего в состав габбро-диабазы – основной породы Валаама. Окисляясь на воздухе, железо приобретает красноватый цвет, характерный для скал Валаама. Широкое распространение на Валааме имеют топонимы Каменный, Скалистый, Гранитный, Голый, Сухой.

Многие топонимы островов в Ладожском озере связаны с растительным миром. Некоторые из них имеют топоним Сосновый, так как преобладающим типом растительности на этих островах является сосна. К растительным топонимам относятся Осинový, Ольховый, Яблоневый, Луковый, Березовый, Тростяной, Осочная.

Животный мир Валаама отражается в топонимах Лосиный, Олений, Лисий, Налимий, Щучий, Лещевый, Сиг, Угревый.

На Валааме имеется несколько смежных географических объектов с топонимом Зимняковский, это залив, озеро, поле, мыс. Топоним Зимняк на русском диалекте Олонецкой губернии обозначает юго-восток и ветер того же направления, а зимняковский – к зимняку относящийся.

Краткое знакомство с географическими названиями Валаама показывает, что для изучения истории родного края топонимы имеют не меньшее значение, чем исторические и культурные памятники.

Литература

- Библия. Вторая книга Царств. М., 1968.
Библия. Книга судей Израилевых. М., 1968.
Библия. Третья книга Царств. М., 1968.
Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947.
Валаамский монастырь и его святыни. Л., 1990.
Историко-статистическое описание Коневского монастыря. СПб., 1869.
Михайлова Л. В. Старый Валаам и его окрестности // Русская речь. 1992. № 3. С. 94–98.
Михайлова Л. В. Валаам. Valamo: Схема Валаамского архипелага. Петрозаводск, 1992.
Михайлова Л. В. Русские и финские названия в топонимии Валаама // Русская речь. 1994. № 6. С. 88–90.
Очерки истории Карелии: В 2 т. Т. 1. Петрозаводск, 1957.
Путешествие по святым местам русским. СПб., 1840.
Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981.
Токарев С. А. О культе гор и его месте в истории религии // Советская этнография. 1982. № 3.
Чернякова И. А. К вопросу о судьбах «Корельских выходцев» в XVII веке. Петрозаводск, 1989.
Шаповалов В. Р. Основы философии. М., 1998.
Valamo ja sen sanoma. Helsinki, 1982.

Ареальная дистрибуция топонимных моделей Беломорской Карелии

Методика ареально-типологического исследования, заключающаяся в выявлении ареалов топонимных моделей и их интерпретации, не получила в ономастике достаточного распространения по той причине, что она требует больших коллекций топонимов. Такие редки. В России, к примеру, имеется лишь одна подобная картотека – в Уральском университете, и поэтому методика в России малоизвестна. Однако на материале финской топонимии методика апробирована, и получены хорошие результаты в исследовании Й. Вахтола по топонимии Северной Финляндии.

Мы попытались использовать методику ареально-типологического исследования для анализа топонимии Беломорской Карелии, поскольку, во-первых, по этому региону накоплен определенный материал (имеется картотека географических названий), а во-вторых, наиболее продуктивна для исследований топонимных моделей территория позднего освоения, каковой является Беломорская Карелия. Ее заселение началось с XV века, хотя промышленное освоение могло относиться к более раннему хронологическому срезу. При этом предполагается, что освоение проходило в несколько этапов и исходило из нескольких разных исходных районов Северного Приладожья, Обонежья и Восточной Приботнии (о сводке гипотез о путях и хронологии освоения см.: Röllä M., 1995, 36–37). Это, несомненно, отразилось в топонимии этого края, так как население принесло с собой устоявшиеся традиции номинации с мест прежнего проживания.

Результаты ареально-типологического исследования зависят в значительной степени от удачного выбора картографируемой модели. Далеко не все из них могут быть использованы. К примеру, модель *Haapaselkä* для названия возвышенностей или *Pitkäjärvi*

для наименования озер известна практически на всей прибалтийско-финской территории, и применение ареальной методики в данном случае не эффективно. Для того чтобы получить реальный результат, целесообразно использовать модели, имеющие ограниченный ареал распространения, который может быть увязан с определенной локальной группой населения. Ограниченный ареал может возникнуть и тогда, когда модель использовалась недолгое время (Kiviniemi E., 1980, 329).

По мере развития топонимической науки и понимания закономерностей образования и функционирования географических названий становится понятно, что в их образовании большая роль принадлежит модели, т. е. топонимы образуются по образцу, по подобию, по модели. Происходит это потому, что человек вместе с языком усваивает и систему окружающих его топонимов. Когда же он сам вынужден присваивать имена географическим объектам (например, в процессе освоения новой территории), то усвоенная им система географических названий служит моделью для создания новых топонимов. На новой территории использовались те же структурные модели (напр., набор суффиксов), те же лексические и семантические модели, которые были известны на материнской территории (Kiviniemi E., 1977, 6–7).

Анализируя ареалы моделей, выявляя границы их распространения, можно делать выводы этнолингвистического и этноисторического характера, связанные с путями колонизации, ее направлениями и даже временем.

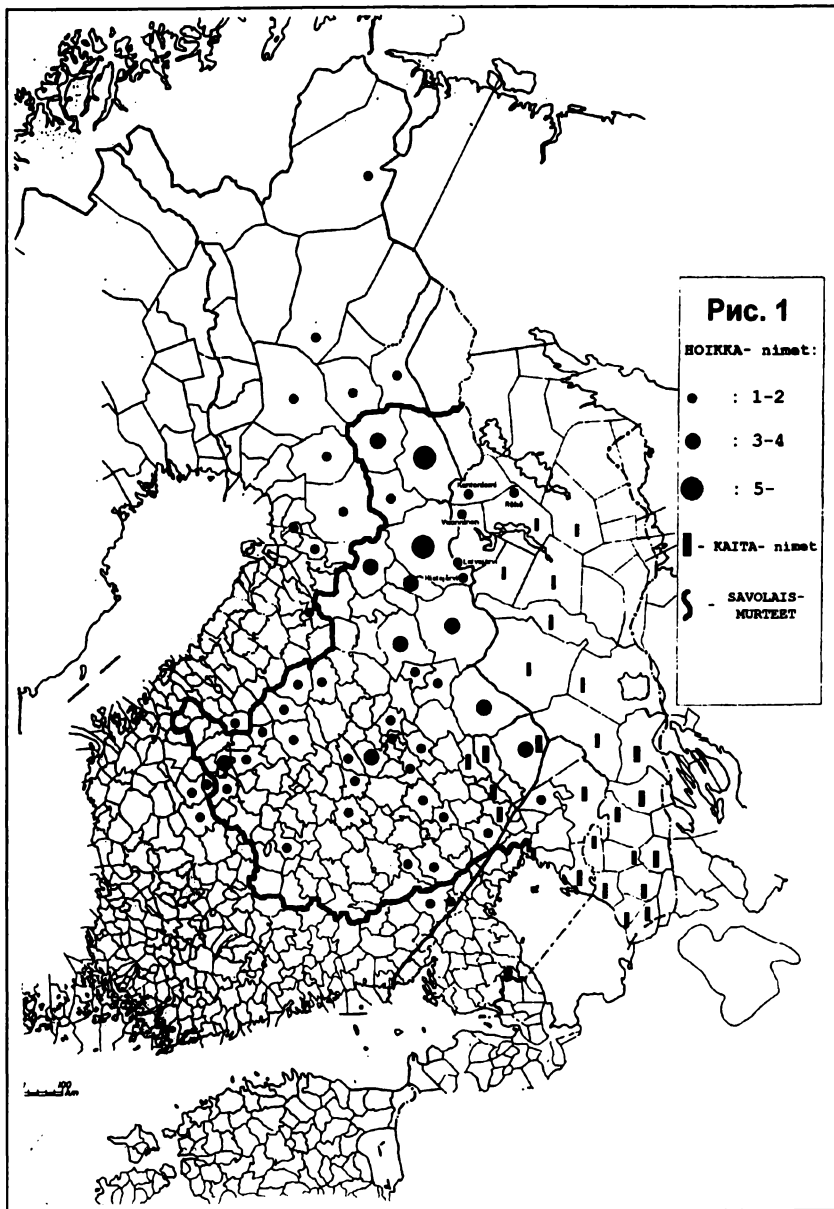
Далее предложен ареально-типологический анализ четырех топооснов, которые характеризуются ограниченным бытованием в Беломорской Карелии. Для выявления топонимных ареалов используются материалы Научной картотеки топонимов Карелии и сопредельных областей, а также Ономастический архив Финляндии (Suomen nimiarkisto).

Первый пример отражает противопоставление топонимных основ *Hoikka-* (кар. *hoikka* 'узкий') и *Kaita-* (кар. *kaita* 'узкий') в названиях узких по форме озер и представляет собой так называемую ареальную семантическую оппозицию, когда одна и та же идея выражается разными этноязыковыми коллективами по-разному.

На карте видно (рис. 1), что модель *Hoikka*- широко бытует в ареале Саво, практически вписываясь в границы последнего. Особенно продуктивна она, судя по густоте сетки названий *Hoikka/järvi* и *Hoikka/lampi*, в восточном Кайнуу. Можно полагать, что именно отсюда модель проникла на восток, в Беломорскую Карелию, где представлена пятью фиксациями: Кандонаволок, Регозеро, Ладвозеро, Войница и Хиэтарви. Все они группируются на самом западе беломорского ареала и не известны за пределами этой территории. Все остальное Беломорье, а также карельские территории к югу от него, вплоть до Приладожья, используют в названиях узких озер модель *Kaitajärvi*. Исходя из этого, можно полагать, что тип *Hoikka*- в западной Беломорской Карелии может быть связан с саволакскими корнями и противостоит собственно-карельской модели *Kaita*-.

Карта Клаеса Клаессона 1650 года по территории Кайнуу и смежных районов Беломорской Карелии позволяет высказать некоторые соображения о хронологии данной саволакской модели в западном Беломорье. Дело в том, что на ней отмечено озеро под названием *Hoika jerfui* (*Hoikkajärvi) в окрестностях беломорского Ладвозера (Räisänen A., 1990, 105). Следовательно, уже в середине XVII века модель была известна в Беломорье и не могла, видимо, появиться здесь раньше второй половины – конца XVI века, когда, как известно, начинается освоение Кайнуу со стороны Саво (Räisänen A., 1990, 107). Таким образом ареал гидронимной модели *Hoikka/järvi* объединяет Беломорскую Карелию с Восточной Приботнией, позволяя предполагать единые истоки модели и, соответственно, населения.

Второй пример представлен топонимами с основой *Nilos*-. Финский исследователь Й. Вахтола, выявивший распространение топонимов на *Nilos*- в Финляндии, замечает, что все названия, содержащие эту основу, относятся к скользким или гладким скалистым местам (Vahtola J., 1980, 370). Топооснова должна быть возведена к апеллятиву *nila* 'слизь, слизский, скользкий', распространенному, судя по этимологическому словарю, в восточнофинских диалектах, в карельском и вепском языках (SKES).

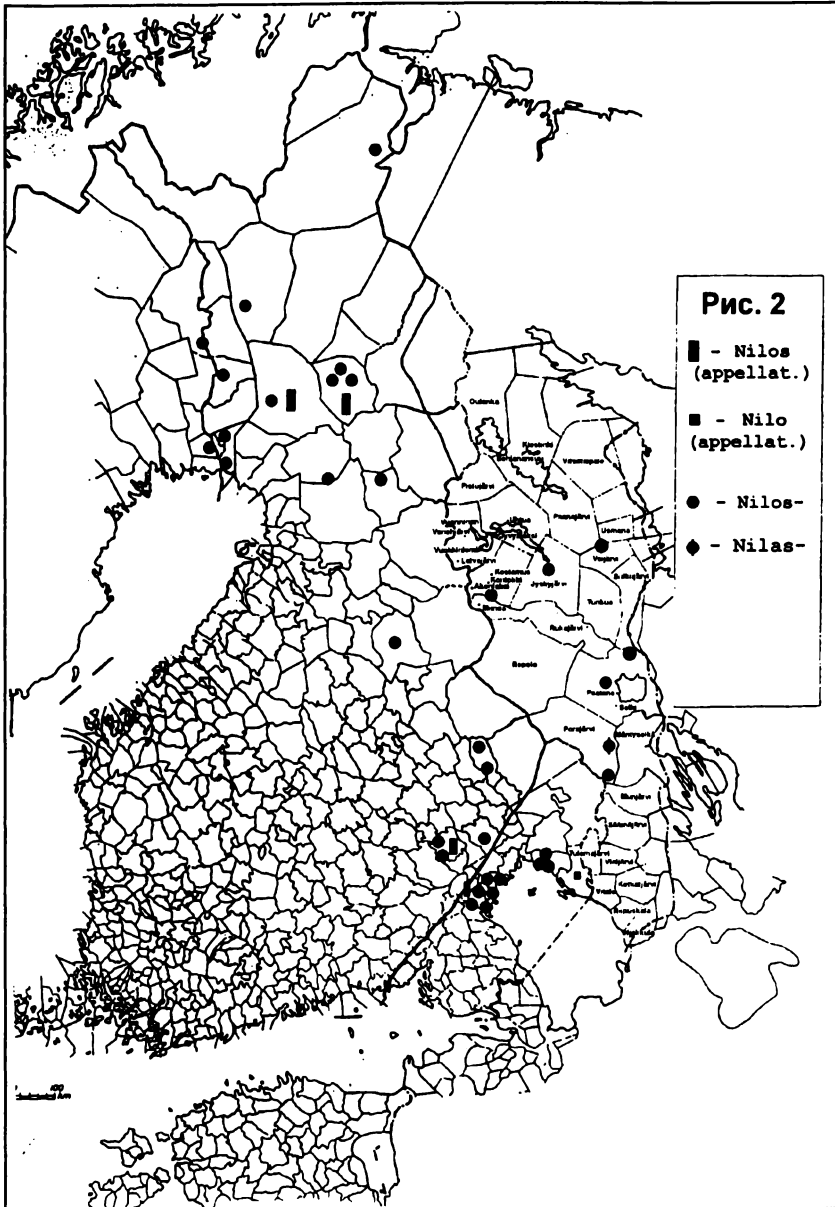
Словарь карельского языка приводит *nilo* в значении 'подводная или омываемая водой скала', известном в Салми (KKS). По данным Й. Вахтола, в карельском говоре Куркийоки фиксируется апеллятив *nilos* со значением 'скользящий', в Северной Приботнии в бассейне реки Кемийоки *nilos* 'омываемый водой камень в озере или реке' (Vahtola J., 1980, 370).

Что мы видим на карте (рис. 2)? Топонимы с основой *Nilos-* группируются в Северном Приладожье, там, где формировалась историческая Корела. Далее она прослеживается в районе Пиэлисъярви (Восточная Финляндия), откуда распространяется по направлению к Оулуярви и фиксируется в Северной Приботнии. Топонимы на *Nilos-* привязаны к тому хорошо известному средневековому пути распространения карел из Приладожья в Приботнию, который шел через Пиэлисъярви и озера Соткамо и использовался вплоть до XVI века (Jaakkola J., 1956, 263–264). Видимо, этот факт свидетельствует в пользу карельских истоков топоосновы. Кстати, *Nilos-* не единственная карельская топооснова на указанном маршруте. По данным А. Ряйсянена, здесь фиксируется достаточно много наименований водных объектов с карельскими истоками (Räisänen A., 1990, 101–103).

На территории Карелии известны скала *Niloskallivo* в Сегозерье, порог *Nilokset* в Мийноа, порог *Niloskoski*, рядом гора *Niloksenvuara* и луда *Niloksenlurvot* в Юшкозере, порог *Niloskoski* на реке Охта в районе Пибозера и порог *Nilas* на реке Онда. Этих примеров немного, однако они, без сомнения, имеют карельские истоки. Выявление более конкретного пути их проникновения в Карелию требует дополнительного топонимического материала, отражающего данную модель.

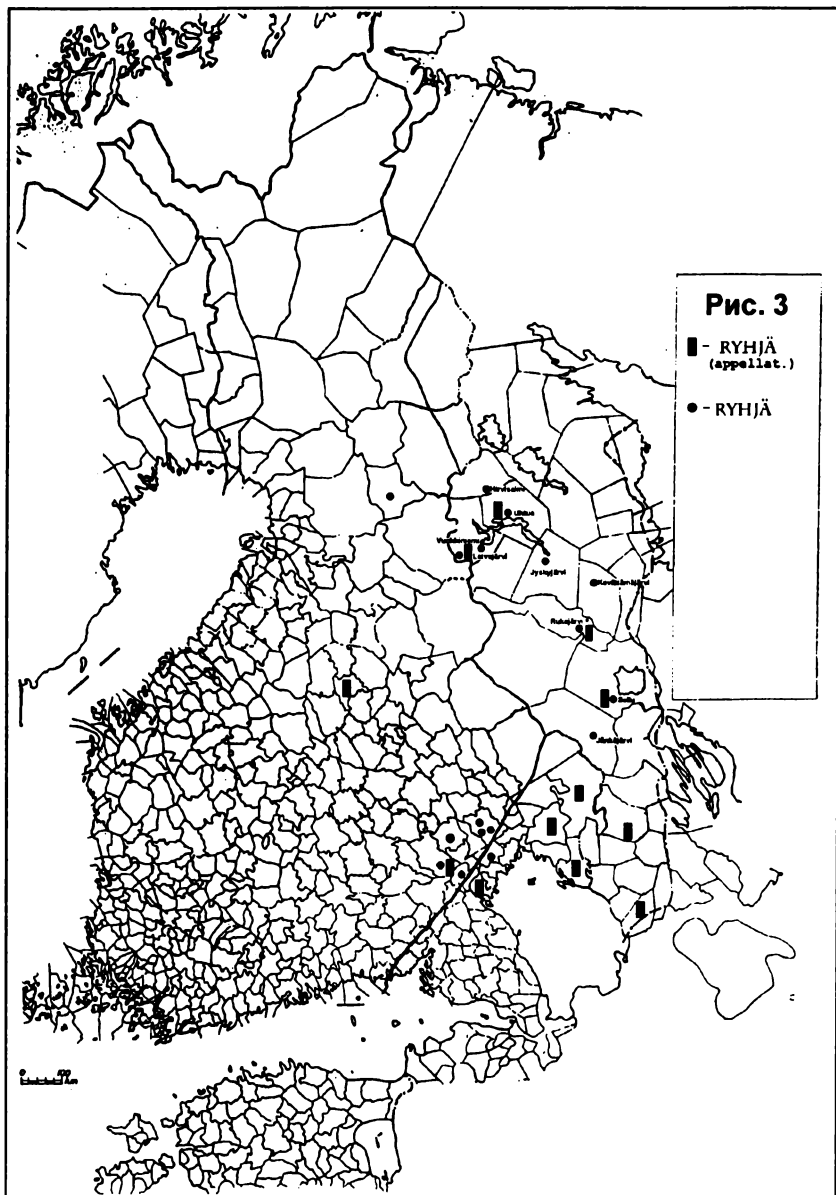
Полезно было бы также сопоставить ареал типа *Nilos-* с ареалами других моделей, имеющих карельские корни. Есть, например, некоторые основания сопоставить ареал *Nilos-* с ареалом гидронимов с суффиксом *-mo* (*Limsimo*, *Pilsamo*, *Ruorramo* и др.). Последние представлены вдоль пути карельского освоения, с одной стороны, из Северного Приладожья в Приботнию, с другой стороны, из Приладожья на северо-восток к Сегозерью и дальше, на среднюю Кемь, в район Хайколя и Панозера. Обнаруживаемое на некоторых этапах наложение ареалов *Nilos-* и *-mo* позволяет предполагать, что по пути, намеченному достаточно фреквентативной моделью на *-mo*, распространялись в Беломорье и топонимы с основой на *Nilos-*.

Топонимная модель *Ryhjä* также действовала в Приладожье, где апеллятив *ryhjä* означал 'группу домов, строений' (SKES). Считается, что словом *ryhjä* на начальном этапе формирования поселений называлась группа домов (NA). На карте (рис. 3) мы видим, что центр ареала, и топонимного, и апеллятивного, находится в Северном Приладожье, что дает основание говорить о карельских истоках модели. В Беломорской Карелии апеллятив *ryhjä* в значении 'группа домов' известен в Ухте, а в значении 'центральная деревня' – в Ладвозере. Со значением 'центральная деревня' апеллятив зафиксирован и в д. Ругозеро. Топоним *Ryhjä* распространен более широко, чем апеллятив. Он зафиксирован в Вокнаволоке, где *Ryhjä* – центр деревни с церковью, в Ладвозере – в значении 'центральная деревня с церковью'; в Ухте *Ryhjä* – название одной из частей старой деревни с двумя церквями. В Юшкосзере *Ryhjä* – название части деревни, примыкающей к церковному мысу (кар. Kirikköniemi). Также известно название *Ryhjänlaksi* в деревне Хирвисалми и, наконец, в Кевятозере *Ryhjänniemi* – мыс за деревней, на котором стоял крест. То есть во всех случаях речь идет о центральных деревнях или о той части поселения, где находилась церковь. В этом смысле топооснова *Ryhjä* в Беломорской Карелии подтверждает ту семантику, которая реконструирована для слова *ryhjä* на финляндской территории.

Последний пример представлен метафорической моделью *Rautaveräjät* 'Железные ворота'. Истоки данной модели на территории Карелии не вполне ясны, поскольку она известна как карельской, так и русской топонимическим системам. Центр карельских названий находится на территории Северного Приладожья, там, где сформировался карельский этнос (рис. 4). Данная модель практически отсутствует на соседних прибалтийско-финских территориях, модель не известна ни финнам, ни вепсам, но широко распространена на сопредельных с Карелией русскоязычных территориях. Таким образом, возникает вопрос, появилась ли модель *Rautaveräjät* в карельской среде самостоятельно, или же она была усвоена в результате контактов с русским населением? И если она появилась в результате контактов, то где и когда они происходили? Вопрос этот достаточно сложный и на данный момент трудноразрешимый, поскольку отсутствие сведений с территорий, сопредельных с карельским Приладожеством, не позволяет выявить возможные пути проникновения данной модели на эту территорию.

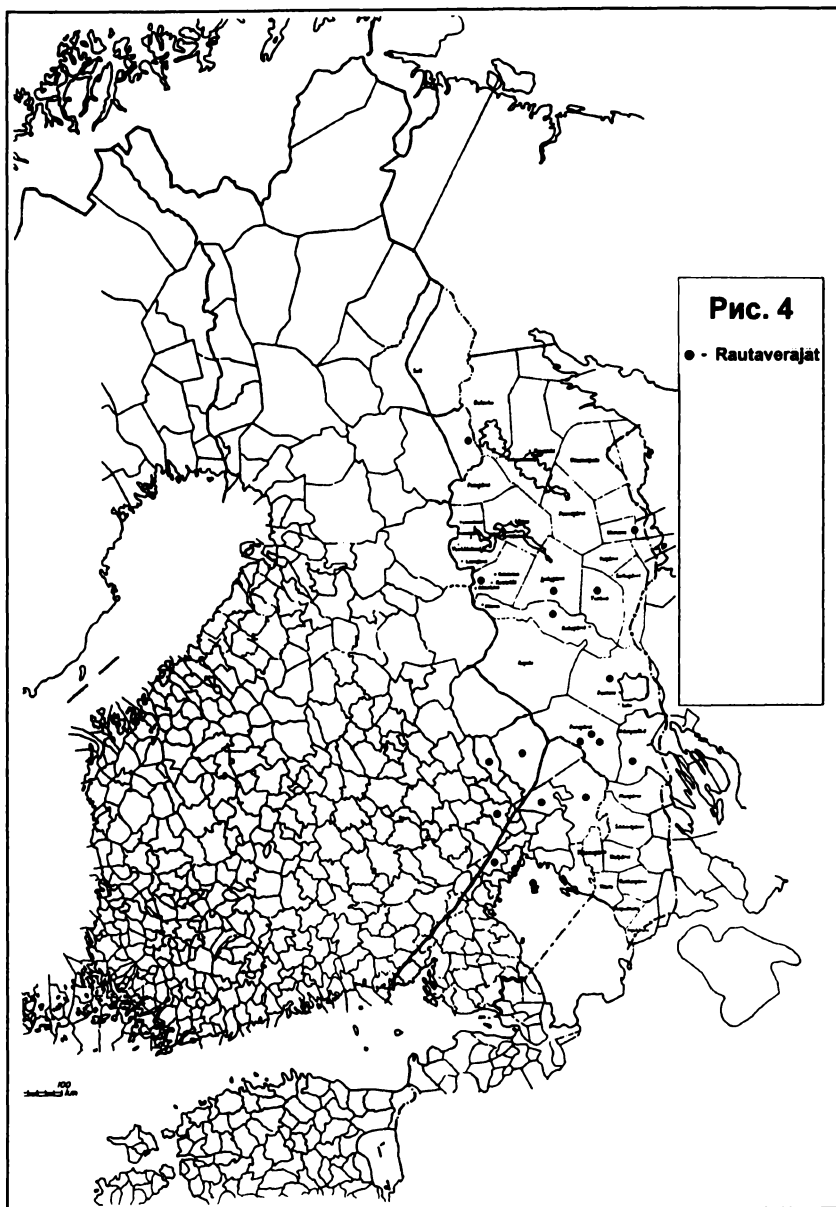

Большинство названий, отражающих данную модель, относятся к возвышенным скалистым местам, через которые проходили дороги, тропинки или зимники. Об этом свидетельствуют материалы с территории Северного Приладожья, хранящиеся в топонимическом архиве Финляндии.

На исследуемой территории Беломорской Карелии зафиксировано пять названий, отражающих данную модель (рис. 4): местность *Rautaveräjät* (Аконлакши), порог *Rautaveräjäizet* (Юшкозеро), возвышенность *Rautaveräjänvuara* (Таванга), местность *Rautaveräjä* (Кевязозеро) и порог *Raudaveräjät* (Подужемье). Все они полностью подтверждают ту семантику, которая известна для модели в Северном Приладожье. Вот как описывает В. Юриноя местность *Rautaveräjät* в районе деревни Аконлакши: «Это естественные ворота, своеобразный туннель, через который идет дорога 100 метров длиной и 3 метра шириной сквозь поросшую лесом скалистую возвышенность. Ее отвесные скалистые стены несколько саженей высотой (одна сажень – 2,1 м) тянутся сквозь лес таким образом, что вверху видно только небо, а с обеих сторон лишь сочащиеся влагой каменные стены» (Jyrinoja V., 1965, 71–72).

Истоки данной модели на территории Беломорской Карелии могут быть различны. Так, например, западно-беломорские названия, а также названия в окрестностях деревень Юшкозеро и Кевязозеро, вероятно, связаны с продвижением карельского населения из Приладожья, что подтверждается другими моделями карельского происхождения (ср. *Nilos-*, *Ryhjä*). В то же время название в районе деревни Подужемье могло быть усвоено в результате контактирования карел с русским населением Беломорья, где эта модель хорошо известна.

В заключение следует отметить, что более широкий топонимный ареал модели *Ryhjä* на фоне апеллятивного может объясняться как былым бытованием лексемы *ryhjä* в тех говорах собственно-карельского диалекта, из которых она со временем исчезла, так и собственно ономастическим функционированием модели. Ареал топоосновы *Nilos-* также допускает наряду с топонимной апеллятивную интерпретацию. В отличие от *Ryhjä* и *Nilos-* топонимная модель *Hoikkajärvi* или *Hoikkalampi* в Беломорье имеет сугубо топонимное обоснование.

Literatura

Jaakkola J. Suomen varhaishistoria. II. Porvoo, 1956.

Jyrinoja V. Akonlahden arkea ja juhlaa / SKS. Turku, 1965.

Kiviniemi E. Väärät vedet. Tutkimus mallien osuudesta nimenmuodotuksessa. SKST 337. Helsinki, 1977.

Kiviniemi E. Nimistö Suomeen esihistorian tutkimuksen aineistona // Virittäjä. 1980. № 4.

KKS = Karjalan kielen sanakirja. I–V. Helsinki, 1968.

NA = Suomen nimiarkisto.

Pöllä M. Vienan Karjalan etnisen koostumuksen muutokset 1600–1800-luvulla. SKST 635. Helsinki, 1995.

Räisänen A. Zur Entstehung des Namengutes in der Einöde Kainuus// Namenkunde in Finnland. Studia Fennica 34. Pieksämäki, 1990.

SKES = Suomen kielen etymologinen sanakirja. I–VI / Toivonen Y. H., Aulis J. Joki, R. Peltola. Helsinki, 1974–1987.

Vahtola J. Tornionjoki- ja Kemijokilaakson asutuksen synty. Nimistö-tieteellinen ja historiallinen tutkimus. Studia Historica Septentrionalia 3. Rovaniemi, 1980.

О «топонимических» фамилиях ингерманландских финнов

Фамилии топонимического происхождения, как и «фамилии-этнонимы», широко распространены среди финнов Финляндии. Также и среди ингерманландских финнов фамилии, произведенные от топонимов и этнонимов, составляют значительную часть всех фамилий.

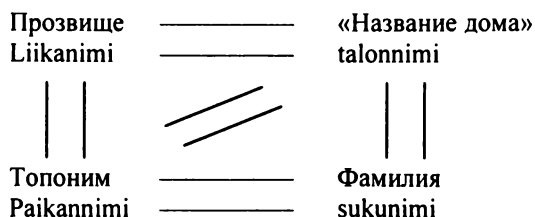
С точки зрения места их возникновения фамилии ингерманландских финнов могут быть разделены на две группы:

а) фамилии, «привнесенные» в Ингрию переселенцами, большей частью в XVII веке;

б) фамилии, возникшие в Ингрии среди местных финнов, главным образом в XVII–XVIII веках.

Вопрос об ингерманландско-финских фамилиях местного происхождения никем, собственно, не поднимался. Обратившись к работам, рассматривающим заселение финнами Ингрии, мы увидим, что многие переселенцы первой половины XVII века не имели фамилий (Saloheimo, 1991, 9, 10, 11 etc.). В то же время достоверно известно, что в конце XIX – начале XX века в большинстве приходов Ингрии у местных финнов были наследственные фамилии.

Основной моделью образования финских фамилий в Ингрии (имевшей место, конечно, и в Финляндии) было, очевидно, образование фамилий от прозвищ (liikanimi, lisänimi) через промежуточную стадию «названий домов» (talonnimi), соответствующих русским «уличным фамилиям». С другой стороны, фамилии часто выступали основой для образования «названий домов» и прозвищ, а в дальнейшем и топонимов. Взаимосвязь прозвище – фамилия может быть показана следующим образом:

Поясню схему рядом примеров.

«Sysi-Matti» (прозвище) → «Sysiläiset» («название дома»),
д. Агалатово.

Pirhonen (фамилия) → «Pirho-Simola» («название дома»),
д. Хандрово.

Virolainen (фамилия) → Vironmäki (топоним) → «Viron Matti»
(«название дома»), д. Нижние Никулясы.

Krantsi (фамилия) → «Krantsin Kolja» («название дома») →
Rantsonen (фамилия), д. Борки.

Katala (прозвище) → «Katalan Puavo» («название дома») →
Katala (фамилия), д. Килоза.

Housu (фамилия) → Housunmäki (топоним) → «Housun Vanja»
(прозвище), д. Отрада.

Связь фамилий ингерманландских финнов с «названиями домов» (talonnimet) представляется настолько всеобщей, что едва ли возможно рассматривать их в отрыве одно от другого.

В местности, где большинство жителей были недавние переселенцы, в роли прозвищ естественным образом выступали названия мест, откуда были родом переселенцы. Иногда прозвище, данное по месту происхождения, употреблялось наряду с фамилией. Параллельное бытование в семье двух фамилий приводило впоследствии к разделению их функций (одна фамилия – в церковных книгах, другая – в светских бумагах) и далее к выходу из употребления и последующему забвению одной из фамилий.

Жители села Марково, упоминаемые в церковных книгах под фамилией Häikkäläinen, никогда не слышали этой фамилии, а всю жизнь жили под фамилией Каргу (Karhu). В Старой Деревне

(Vanhakylä) прихода Keltto¹ представители фамилии Jääskeläinen сообщали (семейная легенда, подтвержденная как будто бы находками в архиве), что предки их, переселившиеся в начале XVII века из уезда Яски, носили другую фамилию (Postonen?), но по прибытии в Keltto название их по месту происхождения (jääskeläinen) стало фамилией.

Основным источником известий о фамилиях ингерманландских финнов и местообитании их носителей в XIX – начале XX века являются книги посещения причастия в приходской лютеранской церкви (rippikirjat). По ним, в частности, можно проследить, как с течением времени изменяется написание фамилий прихожан – по усмотрению пастора или под влиянием произношения.

В книге прихода Тугö за 1910–1937 годы среди жителей деревни Халози показаны в числе других фамилии Raavonen и Henttunen; однако в светских документах эти фамилии выглядят иначе: Пааволайнен и Хенттулайнен, что сразу придает им «топонимический» вид.

Приведенные примеры свидетельствуют, во-первых, об эволюции фамилий, в частности, об изменении произношения и написания, и, во-вторых, о важности устной информации от жителей каждой конкретной деревни, без которой письменные источники могут ввести в заблуждение.

Такие фамилии финнов из прихода Тугö, как Антиллайнен, Эсолайнен, Якколайнен и другие подобные им, в церковных книгах прихода Тугö последовательно пишутся иначе: Anttiloinen, Esoloinen, Jaakkoloinen, что делает их похожими на «названия домов». Мы видим, что суффиксы -lai- и -loi- легко заменяют друг друга. В восточнофинских и ижорских диалектах суффикс -loi- является показателем множественного числа существительных. В разных местностях Ингрии «названия домов» (talonnimet) употребляются предпочтительно или в формах на -lois(e)t или на -la (-lat). Другими словами, Торпила – практически то же самое, что Торпилат и Торпилоiset. Сходство или даже идентичность функций суффиксов -la и -loi- показывает, что суффикс -la означает, по су-

---

¹ Названия церковных приходов Ингерманландии приводятся по-фински.

шеству, не столько место, сколько некую совокупность, множественное число: Терпо=Степан, Teppoloiset=Степановы=Terpola. Сами «названия домов» в форме на -la редко выступают в качестве топонимов; чаще они служат для обозначения принадлежности людей, имущества, скота и т. д. Если речь идет о местах, «названия домов» дополняются еще каким-либо формальным признаком: Ihalaist → Ihalaismäki, Pusaloiset → Pusalanmäki (Ойнолово).

С точки зрения структуры фамилии ингерманландских финнов, произведенные от топонимов, могут быть разделены следующим образом:

а) Фамилии, образованные от названий мест при помощи суффиксов -la + -inen: Virolainen, Kuhmolainen, Jamalainen, Petriläinen и т. д. Сочетание этих двух суффиксов – довольно распространенная для финляндской ономастики модель, применяемая главным образом именно для образования фамилий. Среди фамилий, образованных от топонимов, фамилии этого типа преобладают. Среди фамилий на -lainen надо отметить небольшую группу фамилий, не связанных с топонимами, а представляющих собой существительные или производные от существительных: Humalainen, Imeläinen, Kavalainen, Kekäläinen, Kimalainen, Mehiläinen, Pakolainen, Riehtiläinen. Следует, однако, иметь в виду возможный разнобой в написании фамилий, смысл которых, казалось бы, ясен: Imeläinen – Himiläinen; Kekäläinen – Käkäläinen; Kimalainen – Kiimalainen; Mehiläinen – Miheläinen; Pakolainen – Pakkanen. Этот разнобой происходил, видимо, не случайно, а в результате «свободного имятворчества» обладателей фамилий или пастора, когда фамилия переставала быть понятной.

б) Фамилии, образованные при помощи суффикса -la : Hakala, Herrala, Jussila, Kondila, Kosola, Kustola, Lehtola, Marila, Markkola, Mikkola, Nikula, Nyrölä, Pankkala, Parkala, Satala, Seppälä, Simola, Tammela, Virola. Для Финляндии такие фамилии типичны, а в Ингрии они редки и встречаются главным образом в ее западных приходах. Внешне они напоминают «названия домов», но в действительности ими не являются. По сообщению жителя д. Кайболово (приход Kosemkinä), фамилия Kustola в их деревне возникла относительно недавно (в конце XIX века?) путем финнизации фамилии Gustafson. Возможно, и другие фамилии этой груп-

пы не связаны с топонимами, хотя такая связь все же не исключена. От фамилий данной группы следует отличать фамилии на -la, являющиеся существительными (Humala, Kataala).

в) Фамилии, образованные от названий мест при помощи суффикса -nen (-inen): Juvanen, Koivistoinen, Seivästöinen, Siestanen, Summanen. Внешне такие фамилии мало отличаются от прочих фамилий, не связанных с топонимами, поскольку они лишены главного формального признака топонимов – суффикса -l-, содержание которого, как мы видели, вовсе не специально топонимическое.

г) Фамилии, образованные от названий мест при помощи суффикса -kka. Это фамилии Puolakka (вариант написания фамилии Puolakkainen) и Juvakka (возможно, от нарицательного juvakko – по типу savakko, venakko).

д) Фамилии, образованные от названий мест без каких-либо суффиксов: Saksa, Ruotsi, Tanska, Jämsä, Lappe, Viipuri, Kämärä, Ilmasti, Römpötti, Tuutari. Количество таких фамилий невелико.

С точки зрения содержания ингерманландско-финских фамилий, произведенных от топонимов, они могут быть разделены следующим образом:

- а) фамилии, образованные от зарубежных реалий (топонимов);
- б) фамилии, образованные от местных реалий (топонимов);
- в) фамилии, образованные от «названий домов» в Ингрии или Финляндии;
- г) фамилии, образованные от названий мест.

Модели образования финских фамилий в Ингрии и за ее пределами были сходными, поэтому одни и те же фамилии могли быть «привнесены» в Ингрию переселенцами или же возникнуть на местной почве. Сказанное относится и к наиболее распространенным в Ингрии финским фамилиям: Hämäläinen – в 20 приходах, Virolainen – в 19 приходах, Savolainen – в 15 приходах, Karhu – в 12 приходах, Mustonen – в 11 приходах, Montonen – в 10 приходах. Итак, короткий список из шести главных ингерманландских фамилий возглавляют три фамилии, прямо указывающие на неместное (и даже разноэтничное) происхождение предков ингерманландских финнов.

На большую распространенность среди ингерманландских финнов фамилий, образованных от названий губерний Финляндии и от названий соседних стран (Viro, Ruotsi, Saksa, Tanska), указывал еще в начале XIX века А. Шёргрен (Sjögren A. J., 1833). В Финляндии эти фамилии также относятся к числу наиболее распространенных.

Virolainen. Фамилия представлена множеством домов, практически во всех приходах Ингрии, за исключением Markkova-Järvisaari, Kolppana, Kattila-Soikkola-Novasolkka, Kosemkinä, Skuoritsa. В приходе Skuoritsa есть другая фамилия с тем же значением: Vironen/Virtonen.

Понимать фамилию Virolainen буквально (эстонец, происходящий из Эстонии) было бы ошибкой. Носители фамилии Virolainen не обязательно потомки выходцев из Эстонии. Среди переселенцев в Ингрию в XVII веке действительно были уроженцы Лифляндии, обозначившиеся в подушных книгах словом «virolainen» (Saloheimo, 1991, 53). Однако гораздо больше было переселенцев из Финляндии, носивших фамилию Virolainen, в т. ч. из уезда Яски, где есть деревня Вирола (Виролансало).

Hämäläinen. Фамилия известна в большинстве приходов Ингрии, за исключением Markkova-Järvisaari, Liissilä, Kattila-Soikkola-Novasolkka, Kosemkinä, т. е. наиболее окраинных ее местностей. Количество переселенцев из Хяме было в действительности невелико. Есть указание А. Шёргрена (Sjögren A. J., 1833, 9), что потомки выходцев из Хяме называются в Ингрии hämäkkö, но их местонахождение не указывается, только отмечается особенно большое число носителей этой фамилии в центральной части прихода Karpio. В д. Рутелицы прихода Kuparitsa соседствуют фамилии Hämäläinen и Virolainen. Все же понимать фамилию Hämäläinen как этноним, видимо, не следует. Большая часть переселенцев в Ингрию в начале XVII века, носивших фамилию (или прозвище) hämäläinen, были на самом деле уроженцами Саво – волостей Миккели, Сяминки, Юва и др. (Saloheimo, 1991, 17).

Savolainen. Среди переселенцев в Ингрию в первой половине XVII века, основной костяк которых составляли эвреймысы (äyrämöiset), лишь немногие были родом из Саво. Они и определились как «savolainen» (Saloheimo, 1991, 46). В деревне Пустош-

ка прихода Korpina соседствовали в начале XX века фамилии Savolainen и Virolainen. Переселенцы второй половины XVII века («савакот») были в значительной части из Саво, так что «savolainen» в качестве прозвища им не годилось, они ведь все были «савакот». В приходах Keltto, Venjoki, Markkova, где почти все население в середине XIX века определялось как savakot (Körpen, 1867, 55–59), фамилия Savolainen отсутствует совсем. Нет этой фамилии также в приходах Lissilä, Kaprio, Kattila-Soikkola-Novasolkka, Kosemkina, Vuole, где, видимо, совсем не было лиц, которые бы происходили из Саво (определение у Кёппена финского населения западной Ингрии как «савакот» ошибочно). В приходе Vuole отсутствующей здесь фамилии Savolainen соответствует, возможно, местная фамилия Savinen.

Karjalainen. Фамилия представлена в деревнях прихода Lempaala (главным образом в д. Лемболово, а также в д. Ловошка, Мустолово, Большое Кайдолово, Рюппелево, Кирконкюля); встречается она также в нескольких домах прихода Vuole (д. Вуолеярви), Toksova (д. Кавголово, Химаколово), Keltto (д. Мяглово, Янино); известна в приходах Tuutari (д. Малое Виттолово), Korpina (д. НовоКузнецово), Kupanitsa (д. Заполье), Pietari (д. Емельяновка).

Едва ли можно предположить возникновение этой фамилии от нарицательного «karjalainen» («карел», «житель Карелии»), ведь та часть Северной Ингрии, где проживало наибольшее число носителей фамилии Karjalainen (Lempaala, Toksova, Vuole), это и есть собственно Карелия (точнее, южная ее часть), о чем местные жители никогда не забывали. Фамилия Karjalainen среди ингерманландских финнов принадлежит, конечно, потомкам переселенцев, носивших фамилию Karjalainen, – уроженцев, к примеру, деревни Карьяла волости Лаппе (Saloheimo, 1991, 21).

Suomalainen. Больше всего фамилия представлена в приходе Venjoki, в деревнях Лукаши, Кеккелево, Какколово (Сумолово), Кандакопшино, Большое и Малое Шаггино, Сабры, Большое Замостье; отдельные семьи с такой фамилией проживали в приходах Tuutari (д. Солози и Талликово), Kupanitsa (д. Малое Кикерино), Soikkola (д. Криворучье), Vuole (д. Нясино).

Наиболее вероятно происхождение фамилии от нарицательного suomalaisen – «родом из собственно Финляндии». Едва ли слу-

чайно то, что в д. Лукаши большим числом домов представлены фамилии *Hämäläinen* и *Suomalainen*. Возможно, дома первопоселенцев XVII века назывались *Hämälä* и *Suomala*, в то время как большинство переселенцев-соседей были из Саво.

Lappalainen. В Ингрии эта фамилия была в ряде деревень прихода *Namraala* (Мустолово, Лаппалайземяки, Лавоземяки, Хейнолово, Елизаветинка, Охта), а кроме того, в *Valkeasaari* (Медный Завод, Черная Речка), *Pietari* (Лахта, Конная Лахта), в *Korrina* (Тиховицы).

Переселившиеся в Ингрию в XVII веке обладатели этой фамилии были родом из мест, где еще в XVI веке проживали этнические саамы – *lappalaiset* (Лапинмяки, Варкауc) (см.: *Saloheimo*, 1991, 26). Однако у переселенцев это, конечно, фамилия, а не этноним.

Jääskeläinen. В приходах *Keltto*, *Venjoki*, *Tuutari* это одна из таких фамилий, которую носила масса народа. Встречалась она и в других местах (приходы *Korrina*, *Valkeasaari*, *Vuole*). Как и в Финляндии, фамилия *Jääskeläinen* означает одно – происхождение из уезда Яски (см.: *Saloheimo*, 1991, 20; *SNK*, 1985, 360–361).

Pohjalainen. Это название нескольких домов в приходах *Tuutari*, *Tугу*, *Spankkova*, *Kupanitsa*, *Kosemkinä*, *Pietari*. В книгах прихода *Tугу* написана фамилия *Pohjolainen*. Фамилия едва ли связана с Приботнией (*Pohjanmaa*). Переселенцы в Ингрию в первой половине XVII века, носившие фамилии *Pohjalainen* и *Pohjolainen*, были родом из Руоколаhti и Рауту (*Saloheimo*, 1991, 40); сама же фамилия возникла, скорее всего, от названия дома «*Pohjola*».

Kainolainen. В привычной для финского языка форме (*Kainulainen*) фамилия в Ингрии практически не известна (исключением является *Toksova*); в форме *Kainolainen* была в приходах *Skuoritsa* (д. Скворицы и Кайнелайзи) и *Spankkova* (д. Луйсковицы). На существование деревни Кайнелайзи обращал внимание еще А. Шёгрэн. Однако связь фамилии с северофинляндской областью Кайнуу и средневековым этнонимом квены/кайнулайсет вовсе не очевидна. Фамилия *Kainulainen* была известна в XVII веке в Северной Карелии и Эуряпя (*SNK*, 1985, 365).

Äyrämöinen (в русской передаче Евромайнен). Фамилия буквально означает «житель Эуряпя, эврмейс» (представитель

средневековой народности, близкородственной ижорам и карелам, основное местообитание которой было на юго-западе Карельского перешейка).

В Ингрии эта фамилия естественным образом встречается там, где эвреймы были в незначительном числе, в окружении саваков – село Александровка и д. Заболотье прихода Valkeasaari, Новая Деревня прихода Venjoki.

Ruotsi (в русском переводе может быть «Рощ»). Буквально «Швеция». Название страны становится фамилией через стадию «названия дома». Фамилия может происходить от шведского предка (в Ингрии в XVII веке были этнические шведы) (ISH, 1969, 65) или быть всего лишь прозвищем. Ruotsi – довольно обычная для ингерманландских финнов фамилия, присутствовавшая в приходах Keltto (д. Вирки), Toksova (д. Кавголово), Tuutari (д. Куйтелево), Nietämäki (д. Куттузи), Skuoritsa (д. Скворицы, Пунколово, Вязелево). В «окраинных» приходах Markkova и Koprina была фамилия Ruotsalainen («швед»), обычная и для Финляндии. Уже среди переселенцев в Ингрию в начале XVII века встречается фамилия Ruotsalainen, и этот человек родом из Иисалми, что в Северном Саво (см.: Saloheimo, 1991, 44).

Saksa. Буквально «Германия». Сама форма фамилии указывает на предшествовавшее ей «название дома». В Ингрии эта фамилия встречается повсеместно. В приходе Moloskovitsa фамилия Saksa прежде писалась Saksalainen, т. е. «немец» (Louhelainen O., 1913, 51). Есть известия, что в Ингрии в XVII веке были этнические немцы (ISH, 1969, 67). Фамилия Saksa могла быть также привнесена из Финляндии (см.: Saloheimo, 1991, 45). А вот чисто ингерманландская фамилия Tyskäläinen (д. Липово прихода Nevaа-Kaprio) с тем же значением (шв., дат. tysk «немец») явно местного происхождения и означает, скорее всего, родоначальника – немца.

Tanska. Встречается в деревнях Койвукюля, Пелгози, Куялово, Старое и Новое Девяткино, Ханнолово и Хяникяйзи прихода Toksova и буквально означает «Дания». Фамилия указывает, видимо, на предка – датчанина.

Lätti – буквально «Латвия». В Ингрии эта фамилия принадлежала финляндским карелам в д. Ексолово (приход Keltto) и в

д. Горка – Бараньи Рожки (приход Järvisaari). В Ингрию носители фамилии Lätti попали в XIX веке из Приладожской Карелии. Однако в XVIII–XIX веках в приходах Toksova и Moloskovitsa была фамилия Lättiläinen «латыш» (Louhelainen O., 1913, 31).

Skotti – буквально «шотландец». Фамилия в деревнях Скотное, Худой Овраг, Осельки (приход Toksova) принадлежала финляндским карелам, происходившим из волости Уусикиркко, на юго-западе Карельского перешейка.

Puolakkainen. Типично ингерманландская фамилия, происхождение которой связано, может быть, с русско-польскими войнами XVII века. Вообще, местные легенды в Ингрии часто упоминают поляков. Фамилия известна в приходах Inkere, Kolppana, Koprina, Lempaala; в приходах Skuoritsa, Ropsu, Moloskovitsa, Kupanitsa ее обычное написание Puolakainen. В церковных книгах прихода Inkere иногда встречалось написание той же фамилии в форме Puolakka (Louhelainen O., 1913, 44).

Едва ли могут быть сомнения, что значение фамилии – «поляк», «поляков» (по-фински поляк – «puolalainen», по-шведски – «polack», от польского polak) (SNK, 1985, 663). Искаженное русское написание фамилии Полукайнен основывается на ее народной этимологии: puolukka 'брусника'.

Venäläinen – «русский», от Venäjä – «Россия». Обычная для Финляндии фамилия, в Ингрии почти не встречается (один дом в д. Юкки, приход Нааракангас). В XVIII–XIX веках фамилия фиксировалась также в приходе Moloskovitsa; там же отмечена фамилия Vellonen с тем же значением. Это, вероятно, другое написание фамилии тех же людей.

Отметим еще фамилии-этнонимы: **Finne** (многие деревни приходов Kolppana и Spankkova); **Vänskä** (д. Агалатово прихода Lempaala), **Grek** (д. Большое Коновалово прихода Турö), **Frantsus** (д. Перелесье прихода Serpetta – по-русски Рамзузовы). Из этих фамилий-этнонимов две первые – шведского происхождения, две другие – русского.

География Финляндии представлена в ономастике Ингрии обильно и многообразно. Некоторые короткие и звучные названия волостей губерний Саво и Хяме оказались очень «антропонимичными», пригодными для образования от них прозвищ,

ставших затем фамилиями. Неизбежно образовывались фамилии и от названий волостей Выборгской губернии.

Jämsä – фамилия, которую носили многие жители в приходах Venjoki, Tuutari, Moloskovitsa, Serepetta. В церковных книгах иногда встречается написание Jämsäläinen или Jämssäläinen (Moloskovitsa). Волость Ямса находится в Хяме.

Jaakkimainen. Фамилия бытует в приходах Tuutari и Venjoki. Волость Яккима находится в Приладожской Карелии. Фамилию можно считать типично ингерманландской; в Финляндии она малоизвестна. Возможно, хотя и менее вероятно, происхождение фамилии не от названия волости Яккима, а прямо от мужского имени Jaakkima – Иоахим, Еким.

Koivistoinen. Эту фамилию носят почти все жители деревни Мокколово прихода Inkere (35 домов), девяти домов в д. Телези (приход Nietämäki), трех домов в д. Роговицы и одного дома в д. Горки (приход Kupanitsa), около 10 домов в д. Тентелевой и такое же количество в д. Волынкиной (приход Pietari), где по-русски они пишутся «Березины». В Финляндии, где много носителей этой фамилии, она происходит от «названия дома» Koivisto – березняк (SNK, 1985, 413). Для Ингрии несомненным представляется значение этой фамилии: «родом из Койвисто» (волость на юго-западе Карельского перешейка). В д. Киккерицы (приход Novasolkka) в 11 домах была фамилия Koivistolainen с тем же значением; эта фамилия была также в Федоровке (4 дома) и Киллии (1 дом) того же прихода. Прежняя форма написания фамилии Koivistolainen в приходе Novasolkka была Koivisto. В соседнем приходе Kattila в недавнем прошлом была фамилия Koivistoinen (Louhelainen O., 1913, 22).

Sysmäläinen. Фамилия известна в д. Телези прихода Nietämäki и в д. Большие Туганицы прихода Skuoritsa. Она происходит от названия волости Сюсьма, что в Хяме.

Kuhmolainen. Эту фамилию носят жители 4 домов в д. Лагоново (приход Kupanitsa). Другая (прежняя?) форма этой фамилии – Kuhmonen (Louhelainen O., 1913, 24). В прошлом эта фамилия была также в приходах Moloskovitsa и Venjoki. Фамилия как бы отсылает нас в отдаленное Кухмо, что в области Кайнуу, на севере Финляндии. Более вероятна связь фамилии с волостью Кух-

мойнен, что в Хяме. Не исключено нетопонимическое происхождение от фамилии Kuhmonen, известной в Финляндии, в т. ч. в волости Пиексямяки, в Саво (SNK, 1985, 433).

Keurulainen. Фамилию носит одна семья в д. Коноховицы прихода Moloskovitsa. Написание фамилии в церковных книгах XX века Keuralainen. Волость Кеуру находится в области Сатакунта, в западной Финляндии.

Puumalainen. Фамилия представлена большим числом домов в приходах Tuutari (д. Паюла), Nietämäki (д. Танскино), по О. Лоухелайнену, еще и в Skuoritsa. Носители этой фамилии, жители д. Романовки (приход Rääpyvä), были финляндские карелы. Фамилия очевидным образом указывает на происхождение из волости Пуумала, что в Саво.

Juvonen. Так фамилия выглядит в церковных книгах приходов Lempaala (д. Елизаветинка), Venjoki (д. Рипшево). В приходах Skuoritsa и Ropsu (деревни Ювайзи, Петрова, Малые Горки) есть фамилия Juvanen (в старых церковных книгах Juvainen и в написании по-русски Ювайнен). Фамилия Juvanen/Juvonen (возможно, относится к одним и тем же людям) была в приходе Valkeasaari (деревни Медный Завод, Мертуль, Черная Речка); пишется по-русски как Юванен.

А. Шёгрэн прямо связывает эту фамилию (известную ему в форме Juwainen) с волостью Юва в Саво. Современная финляндская точка зрения на фамилию Juvonen предполагает ее происхождение от гипотетической народной формы имени Иван/Johannes. Вообще, фамилия Juvonen известна с XVI века, в т. ч. в волости Юва, а также по всему Саво, Выборгской и Северной Карелии (SNK, 1985, 357–358).

Если Juvainen и Juvonen разные фамилии, то Juvainen – фамилия, не известная в Финляндии, скорее всего, указывает на происхождение из Юва, а Juvonen – это фамилия, привнесенная в Ингрию, к примеру, из Сяминки, что в Саво (Saloheimo, 1991, 19).

В приходе Venjoki была еще (в д. Большое Катлино) фамилия Juvakka; в прошлом, по данным топонимики, она была известна также в Keltto и Rääpyvä; О. Лоухелайнен указывает ее в приходе Inkere (не ошибка ли?). В Финляндии эта фамилия есть и рассматривается как восходящая к варианту имени

Иван/Johannes (SNK, 1985, 357–358). В Ингрии же вполне можно представить: Juvakka/ Juvainen (подобно имевшему место в приходе Inkere: Puolakka/Puolakkainen) происходит от названия волости Юва.

Larre. Фамилия из прихода Lemraala, деревни Лаппелово, не менее 10 домов. Деревня получила название по фамилии, а фамилия указывает на вероятное происхождение предка из волости Лаппе в Южном Саво. В приходе Lemraale в деревне Халози в одном доме была фамилия **Lapveteläinen**. Лапвеси – это другое название той же волости Лаппее.

Turkulainen. Известна в д. Монделево (приход Venjoki), Горки (приход Kupanitsa), Химаколово и Кузьмолово (приход Toksova) и, возможно, в других местах. Фамилия должна означать выходца из Турку, главного города «собственно Финляндии» и вплоть до XIX века всей Финляндии, но она, возможно, привнесена в Ингрию «в готовом виде», поскольку была весьма распространена в XVI–XVII веках в Саво и Выборгской губернии (SNK, 1985, 812). Фамилия же Turunen в д. Сяргы (приход Toksova) вопреки семейной легенде, очевидно, не связана с городом Турку.

Kemi. Фамилия показана у О. Лоухелайнена в приходе Kupanitsa (Louhelainen O., 1913, 20).

В Ингрии в XVII–XIX веках было еще несколько фамилий, впоследствии практически исчезнувших, о которых стоит упомянуть.

Vaasalainen (приход Moloskovitsa). Фамилия означает происхождение из города Вааса или более широко – из Южного Похьянмаа.

Фамилии **Uskelainen** (приход Inkere и Keltto) и **Kyyröläinen** (приход Kupanitsa) А. Шёгрэн связывает с волостями Ускела в собственно Финляндии и Кюрё в Южной Похьянмаа, но это очевидная натяжка. Эти фамилии связаны, скорее, с названием деревень уезда Эурия. Фамилия Hollolain, которую приводит А. Шёгрэн, связывая ее с волостью Холлола в Хяме, исчезла совсем и следов ее в Ингрии не видно.

Любопытна маленькая группа из «урбанистических» фамилий, не имеющих каких-либо суффиксов:

Viipuri (д. Черная Голова, приход Keltto), **Luupekki** (д. Лязево, приход Korina), **Kuorio** (д. Вуолы, центр прихода Vuole; часть деревни называется Kuorionmäki).

С первыми двумя из них все достаточно понятно. А вот фамилия Куоріо не связана, очевидно, с городом Куопио в Северном Саво. Это фамилия с Карельского перешейка (волости Койвисто, Уусикиркко, Валкъярви, Рауту), откуда она и попала в XVII веке в Вуолы с миграцией эврейцев (SNK, 1985, 439; Vanha Äygrää II, 1985, 135).

Показательна группа фамилий, указывающих на деревни юго-западной части Карельского перешейка, откуда происходила в XVII веке миграция эврейцев в Ингрию:

Akkalainen (д. Коттелево прихода Inkere) – из Аккала волости Куолемярви.

Kajjalainen (д. Хабуні прихода Ropsu) – из Кайяла волости Йоханнес.

Kuusalainen (д. Дубицы прихода Spankkova) – из Кууса волости Муолаа.

Kyyröläinen (приход Kupanitsa) – из Кюреля волости Муолаа.

Liikalainen (д. Мистолово, Лупполово, Порошкино прихода Haarakangas, д. Дибуні прихода Valkeasaari) – из Лиикола волостей Кеннельярви и Кивеннапа. Прежнее написание этой фамилии, очевидно, Liikonen (Louhelainen O., 1913, 30).

Niemeläinen (д. Агалатово прихода Lempaala; Кавголово прихода Toksova, Мистолово прихода Haarakangas) – из Niemelä волости Йоханнес.

Peikalainen (д. Виллози и Пейгалайзи прихода Tuutari; по О. Лоухелайнену, известна также и в приходе Spankkova) – из Пейкола волости Муолаа.

Perolainen (приходы Venjoki, Skuoritsa, Spankkova) – из Суурперо или Перонйоки под Выборгом или из Пиенперо волости Хейнйоки. Фамилию можно понять и более широко – «с реки Перонйоки».

Putrolainen (в приходе Keltto в д. Колбино; в Inkere – в д. Мазалово, она же Путрола; в Liissilä – в д. Большое Лисино; в Kupanitsa – в д. Каськово). Первоначальная Путрола находится в волости Уусикиркко.

Rakkolainen (в приходах Toksova в Skuoritsa; в Toksova есть даже местность Rakkolaismäki, часть деревни Койвукюля) – из Раккола или Ракколанйоки волости Вахвиала.

Uimolainen (д. Хинколово прихода Spankkova) – из Уймола волости Уусикиркко.

Uskelainen (один дом в Размителево прихода Keltto и один дом в Райколово прихода Inkere) – возможно, из Ускила волости Уусикиркко.

Vakkilainen (д. Виллози прихода Tuutari; д. Шуваловка прихода Тугö) – из Ваккила под Выборгом (Ваккила есть еще и в волости Рауту).

Viholainen (в приходе Тугö, главным образом в д. Симоногонт; в Tuutari – в д. Большие Пикки; отдельные дома в Ropsu и Valkeasaari) – из Вихола волости Муолаа.

К этой же группе относятся еще две фамилии, которые О. Лоухелайнен отметил в приходе Moloskovitsa: **Keljolainen** и **Sokkalainen**. Местонахождение носителей этих двух фамилий неизвестно и следы их потеряны. Фамилии образованы от названий деревень: Келья в волости Саккола (или Пюхярви) и Соккала в волости Антреа.

Фамилий, образованных без характерного топонимического суффикса от названий пунктов на юго-западе Карельского перешейка, есть еще несколько:

Hotokkainen (д. Худокайзи, или Hotokka, прихода Hietämäki) – из Хотокка волости Муолаа.

Liimatainen (Старые Холоповицы и Глумицы прихода Kupanitsa) – из Лииматта под Выборгом.

Seivästöinen (д. Каськово прихода Kupanitsa) – из Сейвясте волости Куолемярви.

Summanen (не менее 15 домов в Кирьясало прихода Lempaala) – из Сумма волости Куолемярви; фамилия Summa/ Summanen известна в волостях Уусикиркко, Койвисто, Йоханнес (SNK, 1985, 742).

Tiurinen (один дом в д. Большое Кикерино прихода Kupanitsa) может означать «с острова Тиуринсаари», волость Койвисто, или из Тиури, волость Раясяля.

Некоторые фамилии повторяют названия деревень без прибавления каких-либо суффиксов:

Ilmasti (в с. Лахта прихода Pietari, в д. Мендухари, или Koivistoisi, прихода Tuutari; в Пигилево прихода Nietämäki, в Лисьем Носу прихода Valkeasaari) – из Илмасти, или Илмастила (часть деревни Хойккала, называемая по местной фамилии Ilmasti), волость Койвисто.

Kämärä (д. Нуркобори, или Кмяря, прихода Tuutari; д. Кмяря и Корпиково прихода Skuoritsa; д. Парицы прихода Kolppana; д. Кобрино прихода Korina) – из Кмяря волости Муолаа, где была и фамилия Kämärä (SNK, 1985, 451).

Römpötti (в приходах Tyrö, Ropsu, Nietämäki) – из Ремпетти (часть деревни Макслахти, где есть и фамилия Römpötti) волости Койвисто.

Tyrsevä (д. Койрово прихода Tuutari) – из Тюрисевя волости Терийоки.

Названия деревень более отдаленных мест (за пределами Карельского перешейка) представлены фамилиями, привнесенными в Ингрию «в готовом виде» в XVII веке.

Tujulainen (4 дома в д. Муя прихода Järvisaari). Фамилия происходит, видимо, из д. Туюла волости Лаппее (Южное Саво), откуда она в XVI веке попала в Муолаа (SNK, 1985, 804–805), а впоследствии в Ингрию. Есть еще Туюла в волости Хийтола (известна с XVII века).

Vesalainen (семь домов в д. Большие Горки прихода Ropsu). Исходная точка – Весала в волости Холлола на юге Хяме. В XVII веке фамилия Vesalainen была в Саво и на Карельском перешейке (SNK, 1985, 848), откуда попала в Ингрию.

Финляндские карелы, переселявшиеся в Ингрию в XIX веке, также привнесли с собой «топонимические» фамилии:

Tihveräinen (1 семья в д. Большое Кайдолово прихода Lempaala; 2 семьи в д. Лупполово прихода Naarakangas). Тигвера (Tihveri) – это волостной центр на Олонецком перешейке. Фамилия попала в Ингрию из волости Пюхьярви (Карельский перешеек).

Uksulainen (1 семья в д. Порошкино прихода Naarakangas). Уксу находится в волости Салми на Олонецком перешейке. Фамилия попала в Ингрию из волости Китее (Северная Карелия).

Рассмотрим также фамилии, образованные от местных реалий, т. е. от названий мест, находящихся в Ингрии. Эти фамилии немногочисленны и не являются широко распространенными. В Финляндии многие из них неизвестны. Большую группу составляют фамилии, образованные от названий целых местностей:

Jamalainen – фамилия жителей д. Ямалайзи прихода *Nietämäki*. А. Шёгрэн находил эту фамилию в трех приходах, один из которых, должно быть, *Moloskovitsa*. По мнению А. Шёгрена, фамилия связана с городом Ямбургом и его уездом. Это правдоподобно, поскольку Ямбург называется у ингерманландских финнов *Jaama*. Жители ижорских деревень по р. Луге, ниже Ямбура (Извоз, Кейкино, Манновка, Орлы, Федоровка), называют себя «*jamaiset*»; такое же местное самоназвание я слышал у финнов прихода *Novasolkka*.

Siestanen – фамилия из приходов *Skuoritsa* и *Kupanitsa* (д. Глумицы). В приходе *Kupanitsa* прежнее написание этой фамилии *Sestainen*, позже – *Sistinen* (*Louhelainen O.*, 1913, 53). В приходе *Kupanitsa* была фамилия *Sestolainen* (*Louhelainen O.*, 1913, 52). Фамилия представляет собой местное самоназвание систинских ижор – *siestalaiset*.

Soikkonen – фамилия из прихода *Moloskovitsa* (деревни Пелдово, Плещевицы, Морозово, Волпи); д. Малые Туганицы прихода *Skuoritsa*; была она в прошлом еще в приходе *Novasolkka*. Фамилия сама по себе была бы ничем не примечательна, если бы не было известно ее прежнее написание *Soikkolainen* (*Louhelainen O.*, 54), что означает «сойкинец», «житель Сойкинского полуострова», «сойкинский ижор».

Tuutari – прежняя форма написания фамилии *Tuutaroinen* (*Louhelainen O.*, 1913, 60). Это фамилия бытует в нескольких домах в с. Волгово прихода *Kupanitsa*. Поскольку *Tuutari* на свете одно, к тому же находится недалеко, смысл фамилии понятен.

Здесь же уместно привести фамилии-этнонимы:

Inkeroinen (д. Новые Раглицы прихода *Kupanitsa*; д. Пежевицы и Смедово прихода *Moloskovitsa*). Надо сказать, что в Финляндии фамилия *Inkeroinen* может быть иного происхождения (например, от скандинавского личного имени), но в Ингрии эта фамилия, вероятно, означает предка – ижора.

Vatjalainen (д. Таровицы прихода Spankkova). Примерно половину населения этой деревни составляют православные ингерманландцы; много их и в соседних деревнях.

Фамилий, восходящих к названиям местных деревень, в Ингрии немного:

Kotsalainen – фамилия жителей д. Котсала прихода Турё; д. Коцелово прихода Nietamäki; д. Мурилово или Котсала прихода Tuutari, д. Кантули прихода Järvisaari и еще нескольких семей в других местах. Итак, в Ингрии три деревни назывались Kotsala и вдобавок было еще Kotsalaisi. В последнем случае деревня получила название по фамилии большинства ее жителей. Три деревни Kotsala стали называться так, вероятно, по дому, называвшемуся Kotsala. Что означает это название (и вместе с ним фамилия), образовано ли оно от имени нарицательного или собственного, финляндского оно или местного происхождения – неизвестно. Немногочисленные обладатели этой фамилии, живущие в Финляндии, – все ингерманландские финны.

Mestiläinen – фамилия жителей д. Местелево (Mestilä) прихода Venjoki (28 домов), а также нескольких семей в других деревнях того же прихода. Здесь также нельзя исключить происхождение названия деревни от фамилии ее жителей. Значение фамилии непонятно.

Miinalainen – фамилия из д. Парголово прихода Pietari. Со всем близко находятся Старое Девяткино, или Vanha Miina, и Новое Девяткино, или Uusi Miina. Фамилия известна и в Финляндии (SNK, 1985, 526).

Niippolainen – фамилия жителей д. Коттелево (Niippola) прихода Inkere. Не исключено название деревни по фамилии ее жителей, поскольку официальное название деревни (в церковных книгах Kavattila) более старое, чем народное название (Niippola). Происхождение и значение фамилии неизвестны.

Porsaloinen (произносится Porsahoinen) – фамилия в двух домах в д. Порзолото (Porsas) прихода Турё.

Riehkalainen. В приходе Tuutari это фамилия нескольких семей в д. Большое Виттолово, Туйпо (Няргино) и Туйппола; в приходе Nietamäki это несколько семей в д. Финно-Высоцкое.

Сама деревня Riehkala (рус. Рехолово) также находится в Tuutari. В Финляндии эта фамилия неизвестна. Смысл ее неясен.

Siikalainen. Несколько домов в д. Старое и Новое Симашкино прихода Inkere. Существует деревня Siikala (рус. Сиголово) прихода Järvisaari. Фамилия Siikalainen созвучна финляндской фамилии Siikanen (SNK, 1985, 721).

Tyniläinen (в церковных книгах Tynilöinen). Фамилия жителей д. Тюниля прихода Тургö. Фамилия, видимо, финляндского происхождения, хотя и не встречается в Финляндии (SNK, 1985, 817).

Группа ныне исчезнувших фамилий, образованных в Ингрии от названий местных деревень, известна из работы О. Лоухелайнена (1913):

Kallilainen (приход Inkere) – по д. Kallila (Чернышово) того же прихода.

Kantolainen (приход Spankkova) – по д. Kantola (Кандикюля) прихода Kupanitsa.

Lembolainen (приход Moloskovitsa) – по д. Lempola (Раннолово) прихода Kattila.

Luukkalainen (приход Тургö) – по д. Luukkala (Мишино) того же прихода.

Nenimäinen (приход Lempaala) – по д. Nenimäki (Ненимяки) того же прихода.

Perämattiloinen (приход Тургö) – по ижорской д. Perämattila (Малое Коновалово), находящийся здесь же.

Potolainen (приход Markkova) – по русской д. Подолье, находящейся здесь же.

Soikkinoinen (приход Тургö) – по д. Konnun-Soikkina (Санино) или, скорее, Latikan-Soikkina (Сойкино) того же прихода.

Возможно, что это были не фамилии, а обозначения людей по своей деревне. Несколько фамилий на -lainen и -inen звучат сходно с названиями деревень в Ингрии; в действительности те и другие возникли и существуют независимо друг от друга: Miikkulainen, Notkolainen, Reijolainen, Sipiläinen, Someroinen, Turtiainen, Vaskelainen, Veikkolainen.

Фамилий на -la, образованных от названий деревень в Ингрии, две.

Pankkala (приход Soikkola): по названию д. Кастивской (фин. Pankkala) в приходе Kaprio.

Parkala (приход Lempaala): по названию д. Парголово прихода Pietari.

Обе эти фамилии к настоящему времени исчезли и известны только благодаря работе О. Лоухелайнена.

В заключение рассмотрим фамилии, не имеющие каких-либо суффиксов, полностью совпадающие с названиями деревень в Ингрии.

Huuhka – в д. Гукколово (Huuhka) прихода Venjoki.

Kouru – в д. Коврово (Kouru) прихода Venjoki.

Rattuli – в д. Раттуль (Rattuli, по церковным книгам это часть д. Ahokylä) прихода Turö.

Ryyttäli – в д. Рюттель (Ryyttäli) прихода Tuutari.

В этих случаях более вероятно название деревни по фамилии или по «названию дома» первых жителей. Не исключено и обратное явление: в качестве фамилии берется топоним (название деревни).

Нельзя не сказать о фамилиях, совпадающих с названиями близко расположенных деревень:

Korkka (приход Korpi, деревни Валасники и Мыза) – по д. Горки (Korkka) того же прихода, находящейся в 20 км от них. Эта фамилия есть также в приходе Lempaala и в Финляндии, где считается, что она с Карельского перешейка (SNK, 1985, 422).

Miina (приход Liissilä, д. Поги) – по д. Мины (Miina) прихода Korpi, находящейся в 20 км. Эта фамилия есть еще в приходах Nietämäki (д. Малое Никкарово) и Ropsu.

В обоих случаях не исключено совпадение звучания разных по семантике имен.

Лумерамыра

A. J. Sjögren. Über die finnische Bevölkerung des St.-Petersburgischen Gouvernements., St.-Petersburg, 1833.

Köppen. Erklärender Text zu der ethnographischen Karte des St.-Petersburger Gouvernements von Peter v. Köppen. St.-Petersburg, 1867.

Louhelainen O. Luettelo vakinaisten seurakuntalaisten sukunimistä Inkerinmaan suomalaisissa seurakunnissa Venäjän vallan aikana, noin v.v. 1721–1912 // Viipuri. 1913.

Saloheimo: Inkerikkoja, äyrämösiä ja savakoita Inkerinmaan tulo-muuttajat ja sisäiset liikkujat vuoden 1643 henkikirjan mukaan. Joensuu, 1991.

ISH = Inkerin suomalaisten historia. Jyväskylä, 1969.

SNK = Suomalainen nimikirja. Keuruu, 1985.

KKK = Kivennapa kylästä kylään. Hämeenlinna, 1987.

JKH = Aulikki Ylönen. Jääsken kihlakunnan historia. I. Imatra, 1957.

Vanha Äyräpää: Ester Kähönen. Vanha Äyräpää II. Kouvola, 1985.

Модели метафорических уподоблений в рунах калевальской метрики

Выявление регулярной повторяемости художественных уподоблений – важный раздел изучения системной организации поэтического языка устных (песенных) традиций разных народов. Не составляют исключения и разножанровые руны калевальской метрики. Реестр поэтических средств можно признать общим, хотя и с учетом региональной и локальной специфики, для рун, зафиксированных на разных диалектах собственно-карельского наречия карельского языка, диалектах ливвиковского наречия, саво-карельских диалектах финского языка, на некоторых западнофинских диалектах в губернии Хяме, а также на ижорском языке. Единообразие обеспечивается единой метрической системой и общностью традиционной сюжетики и изобразительных деталей. Непосредственной отправной точкой для нашего исследования служит фундаментальный труд Ф. М. Селиванова «Художественные сравнения русского песенного эпоса: Систематический указатель» (1990), где выдвинуто понятие «образа сравнения-сопоставления» (далее ОСС) – референта, с которым сопоставляется изображаемое.

Говоря об этнопоэтической традиции, необходимо акцентировать укорененность моделирующих принципов системной организации поэтики в самой грамматико-синтаксической системе языка, в которой данный комплекс традиционного фольклора находил свое многовековое и многократное воплощение. Скажем, если говорить о падежных (в отличие от союзных, опирающихся на союзы «как», «словно») сравнениях, то они представлены в русском эпосе в форме творительного падежа, поскольку его семантика включает коннотативную сему превращения. В балладе «Убитый брат» момент превращения, смены облика сестер сугубо усло-

вен: «Звездою пришла – не нашла брата, / Шукою пришла – не нашла брата, / Вихрами пришла да и нашла брата, брата родного». В былинах преобладает описание смены облика в духе эпической фантастики, например, в варианте «Волха Всеслальевича» из «Сборника Кирши Данилова»: «Он обернется серым волком, / Бегал-скакал по темным лесам да по раменью».

В героико-мифологических рунах калевальской метрики служащие определителем действия союзные сравнительные конструкции нечасты. Широкое их использование выступает как яркая индивидуальная особенность мастерства великого рунопевца Архиппы Перттунена из Ладвозера. Например, у него регулярно встречается сравнение: «Герой поднимает мачты парусов, словно сосновый бор». Так, в сделанной Э. Лённротом в 1834 году записи руны «Сампо» (SKVR, I.1. № 54) в стихах 224–225 говорится: «Nosti päälle purjeuunsa / Kun on männikön mäellä». Архиппа использует данный сравнительный оборот и в руне о поездке Лемминкяйнена (у него «красивого Каукомиели») незванным на пир в Пяйвёле (SKVR, I.2. № 759) (в стихах 206–207). В варианте «Состязания в сватовстве» /*Kilpakosinta*/ (SKVR I.1. № 469), записанном Э. Лённротом в 1834 году, сравнение слегка варьируется, включая пару ОСС: «сосенок на горке и сухостойных на вереске»: «¹⁰ Nosti päälle purjepuita, / Niinkun mäntyjä mäellä, / Karahkoita kankahilla». Они же представлены и у Сийманы Мийхкалинена из Келловараки в его варианте (SKVR, I.2. № 703, s. 263–265): «Sini katko purjehpuida, / Kuin on mäntyjä mäellä, / karahkoida kangahalla». Однако замечательный по мастерству рунопевец, сын Архиппы Мийхкали, в своих вариантах рун, во многом перенятых от отца, но приближенных к стандартной местной версии, почти не прибегает к союзным сравнительным оборотам. Не обладают они особой притягательностью и для других рунопевцев, скажем, для Мауры Марттинен из Кивиярви прихода Вокнаволок. Как мы видим, использование союзных сравнений привязано не столько к руне, сколько к стереотипным

эпизодам – «типовой сцене» в понимании устно-формульной школы¹.

Преобладают в рунах калевальской метрики сравнительные конструкции с использованием специфических для прибалтийско-финских языков падежей, прежде всего эссива (падежа состояния) и транслатива (падежа перехода в иное состояние). Приведем примеры на саво-карельском диалекте финского языка на собственнo-карельском наречии², где окончание эссива -*na/-na* присоединяется к сильной гласной основе, окончание транслатива -*ksi* – к слабой гласной основе в единственном числе, а во множественном – к основе множественного числа.

Обычно эссивная конструкция служит для изобразительной характеристики глагольного действия, например: «(venehen) *nenä joi*ku*i jou*čšepena»: «нос (лодки) кликал лебедем». Такое близкое к метафоре уподобление переводится на русский язык так называемым слитным сравнением с творительным падежом. В составе героико-мифологического эпоса конструкции с эссивом также сопряжены со стереотипными эпизодами. Так, в записанном Э. Лённротом в 1834 году варианте «Сампо» (SKVR, 1.1. № 54) Архиппа Перттунен описывает, что, упав с убитого коня в море, Вяйнямёйнен «плыл еловою корягой, / обрубком сосновой колоды». Мийхкали в точности перенял от отца это сравнение. Устойчивость лексического оформления подтверждается наличием повторной после 1871 года (SKVR, 1.1. № 58) записи 1877 года (SKVR, № 58a), обе они сделаны А. А. Борениусом:

---

¹ Тем, что А. Б. Лорд в «Сказителе» (М., 1994, см.: *Lord Albert B. The Singer of Tales*, 1960) называл «темами», Б. Н. Путилов в работе «Русский и южно-славянский героический эпос» (1971) – «типowymi сценами», а Л. Харвилаhti на материале ижорских рун (*Harvilahti Lauri. Kertovan runon keinot. Inkeriläisen runoepikan tuottamisesta*. Helsinki. SKST, 522) определяет как «семантические макропозиции».

² SKVR I / SKST 121. *Vienan läänin runot*. 1. Kalevala-aineiset kertovaiset runot, 1908; Kalevalan-aineisia kertovaisia runoja. Muita kertovaisia runoja, v. 1917; 3. Lyyrilliset, opettavaiset, miete-, iva- ja leikkirunot, v. 1919; - - -4.2. Loitsuja. Lisiä, v. 1921; SKVR VII / SKST 143. *Raja- ja Pohjois-Karjalan runot*. 1. Kalevalan-aineiset kertovaiset runot, 1929.

Kulki kuušissa hakona
⁴⁰ Petäjäissä pölkyn peänä.

⁴⁰ Kulki kuušissa hakona
 Petäjäissä pölkyn päinä.

Однако зачастую это сравнение выступает в несколько ином лексическом оформлении. Федотта Сотикайнен из Суйстамо (приграничная Карелия) так изображает плавание раненого Вяйнямёйнена в записанном Базилиером в 1884 году варианте (SKVR, VII.1. № 16) «Творения мира»: «Шесть годов там колыхался, / Плыл еловой корягой, / Сосенки древесной крошкой» – «²⁰ Tuollabo kublaa kuuzi vuotta, / Kublaa kuušista hagona, / Petäjist' on puumuruna».

В беломорско-карельских героико-мифологических рунах регулярно, хотя и с неоднородной распределяемостью по сюжетам, представлено перечисление сравнений деталей отплывающего струга с птицами. В своем варианте «Поездки на пир в Пяйвеле» это сравнение использует Микко Ехкимович Потапов из Аконлакши (SKVR, I.2. № 724): «Гребли молодые, весла гнулись, / скамьи тетерками скрипели, / уключины гусями гоготали, / нос кликал лебедью» – «Nuoret souti, airot notku, / Teljot tetrinä kukerti, / Hangat hanhena hatsatti, / ¹³⁵ Nenä jotik joutsenena». В «Создании кантеле» такое сравнение представлено в двукратных записях Мауры Марттинен, сделанных в 1893 году ее сыном Ийво (SKVR, I.1. № 614) и в 1894 году К. Карьялайненом (SKVR, № 614a): «Tell'ot tetrinä kukerti, / Nenä joiku joučenena, / ⁴⁵ Hangat hanhena hačatti, / Perä kruočku koskelona» – «Скамьи тетерками скрипели, / Нос кликал лебедью, / Уключины гусями гоготали, / Корма гряяла крохалём».

Интересное соотношение фигуративной изобразительности и показа фантастического превращения обнаруживается в перечне сравнений с лесными хищниками и пушными зверьками, относящемся к передвижению героя. Архиппа Перттунен в «Гибели Лемминкяйнена» (SKVR, I.2. № 758) вводит эти три соединенных неполным синтаксическим параллелизмом строки «Волком бежал через чащи, / Горностаем обширные рощи, / Белкою по веткам сосен» парой строк: «Захотел сменить он облик, / пожелал оборотиться» («Tohti toiseksi ruveta, / Ruohti muuksi muuttelata»). Мийхкали вообще не использовал этот сюжет. Зато в начальной части записанного Бернером в 1872 году варианта «Состязания в сватовстве» (SKVR, I.1. № 473) он присоединяет перечисление

сравнений к включающему бытовую деталь описанию того, как бежит сообщить новость кузнецу его сестра:

Anni tyttö ainuo neiti
⁷⁵ Käsän keäri voattihesa,
 Koprin helmassa kokosi,
 Mäni juossulla kotihe.
 Juoksi sunna suuret korvet,
Kärppänä lehot leviät,
⁸⁰ Oravina hongan oksat.

Анни единственная дева,
 Подвернула свое платье,
 В горсть подол свой подобрала,
 Уж бегом домой пустилась.
 Мчалась волком через чащи,
 Горностаем через рощи,
 Белочкой по веткам сосен.

Устойчивость такого фигуративного использования эссивной модели подтверждается наличием повторной записи А. А. Борениуса в 1877 году (SKVR, № 473a). Правда, в записи Варонена 1886 г. (SKVR, № 473b) сравнения опущены.

Именно фантастическое превращение подразумевается рунопевцами Перттуненами в том случае, когда эссивные конструкции относятся к бегству Вяйнямёйнена из Туонелы. Как в сделанной Э. Лённротом записи 1834 года (SKVR, 1.1. № 362+759b), так и в записи Кастрена 1839 года, Архиппа вводит описание формульной парой строк: «Захотел сменить он облик, / пожелал оборотиться». Фантастический образ «железной змеи», способной пробраться сквозь сети, раскинутые хозяевами Туонелы, может быть возведен к шаманистским представлениям: «Mato rautassa matona / Kulki kyissä käärmehinä / Poikki Tuonelan joesta, / Läpi Tuonen verkkoloista» – «Полз железною змеёю, / Крался он змеёй-гадюкой / Через туонельскую реку, / Через сети парня Туони» (SKVR, № 362). Эту же микропропозицию Архиппа использует и при описании перемещения Лемминкяйнена в Вуоелу. Что касается «Посещения Туонелы», то Мийхкали перенял от отца вводимую формульной парой строк микропропозицию фантастического превращения, но использовал в ней транслатив, как свидетельствуют запись А. А. Борениуса 1871 года и уточнения 1877 года (SKVR, 1.1. № 363, 363a):

Tohti toiseksi ruveta,
 Mahto muikse muihellalse
 Muuttu muššakše mavokše,
⁵⁵ Eli kyykše keärmehekse,
 Läpi mäni rautaverkot.

Захотел сменить он облик,
 Пожелал оборотиться,
 Змеёй железной обратился
 Или стал змеёй-гадюкой,
 Сквозь сеть железную пробрался.

В эпических рунах глагольные конструкции с транслативом обычно представляют собой реализацию мифологических повествовательных микропропозиций, изображают фантастические действия героев или же желательную, но не осуществленную метаморфозу. Это наблюдается в руне о поездке на пир в сцене, где герой, страшась расправы за убийство противника, спрашивает у матери совета, куда ему, «негодному», укрыться. Мать предлагает ему: «Mäne männykše meällä, / koivukše kovalla tualla» «Ступай сосенкой на горку, / березкой на земле на твердой», например, в варианте Мауры Марттинен (SKVR, 1.2. № 757 а). В варианте Мийхкали Перттунена (SKVR, 1.2. № 766) реплика матери включает предполагаемое чудесное превращение, а ответ героя приземленно деловит, но использование транслатива в обоих случаях органично:

²⁹⁰ Tuol ennen isosi piili...

Mäni männykše meällä,

Nouši koivukše norolla.

²⁹⁵ ”Oi emoni vaimo kaunis,

Ušein mäkini mänty

Päre-puikše pälkitähe,

Ušein noroni koivu

Riihi-puikše ripsutahe.

Там твой отец скрывался прежде...

Уходил сосной на горку,
Вставал березкою в ложбину.

Ой, мать моя, прекрасная жена,

Часто сосенку с пригорка

Пилят, чтоб щипать лучину,

Часто ложбинную березку

Рубят на колосники овина.

Эта сцена регулярно встречается в беломорско-карельских вариантах руны о Лемминкяйнене, в том числе и с другими, близкими по смыслу OCC, как совет превратиться «в ягодку на холме, брусничку на вереске» в ухтинской записи Э. Лённрота (SKVR, 1.2. № 830) или записи Бернера 1872 года от Архиппы Хилипайнена из рода Охвокайненов (SKVR, 1.2. № 840): «²⁶⁰ Mäne sie marjaksj mäjellä, / Puolukaksj kankahalla». Такие желательные метаморфозы встречаются и в ижорских балладах в близкой по смыслу сцене: совершившая(-ий) злодеяние намеревается укрыться от наказания, прибегая (или страшась прибегнуть) к смене облика.

На транслатив опираются и фигуративные художественные уподобления, в этом случае сопряженные с качественным прилагательным, которые обозначают избыточную по отношению к какому-либо референту характеристику. Одно из таких выкристаллизовавшихся описаний, начинающееся строкой «Дым над остро-

вом клубится», стереотипно, как зачин руны о Лемминкяйнене (SKVR, I.2. № 702, 705, 706, 707, 709, 710, 711, 712, 713, 714, 716, 717, 719, 720, 722 + a), 724, 725, 726, 728, 737, 738, 739, 741, 742, 743, 744 + a, b), 746, 748, 751, 752, 753, 754, 757, 765, 766, 771, 773, 781, 786, 810, 819, 834, 846, 855, 856; I.4.2. № 2166, 2169, 2170). Например, в записи А. А. Борениуса 1872 года от Мийны и Охво Хуовиненов из Хиетаярви (SKVR, I.2. № 744):

Savu soarella palavi,	Дым над островом клубится,
Tuli niemen tutkamessa.	Огонь на оконечье мыса.
Mi tuola savu palave,	Что же там за дым клубится,
Mi tuolta tuli näkyvi?	Что за огонек там виден?
⁵ Pienehk ois sovan <u>savukse</u> ,	Маловат быть военным дымом,
Suuri paimenen <u>tuleksi</u> .	Велик быть костром пастушым.

Зачин про «дым над островом» встречается и в обрядовой поэзии, в частности, в той из свадебных рун, которую пели по приезде «будущего зятя» со свитой на уводной раз, обычно начиная вопросом «Чей народ там прибывает / по проливам по саксонским...?». Например, уроженка Кивиярви и жительница Ладвозера Окахвие вдова Нихво в записи Борениуса 1886 года (SKVR, I.3. № 1576) предваряет стандартный риторический вопрос другим, относящимся к «пйявёлскому» костру:

Mitä tuo tuli palauve	Что там за огонь пылает
Sakšan šalmilla šyvivillä,	На глубоких проливах Саксы,
Ulavilla aukiella?	На открытой глади волн?
Pieni ois sovan šavukše,	Мал бы быть военным дымом,
⁵ Suur ois paimošen tulekše.	Велик быть огнем пастушым.

Опорными для описания центрального персонажа в руне о незадачливом рыбакове – мифического по своей природе существа Девы-Лосося – становятся ее качественные характеристики, соотнесенные с транслативными ОСС (названиями рыб и словами, обозначающими обычную девушку на выданье). Например, в варианте «Vellamon neidon onginta», исполненном Архиппой Перттуненом для Э. Лённрота в 1834 году (SKVR, I.1. № 250, I.2. № 758): «¹⁵ Siliähk on siikaseks[i], / Haliehk on haukiseks[i], / Päärivatton neitoseksi, / Evätön lohik[alaksi]» – «Гладковатая (быть)

сигом, / Блекловатая (быть) шукой, / Без очелья (быть) девицей, / Без плавников (быть) рыбой-семгой».

В двукратно (в 1871 и 1877 годах) записанном от Мийхкали Перттунена А. А. Борениусом (SKVR I.1. № 253, + а) тексте говорится о «дочерях Вяйно»:

Kattšelouve, keäntelöyve:

Šiliehk' on šiikasekše,

Haliehk' on haukisekši,

Evätöin lohikalakše,

¹⁵ Vyötöin Väinön tyttärekkše.

Осмотрел и повертел он:

Гладковатая для сига,

Блекловатая для шуки,

Без плавников для рыбы-семги,

Без пояса для дочки Вяйно.

ОСС художественных уподоблений можно признать своего рода «ячейками поэтической мысли», о которых писал уже А. Н. Веселовский. Художественные уподобления как целостности (ОСС + изображаемое) можно интерпретировать как поэтико-изобразительные константы в свете выдвинутой В. М. Гацаком концепции³. На уровне словесной ткани этнопоэтическим константам – неизменным опорным словам в сочетании с определителями (качественными или по действию) присуща «подвижность очертаний» (Гацак В. М., 1999, 110). Этнопоэтические константы служат памяти традиции.

Литература

Гацак В. М. Устная эпическая традиция во времени: историческое исследование поэтики. М., 1989.

Гацак В. М. Пространства этнопоэтических констант. Омск, 1999.

³ Например, топосы длительности действия и изображение богатырского гнева за счет символики излучения огня, выделяемые на разностадиальном эпическом материале.

**О формировании ритмики рунических
напевов Беломорской Карелии
(по материалам сборника А. Лауниса
«Напевы карельских рун»)**

В Беломорской Карелии собрание рунических напевов было начато в 1871–1872 годах финляндским фольклористом и школьным инспектором А. Ляхтенкорва-Борениусом. Вслед за Э. Лённротом в первую свою поездку собиратель стремился записывать преимущественно тексты рун. В 1877 году А. Борениус вновь посетил Карелию. Он побывал в деревнях Аконлахти, Люття, Кивиярви, Венехъярви, Войница, Вокнаволок, Ухта, Ювялакша, Тикша.

Лишь 36 лет спустя, в 1913–1914 годах, Беломорскую Карелию посетил другой собиратель напевов эпических песен карелов – Юхо Ранта. Внимание Ю. Ранта, путешествовавшего уже с фонографом, было приковано к рунической традиции лишь одной деревни края – Войницы. Таким образом, собрание напевов рунических песен карелов в конце XIX – начале XX века производилось только в одном из семи Лопских погостов – в Ребольском.

Результаты деятельности исследователей-музыкантов в Беломорской Карелии обобщил и опубликовал в своем третьем сборнике научного типа – систематическом своде напевов – Армас Лаунис (Launis A., 1930). Сборник «Runosävelmiä. II. Karjalan runosävelmät» увидел свет в 1930 году (Хельсинки).

Ранние собиратели рунических напевов, в частности А. Борениус и Ю. Ранта, не сохранили для истории имена своих информаторов. Записи напевов, особенно у работавшего по слуху А. Борениуса, были краткими, представлявшими лишь инициальный участок напева. Несмотря на относительную точность записи напева по слуху, отсутствие сведений об особенностях интониро-

вания рунических песен Карелии, значение деятельности А. Борениуса и Ю. Ранта невозможно переоценить.

Собирателям удалось зафиксировать все основные модели рунических напевов Беломорской Карелии. Благодаря их труду, а также научной деятельности А. Лауниса, сегодня возможны наблюдения за генезисом традиции, выделение специфики музыкальной ментальности населения края, сопоставление результатов музыкально-поэтического анализа с наблюдениями исследователей других специальностей.

Исследователи XIX – начала XX века выявили в Беломорской Карелии рунические напевы, которые мы относим к трем моделям координации ритмики поэтического текста с ритмикой музыкальной так называемых слоговых музыкально-ритмических форм (СМРФ) (Ефименкова Б. Б., 1993, 12–27). Во всех выявленных формах движущей силой ритмического тока напева является его текучесть, т. е. время звучания. Такие структуры в музыкальной фольклористике принято относить к достаточно архаичному пласту фольклора того или иного этноса. Эта черта свойственна традиционной музыкальной культуре карельского этноса и сегодня. Она, на взгляд автора, восходит к особенностям структур языка этноса и, прежде всего, к принципам агглютинативности (Семакова И. Б., 1997, 22).

Однако сопоставление трех выявленных нами СМРФ рунических напевов между собой позволяет нам сделать вывод о том, что отношение карелов к временному фактору в каждой из моделей различно и, тем не менее, все три модели возможно аналитически свести к одному типу СМРФ (рис. 1).

Самая архаичная из структур дошла до наших дней как форма, свойственная так называемым речевым (Тампере Н. Т., 1965) песням, сохранившимся преимущественно в сфере фольклора для детей. Эта модель сопоставима и сходна с аналогичными архаичными структурами фольклора прибалтийско-финских народов, балтов, славян, проживающих в районе Фенноскандии. Черты первого типа СМРФ (рис. 2) встречаются в музыкально-поэтическом фольклоре пермских и поволжских народов.

Схема генезиса словесых музыкально-ритмических форм (СМРФ) рунических напевов беломорских карелов

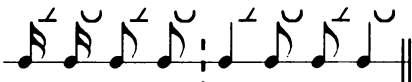
Примечание: ♪ = 1 ед. муз. времени; ♫ = 2 ед.; ♬ = 3 ед.;
♩ = 4 ед.; ♪♩ = 8 ед.; ♪♩♩ = 0,5 ед.

Знак ☉ – фермата (удлинение); ☺ – акупа (укорочение)

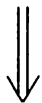
I тип СМРФ (8 ед. муз. времени)

 , т. е.:

II тип СМРФ (9 ед. муз. времени)

I тип СМРФ (8 ед. муз. времени)

 , т. е.:

III тип СМРФ (10 ед. муз. времени)

Рис. 1

Математическое обоснование генезиса СМРФ рунических напевов беломорских карелов

Примечание: ♩ = 1 ед. муз. времени; ♪ = 2 ед.; ♫ = 3 ед.; ♮ = 4 ед.; ○ = 8 ед.; ♪♩ = 0,5 ед.

I тип СМРФ

Is - ki tul - ta il - man uk - ko

$(2 + 2) + (2 + 2) = 4 + 4$ (a = b → 4 = 4 ед. муз. времени, т. е. 1 : 1)

II тип СМРФ

Kok - ko len - ti koil - ta il - moin

$(2 + 2) + (2 + 2) = 4 + 4$ → ритмическая слоговая форма (поэтическая)

$(1 + 2) + (3 + 3) = 3 + 6$ → ритмическая музыкальная форма

(a ≠ b → 6 : 3 ед. муз. времени, т. е. 1 : 2)

III тип СМРФ

Pe - dä - jäi - sen pen - kin peäs - sä

$6 + 4$ → ритмическая музыкальная форма

(a ≠ b → 6 : 4 ед. муз. времени, т. е. 3 : 2)

Рис. 2

Карелам удалось в рассматриваемой модели СМРФ сохранить наиболее «классическую» версию этой формы, восходящую к временам полнозвучия в языке этноса: эта структура СМРФ формируется в традиции карелов наиболее простым способом – путем многократного многоуровневого парного повтора (проверено с позиций математической теории катастроф) (Арнольд В. И., 1990, 8)¹.

Менее устойчива с позиций математических закономерностей вторая модель СМРФ (рис. 2). Она свойственна только свадебным песням карелов и ранним балладам: ритмическое укорочение в архаичной форме двух первых позиций ведет к возникновению временной неустойчивости, которая, несмотря на компенсации во второй части модели (позиции 5, 4, 8), приводит к формированию потенциального троичного, а не парного, как в архаической модели, повтора. Но, тем не менее, переход из двоичной в троичную систему моделирования в рунах беломорских карелов не завершен. Колебания между парностью и тройственностью структуры придают значительную динамику переизложению материала на всех уровнях руны. Изменения ритмической модели должны были сказаться и на структуре текста, и, наоборот, изменения в языке, в организации поэтического пространства вызвали, по мнению автора, нарушения музыкально-поэтического, ритмического равновесия в данном пласте рунической песенности.

Третья модель СМРФ хорошо известна музыкальному миру как ритмика напева руны с акцентуацией ее каждой нечетной позиции и ретардацией двух заключительных – 7 и 8 позиций напева (рис. 2).

Вероятно, данная модель СМРФ вырабатывалась в Беломорской Карелии долго. По числу версий инварианта она значительно многочисленнее двух ранее рассмотренных моделей. По формам своего функционирования эта модель СМРФ наиболее универсальна – встречается в любых, кроме свадебных, песнях.

Особенностью данного СМРФ является то, что не во всех ее версиях существует постоянная внутренняя цезура. Цезура может и

---

¹ Катастрофами называются скачкообразные изменения, возникающие в виде внезапного ответа системы на плавные изменения внешних условий.

отсутствовать. В цезурированных напевах исполнители часто выделяют две заключительные позиции формы (7 и 8) – ретардируемый ритмический участок. Цезуры могут встречаться и в других ситуациях в зависимости от структуры конкретного стиха. Все детали анализа, включая и математическую проверку, свидетельствуют о позднем, в сравнении с двумя предшествующими моделями СМРФ, времени формирования третьего типа СМРФ. Эту модель возможно охарактеризовать как замкнутую центростремительную систему.

География распространения трех моделей СМРФ рунических напевов неравномерна. Так, наиболее архаичная, первая модель СМРФ распространена (по рассматриваемому источнику) лишь в 10 деревнях:

Войница (12 образцов);
Аконлахти (10 образцов);
Ладвозеро (9 образцов);
Ухта (8 образцов);
Кивиярви (4 образца);
Люття (1 образец);
Венехъярви (3 образца);
Чена (2 образца);
Вокनावолок (2 образца);
Емельяново (1 образец).
ИТОГО: 52 образца.

Вторая модель СМРФ – «свадебная» – зафиксирована в 10 деревнях:

Ухта (10 образцов);
Ладвозеро (8 образцов);
Войница (8 образцов);
Кивиярви (5 образцов);
Чена (4 образца);
Аконлахти (3 образца);
Венехъярви (3 образца);
Луусалми (1 образец);
Ювялакша (1 образец);
Емельяново (1 образец);
Вокनावолок (1 образец).
ИТОГО: 45 образцов.

Третья модель, «универсальная» с позиций жанра и наиболее распространенная в наши дни, оказалась в записях собирателей XIX – начала XX века самой малочисленной – всего 11 образцов в 5 деревнях:

- Войница (5 образцов);
  - Люття (3 образца);
  - Венехъярви (1 образец);
  - Аконлахти (1 образец);
  - Ухта (1 образец).
- ВСЕГО: 108 образцов.**

Музыкально-ритмический анализ очень информативен, и мы можем на его основе сделать выводы:

1) Освоение края карелами начиналось с «опорных» населенных пунктов – д. Войница и д. Аконлахти.

2) Традиция д. Войница стала «генератором» музыкально-поэтических идей края и его своеобразной «лабораторией».

3) Местная певческая традиция формировалась постепенно, путем распространения влияний преимущественно из д. Войница, на д. Ухта, д. Ладвозеро.

4) Традиция рунических напевов под влиянием традиции причети формировалась, вероятно, как женская.

5) Мужская традиция исполнения рун была ориентирована на поэтический текст, в то время как напев руны сводится к простейшей схематичной модели. Вариантность минимальна.

6) В южной части бывшего Ребольского погоста, как и на его севере, в деревнях Аконлахти и Люття преобладала музыкальная традиция женского рунопения. Она достаточно индивидуализирована. Здесь в XIX – начале XX века сложились особые версии региональных моделей рунической ритмики.

7) В деревнях Аконлахти и Люття активнее, в сравнении с деревнями северной части погоста, стала формироваться на основе типовых СМРФ такая сложная форма мелодической работы, как инверсия.

8) Музыкальные традиции деревень севера погоста развивались несколько медленнее традиций деревень Аконлахти. Однако в силу каких-то исторических и географических причин со вре-

менем традиции деревень Аконлахти стали терять свою импульсивность и подверглись некоторому «свертыванию», в то время как «быстрорастущими» деревнями края стали Ухта, Ладвозеро, Войница и Кивиярви.

При сопоставлении наших выводов с результатами исследований историка И. А. Черняковой (Чернякова И. А., 1998, 5–7, 15–25, 33–39) оказалось, что наблюдения совпали в основных своих чертах. Необходимо отметить, что с момента начала освоения Беломорской Карелии карелами – рубежа XVII и XVIII веков – до середины XX века (около двух с половиной веков) – рунопевческая традиция края была сформирована необыкновенно быстро и это была исключительно местная традиция, а не привнесенная извне. По ряду своих компонентов, таких как певческий тембр, она разительно отличается от традиций Северного Приладожья, земель Саво, а также от Ингерманландии.

Литература

Арнольд В. И. Теория катастроф. М., 1990.

Ефименкова Б. Б. Ритмика русских народных традиционных песен. М., 1993.

Гиппиус Е. В. Общетеоретический взгляд на проблему каталогизации народных мелодий // Актуальные проблемы современной фольклористики. Л., 1980. С. 23–36.

Краснопольская Т. В. Напевы эпических песен в жанровой системе музыкального фольклора карел // «Калевала» – памятник мировой культуры. Петрозаводск, 1986. С. 186–192.

Семакова И. Б. К вопросу типологии традиционных музыкальных культур народов Северной Европы // Традиционная культура финно-угров и соседних народов. Петрозаводск, 1997. С. 19–23.

Чернякова И. А. О чем не рассказал Элиас Лённрот... Петрозаводск, 1998. Runosävelmiä. II. Karjalan runosävelmät / Julk. Armas Launis. Helsinki, 1930. Suomalaisen kirjallisuuden seura. Suomen kansan sävelmiä. Neljäs jakso.

Tampere H. T. Eesti regivärsilise rahvalaulu melodika stiilitüübid // Etnograafiamuuseumi. Aastaraamat XX. Tallinn, 1965. S. 50–66.

**Мелодические модели
рунических напевов Беломорской Карелии
(по материалам сборника А. Лауниса
«Напевы карельских рун»)**

Важнейшей характеристикой любого образца певческой культуры этноса является мелодия. Она несет значительное информационное начало, которое позволяет идентифицировать напев, узнавать его в ряду других напевов, создавать то или иное настроение певца и слушателя. Мелодия/мелодика – явление историческое. На ее формирование оказывают влияние многие факторы: среда обитания – геоклиматические условия обитания этноса, взаимоотношения этноса и ландшафта, система природопользования и формы хозяйственной деятельности, особенности его социальной организации, исторический уровень этнокультурного развития, речь этноса, система верований, многообразие и степень интенсивности межэтнических контактов (Гиппиус Е. В., 1980).

Специфическими особенностями традиционной культуры этноса являются его представления о художественном хронотопе, который, заметим, не всегда является отражением экономического развития самого этноса. Важнейшим показателем истинного исторического состояния традиционной культуры являются формы функционирования художественного хронотопа: статические и динамические, линейные, круговые, смешанные, спиралевидные и др., а также формы соотношения в представлениях этноса художественного времени и художественного пространства (Топоров В. Н., 1972; Семакова И. Б., 1997). Наиболее объективным критерием и свидетельством верности сделанных исследователем фольклористом, хореографом, этнографом аналитических выводов является речь этноса. В языке любого народа эти представления функционируют как пространственные термины. В карельском

языке и сегодня многие базовые пространственные представления этноса обозначаются через понятие времени: «юг» – «*puolipräivä*» – букв. «полдень», или смешанное – времени и пространства: «север» – «*keski/yö/randa*» – т. е. букв. «полуночная сторона». Аналогичная ситуация с обозначением понятий «восток» – «*päiväzen/powzu/randa*» – букв. «сторона подъема солнца» и «запад» – букв. «*päiväzen/lasku/randa*» – букв. «сторона захода солнца». Понятие «центр» в языке отсутствует, но есть более архаичное с позиций художественного хронотопа представление о середине – «*keski*». Анализ традиционной хореографии и игр карелов показывает, что культуре этноса XIX–XX веков присуще состояние перехода от линейных форм организации художественного пространства к формам круговым (Семакова И. Б., 1997, рукопись).

В сфере музыкальной культуры собственно мелодический анализ напева принято производить по двум-трем параметрам, связанным с принадлежностью звучащего образца тому или иному историческому пласту традиционной музыкальной культуры человечества. В этом ряду важнейшими являются характеристики, связанные со способом интонирования – процессуальной природой высотно-смысловой стороны мелодики (Асафьев Б. В., 1965) *раннефольклорного* (Алексеев Э. Е., 1986, 13–15) или *звуковысотного* (Алексеев Э. Е., 1986, 36–37). В значительном множестве случаев мелодика обладает и такими важнейшими для ее природы структурами, как *лад* (взаимоотношения системного характера между ступенями) и *звукорядная шкала* – система упорядоченных по высоте ступеней мелодии. В настоящее время исследователи накопили значительный опыт анализа структур мелодики. Однако с позиций метода структурного анализа сложно описать тембр, акустические закономерности мелодики, агогику и т. д.

Наука XIX и XX веков опиралась в проблеме каталогизации мелодических структур напевов на две главные характеристики: звукоряд и лад. На этом пути сделаны бесценные открытия и находки финнами А. Лаунисом и А. О. Вяйсяненем, венграми Б. Бартоком и З. Кодаи, россиянами П. Сокальским, К. Квиткой, Б. Асафьевым, Е. Гиппиусом, Ф. Рубцовым, И. Земцовским, Б. Ефименковой, Э. Алексеевым, М. Енговатовой, Ю. Шейкиным, эстонцами Х. Т. Тампере и И. Рюйтел, армянином Х. Кушна-

ревым, азербайджанцем У. Гаджибековым, полькой А. Чекановской. Этот список самых ярких в европейской фольклористике фигур далеко не полон, он ежегодно пополняется, что свидетельствует об актуальности данной научной проблемы. Тем не менее на пути сравнительно-исторического изучения напевов, и прежде всего их мелодики, с годами препятствия не уменьшаются, а нарастают в соответствии с накоплением научного опыта и потенциала, ревизией известных идей. Кроме того, устоявшиеся формы и методы анализа напевов, отбор главных и второстепенных признаков мелодических классификаций далеко не всегда позволяют «уложить» имеющийся этнический материал в заданные классификацией параметры. Более того, *с позиций художественного хронотопа известные науке классификации мелодики могут быть рассмотрены только в рамках конкретных слоговых музыкально-ритмических типов* (Гиппиус Е. В., 1957), *а не форм художественного хронотопа этноса как отражения нормы его этнической и художественной ментальности*, т. е. как конкретные формы обобщенного этнического мышления, *а не базовые модели художественной ментальности* (Семакова И. Б., 1997, 23). Наша научная позиция опирается на идею *о единстве структуры, историчности ментальности этноса, т. е. хронотопа и ее проявлениях во множестве обобщенных и конкретных форм* вне зависимости от «материала» их реализации (речь, хореография, музыка, вербальный фольклор, верования, социальные и общественные структуры общества, взаимодействие с окружающей средой и т. д.). Проверим эту идею на конкретном анализе напевов карельских рун Беломорской Карелии, опубликованных в сборнике А. Лауниса (Launis L., 1930). Анализу были подвергнуты те же образцы напевов, что и в нашей работе о ритмических типах рунических напевов Беломорской Карелии.

Мы разработали для анализа напевов рун специальную методику, опирающуюся на идею художественного единства ментальности этноса. Мы исходим из того, что анализируемые напевы традиционны и функционировали в конкретной этнической среде, в конкретных геоклиматических (в широком понимании) и ландшафтных (в узком понимании) условиях. Напевы рун, хоть и записаны собирателями как напевы темперированного строя, по суще-

ству таковыми не являются (вывод сделан автором на основе знакомства с архивными фоно- и аудиоматериалами). Их строй натуральный, следовательно, основан на законах акустики, нормах ее восприятия этносом, живущим в конкретных геоклиматических условиях. Из множества слышимых ухом и воспринимаемых телом человека обертонов карелы формируют звуковые шкалы рунических напевов из одного, основного, тона и его девяти-тринадцати осознанно слышимых обертонов. В силу невозможности да и ненужности интонирования – исполнения мелодий как акустического обертонового ряда многие этносы как бы «сводят» осознаваемые акустические звуки в удобный для певческого исполнения диапазон, тем самым как бы «сворачивают», концентрируют акустический феномен в конкретную мелодическую структуру. Однако ее акустические закономерности остаются прежними: воспроизводятся в рамках «свернутой» мелодической формы в соответствии с природно-акустическим феноменом.

Известно, что обертоновый ряд звука состоит из обертонов-гармоник, созвучных основному тону, и обертонов-не гармоник, не сливающихся с ним (Гарбузов Н. А., 1948). Таким образом, напев рун возможно при анализе мелодики «свернуть» до уровня чередования ступеней-гармоник, производных от основного ладового тона, обозначаемого как «1», и ступеней-не гармоник, обозначаемых как «2».

После операции подобной записи напевов рун беломорских карелов в соответствии со слоговой музыкально-ритмической формой – СМРФ (см. статью о ритмике рунических напевов в настоящем сборнике) мы выяснили, что далеко не во всех случаях структурные уровни мелодики и СМРФ разворачиваются в рунах беломорских карелов параллельно. В третьей части анализируемых нами напевов мелодические структуры реализуются достаточно свободно относительно внутренних границ СМРФ, а иногда и границ стиха или строфы¹. Подобные явления известны

---

¹ Наиболее свободно координируется мелодика со СМРФ: в деревнях Войница (8 образцов), Аконлакши (6 образцов), Ладвозеро (6 образцов), Ухта (4 образца), Кивиярви (3 образца), Чена (2 образца), Венехь-

в карельской музыкально-поэтической традиции и описаны Т. Краснопольской на примере причитаний (Краснопольская Т. В., 1986, 223, 225–226).

Самой важной в процессе развертывания напева является «работа» исполнителя по строительству его пространственных структур – мелодической линии и ее соотношения со структурами времени (поэтический/вербальный и музыкальный ритм). Медиатором и своеобразным координатором художественного пространства и художественного времени является тембр голоса исполнителя или музыкального инструмента. Именно он позволяет возникнуть конкретному художественному феномену. Поэтому даже простейшие формы «строительных работ» исполнителя невозможны без тембральных структур. К сожалению, в сборнике карельских рунических напевов А. Лауниса не всегда приводятся подтекстовки напевов, что не позволяет современному исследователю выполнить работу по реконструкции тембральных тенденций поющихся рун (Семакова И. Б., 2000).

Строительным материалом мелодии является звук. Рунопевцы Беломорской Карелии хорошо осознавали его акустическую природу, используя в своем творчестве два доминирующих приема развертывания напева в пространстве: повтор одного тона с гармониками (как правило, от одной до четырех позиций СМРФ) и сопоставление звуков-гармоник и не гармоник².

Оппозиция звуков-гармоник и не гармоник дает напеву возможность накопления в напеве внутренней энергии, силы для строительства композиции всех уровней. Повтор же тона с его гармониками расширяет пространственные характеристики напева, придавая ему торжественность, звучность и определенную эпическую статность. Прием повтора известен рунопевцам не только на уровне одного звука, но и более сложных композиционных построений: оппозиционных структур (ав – 1 – 2), струк-

---

ярви (2 образца), Емельяново (2 образца), Луусалми (1 образец). Всего 34 образца из 108 напевов, т. е. 31,5%.

² Внутри группы звуков-не гармоник основного тона существуют собственные отношения акустической гармонии, как и внутри группы звуков-гармоник.

тур с внутренними повторами ($a_n b_n$) и в своеобразном обрамлении ($a_n b_n a_n - 1n-2n-1n$). Прием повтора оппозиционных структур карельские исполнители отработали до совершенства, превратив его в прием выворачивания мелодических структур ($1n-2n > 2n-1n$). Если микроструктура напева состоит из трех основных элементов, то «вывернутыми» могут быть два из них, чаще начальные при неизменности завершающего конструкцию звука. Такие варианты повторы встречаются в мелодике рун на расстоянии и никогда не приходят на смену друг другу, как при простом «выворачивании». Прием «выворачивания» возник в карельской эпической музыкально-поэтической культуре не как известный в профессиональной музыкальной культуре прием ракохода, а как прием реализации пространственно-акустической ментальности этноса, его склонности к длительному неторопливому развертыванию мелодии – ее текучести. В задачи подобной мелодики входит укрупнение речевой интонации: вербальный или поэтический текст для карела всегда остается приоритетной структурой любой формы музыкально-поэтического творчества. Это означает, что *карельская специфика в рунах Беломорской Карелии заключается в приоритетности в художественном хронотопе структур времени над структурами пространства*. Следовательно, рунопевческой традиции карелов более *свойственна полимелодичность*, где одна текстовая модель может быть распета на «любой, пришедший в голову напев», только спустя какое-то время певцы «вспоминают» настоящий мотив (частное письмо 1933–34 гг. Магид С.)³. Собиратель традиционной музыкально-поэтической культуры карелов С. Магид впервые в музыкальном кареловедении обратила внимание на достаточную степень самостоятельности времени и пространства в художественном хронотопе карелов, т. е. *их архаичную координацию*. В этих условиях подобной ментальности значение певческого тембра неизменно будет велико.

Вышеизложенное может «изнутри» объяснить значительную степень свободы в развертывании мелодики карельских причита-

---

³ Письмо хранится в рукописном архиве ИЯЛИ КНЦ РАН. Оно написано под впечатлением от встреч с певцами Олонецкого края.

ний, приемы финальной «долбежки» на одном звуке в причетных тирадах (Краснопольская Т. В., 1986, 223), виртуознейшую «работу» по выстраиванию музыкальной ритмики тирад северокарельских ёйг (Лукина С., 1997), свободную смену напевов внутри одного феномена, объясняющуюся «забывчивостью» певца. Среди перечисленных малообъяснимых «нетипичных» явлений с позиций иноэтничной музыкальной культуры, в частности русской, мы отметим *особую склонность карелов к культивированию тирадной музыкально-поэтической формы как универсальной для воспроизводства и хранения этнохудожественного хронотопа.*

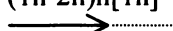
Впечатления исследователя от кратких записей напевов рун Беломорской Карелии в сборнике А. Лауниса (по объективным причинам это преимущественно записи, выполненные собирателями по слуху) резко меняются при рассмотрении записей Ю. Ранга, выполненных в 1913–1914 годах в д. Войница с помощью фонографа. Перед исследователем предстают не напев-формула, хорошо знакомый современному слушателю как напев «севернокарельской руны», а его тирадные версии, известные исследователям по причитаниям. В работе по ритмике рун Беломорской Карелии мы выяснили, что собственно рунические формульные напевы стали координироваться с ритмикой поэтического текста рун относительно недавно и, вероятно, в мужской среде. *Старая же исполнительская манера рун напоминала говорок, т. е. была скромной по мелодике, с преобладанием речевых интонаций над музыкальными, или руны звучали в исходной с причитаниями стилистике.* Этим может быть объяснено известное науке явление многочисленных отступлений исполнителей рун от восьмислогового норматива рунического стиха, смены двусложных лексем на трехсложные и т. д.

Вернемся к проблеме этнохудожественного хронотопа. Мы предположили, что выполненный нами с классических позиций – лада и звукоряда, а также норм акустики анализ мелодики рун не полон. По этой причине решили продолжить поиски методики анализа мелодики, которая позволила бы нам прийти к сопоставимым с другими традиционными формами культуры результатам. Эффективным аналитическим ходом оказалось свертывание акустических структур напева до уровня математической форму-

лы. На материале мелодики рун Беломорской Карелии таких базовых мелоформул выявлено две: $(1n-2n)n$ и $(1n-2n)n[1n]$. Однако в ходе анализа выяснилось, что значительно важнее данных базовых формул являются не их математическое выражение и собственно структура, сколько конкретные приемы их развертывания в звуковом материале, т. е. формы мелодического движения или модели мелодического движения. Для карелов свойственны три основные модели развертывания мелодики рун: как линии, как круга и по принципам линейно-кругового движения. Подобные формы пространственной организации материала нам хорошо известны в традиционной хореографии и играх карелов (Семакова И. Б., 1997, 1–7). Следовательно, все слои традиционной культуры этноса, относимые нами к явлениям художественного хронотопа, реализуются по одним и тем же нормативам или в соответствии с базовыми пространственными моделями. Формы движения мы предлагаем обозначать следующим образом:

I модель:

$(1n-2n)n$ – линейный тип движения

$(1n-2n)n[1n]$ – линейный тип движения

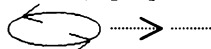
II модель:

$(1n-2n)$ – круговой тип движения

III модель:

$(1n-2n)n[1n]$ – смешанный линейно-круговой тип движения

Наблюдения над процессом формирования поэтических символов В. Топорова (Топоров В. Н., 1972, 94–95) позволяют нам выстроить и историческую последовательность освоения художественных пространственных моделей карелами: линейный, сме-

шанный и круговой тип движения. Подтверждением верности наших наблюдений являются базовые модели таких изначально пространственных форм культуры, как игры и хореография, а также пространственная терминология карельского языка. Таким образом, основными типами организации мелодики рун Беломорской Карелии являются линейный, смешанный и круговой. Отсюда можно сделать выводы:

1. Самыми архаичными по стилистике исполнения, интонированию и мелодике являются руны, исполняемые с причетными напевами. Как правило, мелодические структуры линейной модели координируются с наиболее архаичной, временной по структуре СМРФ. Таковы напевы из деревень Аконлакши – Люття⁴. Следы архаики мы обнаруживаем и в деревнях Войница, Емельяновская. По такой же модели происходит освоение карелами и более поздних по организации структур СМРФ, где музыкальная длительность четверть состоит не из двух восьмых, как в ранних СМРФ, а из трех восьмых.

2. Широко распространены стилистика жанра причети и линейная модель мелодической организации в свадебных песнях, изначально исполняемых женщинами в деревнях Войница, Ладвозеро, Аконлакши, а также Ухта, Чена, Луусалми, Вокнаволок, Кивиярви.

3. Процесс освоения круговой модели художественного пространства в мелодике на территории Беломорской Карелии начался в деревнях Ухта, Кивиярви, Войница, Чена, Аконлакши, Ювялакша.

4. Усложнение форм мелодического движения в свадебных песнях началось, вероятно, в деревнях Ухта, Ювялакша, Ладвозеро, Войница.

5. Центрами формирования стилистики собственно рун являются: д. Войница (мелодическая модель линейного типа – 4; смешанного – 7, кругового – 1), деревни Аконлакши – Люття (мелодическая модель линейного типа – 6; смешанного – 4, кругового – 1), д. Ладвозеро (мелодическая модель линейного типа – 5, смешанно-

---

⁴ Названия деревень приводятся в порядке убывания статистических данных.

го – 4, кругового – 2), д. Ухта (мелодическая модель линейного типа – 5, смешанного – 4, кругового – 2).

6. Этнически специфическим в организации мелодики рун карелов является освоение приема «выворачивания» как формы перехода от линейных форм организации художественного пространства к круговым. Этот процесс начался, вероятно, с деревень Емельяново, Войница, Ладвозеро, Ухта, Вокнаволок, Чена.

Попутно заметим, что приему «выворачивания» в мелодике рун в хореографии этноса может соответствовать движение «против солнца» в пирилейкках беломорских карелов. Сегодня явление «выворачивания» наиболее распространено в песенном фольклоре д. Войница и п. Калевала (бывшая Ухта).

Наши выводы неполны, т. к. осознание связей форм движения мелодики как мелодических моделей в традиционной культуре еще только начинается и преждевременно делать какие-либо глобальные выводы. Но уже сегодня специалистам понятно, что введение в научную аналитическую практику новой методики анализа мелодических структур открывает и новые возможности для познания неизвестного и переосмысления уже имеющихся знаний.

Литература

Алексеев Э. Е. Раннефольклорное интонирование. М., 1986.

Асафьев Б. В. Речевая интонация. М., 1965.

Гарбузов Н. А. Зонная природа звуковысотного слуха. М.; Л., 1948.

Гиппиус Е. В. Общетеоретический взгляд на проблему каталогизации народных мелодий // Актуальные проблемы современной фольклористики. Л., 1980. С. 23–26.

Гиппиус Е. В. Сборник русских народных песен М. А. Балакирева. Гл. 2. Текстологическое исследование // Балакирев М. А. Русские народные песни. М., 1957. С. 77–105.

Краснопольская Т. В. О композиционных особенностях мелострофы карельских причитаний // Музыка в обрядах и трудовой деятельности финно-угров. Таллин, 1986. С. 223–226.

Лукина С. Музыкально-ритмическая структура карельских ёйг // История и культура тверских карел. Тверь, 1997. С. 80–81.

Топоров В. Н. К происхождению некоторых поэтических символов // Ранние формы искусства. М., 1972. С. 94–95.

Семакова И. Б. К вопросу типологии традиционных музыкальных культур народов Северной Европы // Традиционная культура финно-угров и соседних народов. Петрозаводск, 1997. С. 16–23.

Семакова И. Б. Об организации художественного пространства в плясках карелов Северного Приладожья и Олонецкой Карелии. Рукопись, 1997.

Семакова И. Б. Певческий тембр как способ этнической идентификации // Культурные коды двух тысячелетий. Петрозаводск, 2000. С. 24–30.

Runosävelmiä. II. Karjalan runosävelmät / Julk. Armas Launis. Helsinki, 1930. Suomalaiseen kirjallisuuden seura. Suomen kansan sävelmiä. Neljäs jakso.

**Опыт выявления локального
и индивидуального
в напевах карельских причитаний**

Причитания – одно из наиболее значительных явлений традиционной культуры карел. Это показали уже в конце XIX века исследователи А. Генетц (1870), В. Поркка (1883). Собиратели и исследователи XX века много сделали для расширения наших знаний о происхождении, истории, формах бытования причитаний, об их обрядовой функции; об отражении в вербальных текстах причитаний мифологических представлений и народных верований; о таких стилевых особенностях жанра, как параллелизм, аллитерация, метафорические замены, «традиционная импровизация» (Pentti L., 1970). На эти данные опиралось и сравнительное изучение причитаний финно-угров.

Почетное место среди исследований поэтического строя причитаний занимает своего рода «триптих», созданный тремя выдающимися карельскими исследователями-единомышленниками У. С. Конкка, А. С. Степановой и Т. А. Коски: соответственно «Поэзия печали» (1992), «Карельские причитания» (1976) и «Метафорический мир карельских причитаний» (1992).

О напевах причитаний стало возможным говорить начиная с 1932 года, когда финский фольклорист О. Вяйсянен впервые опубликовал напевы причитаний, – до этого времени публиковались только их поэтические тексты. Своего рода альтернативную позицию по отношению к этому начинанию занимает сборник А. Лауниса: в нем напевы причитаний опубликованы без подтекстовки. Подобного рода оппозиция складывается и в этномузыковедении. Если Е. В. Гиппиус, редактор сборника «Карельские народные песни» (1962), считает возможным публикацию напевов причитаний только во вступительной статье составителя

сборника Л. М. Кершнер из-за отсутствия достоверной подтекстовки и настаивает на непреложности совместной публикации (и исследования) поэтического и музыкального текстов традиционных жанров, то в музыковедческих теоретических статьях Ю. Г. Кона, К. И. Южак, А. Г. Гомон предметом наблюдений становятся мелодика, лад, композиция напевов причитаний как таковые. Не случайно последний из названных исследователей видит в напевах причитаний «сплошную импровизацию» (Карельские причитания, 1976).

Профессор Е. В. Гиппиус предложил автору продолжить наблюдения над взаимодействием слова и напева и в качестве отправной точки избрать аллитерацию как существенную, отмечаемую всеми фонологическую особенность вербального текста причитания. Необходимо было установить, как эта особенность отражается в мелодии причета.

В 1970-е годы автор обнаружил первые результаты своих опытов в ряде докладов на научных конференциях в Петрозаводске и Таллинне и в сборнике «Песни Карельского края» (1977). Здесь была впервые применена аналитическая графика – перевод слуховых впечатлений в зрительные, пространственные, с учетом ряда структурных уровней музыкально-поэтической формы причитаний. Эти опыты открыли целый спектр возможностей дальнейшего движения как в анализе музыкальных структур, так и в направлении филологического, стиховедческого анализа вербальных текстов причитаний, а именно в поисках векторной линии, на которой расположены точки координации поэзии и музыки, объединившихся в высоком искусстве причитывания.

Эти поиски, спустя некоторое время, дали возможность полнее определить общеэтнические черты жанра карельской причетки, а также выделить региональные типы их напевов.

Пример 1

А. Захарова

8 *♩* 160

Nou- ze, ku- rjan mua- mo- ku- lun ku- rji- en kes- ki- ris- t'ä

Суть сделанного открытия заключается в следующем.

Для музыкально-поэтического текста карельских причитаний, ритмический строй которых определяют как «калевальскую метрику», характерны силлабические отношения:

слово
(фразеологическое
сращение)

мелодический оборот,
ясно выделяемый слухом
на основе сопоставления
с «окружающей средой»

Мелодические обороты в причетном напеве достаточно «однотонны». Они находятся на грани спонтанного плача, обобщенного, художественного выражения скорби. Интонации ниспадения, вращения, «кружения» на одной высоте или на 2–3 соседних звуках, редкие эмоциональные возгласы следуют друг за другом. Повторяясь и постепенно соскальзывая с мелодической вершины в нижние пределы напева, они образуют ниспадающие и вновь и вновь вырывающиеся на вершину вскрика, вопля «волны» музыкально-поэтической «импровизации».

Такие асимметричные волны *регулируются*, причем вопреки сказанному, в равной степени разворачиванием поэтического текста и тяготением собственно мелодического высказывания к соразмерности, симметрии, периодичности формы. Поэтому основным носителем структурирующего начала в причитании выступает напев. Поясним пафос этого утверждения.

Еще 20–25 лет назад (поскольку счет сейчас идет на миллениумы, то эта отсылка в прошлое прозвучит очень скромно, – это время живущего поколения) в научной финно-язычной карельской литературе господствовало мнение, что вербальный текст карельского причитания представляет «своего рода прозу», в которой большую роль играют аллитерация и параллелизм (И. Хонко, А. Степанова). Этномузыковедческий подход сразу же обозначил альтернативную позицию в этом вопросе. И сейчас мы уже абсолютно определенно склонны трактовать склад вербального текста причитания как поэтический, стихотворный. Для нас «поэзия печали», как назвала свою книгу Унелма Семеновна Конкка, не метафора. Разумеется, это поэзия особого рода, но это именно поэзия, а не «особого вида проза».

В научной публикации карельских причитаний почти 25 лет назад (Песни Карельского края, 1977) мы уже показали своеобразный стих и строфовую форму причетных текстов. Позднее мы рассматривали эту проблему на более широком материале и, опираясь на современную теорию стиха (Жирмунский В., 1964; Квятковский А., 1966), определили типологическое сходство стиха карельского причитания с одним из видов «свободного стиха» – дисметрическим фразовиком, широко распространенным в традиционной поэзии.

Вернемся к вопросу о соотношении словесных и музыкальных структур. Если слову причетного текста соответствует небольшой мелодико-ритмический оборот, то стиху или другой крупной части поэтического текста (от 15 до 25 слогов) – мелостих или предложение (оно складывается из нескольких мелодических оборотов и завершается лаконичным кадансированием на нижней ступени напева). Из предложений складывается мелострофа, завершающаяся длительным повторением звука нижней ступени напева.

Пример 2

8 Os- ta- piu- tuk- kuc se, jo- ko al- mun o- lo- vat

8 o- ne- het na- ro- ta kuu- ta- ni

Цезуры между словами и мелодическими оборотами совпадают (1), как совпадают они между мелодическими предложениями и фразеологическими оборотами (2).

Мелострофа обладает известной самостоятельностью по отношению к строению поэтического текста. Это проявляется в разных формах, например, в несовпадении границы мелострофы с окончанием логического периода и даже со словоразделом. Так, в протяженной тираде поэтического текста могут прозвучать две мелострофы, а финалис последней из них может совпасть с началом завершающего поэтическую строфу слова, образовав собственно

музыкальный вид «эньямбемента». Правда, такие случаи немногочисленны и всегда выступают «на фоне» установившейся координации поэтической и мелодической строф. Они входят в круг выразительных средств, характерных для данного местного стиля или для данной вопленицы. «То, что определенный процент строф дает нарушение этой инерции, – пишет М. Лотман, – равно как и расхождения между строфическими и синтаксическими структурами, строфическими и лексическими интонациями и пр., нас уже не удивит. Мы помним, что эта свобода употребления и неупотребления каждого из этих структурных элементов определяет его структурную значимость» (Лотман Ю. М., 1964).

Опираясь на описанную систему мелодических и поэтических построений и форм их координации, мы можем сформулировать закономерности, свойственные каждому из региональных стилей карельской причетной традиции.

1. Напевы сегозерской традиции (Средняя Карелия) представляют собой варьированное повторение небольших мелодических предложений и фраз (мелодических оборотов, заканчивающихся на нижней ступени напева).

2. Напевы севернокарельской причети складываются из развернутых мелодических предложений, а их последовательность образует монументальные мелострофы, подобные развернутым поэтическим строфам местной причети, описанным А. С. Степановой.

3. Напевы южнокарельских причитаний обладают чертами сходства с севернокарельскими, однако они не столь развернуты по форме (Краснопольская Т. В., 1977, 1982, 1986).

Определив черты, свойственные музыкально-поэтической структуре региональных видов карельских причитаний, естественно было бы обратиться к вопросу о локальных и индивидуальных особенностях причетных напевов карел. Этот этап исследования так же, как и предшествующий, потребовал междисциплинарного подхода, на этот раз – обращения к диалектному членению карельского языка. Как известно, исследованием этого вопроса в течение последних лет занимался П. М. Зайков (Зайков П. М., 1999). Опубликование его исследования сделало более осязаемыми возможности дальнейшего движения в избранном нами направлении.

Следует при этом, однако, оговорить условия, на которых этномузыковедение может оперировать данными диалектологии. На восточно-славянском материале эти условия сформулировал К. В. Квитка: «Диалектологические карты безусловно полезны, – писал ученый, – для попыток построения истории народной музыки восточных славян, но современные языковые и диалектные отличия в пределах восточно-славянской этнической области не такого рода, чтобы они могли сами по себе обусловить отличие музыкальных явлений. Они даже не настолько значительны, чтобы служить препятствием к распространению песен по всей этой языковой области; слова песен легко переделываются при переносе из одной восточно-славянской языковой и диалектной области в другую или переносятся без перевода». Далее К. В. Квитка делает сноску, смысл которой очень близок наблюдениям, высказывавшимся неоднократно исследователями карельских певческих традиций. Он пишет: «В этих случаях поющих обычно не смущает, что они не все слова понимают; иногда им кажется, что они правильно понимают слова другого языка или диалекта.<...> Значение языковых отличий <...> для истории музыки заключается вовсе не только в том, что эти отличия могут служить непосредственной преградой для распространения песен, сколько в том, что инерция языковых и диалектных отличий, самых тонких и малозначительных, свидетельствует о существовании в прошлом физических, политических и хозяйственных препятствий для тесного общения, сглаживающего языковые отличия. Вот эти-то препятствия первого порядка, а не вторичные диалектные должны были в свое время затруднить и распространение достижений в музыкальном искусстве» (Квитка К. В., 1971).

Учитывая данные рассуждения одного из самых проницательных и эрудированных отечественных этномузыковедов и тщательно проведенную работу по выявлению и картографированию диалектов карельского языка, можно выстроить долгосрочный перспективный план комплексного исследования истории духовной культуры карел. Решение же конкретной задачи, поставленной нами в данный момент, прямо восходит к карте ареалов диалектов карельского языка П. М. Зайкова, подтвер-

ждающей правомерность сравнительного рассмотрения двух традиций в ареале севернокарельского наречия – кестеньгской и калевальской.

Результаты проделанной нами работы сводятся к следующему.

Обе традиции определяют принадлежность к описанному ранее региональному севернокарельскому типу причети. Для них характерны развернутые поэтические и мелодические строфы, разнообразие вариантного развития исходных поэтических и музыкальных идей. Различия этих, условно говоря, музыкальных диалектов столь же определены.

Кестеньгскую причетную традицию мы наблюдали на образцах, записанных экспедициями ИЯЛИ от Анастасии Романовны Никитиной, Ирины Ивановны Зайковой, Феклы Алексеевны Архиповой, Елены Никифоровны Пивоевой.

Эта традиция в целом характеризуется напевами, в которых последовательно проявляется «власть причетного слова»: напевы развертываются в узких диапазонах, что уже вызывает аналогии с интонационным рисунком сосредоточенной горестной речи. Эмоциональная напряженность этой омузыкаленной речи сказывается и в ритме произнесения слов причитания: он имеет прихотливый, трудно фиксируемый в нотной записи пунктированный рисунок. В нем подчеркивается контраст звучания относительно долгих и относительно кратких слогов в словах стремительно текущей речи. (Специального внимания заслуживают темп, динамика и характер просодии в карельском причитании, которые должны изучаться специалистами разных профилей с помощью современных приборов-анализаторов, дабы избежать субъективной оценки, на которую невольно «провоцирует» сильное эмоциональное переживание не только причитывающей, но и ее слушателей.)

Итак, характер причитывания кестеньгских причитальщиц можно определить в рабочем порядке как *музыкально-речевой*, в котором именно роль речевого начала определяет интонационно-ритмические версии причетов данного локального стиля. Одним из наиболее ярких носителей его, судя по имеющимся записям, является Фекла Архипова.

Особое место среди кестеньгских причитальщиц занимает Елена Пивоева. И. Хонко отмечал своеобразие лексического стиля ее причетов. Об этом пишет и А. С. Степанова. В музыкальном отношении напевы ее причитаний являются индивидуальной трактовкой тех приемов мелодико-речевого интонирования, которые характерны для местного стиля.

Пример 3   Образец кестеньгского музыкального диалекта

Е. Пивоева

8 Ol- lah- en müs-sa kij ra missa hoti kin kuake-rj-set kie-rol-la var tuol- la-ni

8 kü- ren a- set tun vun-sen...

В напевах причети Е. Н. Пивоевой в подчеркнутом, даже гипертрофированном виде являет себя контраст долгих и кратких времен. Стремительный темп и тонкая ритмическая отделка (огранка) слова сменяют протяженное, подобно стону, произнесение одного-двух слогов. Оно образует своего рода «звучащие цезуры» в потоке причети. Этот контрастный прием ритмизации текста сохраняется на всем протяжении причитания, получая особенную выразительность в результате ладового развития напева и постепенного повышения тесситуры его интонирования. Сказанное позволяет нам определить причитания Е. Н. Пивоевой как явление индивидуального стиля (идиостиля) в традиции Кестеньги.

Калевальскую традицию причитывания отличает динамическое равновесие мелодической и речевой интонации в просодии произнесения причетного слова. В напевах Христины Ивановны Галактионовой, Мавры Федотовны Пекшуевой заметную роль играют краткие распевы слогов и, как результат, более сдержанный темп интонирования, чем в кестеньгских причитаниях. При значительной роли пунктированных ритмов (здесь невольно, но непреодолимо вспоминается определение «колючести» и даже «степени колючести» рисунка как проявления этнического идеала в орнаменте деревянных по-

строек карел, данное В. П. Орфинским) время в калевальских причитаниях выступает в пропорциональных соотношениях мелодических оборотов-слов (например, шестивременники преобладают в текстах М. Пекшуевой, четырехвременники – М. В. Маликиной).

Последнее из названных имен – Мария Васильевна Маликина – занимает выдающееся место в калевальской традиции причитывания.

Пример 4

Образец калевальского диалекта

М. Маликина

Ее мелодический дар таков, что позволяет причитальщице значительно расширить круг традиционных интонаций причета: «ввести» в него мелодические обороты широкого диапазона, выстраивать длительно развертывающиеся мелодические волны, создавать средствами лада своеобразную композицию причетного напева. Расширение области наблюдений позволит уточнить, являются ли эти черты признаками индивидуального стиля М. В. Маликиной или в нем полнее сохранились особенности местного стиля причети, чем в практике других причитальщиц. Мастерство же М. В. Маликиной достойно восхищения.

Пример 5

Образец калевальского музыкального диалекта

А. Васильева

В наше понимание идиостиля наиболее органично вписываются причитания Аксиньи Ивановны Васильевой. Своеобразие ее обильно орнаментированных напевов в особого рода патетике, выражаемой чисто музыкальными средствами, вызывающими аллюзии с инструментальными импровизациями эпохи европейского барокко. Этим свободным, но вполне оправданным сравнением я хочу завершить изложение результатов первого опыта описания локальных и индивидуальных стилей Северной Карелии.

Литература

Жирмунский М. Ритмико-синтаксический параллелизм в древнетюркском стихе // Вопросы языкознания. 1964. № 4.

Зайков П. М. Грамматика карельского языка. Петрозаводск, 1999.

Карельские причитания / Изд. подгот. А. С. Степанова, Т. А. Коски; Науч. ред. У. С. Конкка. Музыкаведческая статья А. Г. Гомон (С. 441–454). Петрозаводск, 1976.

Кершнер Л. М. Карельские народные песни. Л., 1962.

Квитка К. В. Об историческом значении календарных песен // Избранные труды: В 2 т. М., 1971. Т. 1. С. 92–93.

Квятковский А. Поэтический словарь. М., 1966.

Конкка У. С. Поэзия печали: Карел. обрядовые плачи / КНЦ РАН; Науч. ред. А. С. Степанова. Петрозаводск, 1992.

Краснопольская Т. В. Некоторые особенности композиции севернокарельских причитаний // Проблемы изучения музыкального фольклора русского и финно-угорских народов Карелии и земель Северо-Запада: Тез. докл. М., 1977.

Краснопольская Т. В. О напевах карельских причитаний // Традиционное народное музыкальное искусство и современность. М., 1982. С. 130–145.

Краснопольская Т. В. О некоторых особенностях мелострофы карельских причитаний // Музыка в обрядах и трудовой деятельности финно-угров. Таллинн, 1986.

Лотман Ю. М. Лекции по структурной поэтике. Тарту, 1964. Вып. 1.

Песни Карельского края / Сост. Т. Краснопольская. Петрозаводск, 1977.

Степанова А. С. Метафорический мир карельских причитаний. Петрозаводск, 1992.

Pentti L. Strukturaalinen alkusointu suomessa. Helsinki, 1970.

Напевы севернорусских былин в контексте полиэтнической культуры

Эпосоведение – огромная изначально междисциплинарная область мировой науки, в которой работают филологи, историки, этнографы. В этой лаборатории изучения эпоса разных народов отечественное эпосоведение представлено значительными именами: от Ф. Буслаева, О. и В. Миллеров, собирателей второй половины XIX века – П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга до исследователей нашего столетия: братьев Ю. и Б. Соколовых, В. И. Чичерова, А. М. Астаховой, Б. Н. Путилова.

Музыкальное же эпосоведение сложилось значительно позднее, хотя уже первые собиратели и исследователи традиционного севернорусского эпического наследия чувствовали недостаток музыкально-фольклорной эрудиции.

Первое творческое исследование севернорусских былинных напевов принадлежит русским композиторам-классикам: М. И. Глинке, М. А. Балакиреву, М. П. Мусоргскому, А. П. Бородину, Н. А. Римскому-Корсакову, в частности, под непосредственным впечатлением от пения олонечких сказителей Т. Г. Рябина, В. П. Щеголенка, И. А. Касьянова¹.

В 1930-х годах музыковеды Петербургской школы Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд осуществляют первые аналитические исследования эпических напевов, продолженные В. М. Беляевым, предпринявшим в 1960-х годах опыт реставрации песен всемирно известного собрания Кирши Данилова. Практически в эти же годы начинается планомерная работа по собиранию и изучению

© Ю. И. Ковыршина, 2002

¹ Олонечские сказители Т. Г. Рябинин и И. А. Касьянов по приглашению А. Ф. Гильфердинга исполняли былины на заседании РГО в Петербурге в конце 1871 года. В. П. Щеголенок выступал в российской столице в 1879 году.

музыкального эпоса учеными Пушкинского дома (ныне ИРЛИ, Санкт-Петербург) Б. М. Добровольским и В. В. Коргузаловым. Итогом их совместной работы стал выпуск в 1981 году фундаментального собрания «Былины. Русский музыкальный эпос».

В 1980-х годах к исследователям присоединяются молодые музыковеды А. Ю. Кастров и Е. Е. Васильева. В частности, Е. Е. Васильева впервые обратила внимание на возможность выявления форм межэтнического взаимодействия на материале напевов севернорусских причитаний и былин. Исследователь описывает межэтническую и полижанровую интонационно-композиционную модель – «вепсскую мелострофу» (VMS), названную так по территории ее распространения, совпадающей с землями современной и летописной веси (Васильева Е. Е., 1979)². Явления, подобные VMS, В. В. Коргузалов, со своей стороны, описал как «эталонный» интонационный канон Обонежья (и зоны его влияния), отмечаемый в местных причетных и эпических напевах (Коргузалов В. В., 1993). В частности, он известен как самостоятельный былинный напев – рябининский напев «Вольги».

Естественно, что войти в современную науку начинающий исследователь может, лишь приняв «правила игры», сложившиеся в эпосоведении. Занимаясь собственно музыковедческим анализом, мы чувствовали настоятельную необходимость опираться одновременно на принципы стиховедения (от А. Х. Востокова до М. П. Гаспарова) и филологического анализа (в частности, на формулистическую теорию А. Лорда).

Такой междисциплинарный характер является неперменным для современного этномузыковедения условием анализа, так как он отвечает естественной форме существования музыкально-поэтического народного искусства. Мы учитывали также, что современная наука, и наука Карелии в частности, пришла к концу второго тысячелетия с ясным осознанием полиэтнической природы духовной культуры Российского Севера. Впервые об этом заявил Дмитрий Владимирович Бубрих (Бубрих Д. В., 1950, 151),

---

² Вепсская мелострофа отмечается на огромной территории Приладожье – Обонежье – Белозерье в фольклорных традициях русских, вепсов, средних и южных карел, ижоры.

а в последнее время – ученые школы исследователя народного зодчества академика В. П. Орфинского, которые вошли в активный контакт с представителями других областей науки – историками, археологами, этнографами, этномузыковедами.

Предметом нашего исследования стала Кенозерская эпическая традиция, в последней четверти XX века оставшаяся, пожалуй, единственным севернорусским «оазисом», где былина являлась одним из важнейших компонентов архаической фольклорной традиции. Еще А. Ф. Гильфердинг в своей статье «Олонецкая губерния и ее народные рапсоды» замечал, что «там, на Кенозере, воздух, так сказать, еще пропитан духом эпической поэзии, что эта поэзия там не только не вымирает, а даже еще ищет себе новых предметов. <...> Как бы то ни было, нет никакого сомнения, что на Кенозере и Водлозере наш народный эпос еще совершенно живуч и может там долго-долго продержаться...» (Гильфердинг А. Ф., 1949, 48–49).

Предсказание А. Ф. Гильфердинга подтвердилось. В 1979–1980 годах собирателям Петрозаводской консерватории под руководством И. Б. Семаковой удалось записать на Кенозере четыре былины: «Чурила и Катерина», «Царь Солóман» (от Григория Дмитриевича и Александра Михайловича Сивцевых – потомков знаменитого «Поромского старика» – Ивана Павловича Сивцева), «Добрыня и Алеша», «Добрыня и Змей». Эти записи и послужили материалом для наших наблюдений.

Эпическая традиция Кенозера, по мнению В. И. Чичерова и С. В. Дмитриевой, отражает сравнительно поздний этап в заселении Севера. В 70-х годах XIX века областной кенозерский эпический тип еще не индивидуализировался, несмотря на превосходные тексты былин, записанных П. Н. Рыбниковым и А. Ф. Гильфердингом от кенозерских сказителей – Ивана Павловича Сивцева, Михаила Ивановича Богданова, Ирины Денисовны Калитиной, Андрея и Харлама Гусевых.

О позднем сложении кенозерской традиции, по мнению исследователей, свидетельствует и преобладание в ее репертуаре былин-новелл. Так, из четырех былин, записанных собирателями в конце XX века, три относятся к жанру былин-новелл – «Царь Солóман», «Чурила и Катерина», «Добрыня и Алеша».

Кенозерская эпическая традиция обладает рядом типологических признаков.

Во-первых, подобно Обонежью, Мезени, Печоре эпические песни на Кенозеро были принесены переселенцами из новгородских земель, первые письменные упоминания о которых относятся к XI веку. Впрочем, Е. В. Барсов замечает, что «началом своим это движение теряется во мраке отдаленных веков, к которым, по всей вероятности, относится происхождение Новгорода» (Барсов Е. В., 1894, 177)³.

Поток новгородцев, как писал в свое время К. В. Чистов, который был в X–XIII веках этнически неоднородным (его образовывали ильменские словене, западные кривичи, более или менее славянизированные балты) (Чистов К. В., 1974, 12), столкнулся в районе Кенозера с этнической чересполосицей, которая, по-видимому, особенно заметной была в районе между Онежским озером и рекой Онегой. Кенозеро в это время было заселено «племенами, говорившими на языках угро-финской языковой семьи» (Витов М. В., 1962, 41). В топонимике Кенозера прослеживается мощный финно-угорский языковой пласт (Топонимика Кенозера, 1987). Однако конкретная этническая принадлежность его еще не до конца выяснена.

Волны новгородских переселенцев, с трудом преодолевая Кенский волок, устремлялись дальше, на неведомые земли Заволочья, населенные загадочной летописной «заволочской чудью».

Второй типологической чертой является положение Кенозера «у волока», которое и определило полиэтническую природу кенозерской фольклорной традиции.

Именно местоположение Кенозера в зоне этнического пограничья, районе, где русские еще в XIX веке находились в непосредственном контакте с представителями других этносов, явилось причиной обострения этнического самосознания и более длительного (по сравнению с другими территориями) сохранения былин.

---

³ Гипотезу исследователей о «новгородском» происхождении былин Кенозера подтверждают этнографические и антропологические изыскания М. В. Витова: основные центры былинной традиции на Русском Севере совпадают с ареалом ильменско-беломорского и, частично, онежского антропологических типов. Впервые об особой значимости ремесленных занятий для бытования и передачи эпических песен заявил А. Гильфердинг (Гильфердинг А. Ф., 1949, 44).

Каждый из этносов ко времени встречи обладал своей сложившейся культурой. В их духовном со-противостоянии шел в замедленном темпе отбор того, что могло быть обоюдно приемлемым, отвечало потребностям разных культур. В частности, в свадебном обряде закрепилось весьма немного: всего лишь 3 поэтических текста, исполняемых на 2 обрядовых напева. По мнению музыковеда К. В. Квитки, причина отсутствия «обрядовых песен вообще или обрядовых песен известного типа в той или иной местности внутри области их распространения, весьма возможно, была та, что население этих местностей сравнительно долго было неславянским. Усвоение чужих обрядовых песен происходит на сравнительно высокой степени психической ассимиляции, а эта степень была достигнута не очень давно – уже в такое время, когда обряд и связанные с ним песни перестали казаться делом обязательным, по-настоящему нужным, важным и серьезным: неусвоение их не имело в глазах соседних славян значения признака отчуждающего, вызывающего презрительное или недружелюбное отношение. В это время ассимилирующиеся группы уже ничего не теряли...» (Квитка К. В., 1971, 94–95).

Фиксация же четырех разных былинных напевов еще в конце XX века говорит о том, что в происходившем отборе художественных ценностей именно былина отвечала духовным и эстетическим запросам той полиэтнической среды, которая формировалась в Заволочье. Можно утверждать, что сам склад кенозерских былин должен был отразить какие-то моменты, общие для полиэтнического художественного мышления.

Наиболее детально типология форм межэтнического взаимодействия разработана академиком В. П. Орфинским в ряде его работ (Орфинский В. П., 1997а, 1997б). Та или иная этническая группа, входя во взаимодействие с другими, могла воспринять элементы иноэтнической культуры и «освоить» их; многое при этом оставалось непонятым (и это приводило к обострению этнических характеристик и образованию этнических символов) либо понятым превратно.

Данные архитектурных типологических исследований явлений полиэтнического характера корреспондируют с музыкальными явлениями, которые уже были описаны этномузыковедом Т. Красно-

польской, в частности, в совместном с архитектором В. Гуляевым сравнительном исследовании народной музыки и архитектуры Заонежья, а затем в статьях И. Гришиной об архитектурном декоре (Гришина И. Е., 1991; Краснопольская Т. В., 1994, 1998).

Т. Краснопольская обнаруживает формы-модификации свадебных обрядовых напевов Обонежья, представляющие совмещение разноэтнических композиционных принципов: строфовой организации, присущей славянской музыкальной традиции, и «рунического» – стихового и фразового – принципа композиционного мышления, являющегося этническим знаком прибалтийско-финской культуры (Краснопольская Т. В., 1992, 1998).

Обратимся к напевам кенозерских былин.

Пример межэтнического взаимодействия мы находим в напеве былины «Царь Солóман» в исполнении Григория Дмитриевича Сивцева. Былина распета в песенной двухстиховой мелострофе, координированной с *цепными строфами* в поэтическом тексте, – форме, не типичной для севернорусских былин (Добровольский Б. М., 1966, 240). Вместе с тем цепная строфа широко распространена в свадебных обрядовых песнях. Так, мы находим несомненный аналог напева былины «Царь Солóман» среди обрядовых напевов свадебного ритуала пудожского села Сумозеро.

Пример 1 Былина «Царь Солóман» Г. Д. Сивцев (Кенозеро)

Сумозеро (Пудож), 1971 г. // Песни Карельского края

Очевидно, представители иного этноса восприняли лишь чрезвычайно увлекательный сюжет былины-новеллы о мудром царе Со-

ломане, но совершенно не поняли самой специфики русской нарративной композиции, исполняя былинну на «освоенный» свадебный напев. Эта форма постоянно сдерживает, тормозит повествование.

Своеобразную форму взаимодействия славянского и финно-угорского музыкального мышления представляет напев кенозерской былины «Чурила и Катерина» в исполнении Александра Михайловича Сивцева.

Пример 2 Былина «Чурила и Катерина» А. М. Сивцев (Кенозеро)

Музыкальный пример 2 представляет собой две строки нотной записи в басовом ключе с одним диэзисом (F-диез). Первая строка содержит текст: «Что ты, Ка-те-ри-на, не на-ряд-на и-дешь? У нас се-год-ня боль-шой празд-ни-чок,». Вторая строка содержит текст: «свет-ло-е гос-под-не Бла-го-ви-ще-ни-е.».

Напев строится как бы из двух частей – длительного вращения в узком диапазоне в начале напева и решительного нисхождения-«жеста» во второй его части, который может быть неоднократно повторен. Возможно, что при восприятии и усвоении «эталонного» обонежского интонационного канона его фазовое строение приобрело подчеркнуто «составную» форму, в которой гипертрофировался контраст двух мелодических фаз напева.

Подобные тенденции уже отмечались академиком В. П. Орфинским в народном зодчестве Обонежья. Для их характеристики ученый предложил очень точное определение – «гипертрофия заимствованных форм» (Орфинский В. П., 1997а, 101).

Отчетливое разграничение, разведение, со-противопоставление двух участков ладового звукоряда напева позволяют нам трактовать лад напева как «составной» и(или) «разомкнутый».

Аналоги ладомелодической композиции напева былины «Чурила и Катерина» мы находим среди попевок знаменного и деме-ственного распево-в. Учитывая то, что в XIV–XV веках в окрестностях Кенозера были основаны два монастыря – Кенорецкий и Ошевенский, мощным было влияние Белозерской монастырской

колонизации, а несколько позднее здесь появились старообрядческие поселения, в которых ревностно сохранялся уклад жизни и духовная культура до начала XX века, – это сопоставление кажется нам вполне корректным.

Академик В. П. Орфинский в своих работах обращает внимание на то, что при формировании и сохранении эпических традиций этносов немаловажную роль сыграл фактор соревновательности, соперничества: так, в условиях этнического порубежья отмечается обострение художественно-образных характеристик культовых построек, выступающих в качестве не только религиозных, но и этнических символов (пример – Преображенская церковь в Кижях) (Орфинский В. П., 1997б, 338). В кенозерском былинном напеве «Чурила и Катерина» таким славянским этническим символом выступил знаменый распев.

Не исключено, что соединение в напеве «Чурила и Катерина» фаз длительного вращения в узкообъемном пространстве и активного нисхождения «по прямой» отразило определенный динамический стереотип – движения, совершаемые при занятиях традиционными ремеслами. Разворачивающийся в заключение напева мелодический «жест» подобен движению руки, протягивающей дратву, длинную нить во время прядения, плетения сетей. Вспомним здесь, что традиционно былины исполнялись как раз во время коллективных занятий этими ремеслами, они помогали сосредоточиться на работе и в то же время скрашивали ее монотонность. Впервые об особой значимости ремесленных занятий для бытования и передачи эпических песен заявил А. Гильфердинг (Гильфердинг А. Ф., 1949, 44).

Таким образом, в создании напева былины «Чурила и Катерина», с нашей точки зрения, скрестились творческие инициативы разных этносов, породив компромиссную форму межэтнического взаимодействия с отчетливо выраженными финно-угорскими и славянскими этническими принципами музыкального мышления.

Таковы первые выводы нашего исследования музыкально-поэтического эпоса Кенозера – традиции, еще не описанной в отечественном этномузыковедении.

Литература

Барсов Е. В. Об олонекских древностях // Олонекский сборник. Вып. 3. Петрозаводск, 1894.

Бубрих Д. В. К вопросу об этнической принадлежности рун «Калевалы» // Труды юбилейной научной сессии, посвященной 100-летию полного издания «Калевалы». Петрозаводск, 1950.

Васильева Е. Е. Вепская мелострофа в междужанровых отношениях причетной традиции // Симпозиум–79 по прибалтийско-финской филологии. 22–24 мая 1979 г.: Сб. докл. Петрозаводск, 1979. С. 125–130.

Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII веков. М., 1962.

Гильфердинг А. Ф. Олонекская губерния и ее народные рапсоды // Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. 4-е изд. Т. 1.: Повенецкое побережье. Толвуй. Пудога. М.; Л., 1949.

Гришина И. Е. О развитии декоративных мотивов в деревянном крестьянском зодчестве Российского Севера // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Российского Севера. Петрозаводск, 1991. С. 72–89.

Добровольский Б. М. Цепная строфика русских народных песен // Русский фольклор: Материалы и исследования. Т. X: Специфика фольклорных жанров. М.; Л., 1966. С. 237–252.

Квитка К. В. Об историческом значении календарных песен // Квитка К. В. Избранные труды: В 2 т. / Сост. и комментарии В. Л. Гошовского. Т. I. М., 1971. С. 94–95.

Коргузатов В. В. Напевы обонежской эпической традиции // Русский фольклор: Материалы и исследования. Т. XXVII: Межэтнические фольклорные связи. СПб., 1993. С. 92–130.

Краснопольская Т. В. Взаимосвязи в певческом искусстве народов Карелии (история и некоторые современные направления в их изучении) // Музыка Севера. Петрозаводск, 1994. С. 6–16.

Краснопольская Т. В. Опыт сравнения модификаций традиционных песенных форм и мотивов архитектурного декора // Народное зодчество: Сб. науч. трудов. Петрозаводск, 1992. С. 191–200.

Краснопольская Т. В. Этническая идентификация музыкальных записей из районов со смешанным населением // Фольклор. Комплексная текстология. М., 1998. С. 122–131.

Орфинский В. П. К вопросу о типологии этнокультурных контактов в сфере архитектуры (на примере Российского Севера) // Фольклорная культура и ее межэтнические связи в комплексном освещении: Межвуз. сб. Петрозаводск, 1997а. С. 92–110.

Орфинский В. П. Деревянное зодчество Заонежья в свете этнокультурных контактов русского и прибалтийско-финского населения края // Рябининские чтения–95: Сб. докл. Петрозаводск, 1997б. С. 393–401.

Топонимика Кенозера. Ч. II. Архангельск, 1987.

Чистов К. В. Актуальные проблемы изучения традиционных обрядов Русского Севера // Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. Л., 1974.

**Освоение прибалтийско-финских
заимствований коми языком.
История изучения вопроса**

Прибалтийско-финские заимствования в коми языке стали объектом изучения финно-угроведов уже со II половины XIX века. Этот вопрос освещен в работах П. С. Ефименко (1868), В. В. Пименова (1965), Y. Wichmann (1920), Gy. Lako (1935), T. E. Uotila (1936), Г. Н. Макарова (1967), В. И. Лыткина (1956), Е. А. Игушева (1980) и т. д. Исследователями выделен ряд слов коми языка, в основном обозначающих орудия крестьянского труда, предметы домашней утвари, названия животных, которые по звуковой форме значительно напоминают слова прибалтийско-финского происхождения. В то же время их фонетическое оформление не позволяет отнести их к финно-угорскому праязыку. По общепризнанному мнению, заимствования датируются IX–XIV веками.

Большинство вышеперечисленных исследователей сходятся во мнении, что коми начиная с XI века активно контактировали с прибалтийско-финскими народами в лице заволоцкой чуди, проживавшей на территориях в бассейнах рек Вашки и Мезени, Вычегды и Лузы. И. И. Лепехин (Лепехин И. И., 1805, 417) западной границей обитания зырян считал устье Вычегды. Он писал, что первым поселением зырян на Вычегде было с. Усть-Пырос (район современного г. Котлас). Вымско-вычегодская летопись сообщает, что Стефан Пермский в начале 1379 года крестил пермян на Пыросе и на Виледи, а потом уже поднялся к устью Выми (Вычегодско-Вымская летопись, 1958, 258). Следовательно, имеются основания полагать, что в средние века граница расселения прямых предков коми проходила гораздо западнее современной. Как отмечает И. Л. Жеребцов (Жеребцов Л. Н., 1982, 27), данные

русских летописей, писцовых и переписных книг XVI–XVIII веков, гидро- и топонимики показывают, что поселения древних пермян в X–XIV веках располагались по всему течению р. Юг, практически с верховьев, по низовьям р. Сухоны, по верхнему течению Северной Двины, по всему течению р. Устья вплоть до ее впадения в р. Вагу и по среднему течению р. Пинеги.

О существовании пермских элементов в субстратной топонимике Русского Севера писали И. А. Шёгрэн (Sjögren J. A., 1861, 292, 300–301, 317–318, 320–321), М. Веске (Веске М. П., 1890, 10–12). А. К. Матвеев (Матвеев А. К., 1968, 27–37), также ссылаясь на исторические источники, находит указания на то, что пермяне жили на территории Заволочья. В документе 1484/1485 года говорится: «А что перебеки на Пинеге в станах Перемский и Сура Поганая, то удореном до них дела нет – потому: они присуду Двинские земли, Кегрольские» (Акты..., 1964, 310). Пермская (Перемская) волость постоянно упоминается в документах XVI–XVII веков. Имеются сведения о том, что коми-зыряне вплоть до конца XVIII века жили в верховьях р. Устья (приток Ваги). Есть прямые свидетельства пребывания пермян в Заволочье и в этнотопонимике, ср.: д. Перемское (Пинежский р-н Архангельской обл.), Перемецкий ручей и Перемецкая гора в верхнем течении р. Пинеги (Верхне-Тоемский р-н Архангельской обл.), село Пермогорье (Пермогоры, Пермогорский погост) в верхнем течении Сев. Двины. Данные исторических памятников и этнотопонимики согласуются между собой и указывают на то, что пермяне в период русской колонизации жили в восточном Заволочье и прежде всего в бассейне р. Пинеги, но, очевидно, не сплошной массой, а отдельными поселениями. В качестве примеров пермских топонимов исследователь А. К. Матвеев приводит следующие:

Керас (9 названий урочищ и населенных пунктов в юго-восточной части Архангельской области; слово отмечено также в местных русских говорах – *керас* 'крутой берег') ср. с коми-зыр. *керӧс* 'крутой берег';

Керга (5 населенных пунктов и несколько урочищ) сопоставляется с коми-зыр. *керка* 'изба' (в языке субстрата 'населенный пункт');

Лагмас (6 названий урочищ юго-востока Архангельской области) в лексике русских народных говоров засвидетельствовано в значении 'заболоченный лес с буреломом'. Хотя слово не отражено ни в одном из лексикографических источников коми языка, его связь с пермскими элементами вполне возможна.

Чугла (7 названий населенных пунктов и урочищ на той же территории. Термин известен в местных русских народных говорах в значении 'возвышенность между реками при впадении одной реки в другую'. Ср. коми-зыр. *чукля* 'кривой', *чукыль* 'изгиб, поворот, излучина, лука (реки)').

Исследовав пермские элементы в субстратной топонимике Заволочья, А. К. Матвеев приходит к выводу, что эти элементы одновременны и восходят к различным вымершим диалектам и языкам. В ряде случаев целесообразно говорить не о пермских, а о прибалтийско-волжско-пермских элементах:

Названия на -важ. Значительна группа названий на *-важ* в юго-восточной части Заволочья, имеющих варианты *-баж*, *-баиш*, *-ваш*, *-маж*, *-маиш* и сингармоничные соответствия *-веж*, *-беж*, *-меж*, *-меш* (в нижнем течении Вашки в Архангельской обл. *Байдвожа* 'ивовый приток', *Войвожа* 'северный приток', в среднем течении Мезени около населенного пункта Койнас: *Косваж*, *Косваиш* 'сухой приток', *Ойваж*, *Ойваиш* 'северный приток', *Ягваиш* 'боровый приток').

Ближайшая параллель для этих наименований обнаруживается в коми-зырянском и удмуртском языках *вож* 'приток'. Сюда же относят и название реки Вашка.

Названия на -юг. Вероятно, пермское происхождение некоторых гидронимов с формантом *-юга*, сопоставляемых с коми-зыр. *ю* 'река'. А. К. Матвеев сравнивает названия рек, упомянутые в средневековых документах [Жалованная грамота великого князя Ивана Васильевича жителям Перми Вычегодской 1484/1485 г. (Акты..., 1964, 308–311) и Писцовая книга Яранского уезда Руси 1608 г. (Акты..., 1914)], с современными названиями рек Коми. Напр.: в бассейне р. Вызь – *Вежаюга* (1484/85, 1608), *Вежа-ю* (совр.) < коми-зыр. *вежа* 'святой', *-юга* < *йю 'река'; в бассейне р. Вашки – *Карюга* (1484/85), *Керюга* (1608), *Керью* (совр.) от коми-зыр. *кер* 'бревно'; в бассейне р. Мезень –

Песюга (1484/85), *Песьюга* (1608), *Песью* (совр.) от коми-зыр. *пес* 'дрова'. Существенно, что названия на *-юга* встречаются в окраинных районах расселения коми, где, очевидно, установился постоянный контакт с прибалтийско-финским, а затем и русским населением. Наоборот, на Сысоле, средней и верхней Вычегде – в центре коми-зырянского ареала – таких названий не находим. Так, в бассейне Вишеры (приток Вычегды) исторические источники фиксируют *Визю*, *Еню*, *Тыбю* (1484/85), *Везью*, *Тыбью* и т. д. (1608). Очевидно, зыряне жили здесь сплошной массой, так что с прибалтийско-финским и русским населением не было прямого контакта, необходимого для сохранения древних форм топонимов, которые могли уцелеть только при заимствовании их пермским населением до перехода *juу > ju*. Таким образом, А. К. Матвеев заключает, что пермские названия на *-юга* всегда связаны с зоной прибалтийско-финско-коми и русско-коми контактов. В то же время он отмечает, что на территории Двинской земли многие названия на *-юга*, *-уга* имеют прибалтийско-финское и саамское происхождение. Прибалтийско-финское *joki* при закрытости звука *o* может отражаться в виде *jugi. Напр.: *Мендьюга* (фин. *mäntü*, кар. *mändü*, люд. *mänd* 'сосна') и др.

Анализ прибалтийско-финских заимствований в различных диалектах коми языка позволяет сделать вывод о том, что в тесном соприкосновении с прибалтийско-финскими народами находились зыряне, проживавшие в наиболее западной части региона расселения коми в X–XIV веках. На тесные контакты указывает также существование беломорского и восточно-балтийского антропологических типов в тех же западных группах коми (Чебоксаров Н. Н., 1946).

Д. В. Бубрих высказал мнение, что заволоцкая чудь – это в основном вепсы, заселявшие Двинскую землю еще до русской (новгородской) колонизации. Однако более поздние исследования не дают возможности согласиться с данным утверждением. Лингвистические факты указывают на взаимодействие коми-зырян с некими исчезнувшими прибалтийско-финскими племенами.

Л. Н. Жеребцов, ссылаясь на отрывочные сведения в русских летописях XIII века о «тоимичах поганных» (бассейн р. Северной Двины; притоки Верхняя и Нижняя Тойма) и «суре поганой» (бассейн р. Пинеги), считает их остатками древнего (допермского) населения

Подвинья, которое, как он предполагает, стало почти пермским при наличии в то же время большой примеси прибалтийско-финского элемента. На это указывает название погоста, которое включает слово «кар» (по-коми: город): в переводе Тоймокары – город на Тойме. Но в то же время «тоимичи поганые» и «сура поганая» не были пермянами. Их язык мог занимать промежуточное положение между западно-финскими и восточно-финскими языками. А. К. Матвеев в одной из своих работ указывал, что язык заволоцкой чуди мог занимать промежуточное положение между прибалтийско-финскими и поволжско-финскими языками. Есть также предположение, что язык чуди заволоцкой был промежуточным между вепским и пермским.

Т. А. Бернштам (Бернштам Т. А., 1973) выдвинула идею о родстве «суры поганой» на Пинеге с населением бассейна р. Суры (Верхняя Волга), где обитала летописная меря. По ее предположению в составе русских низовских переселенцев были представители финских народов Поволжья и какая-то мерянская группа добралась до Пинеги, где и обосновалась. Однако данное предположение подвергают критике, так как сомнительно, чтобы целые родоплеменные группы, сохраняя свое единство, могли пройти путь от Верхней Волги до Пинеги, и по времени не совпадает: «сура поганая» и «тоимичи поганые» обосновались на упомянутой территории до русского переселения. Погост Тоймокары существовал уже в начале XIII века, следовательно, указанные тоимичи и сура должны были появиться там раньше – не позднее XII века.

В последующие века сура перемешалась с пермянами, создав вкуче с другими включениями этнографическую группу удорских коми. Изучение вопроса, какие народы упоминаются в летописях под названием «сура поганая» и «тоимичи поганые», а также «заволочская чудь», может стать темой отдельного исследования. Однако никто из исследователей не сомневается, что эти народы были финноязычными.

По утверждению Л. Н. Жеребцова (Жеребцов Л. Н., 1982, 36) можно считать, что пермяне на Пинеге жили вплоть до середины XVII века. Затем, в связи с усиливающимся русским переселением, одна часть их, называемая в преданиях чудью, перемешалась

с русскими, а другая вместе с остатками «суры поганой» ушла, как об этом рассказывают народные легенды, на Вашку.

Кроме того, имеются свидетельства и о более поздних контактах коми с карелами. Во второй половине XVI–XVII веков происходили массовые переселения карел на восточные территории, в т. ч. в Коми край. Военные действия в Корельском уезде заставляли жителей Карелии покидать родные места и уходить в более спокойные районы Русского Севера. В документах по переписи населения зафиксированы несколько представителей карельского происхождения в Усть-Цильме (Иванко Корела жил в келье при церкви) и нижневычегодских волостях, в 1678 году 10 «корелитинов», попавших, очевидно, в феодальную зависимость от собственников земли, переходя от одних владельцев к другим, оказались у сереговского солепромышленника. В материалах переписей населения Коми края последующего времени упоминаний о выходцах из Карелии нет (Жеребцов И. Л., 1989). Единичные случаи переселения карел вряд ли могли оставить какой-либо значительный след в коми диалектах и топонимике.

Исследования взаимодействий коми-зырянского и прибалтийско-финских языков тесно связаны с исследованиями взаимовлияния русского языка, прежде всего северных русских говоров, и финно-угорских языков. Исследователь О. В. Востриков (Востриков О. В., 1990) выделяет целый финно-угорский субстрат в русском языке, т. е. доказывает наличие влияния вымерших некогда финно-угорских языков коренного населения на язык пришельцев, которыми являлись славяне.

Установлено, что лесная полоса Восточной Европы от Урала до Балтийского моря с конца III – начала II тысячелетия до н. э. была заселена многочисленными финно-угорскими племенами, занимавшимися в основном охотой и рыболовством. По данным археологии, самые ранние контакты славян с финно-уграми имели место в VI–VIII веках до н. э. в верховьях Волги, Мологи, Мсты и Ловати, куда славяне проникали из Поднепровья. В IX веке славяне начинают заселять Приладожье и Белозерье, Волго-Окское междуречье, территорию будущего Ростовско-Суздальского княжества. Судя по археологическим данным, местное население продолжало жить рядом со славянами. В течение

XI–XII веков Новгород активно осваивал земли, прилегающие к Финскому заливу и Неве. Нуждаясь в пушнине для торговли с Европой, Новгород распространил свою деятельность на промысловые угодья всего Заволочья и уже в XI веке стал хозяином Печерского пути, открывавшему ему дорогу в «полуночные страны», «за Югру и Самоядь». Местные финно-угры постепенно утрачивали свои этнические особенности, свой язык, растворялись в русской среде, оказывая на нее субстратное воздействие.

Ассимиляция чуди и лопи на Русском Севере продолжалась в течение нескольких веков. Отдельные островки чудского населения сохранялись до XVI–XVII веков, местами, может быть, и до XVIII века. Под наиболее сильное влияние попали финно-угорские племена, проживавшие на территории Ростовско-Суздальского княжества. В «Повести временных лет» среди данников Руси упоминаются местные финно-угорские племена – меря, мурома, черемисы (марийцы), мордва. Постепенно меря и мурома были полностью ассимилированы восточнославянским (русским) населением. Процесс этот продолжался до XVI–XVII веков. Островки мерянского населения имели, по-видимому, официальный статус, о чем свидетельствует существование вплоть до XVI–XVII веков «мерьских» и «чудских» станов.

Данные археологических и исторических исследований, доказывающие возможность ранних контактов финно-угров со славянами, подкрепляют и лингвистические изыскания. Древнейшие славянские заимствования в финно-угорских языках исследовали такие языковеды, как А. А. Шахматов, А. И. Соболевский, О. Н. Трубачев. В. Кипарский, Й. Миккола и др., уделявшие главное внимание заимствованиям, которые отражают действие фонетических законов. Например, одним из таких законов является падение редуцированных гласных (закон начал действовать в XII веке): ср. кар. *лузика*, вепс. *лузик* < др.-рус. *лъжька*, эст. *turg* 'рыночная площадь', ст.-ф. *turku*, отраженное в названии города Турку < др.-рус. *търъгъ* 'торг' и т. д. Из приведенных соответствий видно, что самые ранние контакты между финно-уграми и славянами имели место задолго до падения редуцированных, еще в тот период, когда редуцированные не утратили качества звуков, к которым они восходят.

Первые списки слов русских говоров финно-угорского происхождения были составлены еще в XIX веке (А. Шёгрэн, П. Бутков, А. Л. Погодин, М. Веске, Н. Лесков, Я. Калима, Т. И. Итконен). Наиболее полное представление о финно-угорской лексике в русском языке дает «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера, включающий около 800 финно-угорских заимствований в русском языке. Большой вклад в изучение данного языкового пласта внесли также сотрудники Уральского университета им. А. М. Горького, осуществляющие под руководством проф. А. К. Матвеева изучение диалектной лексики и топонимии Урала и севера Европейской части России, прежде всего тех территорий, где русские контактировали (или до сих пор контактируют) с теми или иным народами языковой семьи. Данный вопрос освещен в трудах А. К. Матвеева и его учеников: Г. В. Глинских, Л. Г. Гусевой, Т. Н. Дмитриевой, М. Э. Рут, Л. А. Субботиной, О. В. Вострикова.

Исследователями установлена сфера бытования финно-угорских заимствований в русском языке. Основная их часть представлена в русских народных говорах, поскольку контакт протекал в сельской местности. Ряд слов финно-угорского происхождения получил литературный статус в русском языке. Это в основном необходимые заимствования, обозначающие реалии северной природы: названия рыб (ср. *таймень*, фин. *taimen*, эст. *taim*; *хариус*, фин. *harju*, *harjus*, кар. *harjuš*, вепс. *hard`uz*), названия северных животных и птиц (ср. *нерпа*, фин. *norppa* 'тюлень', кар. *n`orppa* 'тж', люд. *n`orpe*; *пыжик*, коми-зыр. *пужга* 'пыжик, теленок северного оленя'), названия других природных явлений (ср. *кондовый*, фин. *honka* 'сосна'; *пурга*, фин. *purku* 'метель, выюга', кар. *purgu*; *шуга*, фин. *sohjo*, *sohju* 'слякоть, шуга, сало').

В русский литературный язык финно-угорские заимствования могли попасть через профессиональную речь. Например, слово *балок* 'легкий передвижной домик на полозьях, используемый для временного жилья, служебных надобностей', распространено на всей территории Севера России, а было заимствовано в свое время русскими крестьянами предположительно у саамов. Также широко употребимы следующие слова финно-угорского происхождения: *нодья* 'охотничий костер из двух бревен, положенных

одно на другое, для ночевки в лесу', *кабус* 'подбивка из шкуры лося или оленя у охотничьих лыж', *лабаз* 'настил на дереве, на котором охотник устраивает засаду на зверя', *майна* 'прорубь для подледного лова рыбы с сетью' и т. д.

Первые попытки анализа включений из вымерших финно-угорских языков предпринял А. И. Попов (Попов А. И., 1978). По мнению А. И. Попова, «отсутствие возможности отыскания точного оригинала русского заимствования в современных финно-угорских языках» является основным показателем субстратного воздействия.

Итак, ряд слов прибалтийско-финского происхождения был заимствован в современные коми-зырянские диалекты, главным образом в северо-западные и западные – вашско-мезенские, нижневычегодские и лузские, в результате взаимодействия коми и заволоцкой чуди в период с X по XIV век.

В. И. Лыткиным выявлено и доказано заимствование более сорока слов в коми языке из прибалтийско-финских языков. Основываясь на гипотезе Д. В. Бубриха о происхождении «заволоцкой чуди», он приводит аналогии из вепсского и карельского языков, что позволяет сделать вывод, что язык заволоцкой чуди был очень близок вепсскому и карельскому языкам.

В. И. Лыткин (Лыткин В. И., 1956) выделяет следующие фонетические закономерности, имеющие место в заимствованных словах:

а) В карельском языке, за исключением северных диалектов, на определенном этапе развития языка происходит озвончение глухого согласного, если он стоял между гласными (или сонорным) (*каси* > *кази* 'кошка'). На основании этого он делает вывод о том, что коми языком часть слов заимствована или еще до озвончения согласных, или из такого диалекта, который не знает озвончения (*кас* 'карандыс 'ушат', *лус* 'ка 'ложка', *шалка* 'берестяная сумка', *агас* 'борона'), другая часть попала в коми язык тогда, когда в вепсско-карельском оригинале согласные озвончились (*вирб* 'дратва', *коз'ал* 'прялка', *тирд* 'бёрдо', *раб* 'дробина пивная, отбросы после варки сусла', *сабри* 'стог').

б) В вепсско-карельских диалектах перед *и* согласный *с(з)* смягчился, в вепсском языке после смягчения согласного конеч-

ный *и* отпал. Заимствование произошло после этого смягчения (*кас'*, *л'ус'ка*).

в) В вепском языке конечный гласный всегда выпадает, если в предыдущем слоге стоит долгий гласный, например: русск. *мама* > вепск. *мам*, русск. *дядя* > вепск. *дядь*.

Во многих заимствованиях В. И. Лыткин отмечает отсутствие конечного *и* (*байар* 'боярин', *вирб*, *коз'ал'*, *пач'* 'печь', *ч'ап* 'молотило'), как и в вепском оригинале (в карельском языке в конце этих слов звук *и* сохранился).

г) Отсутствие конечного гласного *а(о)* указывает на вепское происхождение заимствования (*тирд*, *л'од* 'блюдо', *нут* 'невод'). На почве коми языка отпадения конечного гласного не произошло: *кõла* 'молотило, цеп для ржи', *кал'л'а* 'сладкий квас', *сарйа* 'плетенка шерстобита', *рога*, *л'ус'ка* – эти слова или карельского происхождения, или вепского – с кратким гласным в первом слоге (в этом случае конечный гласный в вепском языке сохранился).

д) Вепско-карельский звук *о* первого слога, восходящий к долгому *о* (в финском *-уо-*), в заимствованиях передается через коми *о* или *у*, происходящих из закрытого *о* (*коз'ал'* – фин. *kuosali*, *нут* – фин. *nuotta*, *л'од* – кар. *бл'уодо*), а исконно краткий гласный *о* (в финском *о*) в коми языке передается звуком *õ* (*кõла* – фин. *kola*).

е) Во многих карельских диалектах наблюдается переход свистящих согласных в шипящие (*кажи* 'кошка', *шуабра* 'стог', *вуоши* 'год' и т. д. вместо *кази* или *каси*, *сабр'*, *вуоси* других диалектов. В вепско-карельских заимствованиях мы наблюдаем только свистящие согласные (*агас*, *карандыс*, *кас'*, *коз'ал'*, *л'ус'ка*, *сабри*, *сарйа*).

ж) В некоторых вепско-карельских заимствованиях гласный второго слога выпал, например: *л'ус'ка* из * *л'ус'ика*, *кэл'кан* из * *кэл'икан*.

Исследователь В. А. Сорвачева (Сорвачева В. А., 1970) подвергает тщательному изучению северо-западные диалекты коми-зырянского языка и обнаруживает целый ряд особенностей, не свойственных южным диалектам. По ее мнению, их можно связать с влиянием прибалтийско-финских языков. Перечислим следующие:

Изменение этимологического *l* в конце закрытого слога. Изменение этимологического *l > v* (напр.: *ныл > ныв* 'девушка') в удорском, нижневычегодском и лузском диалектах может быть объяснено воздействием прибалтийско-финского субстрата (в восточновепских говорах наблюдается переход *l* в *и* в конце слога). Появление долгих гласных и дифтонгов на месте этимологического звуко сочетания *гласный + l* в вымском и ижемском диалектах (долгие гласные и дифтонги совершенно чужды коми языку) можно объяснить лишь воздействием прибалтийско-финского языка.

Смягчение твердых согласных перед гласными *i* и *e* в удорском и нижневычегодском диалектах.

Выпадение гласных и согласных в северо-западных диалектах по аналогии с вепским языком.

Наличие геминат *kk, tt, dd, nn, ll* в словах удорского диалекта.

Изменение свистящих в шипящие в удорском и нижневычегодском диалектах.

Данные закономерности прослеживаются и в других заимствованных словах, обнаруженных позже А. И. Туркиным. По его данным, в коми-зырянские диалекты было заимствовано 104 слова из языка заволоцкой чуди. Большая часть приводимых им заимствований относится к топонимическим названиям. В лингвистическом плане изучение коми географических названий связано с именами известных русских и финских ученых – А. И. Шёгрэн, М. А. Кастрен, Д. Е. Д. Европеус, П. И. Савваитов, А. Ф. Теплоухов.

К заимствованиям из прибалтийско-финских языков А. И. Туркин (Туркин А. И., 1970) причисляет ряд топонимов в бассейне рек Вычегды, Выми, Лузы и Мезени. К примеру, топонимы на *-бар, -быр*:

р. Пойбыр – приток р. Пожега (бассейн р. Вычегды), бор Шойбыр-яг, оз. Шойбыр-ты – около г. Сыктывкара (*коми шой* 'труп', *яг* 'бор', *ты* 'озеро'), р. Ситбар – правый приток Вычегды (*сит* 'кал, помет'), р. Усбырель – левый приток р. Уса в бассейне Мезени (вепс., кар., люд. *uuz* 'новый', фин. *uusi* 'новый'; коми *эль* 'лесная речка'). Первоначальным значением слова *-бар, -быр*, вероятно, была «группа близко расположенных друг к другу предметов, ведущих начало от одного предка». Аналогичное явление мы наблюдаем в коми-зырянских словах *грезд* и *сикт* 'деревня; куст

(ягодный); несколько луковых стеблей из одной луковицы'. Коми *-бар, -быр* следует считать прибалтийско-финским заимствованием, ср. фин. *parvi* 'группа, стая, куча', кар. *parvi* 'группа, стая (рыб, птиц)', вод. *parvi* 'вместе, с (предлог)'

р. Кус – левый приток Яреньги (бассейн р. Вычегды), ср. фин. *kuusi*, эст. *kuusk*, вод. *kuusi* 'ель'.

Реки часто носят названия деревьев.

р. Кывөр-вож – левый приток Мадмас в бассейне Вычегды, ср. вепс. *kover* 'кривой, изогнутый', фин. *kovera* 'вогнутый'; коми-зыр. *вож* 'приток'.

А. И. Туркин также указывает, что основная доля заимствований падает на северо-юго-западные (удорский, ижемский, лузско-летский, нижневычегодский) диалекты.

Рядом исследователей выявлено и обратное влияние коми языка на язык заволоцкой чуди.

К примеру, А. И. Туркин приводит следующие слова коми-зырянского происхождения, обнаруженные в вепсском языке (Туркин А. И., 1974).

čumbūie 'берестяной черпачек (для питья)' < коми *чумпель* 'воронкообразный черпачок (для питья)';

važi 'кол (в озере или реке для привязывания лодки или сетей)' < коми *водж* 'зимняя рыболовная запруда из кольев';

ruga 'смола на растущем дереве' < коми *рога* 'древесная смола, выступающая на коре';

вепсский топоним *Sondjal* (рус. *Шондовичи*) < коми *шонди* 'солнце', *шоньд* 'тёплый';

вепс. *gadčom* 'место, где водится много змей', коми *чом* 'шалаш, конура', иж. 'чум, шалаш оленеводов', уд. 'холодный хлев, закут на пастбище', коми-перм. 'клеть', удм. *чум* 'клеть для одежды'. Однако имеются и другие гипотезы происхождения этого слова;

вепс. *nil'ed* 'скользкий', коми *нильӧг* 1) скользкий; 2) липкий; 3) гладкий, скользкий (о тканях) и т. д.

По предположению В. И. Лыткина и А. И. Туркина, в языке заволоцкой чуди было немало коми-зырянских заимствований, но они не проникали далеко на запад, т. е. на территорию, населенную современными вепсами, поэтому их трудно обнаружить в современном вепсском языке.

Наиболее интересным и убедительным представляется подход исследователя О. А. Кожеватовой (Кожеватова О. А., 1996). Она считает закономерным проведение не разрозненных исследований в области изучения общности между отдельными финно-угорскими или прибалтийско-финскими языками и севернорусскими говорами, а изучение в совокупности составляющих общего регионального лексического фонда, возникшего на финно-угро-самодийской почве и включающего лексику языков европейского Севера России (вепсского, карельского, коми, ненецкого, саамского и севернорусских диалектов). Причиной тому достаточно тесные связи между языками европейского Севера России. По степени связанности отдельных языков данный региональный лексический фонд, по мнению О. А. Кожеватовой, распадается на несколько микрофондов: коми-ненецко-русский, коми-прибалтийско-финско-русский; возможны и более крупные объединения, например, коми-ненецко-русско-саамский. В качестве наиболее массивного и разнообразного по составу исследователь выделяет корпус лексики, общей для севернорусских диалектов и коми языка, с одной стороны, и прибалтийско-финских языков – с другой.

Пути образования общего коми-прибалтийско-финско-русского лексического микрофонда выявляются, по замечанию автора, с трудом, что обуславливается как древностью взаимодействия языков, так и сложностью миграционных и этнических процессов, происшедших на Русском Севере. Источником лексики в большинстве случаев являются прибалтийско-финские языки, откуда слово заимствуется в севернорусские диалекты и коми язык, при этом русский язык, как правило, выступает в качестве языка-посредника между прибалтийско-финским источником и коми языком. Данный путь миграции (приб.-фин.>севрус.>коми) прошел целый ряд лексем. Напр.: карел. *hong, hongu*, вепс. *hong* 'сосна' > севрус. *хонга, конга, конда* 'то же' > коми *конда* 'смолистая сухостойная сосна' и др.

О. А. Кожеватова также отмечает, что обратная линия распространения лексем, берущая начало в коми языке, является значительно более редкой. Кроме того, она приводит слова, попавшие в прибалтийско-финские языки из коми посредством русского языка. Их также немного. Например: *кõртым* 'аренда',

кõртымавны, кõртмавны 'арендовать' > севрус. *корторма, кортомить* 'то же' > вепс. *kortom, kortomd*, из чего исследователь делает вывод, что общий лексический микрофонд (ОЛМФ) образовался в результате контактов коми и русских не с теми вепсами и карелами, которые ныне занимают территорию, примыкающую с запада к Архангельской и Вологодской областям, а также крайний запад Вологодской области, а с какими-то вепско-карельскими племенами, которые впоследствии были ассимилированы русскими и коми. Кроме того, малочисленность единиц общего лексического микрофонда, имеющих коми источник, объясняется доминирующим распространением лексики с запада на восток, связанным с миграционными передвижениями русского населения с европейского Севера в Сибирь.

Анализ лексики ОЛМФ О. А. Кожеватовой дает следующие выводы.

Географическая терминология на 70% оказывается сформированной под влиянием неизвестных субстратных языков. Напр.: приб.-фин., ср. фин. *rauna*, эст. *raun* 'лужа' > коми *паун, паум* 'луг, поросший мелким кустарником', севрус. *павна* 'болотистое место, поросшее растительностью'.

С точки зрения семантики основную часть ОЛМФ составляет терминологическая лексика (охоты, рыболовства и т. д.). Напр.: карел. *jatio* 'сшивать сети' > севрус. *ямовать* 'то же' > коми *ямны* 'связывать, прикреплять сети одну к другой'. Большую группу создают экспрессивные глаголы, при этом источником русской лексемы могут быть как коми, так и прибалтийско-финские данные, которые практически невозможно в данном случае развести. Напр.: кар. *pat'skata*, вепс. *pat'skaita* 'хлопнуть, ударить', коми *батшкõдны* 'бить, ударять, колотить' > севрус. *бачкать* 'бить, колотить'.

О. А. Кожеватова указывает, что в ОЛМФ коми слова представлены в основном ижемским и удорским диалектами, а русские лексемы тяготеют к северо-востоку и востоку Архангельской области. Этот факт позволяет предположить, что место образования коми-прибалтийско-финско-русского ОЛМФ территориально локализуется в бассейнах Пинеги и Мезени, на границе Архангельской области и современной Республики Коми, т. е. в том же са-

мом ареале, на который указывают и другие вышеупомянутые исследователи.

В заключение отметим, что данная статья является сведением мнений разных языковедов по вопросу взаимодействия коми и прибалтийско-финских языков. В процессе развития вопроса возникали различные теории возможности данных контактов. Однако наиболее поздние исследования отрицают возможность непосредственных контактов коми с карелами и вепсами и утверждают о существовании некогда на территории Заволочья исчезнувших ныне прибалтийско-финских племен, оказавших субстратное влияние на русский и коми языки.

В качестве направлений для дальнейших исследований в данной области языкознания можно выделить следующее. Как видим, прибалтийско-финские заимствования в коми языке изучены далеко не полностью. Несомненно, осталась невыявленной часть лексики, воспринятой обеими сторонами в результате взаимодействия в период с X по XV век. К исследованиям необходимо привлечь данные археологии, фольклористики, этнографии, лингвистики; их сопоставление и подкрепление одних сведений другими поможет найти ответ на многие кажущиеся неразрешимыми вопросы. Кроме того, необходим полный анализ семантических отношений между родственными словами коми и прибалтийско-финских языков.

Литература

- Акты времен правления царя Василия Шуйского. М., 1914. № 103.
Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. III. М., 1964. № 291а.
Бернштам Т. А. Роль верхне-волжской колонии в освоении Русского Севера // Фольклор и этнография Русского Севера. Л.: Наука, 1973.
Веске М. П. Славяно-финские культурные отношения по данным языка. Казань, 1890.
Востриков О. В. Финно-угорский субстрат в русском языке: Учеб. пособие по спецкурсу. Свердловск, 1990.
Вычегодско-Вымская летопись. ИФС. 1958. Вып. 4.
Ефименко П. С. Заволоцкая чудь. Архангельск, 1868.

Жеребцов И. Л. Переселения карел в Коми край во второй половине XVI–XVII вв. // Карелы: этнос, язык, культура, экономика. Проблемы и пути развития в условиях совершенствования межнациональных отношений в СССР. Петрозаводск, 1989.

Жеребцов Л. Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1982.

Игушев Е. А. Die Wepsische Element in komi-syrjänische Sprache // Материалы V Международного конгресса финно-угроведов. Турку, 1980.

Кожеватова О. А. Пути образования общего регионального лексического фонда на европейском Севере России // Ономастика и диалектная лексика. Екатеринбург, 1996. С. 3–12.

Лепехин И. И. Дневные записки путешествия. СПб., 1805. Ч. IV.

Лыткин В. И. Вепско-карельские заимствования в коми-зырянских диалектах // Академику В. В. Виноградову к его шестидесятилетию. М., 1956.

Макаров Г. Н. К вопросу о прибалтийско-финских и коми-зырянских языковых контактах. СФУ. III. 1967.

Матвеев А. К. Пермские элементы в субстратной топонимике Русского Севера // Советское финно-угроведение. 1968. № 1. С. 27–37.

Пименов В. В. Вепсы. М.; Л., 1965.

Попов А. И. Следы времен минувших. Л., 1978.

Смирнов И. Н. Пермьяки. Историко-этнографический очерк // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Казанском университете. Т. IX. Вып. 2. Казань, 1891. С. 40–45.

Сорвачева В. А. К вопросу о влиянии прибалтийско-финских языков на северо-западные диалекты коми-зырянского языка // Тезисы III Международного конгресса финно-угроведов. Таллин, 1970.

Туркин А. И. К вепско-карельским заимствованиям в коми-зырянских диалектах // Вопросы финно-угроведения. Йошкар-Ола, 1970. Вып. 5.

Туркин А. И. О прибалтийско-финских и коми-зырянских языковых контактах // СФУ. 1974. № 1.

Чебоксаров Н. Н. Этногенез коми по данным антропологии // СЭ. 1946. № 2.

Lako Gy. Syrjänisch-wepsische Leinbeziehungen. Ujb. XV. 1935.

Sjögren J. A. Die Syrjänen. Ein historisch-statistisch-philologischer Versuch. Gesammelte Schriften. I. Sankt Petersburg, 1861.

Uotila T. E. Huomautuksia syrjäänin itämerensuomalaisista lainasanoista. Vir. 1936.

Wichmann Y. Syrjäänit ja karjalaiset // Valvoja. 1920.

Семантические функции падежа прямого объекта в удмуртском языке

В системе современного удмуртского языка винительный падеж характеризуется наличием маркированных (-э/-е, -эз/-ез в единственном числе и -ыз/-ты во множественном числе) и немаркированных форм. Наличие/отсутствие маркировки зависит от ряда морфологических, семантических и синтаксических характеристик глагола и/или объекта действия. В ряде случаев морфологическая оформленность падежа объекта может указывать на дополнительные семантические нагрузки и оттенки высказывания или предложения.

В падежной системе удмуртского языка аккузатив наделен следующими семантическими функциями:

Основной семантической ролью падежа прямого объекта является роль пациенса – «пассивного участника ситуации, претерпевающего изменения в ходе не контролируемых им внешних воздействий» (Плунгян В. А., 2000, 165). Частотность дистрибуции винительного падежа в указанной роли составляет 86,2% (или 173 примера из 196): *Пичи ныл нырысь ик гуръ эстэ, кык бадзымесь горшокъёсын пудолы вуо шунтыны но картошкао пöзтыны пуктэ* 'Маленькая девочка вначале топит печь, ставит в двух больших горшках греть воду для скота и варить картофель' (Байтеряков Н. С., 1992, 141).

В удмуртском языке, характеризующемся «семантической ориентированностью» (см. об этом: Плунгян В. А., 2000, 181) падежной системы, определенный интерес представляет соотношение категории числа и падежа. В простом склонении показателями винительного падежа множественного числа являются аффиксы -ыз, -ты, имевшие ранее диалектный характер дистрибуции и являющиеся в современном литературном языке синонимическими вариантами

(*курегъёсыз / курегъёсты сюдыны* 'накормить куриц'); в притяжательном склонении – это сращение лично-притяжательного суффикса, показателя винительного падежа *-э/-е-*, и аффикса множественного числа *-с* в случае множественного обладателя (*книга-м-е-с / книга-д-э-с / книга-э-э-с ыштыны* 'потерять нашу книгу / вашу книгу / их книгу' ~ *книга-ос-м-е-с / книга-ос-т-э-с / книга-ос-с-э-с ыштыны* 'потерять наши книги / ваши книги / их книги'). Однако кроме данных морфологических маркеров мультиобъектность может выражаться следующими конструкциями:

а) количественное числительное + существительное в маркированной / немаркированной форме (*куинь улмоѳ сиыны* ~ *куинь улмоѳез сиыны* 'съесть три яблока');

б) количественное числительное + причастие + существительное в начальной форме (*вить пужыятэм чушконо басьтыны* 'купить пять вышитых полотенец');

в) на множественность объектов могут указывать также супpletивные формы существительных (*трос калыкез адзыны* 'увидеть много народу', *ыж уллѳез пумитаны* 'встретить стадо овец').

Следует отметить, что в конструкциях с количественными числительными имена могут употребляться как в начальной форме, так и с морфологическими маркерами винительного падежа: *Та повестъме укмыстон сизьым бырем эшь-ѳс-м-е но малпаса гожтї* 'Эту повесть я написал, вспоминая о девяносто семи погибших товарищах' (Байтеряков Н. С., 1992, 1); *Кылдытїзы ньыль группав* 'Организовали четыре группы' (Байтеряков Н. С., 1992, 58). Вопрос о наличии/отсутствии маркеров множественного числа (*-ос/-ѳс*) в конструкциях с количественными числительными в удмуртской лингвистике до сих пор остается открытым. Трудно утверждать, что только дискретные объекты, т. е. «предметы, обозначающие конкретные объекты, имеющие пространственные и/или временные границы, или конкретные ситуации («акты»), имеющие начало и конец» (Плунгян В. А., 2000, 278), имеют морфологическую выраженность множественного числа, поскольку даже в этом случае имеется ряд примеров, где прямой объект выражен немаркированной формой, но выражает мультиобъектность: *Мон пока быдэс, басьтї кык благодарностъѳ* 'Пока я цел (живой), получил уже две благодарности' (Байтеря-

ков Н. С., 1992, 157). Кажется возможным, что при оформлении прямого объекта маркерами множественного числа определенную роль играют одушевленность/неодушевленность, дефинитность/индефинитность и некоторые другие характеристики прямого объекта.

Частотность дистрибуции винительного падежа в функции выражения *дуративных отношений* составляет 6% (или 10 примеров из 196). Довольно низкая употребимость аккузатива в указанной функции объясняется выражением временных отношений посредством системы послелогов (в частности, *ар чоже* 'в течение/ в продолжение года'; *ар мында* 'около / приблизительно год' и др.) В функции выражения дуративных отношений могут употребляться как маркированные, так и немаркированные формы винительного падежа. Как правило, маркированная форма аккузатива употребляется для выражения сегментированного действия, один из периодов которого актуализируется в момент речи: *Тазэ арняез зорыса улйз* 'На этой неделе шли дожди'; *Вить арнязэ зорыса улйз*. 'Пять недель шли дожди'. Немаркированная форма винительного падежа акцентирует внимание на протяженности действия, начало и конец которого соответствуют заданным дуративным объектам временных координат. Поэтому аспектуальные характеристики (завершенность/незавершенность) действия и временного цикла могут не всегда совпадать. Рассмотрим примеры: (а) *Быдэс арня зориз* 'Целую неделю шел дождь'; (б) *Быдэс арня зоре ни* 'Уже целую неделю идет дождь'. В первом случае (а) и действие, и временной промежуток имеют завершенный характер, во втором примере (б) действие продолжает совершаться, тогда как временной цикл успел возвратиться к исходному моменту. Иными словами, если немаркированная форма аккузатива употребляется для выражения фазовых действий и актуализирует определенные сегменты дуративных отношений, то немаркированные формы падежа прямого объекта чаще всего имеют дело с циклами, когда внимание акцентируется на отношении действия ко всему временному циклу.

В функции выражения пространственных отношений выявлено 11 примеров из 196, что составляет 5,8%. Как правило, это глаголы, содержащие в своей семантике указание на прохожде-

ние определенных (конкретных) пространственных координат: *ортчыны* 'пройти', *выжыны* 'перейти', *потыны* 'пройти', *тубыны* 'подняться' в значении 'пройти', *васькыны* 'спуститься' в значении 'пройти' и др.: *Нюркан нюк бамалэз васькыса, Николай Алексеевич Туймы шур кузя кыстйськись паськыт возь вылэ потйз* 'Пройдя через лог Нюркан, Николай Алексеевич вышел на широкое поле' (Садовников В. Е., 1995, 8). Довольно низкая частотность дистрибуции винительного падежа в данной функции объясняется употреблением пролатива как основного падежа, выражающего «обстоятельство, обозначающее место, по которому или сквозь которое происходит движение, действие» (ГСУЯ, 1962, 110). Семантическое разграничение указанных примеров состоит в том, что в примерах типа *Нылаш нюлэсэз ортчиз* 'Девочка прошла лес' аккузативный показатель *-эз* позволяет рассматривать объект *нюлэс* 'лес' как определенную целостность и акцентирует внимание на результате действия (лес пройден). Пролативный суффикс *-ытй* актуализирует внимание, скорее, на уточнении места протекания действия, чем на результате: *Нылаш нюлэскытй ортчиз* 'Девочка прошла сквозь лес' (подчеркивается, что девочка прошла сквозь лес, но не уточняется, прошла она через весь лес или нет).

В функции выражения пространственных отношений интересно употребление суффиксов множественного числа в контексте с количественными числительными. Рассмотрим примеры: *Мон вить иськемө ортчи* 'Я прошел пять километров'; *Мон вить иськемьёс ортчи* 'Я прошел около пяти километров'. В первом случае выражается прохождение ровно пяти километров, тогда как во втором примере показатель множественного числа *-ос* добавляет оттенок приблизительности.

Таким образом, основной функцией винительного падежа в системе удмуртского языка является роль пациенса. Кроме того, он может выражать дуративные и пространственные отношения. В этом случае определенный интерес представляют показатели множественного числа в контексте с количественными числительными, которые вносят в предложение или высказывание оттенок приблизительности.

Литература

Байтеряков Н. С. Съёд вальёс. Ижевск: Удмуртия, 1992. 160 с.

ГСУЯ = Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология. Ижевск, 1962. С. 92–111.

Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 383 с.

Садовников В. Е. Кошкизы но – өз берытске. Ижевск: Удмуртия, 1995. 144 с.

«Финн по крови, духом россиянин»

«Финн по крови, духом россиянин» – так определил свой менталитет в стихотворении «По следам предков» известный в Карелии поэт ингерманландского происхождения, «родины лишенный финн российский» Олег Мишин (Армас Хийри). В этих строках выражены общие для многих финнов России мироощущения. И все же живя и развиваясь в поликультурной среде, представитель любого народа стремится сохранить свой национальный идентитет. Конечно, степень заинтересованности в этом связана со многими субъективно-психологическими факторами, а сохранение (или утрата) – с объективной реальностью и этнополитическими ориентациями общества.

Представляется интересным проследить, как происходила самоидентификация поэта и чего в ней все же больше – российского или финского. В культурологии в таком контексте обычно употребляются понятия «свое» и «чужое». Автору они представляются излишне категоричными, ибо продукт векового межкультурного диалога в поликультурной среде тоже становится «своим».

В качестве объекта анализа поэзия А. Хийри избрана не случайно. Он является зрелым, сформировавшимся поэтом и одним из немногих карельских авторов, применительно к которым можно говорить о творческом билингвизме.

В предисловии к новому финноязычному сборнику (Время, когда вырастают крылья, 2000) он пишет, что его родиной является Ингерманландия, где он родился в 1935 году. Деревни его детства – Пиени Аутио и Хювила – остались в памяти навсегда, он тосковал по ним во время войны в Сибири и в последующие годы в Карелии, куда «семья была вынуждена приехать в 1949 году». Живя в русской среде, «я стал почти полностью русским», сохранив в памяти лишь отдельные слова родного языка. В одном

из стихотворений поэт говорит об этом: «Родного языка слова, как листья разлетелись...». Но далее читаем: «они, как почки, все ожидали срока» (Песнь ингерманландца, 1995, 109). Родной язык пришлось осваивать заново, и процесс все еще продолжается: «Финский язык пробудил во мне воспоминания, которые стали реальностью – моей родиной», – признается поэт. Таким образом, этническое сознание связано, прежде всего, с родным языком. Сближение с родиной – «Ждет домой нас отечество – Инкерин-маа» – возможно лишь таким путем, ибо «отгремела война, /отгремела давно/ нам домой возвращаться не разрешено».

Все вышесказанное относится к современному сознанию поэта. Обратимся к предшествовавшему жизненному и творческому опыту.

На раннем этапе была радость детства и родного дома: «счастливым я был и богатым, богаче уже не бывать...»

Затем была спецэвакуация в Сибирь, после войны – приезд в Карелию, учеба в Пудожском педучилище и Карельском пединституте, преподавание русского языка и литературы. Параллельно началась и литературная деятельность. Он начал публиковаться в журнале «На рубеже» в 1954 году. В 1961 году Олег Мишин выпускает первый сборник стихов на русском языке «В дорогу». За ним последовали «Голубая улица» (1963), «Бессонница» (1966), «Теплотрасса» (1972) и другие. Если обратиться к синхронной критике и литературоведению, можно заметить, что финн в О. Мишине был мало различим, он самоидентифицировался как русский поэт.

Ему были присущи русская романтика 1960-х годов, влияние и увлечение современной поэзией (Е. Евтушенко, например). А. Гидони характеризовал «изнутри озаренный мир Мишина» как видение жизни во всем многообразии «переходов света в тень – и наоборот; счастья в горечь – и обратно; реалий быта – в поэзию, и поэзии – в реальность мира» (Гидони А., 1972, 122).

Отмечались особая лиричность стихов, без вычурности, без ненужного экспериментаторства, трепетное отношение поэта к природе (она – «другое я»), использование приближенных к человеческому бытию сравнений в описании природы; акварельность восприятия и отсутствие плакатности, камерность стихов. Отдельные

названные особенности связаны, несомненно, с национальным финским характером, сознанием и психологией, особенно близка финскому национальному сознанию пейзажная лирика.

В «Очерке истории советской литературы Карелии» читаем: «Родным языком Мишина является финский, но, прекрасно владея и русским ...поэт своими стихами и личностью доказывает, что чистое, светлое, глубинно-национальное чувство становится интернациональным и общечеловеческим. Удивительный, подлинно поэтический эффект стихотворения “Родной язык” в том и заключается, что здесь о “музыке родного” – финского языка рассказано взволнованной музыкой чисто русской поэзии» (Очерк истории..., 1969, 263). В это время понятие финский язык как родной применительно к данному поэту было весьма условно. Все стихотворение пронизано щемящей сердце болью утраты завещанного предками языка, мелодия которого звучит в душе и вызывает ностальгические ассоциации с утерянной родиной и близкими. «Взволнованная музыка русской поэзии» – это уже иная, усвоенная позднее и ставшая «своей», культура.

Тематически русскоязычная поэзия О. Мишина 1960–70-х годов была типична для его поколения. Это воспоминания о военном детстве, родина в широком смысле, значительные исторические личности и культурные символы России, любимые поэты, ставший родным город и край (Петрозаводск, Кижы, Валаам и пр.). О. Мишин, возможно, чаще других посвящал стихи нелегкому физическому труду и скромным труженикам, особенно женщинам, выполнявшим в годы войны тяжелую мужскую работу. Такие воспоминания связаны прежде всего с матерью.

В русскоязычной лирике с малой родиной были связаны воспоминания об отчем доме, о родителях, сохранившиеся в памяти картины детства, радостные и грустные, родная природа, «ласточки родной деревни» и рябина, «святое дерево земли / и дедов и отцов». Рябина как символ отечества пройдет через все творчество: «Рябины веточку в огонь бросали предки...», «Пылает и горит огнем / рябины красной гроздь...», «Рябиновая родина, твой свет в душе остался». «Малая родина» не была конкретизирована, что было типичным в то время не только для О. Мишина, но и других финноязычных поэтов ингерманландского происхождения. Они

осознавали маргинальность своего народа, о судьбах которого не было принято говорить вслух. Стихи с упоминанием этнокультурных символов рождались у О. Мишина на ассоциативном уровне. Например, о звучанье эстонской речи он пишет: «как бы родной язык забытый / я слышу через много лет» («Эстонский язык») или «В этом северном городе русском/ на скамейках дворовых / старые женщины / говорят на родном наречье, мне с детства знакомом». А увиденный памятник Ларин Параске порождает раздумья о богатой культуре ингерманландского народа.

Э. Карху писал в 1972 году: «Научно-филологические занятия повысили у Мишина интерес к финскому языку, и с некоторых пор он стал время от времени выступать со стихами на финском языке в журнале "Пуналиппу"» (Карху Э., 1974, 121). Можно сказать и так, но сегодня со всей определенностью можно также отметить, что выбор проблематики научно-филологических занятий не был случаен. Они так же, как и язык, явились важным фактором постижения собственного этнического идентитета. Поэт стал все активнее выступать как переводчик финноязычной поэзии на русский, занимался исследованием финляндской литературы, а затем погрузился в изучение устно-поэтической традиции прибалтийско-финских народов, в неисчерпаемую поэзию Калевалы, увлекшую его на десятилетия.

В 1976 году выходит первый сборник на финском языке под авторством Армаса Хийри (собственно, это и есть его подлинное имя) «Мои окна смотрят в мир». Тайсто Сумманен, написавший предисловие к нему, отмечает отличие стихов Хийри от поэзии Мишина: «в русских стихах он более эпичен и многословен, в финских – более точен и лаконичен» (Summanen T., 1976, 4). Вошедшие в первые финноязычные сборники стихи (до 1980 года) – это размышления об общечеловеческих ценностях, миниатюры о смысле бытия, о мире и войне, о вечном движении жизни, о социальных катаклизмах, о природе и тревоге за ее судьбу. К российской тематике географически привязаны и стихи, навеянные путешествиями (Крым, Кавказ, Арарат, Севан, Севастополь и т. д.).

Совершенно органично и естественно в финноязычную поэзию входит и тема родного края, хотя она не конкретизируется, раскрывается через воспоминания о детстве, родителях, сгоревшей до

тла родной деревне (название которой не упоминается), о ее жителях, в «фамилиях которых живут птицы и звери / и вера наших предков в бессмертие души» (фамилии также не называются).

В тематике ряда стихов наблюдается проявление этнических ценностей и ориентаций. Это стихи-посвящения представителям его народа: Юхани Тикканену, Ило Сииппанену, Отто Калвитса и другим, а также путевые зарисовки с поездок по значимым для финнов местам (например, из Нурмиярви, родины Алексиса Киви).

В поэтике можно также заметить характерные для финской лирики образы, тропы, следование народной традиции: «я – прибрежная верба», «осенний день – птица», «дождь – первая весенняя птица», «стихи – ласточки», «жаворонок камнем падает» или «два камня/ тихо беседуют/ в прибрежной воде» и т. д., использование параллелизмов и аллитерации.

В вышедшем в 1986 году сборнике «Ласточки моей деревни» понятие родины конкретизируется, появляются названия мест: деревня Муя, станция Насиа, фамилии и имена земляков (Карху, Няятанен, Хийри и т. д.).

В сборнике «Мои окна смотрят в мир» в одном из стихотворений поэт признавался, что в его душе не успокаивается горечь от перенесенных бед: «Я выдержал, не жалуясь. Но раны все еще болят. Этого, правда, никто не замечает» (Мои окна..., 1976, 25). В последующих сборниках 1986 и 1990 годов эта боль выливается наружу. В сборнике «Ласточки моей деревни» она связана с войной (которая для ингерманландцев означала и спецэвакуацию). Войну помнят и проклинают «во всех уголках мира жители деревни Пиени Аутио». Проклятья эти поэт выразил в виде народно-поэтического заклинания: «Если б был я хозяином Туони или дочерью Туони, я б заставил плакать детей Туони, как он наших заставил плакать...» (Ласточки..., 1986, 49).

Вышедший в 1990 году сборник «Песнь ингерманландца» двуязычен. Он создан в период начавшейся перестройки, когда появилась возможность открыто говорить на ранее запретные темы, выразить, наконец, накопившуюся боль обид, оскорблений и несправедливостей, когда «Зазвучал и свой мотив,/ свежий, незаигранный, / из глубин души порыв: / “Поднимайся,/ Ингрия!”».

На примере творчества писателей ингерманландского происхождения наглядно видно, насколько велико влияние социальных и национально-политических факторов на культуру, как бы не пытались разделить эти аспекты жизни. Именно благодаря перестройке и последовавшей за нею в 1993 году политической реабилитации финнов России, получила новое звучание и наполнилась новым содержанием многожанровая литература на ингерманландскую тему. Она стала ведущей и в творчестве О. Мишина.

В русскую часть «Песни ингерманландца» вошли новые и старые стихи о судьбах народа. В них «Душа вопрошает: за что, почему / мой народ разметали по миру». «Земляков увезли-рассеяли / за Урал, за Улан-Удэ./ Те – на юге, а те – на севере./ Те – в колоннах НКВД». Перемены, произошедшие в этом «крае-горюне», заставляют поэта признаться: «Ты прости, сторона родимая./ Я чужак на земле своей!» Он сравнивает себя с Матиасом Кастреном: «По следам племен финно-угорских/ я всю жизнь скитаюсь по стране».

На протяжении всего творчества, как русскоязычного, так и финноязычного, критика отмечала тревожность души и страсть к движению лирического героя Мишина – Хийри да и самого поэта, видя в этом его индивидуальность. В одном из стихотворений на финском языке сборника «Песнь ингерманландца» А. Хийри признается, что любит автобусы, поезда, самолеты, очевидно, потому, что, преодолевая расстояния, он пытается компенсировать «безутешную кратковременность своего существования» (Песнь ингерманландца, 1995, 59). Нам все же представляется, что мотив дороги – это отражение утраты и бесконечные поиски корней. Он присущ многим авторам, оказавшимся по разным причинам оторванными от своих культурно-исторических корней. Об этом, в частности, шел разговор на международном семинаре по языкам и культуре малочисленных этносов Северных стран, состоявшемся в феврале 2001 года в Паяла (Швеция). Речь в докладах шла о норвежских и шведских финнах.

Подтверждение вышесказанному находим и в стихах А. Хийри. В одном из них он признается, что всю свою жизнь «возвращаюсь на родину, используя все средства передвижения, проделывая последние версты пешком. Но и сегодня я так же далек от цели – от моей Ингерманландии» (Песнь ингерманландца, 1995, 9). Здесь путь приобретает и символический характер по-

стижения своих корней. Во многих стихах А. Хийри выражает благодарность Карелии, ставшей ей домом. В посвященном Я. Ругоеву стихотворении читаем: «Твоя красивая Карелия, Яакко, / однажды и для меня стала хорошим домом» (Время, когда вырастают крылья, 2000, 44). В другом поэт пишет: «Дома в Карелии / в моем окне звезды» (Песнь ингерманландца, 1995, 70). Но в стихотворении «Путь в Карелию», высказывая искреннюю признательность за то, что этот прекрасный край приютил поэта в трудные времена, научил его совершенно забытому в изгнании языку «матери и отца», он признается, что ничто не избавит его от тоски по дому и что и сегодня он «здесь, как цыган».

В последних финноязычных сборниках этническая идентификация наиболее глубока и многогранна. Это уже не столько поиск собственных корней, сколько осознание себя неотъемлемой частью конкретного этноса, с его национальным характером, культурными традициями, исторической судьбой. Поэт создает образ трудолюбивого, талантливого, несправедливо гонимого, но выстоявшего народа. Тема Ингерманландии становится главной. Здесь ностальгические стихи о природе родной деревни и края, рассказы о его истории и трагических судьбах земляков, горькие монологи простых людей, очевидцев, участников и невинных жертв трагических событий, а также портретные зарисовки ингерманландцев, обогативших культуру и науку. В них отчаяние, безысходность и горечь, накопившиеся годами, чередуются с искорками оптимистических надежд на возрождение народа, но они вскоре гаснут и начинают представляться несбыточной мечтой, ибо «заросли родные тропы», уничтожены деревни, разбросан по всему миру народ. Да и сам поэт во власти противоречивых чувств: «Если бы нас, детей Ингерманландии, / однажды позвали обратно, / я не смог бы решить сразу, / возвращаться или остаться» (Время, когда вырастают крылья, 2000, 44).

Значительно многообразнее и поэтическая палитра, в которой соседствует рифмованный стих и верлибр. В лирике звучит разноголосие литературного и диалектного наречий, в том числе родного ингерманландского, близкородственных языков (например, карельского в поэме «Карельский дом» – Karjalainen talo). Примечательно, что во многих стихах о матери поэт реконструирует ее диалектную речь (например, в стихотворении «Зов родно-

го дома» – Kotiääni). Реплики матери приведены на родном наречии, в то время как сам поэт, заново выучивший родной язык прежде всего через письменную культуру, пользуется современным литературным. Для него ингерманландский диалект – это «замечательный привет с отдаленных уголков Ингерманландии, с берегов родины» (Petroskoin kaduilla toisinaan...).

Метафорический и поэтический строй обогатился благодаря усвоению финской литературной и народно-поэтической традиции. На нем сказались и пристрастия А. Хийри к калевальской поэзии. В опубликованном в журнале *Carelia* (2001, № 3) стихотворении «Биография матери» труд в плавильне описан чисто по-калевальски: «gauta vellinä venyvi / kuonona kohaelevi...» (кашицей течет железо, пеной поднимается).

А. Хийри уникален в том смысле, что достиг зрелости в финноязычной поэзии в пору наибольшей культурно-языковой ассимиляции, произошедшей в Карелии.

Надо заметить, что по мере того, как О. Мишин все более глубоко постигает национальную культуру, язык, фольклор и литературу, он все меньше публикует стихов на русском языке, хотя издает множество переводов на русский язык, а также переводит собственные стихи на финский язык.

Увлечение народной поэзией становится заметным в тематике и образности русской лирики, например в стихотворении «Эвропеус» «подрастает Куллерво и крепнет, /чтобы осознать, что он изгой». Найдем стихи и о Ларин Параске – Парасковье Лариной, подарившей миру песни. Грустью наполнены и строфы об исчезновении культурно-исторических ценностей, таких как: «Покоряют время, расстоянья. / И ушли, как в словари, слова, /вымысла прекрасные создання, / Метсолы и Ахти божества» (Свет рябиновый, 1990, 64). Они вполне уживаются рядом с восторженными, интонационно-русскими образами: «Лазуритова синь небосвода. / Малахитова зелень берез... / Ах, какими глазами природа наделила людей и стрекоз!» (Свет рябиновый, 1990, 77) или торжественно-величавыми «Ели – воины в шеломах – / охраняют Русь» (Свет рябиновый, 1990, 18).

Подводя некоторый итог, можно отметить, что первоначально самоидентифицировавшийся как русский поэт Олег Мишин в рус-

скоязычной лирике остается таковым на протяжении всего творчества. «Мое Михайловское – мой Петрозаводск, / и Лососинка мне – как речка Сороть!» – это относится к поэту, который «здесь нашел тот уголок земли, / что родиною стал тебе второю» (Песнь ингерманландца, 1995, 123), который признается: «Мне Россия – и щит, / и надежных товарищей плечи. / Пусть язык мой звучит равноправно средь многих наречий» (Свет рябиновый, 1990, 119).

С другой стороны, серьезные занятия О. Мишина финским языком и культурой привнесли в русскоязычную поэзию национальную окраску и проблематику, благотворно отразились на его профессиональном росте как поэта-переводчика, стремящегося познакомить русского читателя с богатой устно-поэтической и письменной культурой финского и родственных ему народов.

Постижение же этнического идентитета прошло достаточно сложный путь нового познания утраченных корней, через изучение языка, культуры и истории финского народа, благодаря чему состоялся и обрел творческую индивидуальность поэт и переводчик Армас Хийри.

Литература

- Гидони А.* Изнутри озаренный мир // Север. 1972. № 5.
Карху Э. В краю «Калевалы». М., 1974.
Мишин О. Свет рябиновый: Лирика. Петрозаводск, 1990.
Мишин О. Песнь ингерманландца: Стихи. Поэма. Петрозаводск, 1995. Текст фин., рус.
Очерк истории советской литературы Карелии. Петрозаводск, 1969.
Хийри Армас. Мои окна смотрят в мир: Стихи. Петрозаводск, 1976. Фин.
Хийри Армас. Вростать корнями в небо: Стихи. Петрозаводск, 1980. Фин.
Хийри Армас. Ласточки моей деревни: Лирич. зарисовки. Петрозаводск, 1986. Фин.
Хийри Армас. Время, когда вырастают крылья: Стихи. Поэма. Петрозаводск, 2000. Фин.
Hiiri A. Lukijalleni // Sillä aikaa kun siivet kasvavat. Petroskoi, 2000. S. 3–4.
Summanen T. Alkusanoinksi // Armas Hiiri. Ikkunani katsoo maailmaan. Petroskoi, 1976. S. 3–4.

Город в творчестве Л. Онерва

Европейскому литературному процессу рубежа XIX и XX веков свойственен целый ряд общих эстетических и социокультурных особенностей. Понятно, что на финляндской почве они приобретали оригинальную трактовку в соответствии с национальными особенностями.

Эта общая закономерность не обошла стороной те признаки, появление которых в литературе можно расценивать как следствие и свидетельство стремительно изменяющейся картины общественной и культурной жизни. Пожалуй, особенный интерес среди новых элементов вызывает образ города.

Ясно, что город обладает четко обозначенным эстетическим и культурологическим наполнением. Можно предположить, что он призван выполнять четко выраженные функции. Город расценивается неоромантиками как особенный смысловой центр, в котором сходятся находящиеся между собой во взаимодействии силовые линии самого различного плана. Все они представлялись авторам отличительными особенностями лица их эпохи, их времени.

Среди представителей неоромантизма Л. Онерва может быть воспринята как автор, творчество которой, главным образом проза, в достаточной степени связано с городской тематикой. Город представлен в ее произведениях как самостоятельная единица изображения и весьма частотен. Он выступает в разных качествах, в любом случае, его изображение подчинено раскрытию основной мысли.

Здесь возникает необходимость внести некоторые уточнения в суть используемого понятия. Разговор об образе города в творчестве Л. Онерва не носит абстрагированного характера, потому как он самим автором жестко привязан к реальности. Говоря о

прямом или косвенном обращении писательницы к образу города, следует четко представлять себе, что в финляндском материале урбанистическая тематика (хоть использование последнего термина в данном случае не представляется в достаточной степени корректным) концентрируется вокруг Хельсинки. Именно Хельсинки служит объединяющим началом для целого ряда явлений современности, которые писательница рассматривает в своих произведениях.

ХЕЛЬСИНКИ:

ДУХОВНОСТЬ, МОЛОХ, РЕВОЛЮЦИЯ

В течение менее чем столетия после переноса столицы финляндской автономии из Турку в Хельсинки последний, представлявший собой ничем не примечательный, преимущественно деревянной застройки маленький городок, значительно изменил свой облик. В начале XX века Хельсинки стал уже идейным центром весьма активной и развивающейся нации. Центральная часть Хельсинки с течением времени наполнялась соответствующими «атрибутами», семиотическое значение которых было таково, что при их наличии столица Финляндии могла достойно выглядеть на уровне прочих европейских столиц. Административный центр Хельсинки украсился комплексом зданий в стиле ампир, выстроенных по проектам известного архитектора К. Энгеля, а также посвоему примечательным парком Эспланада, напоминавшим современникам оживленные бульвары столиц Европы.

Под духовностью в начале XX века понималась прежде всего светская культура. Со столицей в обществе ассоциируется все то, что находится в авангарде развития народа. Безусловным центром нации Хельсинки предстает и в глазах Л. Онерва. Для нее это своеобразный выход в Европу, но, что существенно, одновременно и врата в страну. Писательница не без критицизма смотрела на некоторые конкретные явления действительности, однако при этом она не страдала от отсутствия здорового патриотизма и отнюдь не была склонна к самоуничтожению. Хельсинки, точно обручем, стягивает в единое целое центробежные силы финляндской реальности. Для писательницы представляла значительный интерес теория «молодых» и «старых» народов, в рамках

которой она рассматривала и финляндскую нацию. В своих размышлениях Л. Онерва неоднократно подчеркивает молодость Финляндии, подразумевая под этим, прежде всего, наличие у народа, ее населяющего, неизведанной по своей мощи созидательности, способной поднять его на уровень, которого достигли «старые» культурные народы Европы. В таких условиях нация не может обойтись без центров, в которых была бы сосредоточена интеллектуальная, культурная, политическая и общественная жизнь современности. Такие столицы – символическое обиталище лучших представителей нации – этих драгоценных камней, выработанных из многих тонн человеческой руды. Их задача необычайно ответственна и сложна. Надо сказать, что взгляды Л. Онерва на роль столицы в социальном и культурном бытии нации подкреплялись знанием общеевропейского опыта. Столицы Европы – Рим, Флоренция, Берлин и, конечно же, Париж – виделись в глазах писательницы очагами культуры, имеющими если не общечеловеческое, то общеевропейское значение.

Соседство с Европой, стремление к европеизации – все это в Финляндии обеспечивало ускоренное развитие собственной национальной культуры. Не было необходимости в развитии проходить стадии, которые «старыми» нациями Европы были оставлены позади. Достаточно было впитать накопленный ими опыт, обогатить «свое» необходимыми вкраплениями «чужого», что, по определению, открывало широкие перспективы перед любой нацией и ее культурой. Примеры обнаруживались на материке, например Германия. По общему мнению, немцы находились в похожей ситуации «варварства». Например, Э. Лейно писал о них, что это народ, «...который поднимается, занимается образованием, движется вперед так стремительно, что дух захватывает» (Onerva L., 1932, 31). Л. Онерва придерживалась подобной же точки зрения. Кстати, высоко отзываясь об охватившем нацию духе национального возрождения, она была крайне критична в отношении изобразительного искусства страны. Так, о XIX веке она говорит, что его солнце «...поднялось над безрадостной и пустынной Германией подобно серому свинцовому шару. Там не было воздуха, только тяжесть чернил» (KL. 20541, L. 121).

Главной проблемой немцев Л. Онерва считает претензию Мюнхена на роль культурной столицы Европы, причем равную по значимости Парижу. По ее мнению, Франция вполне заслуженно удерживает пальму первенства. Французами в XIX столетии была проделана немыслимая по своей значимости и объему работа, которая, собственно говоря, и гарантировала не просто расцвет французского искусства в широком смысле к рубежу веков, но и обеспечила существование всей современной Л. Онерва европейской культуры. Франция, Париж доказали всему миру, что «интернациональная гегемония искусства» не может опираться только на шедевры старых мастеров и в еще меньшей степени – на добрую волю и усердие. Как сказано, причина виделась ею в особом рода духовной организации нации, сопряженной с решимостью к пониманию человечности, со стремлением стать местом паломничества всех ищущих идеалы красоты. Л. Онерва полагала, что единственным местом, соответствующим такому требованию, является Париж.

Обнаруживается следующая дневниковая запись, датированная 1905 годом: «Что есть Париж? Известнейший центр европейской культуры, неугасимый огненный город, брызжащий жизнью. По нему тоскует и туда стремится человек. Там он хочет обогатиться смелыми выпадами правды, там он хочет качаться на пенных волнах непознанного, там он жаждет держать в своей руке жилу, в которой стучится жизнь» (KL. 20541, L. 121). Париж являл собой достойный образец для подражания. В ее понимании речь должна была идти о своеобразном городе-символе, городе-идее, городе-понятии, воспринимаемом эстетически и культурологически.

Очевидно, что в приложении к особенностям реальности такое восприятие объекта носило идеализированный характер. Л. Онерва приподнимала Хельсинки над действительностью, которая подчинялась своим законам. Она была отлична от картины, существовавшей в воображении неоромантиков. Совмещение идеи и реальности приводило к тому, что в сознании Л. Онерва, да и других литераторов, возникал крайне болезненный диссонанс, ставивший под угрозу разрушения не просто нарисованную ими

картину, но саму цельность авторской идеологии. Следы этого обнаруживаются в произведениях Л. Онерва.

Известно, что восприятие творчества писательницы ее современниками было далеко не однозначным. Хорошо известен тот факт, что после выхода романа «Мирдя» к Л. Онерва приходили делегации от некоторых женских обществ с целью высказать ей неудовольствие. Одним из наиболее агрессивных критиков был Кюёсти Вилкуна, который признавался своему биографу: «...в течение 1908 года настолько потрепать... Л. Онерва, насколько это только возможно, держа в руке карандаш» (Onerva L., 1932, 375). Критика действительно носила довольно-таки жесткий характер. Л. Онерва он характеризует следующим определением: «патинированное радикальным развратом, сомнительное писательское имя» (Nieminen R., 1982, 87). Понятно, что подобная реакция уважаемых соотечественников, к тому же ответственных за формирование литературных пристрастий читающей публики, не могла не вызвать в душе писательницы горечи и раздражения.

Вызванное идейным противостоянием напряжение стало одним из определяющих факторов того, что осенью 1908 года Л. Онерва выхлопотала стипендию и покинула Финляндию для завершения магистерской работы. В Европе ей предстояло решить массу разных проблем. Одной из них было ответить на вопрос, стоит ли родина того, чтобы служить ей, или, быть может, следует жить по принципу, определенному для себя Э. Лейно: «Спасайся, кто может». Ситуация требовала безусловного разрешения, что, по всей видимости, было возможным лишь при условии нахождения в нейтральных с культурологической точки зрения условиях. В этот период поэтесса однозначна в своих комментариях. Так, в ноябре 1908 года она пишет родным в Финляндию следующее: «Нынче почти вся образованная Финляндия находится за границей. Домашние условия плохи, находятся во власти буржуазной тупости и узколобого, лживого филистерства. Так что всякий, кто любит Финляндию будущего и собирается что-либо предпринять в этой стране, будет умнее, сохранив и просветив свой дух где-нибудь в другом месте, пока еще не настал нужный момент на родине» (Nieminen R., 1982, 96).

Вполне естественно возникает вопрос: возможно ли приведенные высказывания расценивать как писательский и гражданский «ревиизионизм». Безусловно то, что подобного рода сентенции воспринимаются как факт, свидетельствующий об охватившем сознание Л. Онерва скептицизме. Они – признак потери автором веры во вполне определенные идеалы. Она явно находится в конфликте с идеологией культурно-исторической роли финской нации, рассуждения о которой обнаруживаются в ее статьях об искусстве. Они тождественны декадансу и утрате интеллигенцией стремления и воли быть во главе национального движения. На этом фоне возникает вопрос о том, обнаруживала ли Л. Онерва в итоге варианты разрешения столь остро заявившей проблемы, и если да, то какие именно?

Очевидно, что высказанные выше предположения вполне оправданы. При массе совершенно явных отрицательных моментов Л. Онерва не была склонна воспринимать духовную, культурную и общественную ситуацию на родине как совершенно неблагоприятную. Основным аргументом для нее был тот удивительной силы национальный подъем, охвативший финляндское общество на рубеже XIX–XX веков в противовес давлению со стороны имперских властей. Сказанное достаточно хрестоматийно. Л. Онерва же отмечала для себя и обратную сторону национальной идеи. Она писала, что «во имя нее сделано много добра, но не меньше зла». Обратная сторона проявляется, когда «самодовольство и бахвальство», «акцентирование различий», естественные и необходимые для самоосознания нации на определенном этапе явления начинают выпячиваться. Их излишнее культивирование в какой-то момент выливается в гофрирование национальной идеи. Тенденции подобного плана представляют серьезную опасность. Л. Онерва отмечает, что они могут привести, как в случае с испытывавшей в то же время аналогичные процессы в обществе Россией, к извращенным формам, к государственному империализму и, как следствие, ущемлению прав других наций, в частности финской.

Еще один заслуживающий внимания тематический пласт, в центре которого Л. Онерва располагает город и непосредственно Хельсинки, имеет отношение к социальным метаморфозам, которые ох-

ватали финляндское общество в начале XX столетия. Речь идет о восприятии писательницей рабочего движения, одним из центров которого становился Хельсинки. Стоит отметить, что новое социальное явление породило также и свою собственную пролетарскую литературу, которая в начале прошлого столетия по основным идейным характеристикам противостояла главенствовавшей неоромантической литературе. Думается, что одним из основных пунктов являлось понимание национального движения в его проекции на имевшие место в Финляндии социальные процессы.

Л. Онерва не оставила проблему без внимания. Отметим, что в целом ее отношение к рабочему движению, пролетариату, социалистической идее вообще и к ее носителям не было однозначным. Вопрос представлял достаточно серьезную проблему для писательницы, потому как в нем пересекались взаимоисключающие факторы. Например, она с большим сочувствием отнесется к стачечному движению 1900-х годов. Причина в том, что она подобно многим интеллигентам хотела видеть в нем прежде всего борьбу маленького народа за свою эмансипацию против давления со стороны имперских властей. На практике стачечное движение означало нечто совершенно иное. Основанная на принципе классово-борьбы пролетарская идеология обладала собственными властными претензиями. Так что представления о нем неоромантиков были в известной степени иллюзорны и безосновательны, а посему их крах в 1918 году неслучаен. Предчувствие надвигающегося разочарования преследовало и Л. Онерва. Четкие следы этого обнаруживаются в ее творчестве. Впервые писательница обращается к исследованию проблемы в романе «Мирдя».

Мирдя специально выезжает на окраину Хельсинки, чтобы попасть на народный праздник. Первоначально девушка совершенно подавлена охватившим ее чувством восхищения происходящим. Огромное стечение народа видится ей в образе невиданной, непознанной материи, внутри которой ощущается присутствие тайной силы. Хоровое пение религиозных песен слышится ей почти как мистическое таинство единения с божественной сущностью, спасение измученной души. Однако вскоре ситуация меняется. Мирдю стараются обходить стороной, ее толкают, в ее адрес раздаются угрожающие фразы. Стесненная толпой героиня романа

в полном душевном смятении бросается прочь, только лишь вдохнув в себя воздух, пропитанный запахами табака, лука и пота.

Писательница наотрез отказывалась воспринимать принцип классовой борьбы, характеризуя его как ограниченный. Социализм, понимаемый как результат революции низов, Л. Онерва объясняла последней попыткой выжить обреченных на смерть рабов, вечно голодных, с изъеденными туберкулезом легкими. Подобный радикальный утопизм может объясняться тем, что в идейном смысле Л. Онерва была из последователей будителей XIX века. Ей «линия нации», стремление к единству, государственная свобода нации после сотен лет угнетения представлялись основной целью, служению которой должны быть подчинены узкие классовые интересы.

После известных событий 1900-х годов герой Л. Онерва отмечен печатью сложности и трагизма одновременно в своем отношении к низшим слоям общества. Ведь он – *nousukas*, или, как его еще называет Л. Онерва, *homo novus*, то есть, по сути, *интеллигент в первом поколении*. Особенность его характера в том, что он хорошо помнит свое происхождение, гордится им, но в гораздо большей степени стыдится его. Он, выбившийся из низов в люди, поступивший в Хельсинкский университет, обуреваем жадной к знаниям, однако засыпает на лекциях. Его жадному стремлению к высокой духовности, европейской утонченности и аристократизму противостоят прирожденная крестьянская неотесанность в поведении, грубость вкуса и неуклюжесть жестов.

Когда Хельсинки выплевывает из своих недр измученных бесконечной трудовой неделей и черной работой рабов, в душе героя одноименной новеллы Пентти Корьюс сталкиваются отвращение, сожаление и стыд. Перед ним люд, который «редко видел солнце, эти уродливые, иссохшие подобия человека, которые совершенно не понимали того, зачем они брошены в нищету» (Onerva L., 1911, 30). У них нет ничего, они лишены счастья осознать собственную исключительность и наличие индивидуальности, потому что они это то, что исследователь Рауль Палмгрен называл «сердцем масс». У них есть только один способ выживания – «общая душа». Оказавшись здесь, Пентти склонен подчеркивать

превосходство своей просвещенной личности над этим черным людом, однако уже в следующий момент испытывает страх.

Герой подозревает в населяющем огромный квартал Хельсинки пролетариате присутствие страшной силы, которая и сама не ведает того, к чему может привести ее пробуждение. Он предполагает, что достаточно случайно наступить железной пятой на раскаленный пол завода, как город взорвется и весь мир утонет в пламени. Очевидно, что речь здесь идет о преследовавшем автора смутном предчувствии революции. Смерть и тотальное разрушение, грозящие «обществу культуры» (*kulttuuri-yhteiskunta*), пугают Л. Онерва, может быть, это объясняет ее утопический социализм. Однако со свойственной ей радикальностью Л. Онерва заставляет своего героя видеть в представшем перед его глазами рабочем квартале инструмент, с помощью которого мир может быть очищен от язв и от буржуазной скверны.

Интерес вызывает то, что изображение рабочих кварталов Хельсинки сосредоточено вокруг символического образа мифологического божества Молоха, требовавшего бесконечного количества человеческих жертв. Если у того же Куприна образ Молоха как раз и представлен сложной системой огромных и мощных стальных механизмов, рядом с которыми человек теряет свою и физическую и духовную ценность, то у Л. Онерва в новелле «Сумерки богов» (*Onerva L., 1915*) символика Молоха получает совершенно иную протяженность.

Молох в глазах героя Л. Онерва видится живым организмом. В нем совмещены заводские конструкции и человеческое жилище, здесь сталь, кирпич и живое человеческое тело слиты воедино, создавая нерушимое целое. То, что ее герой с трепетом в душе называет «огромными каменными башнями», представляет собой заводской квартал Хельсинки Сёрняйнен, выросший во второй половине XIX века. Это сочетание рядов домов и вздымающихся до небес заводских труб. Молох Л. Онерва способен к постоянной смене своего облика: либо он находится в страшном напряжении, точно сжатый кулак, либо уподобляется волчьему загрызку, либо теряется в трубном дыму и выпускаемом паровозами пару. Но бывает и так, что «...в тихие вечерние часы заката эта пасть Молоха покрывала себя золотом и драгоценными кам-

ниями, она улыбалась и красовалась сверху в своем величии подобно какому-нибудь средиземноморскому городу. Тогда эти вздымающиеся террасами дома сверкали мрамором, и зелень лета обвивала их лоб точно лавровые венки...» (Onerva L., 1915, 38).

Показывая огромный рабочий квартал Хельсинки в образе Молоха, Л. Онерва подчеркивает, что он находится по другую сторону находящегося в Хельсинки так называемого Длинного моста (Pitkäsilta). Таким образом, в образе Длинного моста обнаруживается функция пограничной черты между двумя социальными мирами, соответственно, двумя культурами. С одной стороны, это рабочие, пролетариат и их мир, с другой — так называемое «общество культуры». Интересно, что позднее эта идея в той или иной форме достаточно активно обсуждалась в литературе Финляндии.

Итак, Хельсинки четко разделен на два различных эстетических мира, связкой между которыми является тот самый Длинный мост. Рассуждая далее, Л. Онерва обнаруживает для каждого из полученных миров свой определенный знак-символ, который являлся бы квинтэссенцией содержания. По ту сторону Длинного моста расположено то, что Л. Онерва называет «частичкой бурлящей энергии Золя». По другую же — мир, к которому в силу своего рождения и нынешнего существования естественным образом относят себя герой и сама автор. Символом этого мира, по определению Л. Онерва, является бульвар Эспланада.

ХЕЛЬСИНКИ:

ЭСПЛАНАДА, РЕСТОРАЦИЯ, АЛКОГОЛЬ

В начале XX века бульвар Эспланада стал своеобразным культурным символом Хельсинки. Считалось, что каждый европейский город должен обладать своей «парадной» улицей. Если в Париже была Шапм-Элизе, в Берлине Унтен ден Линден, то в столице Финляндии был бульвар Эспланада. Вскоре вокруг него «выросла современная, буржуазная и урбанизированная территория Сити» (Klinge M. – Kolbe L., 1999, 51). Эспланада стала собственным центром культурной жизни столицы Финляндии. Она разделилась на три условных части: Эспланада Рунеберга, Эспланада театральная и Эспланада «Каппели», и каждая из этих

частей обладала своим собственным символом. Остановимся подробнее на последнем из них, а именно на «Каппели». Эта ресторация стала в начале XX века одним из символов материковой культуры в Хельсинки.

Ресторации играли подобающую своему качеству и функциям роль в культурной жизни Хельсинки в начале XX века. В рамках этого можно говорить об их влиянии на литературный процесс. Их образы перекочевали на страницы произведений. Это объяснимо. В своей книге, посвященной Союзу Писателей Финляндии, критик Хууго Ялканен напишет: «Было бы ошибочным пытаться доказать, что в то время писатели жили в стесненных условиях, или, что они схимничали. ...Молодые и не обремененные заботами литераторы участвовали в праздниках и увеселениях, которые предлагала им столица» (Jalkanen H., 1956, 47). Кстати сказать, не все разделяли ту точку зрения, что современный пусть даже и урбанизированный писатель должен обязательно проводить время подобным образом. Известно, что приведший к разрыву конфликт между Эйно Лейно и Майлой Талвио возник на почве восприятия ими алкоголя.

После своего обновления «Каппели» стал одним из наиболее привлекательных, почитаемых и любимых мест для встреч и собраний представителей художественной и литературной элиты Хельсинки. О заведении говорили как о пристанище альтернативной мысли. В частности, идея создания Союза Писателей (1897) возникла в «Каппели». Собрания организации проводились обычно в «Алппила» или «Сеурахуоне», а в 1910-е годы, когда Союз после раскола находился в сложнейшей ситуации, постоянным местом встреч его членов стал находившийся на Северной Эспланаде, 37 ресторанчик «Катани», основанный швейцарским кондитером. Критик вспоминал слова известного писателя Арвида Людекена: «Посреди зала у Союза был свой столик, забронированный на 6–8 человек. Мы почти ничего не заказывали. Юхани Ахо сидел с чаем, супруги Ивало, Эйно Лейно, Онерва и я «раздавливали» частенько половинку пунша на всех. Ресторану от этого было не слишком много выгоды» (Jalkanen H., 1956 126). На собраниях высказывались предложения подыскать иное место, где нельзя было бы курить, но в то время в Хельсинки подобного заведения не бы-

ло. «Союз бегал по городу в поисках пристанища, но ничего более приятного и уютного места, чем старый «Катани», не нашлось» (Jalkanen H., 1956, 126).

В то время как деревня зачастую вызывает у героя Л. Онерва тоску и ностальгические нотки, связываясь с происхождением, проецируясь на идею нации в широком смысле, город рождает самые противоречивые чувства, продолжая при этом являться единственно возможной средой обитания. Ключевое значение имеет то, что большинство ее персонажей по общественному положению, образованию, культурному, ценностному и ментальному уровню относятся к поднимающемуся среднему классу, реже – к аристократии. Упоминание действительных хельсинкских ресторанов в новеллах Л. Онерва подчинено раскрытию основной тематики. Их цель – формирование необходимой оболочки вокруг героя или нескольких героев. Персонажи помещены внутрь объекта, что не нуждается в каких-либо дополнительных комментариях. Характерно, что писательница игнорирует описание интерьера помещений, в которых по тем или иным причинам находятся ее персонажи. Это может объясняться стремлением к созданию символа, в котором было бы сосредоточено суггестивное чувство, своего рода активный элемент, вокруг которого и формируется поэтика произведения.

Кроме того, обнаруживается и другое объяснение. Видимо, Л. Онерва предполагает наличие у читателя определенного уровня осведомленности. Очевидно, она предполагала, что достаточно только лишь упомянуть название, как сразу все становилось на свои места. Названия выступают в качестве самостоятельных функциональных единиц, способных нести соответствующую смысловую нагрузку. Они как бы говорят сами за себя. Стоящие за ними реалии являлись важным элементом социокультурного окружения и самой Л. Онерва, и ее читателей. Писательница была выразителем идей среднего класса, тех, кого она называла «*pousukkaat*», то есть «новые люди». Они читали ее произведения. Для них такие названия, как «Каппели», «Катани», «Сеурахуоне», «Кямппи», «Луото», «Алпила», являлись особого рода условными сигналами. Они были опознавательными знака-

ми, по которым идентифицировался член общества, его статус, его духовность, так отличался «свой» от «не-своего».

Один из вариантов понимания образа представлен в новелле «Марья Хаву» (Onerva L., 1911). Ресторация по-прежнему выступает фоном, однако же этого достаточно для подчеркивания трагизма жизненной ситуации, в которой по целому ряду причин оказывается герой. Марья Хаву училась в школе для девочек, что для других могло бы являться показателем социального успеха. Несмотря на это, жизнь видится ей кошмаром, состоящим из нереализованных фантазий и желаний. Она смотрит из окна своей комнаты на радостно пляшущие на фоне ночного неба ракеты. Марья очень хорошо знает, что они запускаются от ресторана «Луото». Ракеты и воспоминания о нескольких посещениях ресторации рождают в душе Марьи тоску по другой жизни, которой она навсегда лишена.

Эта другая, красивая и приятная во всех отношениях, жизнь существует совсем рядом. Она не есть плод ее воображения, ведь подружки Марьи живут так, как ей всегда мечталось. До этой кажущейся настоящей жизни близко, но в то же время она недосыгаема. Все, чем она обладает, – это дни в конторской пыли и ночные часы, которые Марья тратит на сверхурочные, пытаясь удовлетворить ненасытные претензии своей матери – эдакой деревенской бабы с кривыми зубами (*ristisuuakka*). Поэтому для героини Л. Онерва важно пусть даже ложное ощущение праздника или, как она сама его называет, «блистательный парад общества». Для достижения этого эффекта используется, пожалуй, один из наиболее действенных инструментов – образ празднично освещенных городских рестораций. Однако их функциональная задача этим не ограничивается.

Подавая ресторации в качестве неотъемлемой части современного хельсинкского пейзажа, автор заставляет их работать на раскрытие лица эпохи, общественных порядков и традиций, а также сознания героев произведений. Для этого она максимально детализирует образ. Он разворачивается, обнаруживая внутри целый ряд понятий, непосредственно связанных с понемногу, но настойчиво входившими в финляндскую реальность зачатками того, что называется городской культура. Одной из важнейших

составляющих образа является довольно-таки частый у неоромантиков мотив алкоголя. Для произведений Л. Онерва характерно, что он унифицирован до излюбленного напитка ее героев – absintti (фр.: *absinthe*). Алкоголь вообще и абсент в частности играют в эстетике Л. Онерва существенную роль. Отметим, что они пересекаются у автора с такими символами, как «декаданс», «условная мораль» и «протест» против нее. Интерес вызывает также обнаруживаемая у Л. Онерва проекция образа алкоголя на понятие «культура».

Собственно, появление в неоромантической литературе такого, казалось, несколько специфического образа и далее его определенная функциональная роль в ней не были случайными. Явление обусловлено ореолом символов, который существовал вокруг абсента в XIX веке. Он был создан стремительно урбанизовавшейся западноевропейской культурой, где эта полынная настойка получила особое название *La fée verte* («зеленая фея»). Напиток выделяли из ряда других, приписывая ему особые свойства, говорили даже об «*абсентизме*» как особого рода пристрастии к настойке. Особенно почитаем абсент был в среде городской богемы Парижа. Его образ присутствует у целого ряда поэтов и художников, как то у Мане, Пикассо, Дега и т. д.

В подобном ключе сформированную традицию подхватили финляндские неоромантики. Это в большей степени касается той их части, которая могла бы быть названа «урбанистами». Правда, Л. Онерва отчасти фаталистически признает ложность избранного способа стимуляции сознания. В романе «Инари» ее героиня скажет: «И разве не было ошибкой то, что Поркка считал, будто искусство обязательно нуждается в светской жизни с ее вечно изменяющимися удовольствиями? Искусственны такие вот удовольствия здесь на севере, где солнце приходится подменять электричеством, жар в крови – возбуждением от яда и бесконечным нервным напряжением!» (Onerva L., 1911, 29).

В неоромантизме Л. Онерва была одной из тех, кто отдал дань интересовавшей литературу мысли о декадансе. Формирование позиции Онерва по вопросу о ценности декаданса происходит постепенно и под влиянием нескольких факторов. В увидевшем свет чуть ранее в том же году дебютном романе «Мирдя» имеет-

ся персонаж, который в полной мере отражает представленную точку зрения, – магистр Селиня.

Появление этого героя на террасе хельсинкского ресторана со стаканом абсента в руках мгновенно определяет основные черты его образа мышления. Он – типичный представитель европеизированной урбанистической культуры своего времени, причем той ее части, которая называлась «стерилизованными, хотя и рафинированными виртуозами сладострастия и боли» (Косиков Г. К., 1993, 30). Бледность облика магистра Селиня оттеняется сверкающей в стакане зеленоватой жидкостью. В своих взглядах на жизнь, общество, предназначение человека он чрезвычайно нигилистичен, но в отличие от другого героя этого же романа – Рольфа Танне – его презрение не более чем факт упадка, причем в самом широком смысле. Это отрицание жизни, но отнюдь не бьющая через край жизненная энергия. Он подает себя как неизлечимого декадента, «для него все суета сует; нет больше положительных ценностей, к обществу да и к самому себе он способен питать только презрение» (Карху Э. Г., 1990, 149). Он – глубокий скептик и занят тем, что изо дня в день просиживает за стаканом абсента, пропивая остатки таланта. Причины ей понятны, однако в пику излагаемых Селиня мыслеформ Мирдьа совсем не склонна к резиньяциям.

Декаданс в варианте магистра Селиня утрачивает мистический облик, перерастая в банальную беспомощность и отрицание полноты жизни. Отрицая декаданс (если он равно что есть временная стадия, если в итоге он не приводит к перерождению личности), писательница одновременно говорит о возможности его понимания как преходящего состояния. Оно для страдающего «духовной недостаточностью» индивидуума более предпочтительно, нежели просто уход в небытие.

Появлению такой точки зрения способствовала позиция, носителем которой является Рольф Танне – основной оппонент главной героини произведения Мирдьа. Собственно говоря, с его появлением происходит смысловое и функциональное отделение образа абсента от образа алкоголя вообще. Конечно, вместе они являются одними из элементов, формирующих лицо современного культурного пейзажа Хельсинки. Они – часть реквизита эпохи,

составляющая оболочки вокруг современного, блещущего электричеством города, современной, тянущейся к европейскому стандарту культуры жизни, они – это символ урбанизированной богемы, они – это энергичный жест людей мира творчества. На этом уровне происходит разделение единого целого на самостоятельные философские субстанции. И если абсент подразумевает под собой декаданс, то алкоголь оказывается у Л. Онерва тождеством абсолютно противоположного.

С точки зрения Рольфа Танне, созидание предполагает предварительную деструкцию. По этой причине в его образе выведен носитель ницшевского радикализма мысли, его «стиля Prado». Рольф – это последовательный разрушитель всех тех ценностей, которые в обществе являются основополагающими, но, по его мнению, утратившими актуальность. Человек будущего должен создать свою мораль, поэтому общественная мораль становится главным объектом критики. В понимании Рольфа она синонимична ханжеству и лицемерию и заслуживает тотального осуждения. В его имморализме алкоголь занимает не самое последнее место. Это одно из ядер, вокруг которого формируется идеология протеста. В ответ на вопрос, почему он пьет, Рольф отвечает Мирдьё: «Я знаю, что они презирают меня, называя несчастным, но я брошу это им обратно прямо в лицо – им, которые не могут решиться познать человека, которые не решаются испытать то, что испытывают миллионы вокруг них. Я говорю о тех, что боятся хоть один раз в жизни выпить. Ох уж эти умнички, от которых ожидается, что они спасут человечество» (Onerva L., 1927, 23).

Итак, первоначально для Мирдьё алкоголь – привилегия избранных, он равноценен доступу к «тайному знанию», которым обладают избранные и которого лишены «эти миллионы паразитов». Это одна из основ эстетики сильной личности, способной противопоставить себя обществу, старым скрижалям, условной морали, это его мощное орудие против достойного худшей участи старого мира. Алкоголь ассоциируется с хирургическим ножом, которым Мирдьё препарировал общество, разделяя его на «своих» и «не-своих».

Характерно, что в дальнейшем образ алкоголя утрачивает в понимании героини романа пафос протеста, что сближает его с

абсентом, а значит, и с упадком. Изменение проявляется в том, что Л. Онерва начинает понимать невозможность вечного отрицания. Рольф оказывается не способен к тому, что кажется наиболее важным Мирдье, а именно к творческому созиданию. В результате в ее сознании и Селиня, и Танне оказываются стоящими по одну сторону барьера. Таким образом, аристократический имморализм Рольфа соскальзывает до уровня беспомощного декадентства магистра.

Подводя итоги, отметим следующее. Образ города не являлся в формальном отношении открытием неоромантиков. Они продолжили заложенную традицию и попытались внести в трактовку образа оригинальные черты. У Л. Онерва образ города наполнен разнообразной символикой и призван выполнять самые различные функции. Важно отметить, что он понимается писательницей как явление, внутри которого располагаются другие самостоятельные смысловые единицы. Несмотря на все сказанное, говорить о зрелой урбанистической линии в творчестве Л. Онерва было бы некоторым преувеличением. Неоромантики стояли у истоков нового в литературе, в их творчестве обнаруживаются зачатки того, что начиная с 1910-х годов активно заявляет о себе в творчестве авторов, правда, уже совершенно иного эстетического склада.

Литература

- Безрукова М.* Искусство Финляндии. М.: Изобразительное искусство, 1986.
- Карху Э. Г.* История литературы Финляндии. Л.: Наука, 1990.
- Косиков Г. К.* Два пути французского постромантизма: символисты и Лотреамон // Поэзия французского символизма / МГУ. М., 1993. С. 5–62.
- Huuttunen J.* Kauhea nautinto Image 8/2000.
- Jalkanen H.* Kirjallinen kevät. Porvoo; Helsinki, 1956.
- Klinge M. – Kolbe L.* Helsinki. Itämeren tytär. Helsinki, 1999.
- Krohn E.* Ensimmäinen huomattava naislyyrikomme. HS, 28.04.1962.
- Laurila A. L.* Onervan Nousukkaita. KTSV.18. Helsinki, 1960. S. 184–190.
- Nieminen R.* Elämän punainen päivä. Onerva L. 1882–1926. Toim. 382, 1982.
- Onerva L.* Runoja. Helsinki: Otava, 1908.

- Onerva L.* Murtoviivoja. Helsinki: Otava, 1909.
Onerva L. Nousukkaita. Helsinki: Yrjö Weilin&Kumpp. OY, 1911.
Onerva L. Inari. Helsinki: Weilin&Göös OY, 1913.
Onerva L. Vangittuja sieluja. Helsinki: Kirja, 1915.
Onerva L. Mirdja. Helsinki: Otava, 1927.
Onerva L. Eino Leino. Runoilija ja ihminen. Helsinki: Otava, 1932.
Onerva L. Mietteitä saksalaisesta kuvaamataiteesta. SKS, arkisto, KL. 20541, laat. 121.
Onerva L. Kirjailijan päiväkirja, SKS, arkisto, KL. 20533, laat. 118.

Особенности пейзажной и натурфилософской лирики бесермянского поэта М. Федотова

Пейзажная и натурфилософская лирика как одна из форм присутствия природы в литературе имеет глубокие корни как в удмуртской литературе в целом, так и в поэзии М. Федотова. Это, по всей видимости, объясняется тяготением традиционного сознания удмуртов к языческому мировоззрению, для которых природа является практически всем: объектом поклонения, защитой, источником энергии, очищающим началом и т. д.

Образ природы в поэзии М. Федотова полифункционален: это психологический параллелизм; это сопоставление природы и человека на уровне тропов (метафора, сравнение); это создание ландшафта/хронотопа стихотворения. Поэтому, говоря об образе природы, а также о пейзажности и натурфилософичности его поэзии, мы имеем в виду широкий спектр явлений, включая описания природы (собственно пейзаж), тропы, вкрапления элементов пейзажа в философскую лирику и т. д.

Какова же специфика пейзажей М. Федотова? В первую очередь для него характерно индивидуальное видение и воспроизведение образов природы, что отражается, в частности, в обращении к личностно-значимым реалиям. Так, например, присутствие ряда топонимов (Вортча, Люкмы, Чупчи) позволяет очертить географию его стихотворений и дает основания полагать, что речь идет о родных местах поэта – Северной Удмуртии, где проживает этническая группа бесермян, представителем которых является сам поэт. Впрочем, для М. Федотова характерно обращение к более узколокальным топосам. Так, например, образ *шаер* 'родина' сужается до ландшафтов Северной Удмуртии и далее до образов родной деревушки, улицы, определенной точки на этой улице: *Кык беризьес Вортча пумын сыло* 'Две липы стоят на околице'.

Конечно, выделенную нами тенденцию можно представить в обратном направлении как процесс расширения образов. Однако, как нам кажется, в стихотворениях этого характера на первый план выходит индивидуально-камерное начало, которое предполагает первостепенную значимость «...не универсальной сути природы и ее феноменов, а ...ее неповторимо единичных проявлений: о том, что видимо, слышимо, ощущаемо здесь и сейчас» (Хализев В. Е., 2000, 208).

Пейзажная и натурфилософская лирика М. Федотова – это во многом поэзия переживаний и ощущений на уровне сенсорики. Природа представлена не только через визуальные и слуховые образы, что было характерно для предшественников поэта, но и через определенные запахи, вкус, тактильные ощущения:

Кӧс омырын коня меда
Лулэз вешась зыньӧс?

Сколько же в сухом воздухе
Ласкающих душу запахов?

или

Шорамы бусыысь тыр шепӧс
Сюрелась омырен шокрышто.

Колосья с наших полей
Дышат на нас в цвету.

Связь между природой и переживаниями лирического героя настолько тесна, что правомерно говорить о «психофизиологическом» компоненте в поэзии М. Федотова, под которым подразумевается «переживание собственного тела, его ощущений, радости, страданий, потребностей или, при изменении ракурса, жизнь, отражаемая и фиксируемая на телесном уровне» (Топоров В. Н., 1995, 429). Впрочем, фиксация и отражение ощущений «на телесном уровне» не является самоцелью поэзии М. Федотова, т. к. элементы «психофизиологического» являются, скорее, способом передачи внутреннего единства человека и природы, связь которых в творчестве М. Федотова представлена на таком высоком уровне, что человек говорит на языке природы, а природа преодолевает «первоначальную немоту» через медиум человека.

В этой связи показательное стихотворение «Вуэ, кисьма ини сӧд пот» («Уже зреет лебеда»), где такие элементы пейзажа, как цветущее растение и луг, через восприятие их запахов, вкуса,

тактильных ощущений напоминают лирическому герою о послевоенном трудном детстве:

Со кыл йылын съод пот улос – Вкус лебеды останется на языке –
Ортчем пинал дырысь адзон. Наследие прошедшего детства.

Как видим, в данном стихотворении элементы пейзажа служат напоминанием о прошлом. В других стихотворениях образы деревьев (липы, березы) традиционно сливаются с образом девушки, весны – с пробуждением; через пейзажные образы березовой рощи, солнца, небосвода, цветов и т. д. рисуется также портрет возлюбленной.

Таким образом, значительная часть пейзажной и натурфилософской лирики М. Федотова имеет камерный характер, связана с субъективными ощущениями и переживаниями лирического героя, в результате чего на первый план выходят те детали пейзажа и элементы «психофизиологического», которые наиболее существенны для него.

С другой стороны, несмотря на увлечение конкретикой (конкретный ландшафт; изображение того, что «видимо, слышимо, ощущаемо здесь и сейчас»), лирический герой осознает универсальный характер природы. Для него – человека с языческими корнями – природа в единстве всех ее проявлений становится неким абсолютом, реализацией которого являются конкретные ландшафты и явления природы.

В этом плане особого внимания заслуживают стихотворения, доминирующей темой которых является тема возвращения в лоно родной природы. «Что делать? Куда деваться?» – спрашивает лирический герой. И сам же отвечает: «Вож тулкымен веттаськись кыр гинэ / монэ кароз уром» («Лишь простор, играющий зелеными волнами, во мне увидит друга»).

Возвращение к природе, которое в системе ценностей лирического героя М. Федотова соответствует обретению Гармонии, Истины, Идеала, представлено в ряде стихотворений вполне реалистически как возвращение в родную деревню, которая еще не утратила связей с миром природы:

Кошконо вал гуртэ, шур дуре,
Мед данэд но отын вунысал.
Буш ыбем кадь ортче дауре

Уйти бы в деревню, к реке,
Забыть бы там славу.
И жизнь, текущая как холостой
выстрел,

Шунытгес, дыр, соку потысал.

Показалась бы, может, теплее.

или

Татчы вуисько но – быре жаденэ,

Прихожу сюда – и исчезает
усталость,

Асме мон соку эмьясько.

Здесь я излечиваю себя сам.

Ыше дышмонэ но чалме быронэ,

Уходит мой враг и утихает
мысль о тленности,

Весяк кадь уло потисько.

И кажется, буду жить вечно.

В других стихотворениях этот мотив представлен на мифологическом уровне как реинкарнация, акт единения с природой, растворения в одной из ее стихий:

Тырмыто пыдэстэм кудуме,
Турнамтэ вож нюке мон выдо.
Но муэн ог люкет луэмме
Лулыным-сюлмыным ик шодо.

Наполню бездонное лукошко,
Лягу на некошенную траву.
И свое единство с землей
Я почувствую душой и сердцем.

Исследователи отмечают, что мотив возвращения в лоно родной природы является одним из основных мотивов мировой поэзии XX века: «...осознание тех губительных тупиков, в которые завело человечество развитие технической цивилизации и оружия массового уничтожения ...не могло не выдвинуть задачу: вернуться блудному сыну природы в объятия щедрой и любящей матери, почувствовать себя не царем и господином, ее дитятею...» (Эпштейн М. Н., 1990, 31).

Таким образом, пейзажная и натурфилософская лирика М. Федотова представляет сплав двух основных направлений в изображении природы: с одной стороны, чувственная конкретика образов, желание запечатлеть миг; с другой стороны, сущность природы как определенной абстракции. Как показывает анализ, взаимодействуя друг с другом, названные тенденции образуют единое целое – образ Природы как Универсума, Абсолюта, которая реализует себя через бесчисленное множество ипостасей, что,

в свою очередь, определяет пантеистическую направленность поэзии М. Федотова:

Кызьёс шоналско но, котькуд вай вылын	Ели вздрагивают, и на каждой ветке
Лэйка инмаре-кылчинэ.	Качается мой ангел-хранитель.

В заключение, перефразируя слова И. Ростовцевой о Б. Пастернаке, хотелось бы сказать, что в творчестве М. Федотова «между эмоцией и идеей нет разрыва, – как это случается у многих поэтов XX века, – потому что не потерял контакт с “телом мира”, ощущение не вырвано из полноты жизни» (Ростовцева И., 1998, 293).

Литература

Ростовцева И. Природа в поэзии Пастернака и Заболоцкого // Пастернаковские чтения. Вып. 2. М.: Наследие, 1998.

Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Издательская группа «Просвещение» – «Культура», 1995.

Хализев В. Е. Теория литературы: Учеб. 2-е изд. М.: Высшая школа, 2000.

Эшштейн М. Н. «Природа, мир, тайник вселенной»: Система пейзажных образов в русской поэзии. М., 1990.

Проблемы национальной школы в Карелии во второй половине 1940–1960-х годов

С окончанием Великой Отечественной войны в республике развернулась работа по восстановлению довоенной сети общеобразовательных школ. В районах, где проживали карелы и финны, вновь, исходя из политических соображений, было введено обязательное обучение детей на финском языке. До войны в Карелии функционировало 206 школ с преподаванием на финском языке¹. Так называемые карело-финские школы в послевоенный период являлись единственным типом национальной школы в Карелии.

К началу 1947/48 учебного года школы республики по языку распределялись следующим образом: 453 школы с русским языком обучения, 106 – с финским и 20 смешанных (имевших классы с обучением на русском и финском языках). Из 126 нерусских школ 100 были начальными, 24 – семилетними и 2 – средними². Основная часть школ с преподаванием на финском языке находилась в сельской местности. В них с 1-го по 7-й класс обучение велось на литературном финском языке, а преподавание русского языка, как правило, начиналось с первого полугодия второго года обучения.

В марте 1949 года бюро ЦК КП(б) КФССР приняло постановление «О мерах по улучшению работы нерусских школ республики». На укрепление учебно-материальной базы школ были выделены значительные средства, что позволило в 1949–1950 годах построить 10 новых зданий на 2 тыс. ученических мест, направить в школы наглядные пособия на 137,8 тыс. руб., издать учебные материалы на финском языке в количестве 43 наименований

© Л. И. Вавулинская, 2002

¹ КГАНИ – Карельский государственный архив новейшей истории. Ф. 8. Оп. 19. Д. 73. Л. 5.

² Там же. Л. 3.

общим тиражом 107,5 тыс. экземпляров³. Были вновь открыты средние школы с обучением на финском языке в г. Олонце, с. Ухта и с. Ведлозеро.

С 1949/50 учебного года в республике начал осуществляться переход ко всеобщему семилетнему обучению. К концу 1950 года в районах с нерусскими школами не были охвачены учебой 293 ребенка в возрасте от 7 до 15 лет. Основными причинами отказа от учебы были вынужденная работа на промышленных предприятиях и в колхозах, помощь родителям по дому, материальная необеспеченность, отдаленность школы от места жительства и др. Особенно неудовлетворительным было положение в Олонецком районе, где не посещали школу 97 юношей и девушек, в Пряжинском районе – 31 человек и др.⁴

Серьезной проблемой школ с финским языком обучения являлась низкая успеваемость учащихся: в 1949/50 учебном году она составляла 80% (не успевало 1447 учащихся), в то время как в целом по общеобразовательным школам республики – 85,2%. В ряде школ не успевало до 40% учащихся (Олангская школа Кестеньгского района, Вокнаволокская школа Калевальского района, Сыссойльская школа Ведлозерского района)⁵. Низким оставался научно-теоретический уровень преподавания учебных дисциплин в нерусских школах, не была разработана методика обучения, отсутствовала литература для внеклассного чтения, не хватало учебно-наглядных пособий. Учащиеся слабо знали русский язык, в связи с чем в 1950 году было введено его изучение с первого класса. С 1951/52 учебного года первоклассники изучали русский язык 6 часов в неделю, на изучение русского языка в 1–10-х классах отводилось 2178 часов, в то время как на изучение финского языка – 2046 часов. Данные изменения позволили повысить усвоение русского языка. В 1954/55 учебном году успеваемость по русскому и финскому языкам составила соответственно 88,7 и 97,2% (Попов А. А., 1996, 174).

---

³ Там же. Оп. 66. Д. 26. Л. 44–45.

⁴ Там же. Л. 43.

⁵ Там же. Л. 47; НА РК. Ф. 2717. Оп. 5. Д. 1457. Л. 75.

Особенно остро стояли проблемы с обеспечением школ квалифицированными преподавателями. Из-за отсутствия преподавателей, владеющих финским языком, в 7 школах на русском языке преподавались 1–2 предмета, а в двух школах – 4–5 предметов, не велось обучение финскому литературному языку в 8–10-х классах. В 1952 году из 473 учителей нерусских школ карелы составляли 60%, финны – 33%, русские – 7%⁶. Доля учителей, имеющих высшее образование, в Карелии была в два раза меньше, чем в СССР (Бархатова С. В., 1990а, 7). В 1952 году среди учителей начальных классов нерусских школ 11% не имели законченного среднего педагогического образования или среднего образования, среди учителей 5–7-х классов около 50% имели только среднее образование⁷.

Одной из причин сложного положения с кадрами преподавателей являлась реорганизация в 1940 году Карело-финского педагогического института в государственный университет, в связи с чем практически прекратилась подготовка учителей с высшим образованием в республике. Кадры учителей поступали из вузов других союзных республик и только на 8–10% потребность в учительских кадрах обеспечивалась за счет выпускников госуниверситета. По неполным данным, в 1944–1959 годах в республику прибыло 1343 учителя (Бархатова С. В., 1990а, 14). С целью расширения подготовки учительских кадров для нерусских школ республики при учительском институте было организовано отделение финского языка и литературы, увеличен прием на финское отделение Петрозаводского педагогического училища. При Институте усовершенствования учителей действовали курсы повышения квалификации, на которых занималось более 200 учителей.

1 сентября 1952 года начались занятия в Карело-финском государственном педагогическом институте, созданном на базе учительского института. Два его отделения – историко-филологическое и естественно-математическое – готовили преподавателей средних школ и техникумов. В связи с острой нехваткой педагогических кадров в республике вплоть до 1955 года при педагоги-

---

⁶ КГАНИ. Ф. 8. Оп. 86. Д. 673. Л. 10.

⁷ Там же. Ф. 8. Оп. 86. Д. 673. Л. 10.

ческом институте на правах отделения работал учительский институт с двухгодичным сроком обучения. Принятые меры позволили улучшить подготовку учительских кадров, однако полностью не решили эту задачу. За 1951–1955 годы в общеобразовательные школы республики было направлено более 2 тыс. специалистов, окончивших педагогический институт, государственный университет, Петрозаводское и Пудожское педагогические училища. Кроме того, школы получили более 500 педагогов из внереспубликанских педагогических вузов. Однако за те же годы около 1,8 тыс. учителей уехало из республики по причинам материально-бытовой неустроенности, неудовлетворенности условиями работы и др.⁸ Значительная их часть приходилась на школы с финским языком обучения. В 1955 года из числа имевшихся вакантных должностей специалистов с высшим образованием в системе Министерства просвещения республики была замещена только 1/5 часть. К началу 1960 года доля педагогов с высшим образованием в республике составила 27,4%, однако среди карелов, финнов и вепсов высшее образование имели только около 3% учителей (Бархатова С. В., 1996, 93)⁹.

Несмотря на принятые во второй половине 1940–1950-х годов меры по развитию национальных школ, сеть их и число учащихся непрерывно сокращались, а школы и классы были малочисленными. В 1952 году в 330 начальных классах нерусских школ насчитывалось от 1 до 5 учеников, в 34 школах – от 3 до 10 учащихся, в 20 школах – от 11 до 20 человек¹⁰. С 1950/51 по 1953/54 учебный год число учащихся 1–10-х классов в карело-финских школах сократилось в 1,4 раза, а в 1–4-х классах – в 2 раза. Если в 1949/50 учебном году было 164 нерусских школы, то в 1953/54 учебном году – 130. В них обучалось 4578 учащихся, тогда как в остальных школах республики училось около 13 тыс. детей карелов и финнов¹¹. На сокращении сети начальных школ в Карелии сказалось

---

⁸ НА РК. Ф. 2717. Оп. 5. Д. 1457. Л. 78.

⁹ КГАНИ. Ф. 8. Оп. 100. Д. 367. Л. 4.

¹⁰ Там же. Ф. 8. Оп. 99. Д. 44. Л. 24.

¹¹ НА РК. Ф. 1192. Оп. 4. Д. 41. Л. 1; Д. 64. Л. 1; КГАНИ. Ф. 8. Оп. 99. Д. 44. Л. 24.

завершение в 1952 году всеобщего начального обучения и преобразование крупных начальных школ в семилетние. Однако наиболее важной причиной являлось то, что существенные различия в лексике, особенно в диалектах средней и южной частей Карелии и финского языка, вызывали трудности у детей карел. Ученики плохо осваивали словарный запас финского языка и содержание учебного материала. Уровень знаний учащихся нерусских школ по математике, биологии, истории и другим предметам являлся низким, и после окончания школы им трудно было поступить в вузы и техникумы, поэтому имели место факты массового отказа учащихся от обучения на финском языке.

Подобные факты явились одним из поводов, побудивших правительство республики в августе 1954 года принять постановление «О мерах по улучшению обучения детей в нерусских школах республики», которым преподавание всех предметов в 1–10-х классах нерусских школ было переведено с финского на русский язык. Обязательное изучение финского языка как одного из основных предметов было введено для детей карел и финнов с 3-го по 10-й класс в 130 школах (14 средних, 78 начальных и 38 семилетних) Ведлозерского, Олонецкого, Пряжинского, Петровского, Ругозерского, Сегозерского, Кестеньгского, Тунгудского, Калевальского и других районов¹². В постановлении подчеркивалось, что «практика работы нерусских школ показала, что эти школы не обеспечили подготовки всесторонне развитых будущих специалистов во всех областях народного хозяйства». Однако, по существу, эти меры осуществлялись в контексте подготовки ликвидации статуса финского языка как государственного и ликвидации самого статуса союзной республики. Была прекращена подготовка учителей на финском языке, в 1955 году ликвидированы финские отделения в школьном и дошкольном педагогических училищах, позднее, в 1958 году, была закрыта специальность «финский язык и литература» в Петрозаводском госуниверситете. Более чем в два раза сократилось количество часов, отводимых на изучение финского языка как предмета. Первые же два года работы национальных школ в условиях отмены обязательного

---

¹² КГАНИ. Ф. 8. Оп. 100. Д. 367. Л. 8; НА РК. Ф. 1394. Оп. 6. Д. 2271. Л. 20–22.

преподавания на финском языке показали, что наряду с некоторым ростом успеваемости по русскому языку существенно ухудшилась успеваемость по финскому языку. Многие родители учащихся нерусских школ стали ставить вопросы об отмене финского языка как обязательного предмета. Так, в письме родителей учащихся Пряжинской средней школы в Министерство просвещения республики говорилось: «Наши дети учатся в начальных классах Пряжинской средней школы... В школе в этих же классах учатся дети, родители которых русские, но тех детей не заставляют учить финский язык, а наших детей, потому что их родители карелы, их заставляют учить финский язык... Мы, родители, являемся сторонниками того, чтобы или никто не учил финский язык... или же чтобы всех учили наравне...» (История Карелии..., 1992, 361).

С 1958/59 учебного года было отменено обязательное изучение детьми финнов и карелов финского языка как предмета в школах. Преподавание его в качестве одного из иностранных языков было введено вновь в середине 60–70-х годов. К этому времени усилился интерес к изучению финского языка в ряде районов республики. В средней школе пос. Калевала по желанию учащихся и при содействии преподавателя русского языка К. Г. Леттиевой были организованы кружки финского языка, в которых занималось более 100 детей. Руководителями кружков работали бывшие преподаватели финского языка. В 8-летней школе пос. Калевала был организован кружок по изучению эпоса «Калевала», на занятиях которого руководитель кружка М. Пирхонен читал учащимся «Калевалу» и разъяснял ее содержание на финском и русском языках. Преподаватель школы А. И. Сонникова руководила кружком карельской литературы. В дер. Кестеньга почти 60 семей высказали желание учить детей финскому языку. В 1965 году группа писателей Карелии – Н. Яккола, Н. Лайне, Я. Ругоев, П. Пертту, А. Тимонен и У. Викстрем – обратилась в Министерство просвещения республики с призывом организовать преподавание финского языка в рамках школьных учебных программ и издать учебник финского языка¹³.

---

¹³ НА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 48. Л. 20–25.

Постановлением Совета Министров КАССР от 22 апреля 1966 года было разрешено ввести в общеобразовательных школах республики изучение финского языка как учебного предмета при наличии соответствующего контингента учащихся карелов и финнов, родители которых изъявили желание обучать детей финскому языку.

Непоследовательность в осуществлении языковой политики в Карелии, попытки решения языковых проблем путем административных постановлений, продолжение языковой политики, исходившей из нецелесообразности создания карельской и вепсской письменности, вызвали немалые издержки в организации народного образования, в подготовке кадров. Всесоюзные переписи населения 1959 и 1970 годов показали, что по доле лиц с высшим образованием среди коренных национальностей 11 автономных республик РСФСР карелы занимали одно из последних мест. Вытеснение родного языка на периферию общественной жизни стимулировало тенденции к сокращению его использования и на семейно-бытовом уровне. Об этом свидетельствовали данные о росте численности и удельного веса карелов, финнов, вепсов, у которых родной язык и национальная принадлежность не совпадали. Если в 1959 году назвали язык своей национальности в качестве родного языка 80,9% карелов, 74,2% финнов и 38,6% вепсов, то в 1970 году – соответственно 71,7, 61,1 и 31,9% (Покровская И. П., 1978, 161).

Литература

Бархатова С. В. Формирование интеллигенции в Карелии. 1944–1960 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 1990а.

Бархатова С. В. Подготовка и состав учительских кадров Советской Карелии в 40–50-е гг. // Европейский Север: история и современность: Тез. докл. Всероссийской науч. конф. Петрозаводск, 1990б.

История Карелии в документах и материалах. Советский период. Петрозаводск, 1992.

Покровская И. П. Население Карелии. Петрозаводск, 1978.

Попов А. А. Культура северной деревни в 1960–1980-е годы (на материалах Архангельской и Вологодской областей, Карельской и Коми АССР): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1996.

**Традиционная культура
современной карельской деревни
(по материалам полевых исследований)**

История собирания карельского фольклора насчитывает почти два столетия. Первым в 20-е годы XIX века с рунопевцами из русской Карелии встретился финский врач Сакари Топелиус-старший, им было записано 16 эпических песен и 15 заговоров, вышедших в Финляндии отдельными тетрадями (Topelius S.).

Как писал Э. Лённрот в предисловии к «Калевале», Топелиус указал ему дорогу в Карелию, и уже в 1832 году Э. Лённрот впервые побывал здесь, позже он неоднократно возвращался на эту землю и собирал карельские эпические песни, заговоры, лингвистический материал.

Авторитет Э. Лённрота действовал магически. Вслед за ним Карелию посетил один из крупнейших собирателей своего времени Давид Эммануэль Даниэль Европеус, который полностью посвятил себя поискам и собиранию фольклорного материала, записывал эпические руны, заговоры, сказки, причитания.

И в дальнейшем, в разное время XIX века и в начале XX века, сбором фольклорно-этнографического материала Карелии преимущественно занимались финские ученые, среди которых можно назвать имена А. Борениуса, языковеда А. Генетца, собирателей и исследователей А. Базилиера, О. Хайкари, О. Реландера, И. Харкинена и др.

Собранный богатейший фольклорный материал опубликован в Финляндии в многотомном издании «Древние руны финского народа» (Suomen kansan vahnat runot).

Во второй половине XIX века русские исследователи и любители народного поэтического творчества открыли в Заонежье сокровища русского эпоса – былины. Это вдохновило немногочис-

ленную местную интеллигенцию на поиски устной поэзии среди карельского населения.

Одним из энтузиастов в Южной Карелии был Н. Лесков, учитель из Святозера. Во время своего путешествия по Южной Карелии он записывал песни, сказки, причитания, загадки, пословицы, поговорки, обряды и другой этнографический материал.

Среди энтузиастов-собирателей Северной Карелии можно назвать имена Ийво Марттинена, Анастасии и Петра Лессоненых. Ими сделано небольшое количество записей. Недоверчивое отношение к незнакомым людям, когда дело касалось песен и вообще устной поэзии, породило среди русских собирателей ошибочное мнение о том, что карельского фольклора не существует.

Один из собирателей-энтузиастов Мирон Смирнов, карел из Сязозера, в своих путевых заметках 1890 года пишет: «У карел нет никаких преданий, ни исторических рассказов и никаких хотя бы бестолковых стихосложений» (Смирнов М., 1990, 311). Трудно дать объяснение такому утверждению, так как, рассматривая записи как ранние, так и более поздние, можно выделить Сязозеро как одно из наиболее богатых мест в отношении устной, как прозаической, так и песенной, поэзии.

Планомерное собирание и исследование карельского фольклора началось только после создания в 1930 году Института языка, литературы и истории, комплексные поездки ученых позволили собрать богатейший материал. Это и эпические руны, причитания, сказки, малые жанры – пословицы, поговорки, детский фольклор, а также этнографический материал.

Среди первых собирателей были Г. Богданов, В. П. Гудков, К. Т. Белова, В. Я. Евсеев, позже активно сбором фольклорно-этнографического материала занимались Ю. Ю. Сурхаско, У. С. Конкка, А. С. Степанова, Н. А. Лавонен и др.

В последние десятилетия XX века фольклорные экспедиции стали редкими, сказалось экономическое положение как в стране, так и в институте. Но не смотря на трудности, фольклористы продолжают собирательскую работу. В минувшие годы ученые сектора фольклора совместно с финскими учеными посетили разные районы Карелии, в частности Медвежьегорский и Калевальский районы, а также Южную Карелию (Пряжинский и Оло-

нецкий районы). Нашими информантами становятся носители родного языка – люди, говорящие на разных диалектах карельского языка.

Возраст наших информантов довольно преклонный, самому старшему может быть 90 лет, а самому молодому 60–65 лет. Причину пожилого возраста наших собеседников можно объяснить тем, что люди более старшего поколения легче идут на контакт с собирателями. Сравнивая ранние записи (1930–50-х годов) с материалами, собранными уже в конце XX века, мы вынуждены констатировать быстрое угасание и забывание всех традиционных жанров фольклора и старинной обрядности. Одна из причин – это быстрое обрусение карельского населения (если говорить о Южной Карелии). Активный процесс обрусения начался в годы Великой Отечественной войны, когда большая часть карелов находилась в эвакуации среди русского населения. После войны поменялся национальный состав деревень: если до войны русских в деревнях были единицы, то уже после войны в деревнях живут не только русские, но и украинцы, белорусы и представители других национальностей. Обучение в школе ведется на русском языке. Все эти демографические изменения не могли не повлиять на карельскую традиционную культуру. Оказало свое влияние и проникновение современных форм и видов культуры в жизнь деревни. Это радио, кино, телевидение, газеты.

Несмотря на многочисленные и весьма существенные изменения в жизненном укладе карелов, старшее поколение сохранило в памяти самобытную традиционную культуру.

Издrevле карелы, преимущественно мужчины, пели эпические руны, которые рассказывали о создании мира и сампо, о происхождении кантеле и игре на нем, о сватовстве героев (Вяйнямейнена или Илмайриненена к дочери Хозяйки Похьелы) и другие эпические песни. К сожалению, эти песни не дошли до современников. Во время экспедиций в Олонецкую Карелию не удалось записать ни одной руны или даже отрывка, эпическая традиция угасла.

Из песен калевальской метрики от ныне живущих карелов можно записать лиро-эпические песни или баллады на два сюже-

та: это «Выкуп девушки» (Itköy neičüt ulahuttau)¹; «Жалобы молодежи» (Kullervo Kallervon poigu)². Записи этих баллад были сделаны нами еще в 2000 году в Ведлозере и Эссойле (Пряжинский район), а также в Вешкелице (Суоярвский район). Эти песни хорошо помнят и поют женщины старшего поколения.

К древнейшим жанрам карельского фольклора относятся кумулятивные, или цепные, руны. Записи таких песен в наше время становятся очень редкими. Таким образом, все рассмотренные выше жанры в настоящее время уже не распространены или находятся на грани исчезновения.

Сказки всегда пользовались в народе большой любовью и популярностью. Их рассказывали женщины долгими зимними вечерами на посиделках и даже мужчины во время отдыха на лесозаготовках, на сплаве. Теперь традиционные формы времяпрепровождения вытеснены современными развлечениями. Большой редкостью для собирателей можно считать запись сказки на традиционные сюжеты, где была бы сохранена вся последовательность событий.

Такую редкую запись мы сделали в этом году в с. Вешкелица от 70-летней женщины Григорьевой Екатерины Елисеевны. Она рассказала нам 3 волшебные сказки на традиционные сюжеты: «Мачеха и падчерица», «Безручка» и «33 лебедя»³.

Эту запись можно назвать уникальной, так как происходит исчезновение сказки как жанра (если брать во внимание территорию Южной Карелии). Современные бабушки уже не рассказывают детям сказки, они читают или пересказывают русские народные сказки.

Обратимся еще к одному из древнейших жанров – заговорам, с помощью которых карелы лечили болезни, спасали от несчастий и неудач. Их произносили, отправляясь на охоту, рыбную ловлю, приступая к обработке поля, готовясь к выпасу скота. Надо отметить, что записать заговоры сложно, люди, знающие и

---

¹ Фон. 3462/8; 3469/34; 3466/2. (Первая цифра обозначает номер кассеты в фонограммархиве ИЯЛИ, вторая — порядковый номер записи).

² Фон. 3469/6; 3471/3.

³ Фон. 3468/56, 57; 3469/21.

пользующиеся ими, стараются обойти эту тему. Объяснить это можно тем, что знахари, колдуны (*tiedoiniekat, koldunat*) не хотят потерять свою силу, знания, иногда просто боятся говорить. Заговоры на охоту, рыбную ловлю уже не бытуют, тогда как лечебные заговоры сохранились. Удастся записать заговор от ночной плачеи (*üönitkettäjästä*), от грыжи и др.⁴

В современной деревне до сих пор есть знахари, народ верит в силу и знания этих людей, порой доверяя им больше, чем медицине. К сожалению, карельские заговоры мало изучены, это интересный материал для исследований.

Малые эпические жанры – пословицы, загадки – представлены слабо, на территории Южной Карелии эти жанры сохранились хуже, чем на Севере. Информанты вспоминают загадки с трудом, активно они не бытуют. То же самое можно сказать о бытовании пословиц и поговорок. В разговорной речи они встречаются довольно редко.

Лирические жанры – лирические песни, частушки и, наконец, похоронные плачи – сохранились лучше.

Лирические песни, или *pitküräjo*, как их называют карелы, получили свою вторую жизнь благодаря народным хорам, фольклорным группам. Наши бабушки еще помнят песни своей молодости: «Меня мать растила» («*Kazvatti tuomo minuun*») – о тоске молодой женщины, выданной на чужбину⁵; «*Korgiel pellol joven gannal kazvoi kolme čomuo saduo*» («Три садочка»), как мать провожала сына в армию⁶; «*Ruskei neičüt, valgei neičüt*» («Ой, девица-белолица»)⁷, иногда поют русские лирические песни. Русская песня использовалась и в качестве игровой, под нее исполнялись танцы лансье, кадрили. Карелы знают и поют авторские песни, например песни И. Левкина, или русские песни, но переведенные на карельский язык, например, «*Ajettih čiganaizet*» («Ехали цыгане»)⁸.

---

⁴ Фон. 3465/62, 63, 64, 66.

⁵ Фон. 3462/3; 3469/33 и др.

⁶ Фон. 3462/6; 3469/5 и др.

⁷ Фон. 3462/7; 3471/4 и др.

⁸ Фон. 3471/13 и др.

Очень многие информанты с удовольствием исполняют частушки как на карельском, так и на русском языках. Этот жанр хорошо сохранился в деревне, пожилые женщины поют их на семейных и деревенских праздниках⁹.

Причитания относятся к обрядовой лирике, можно выделить похоронные, свадебные и бытовые.

В наши дни свадебный обряд полностью утратил свое существование, от информантов можно записать лишь какие-то элементы старинной свадьбы и отрывки (несколько строк) свадебных причитаний.

Лучше сохранились похоронный обряд и похоронные причитания, пожилые женщины причитывают на похоронах, на поминках. Правда, язык современных причитальщиц менее богат метафорическими заменами. Причитывать умеет уже не каждая женщина, как это было еще в начале прошлого века. Записи причитаний были сделаны у южных карел в Ведлозере и Эссойле. Сегодня причитальщицу можно еще встретить почти в каждой карельской деревне, но причитывают они не так искусно, как это было в первой половине XX века.

В последнее время фольклористы обратились к так называемой закрытой до определенного времени теме – к мифологической прозе.

Былички, которые повествуют о встречах с различными хозяевами окружающей природы (хозяйка воды, леса, хозяин калмы), рассказы о водяных, леших и т. п. довольно популярны среди карелов. В памяти информантов очень много таких рассказов, они с удовольствием рассказывают их собирателям, некоторые из информантов верят в существование духов-хозяев, другие лишь вспоминают, что они слышали в молодости, и считают эти рассказы «сказками»¹⁰.

Из несказочной прозы удается записать легенды, например, на сюжеты из Библии, предания, но такие записи можно считать единичными.

Среди других жанров мы записываем и те, которые принято называть детским фольклором: колыбельные песни и потешки.

В последнее время мы стараемся получить от своих информантов как можно больше материала. Не обходим вниманием и рассказы о традиционных сельских календарных праздниках, о Рождестве и связанных с этими праздниками гаданиями: как Sündü слушали, как девушки гадали, как ряженные ходили и т. д. Записываем о праздниках Пасха, Иванов день, Троица, Покров.

Рассказывая о том или ином празднике, информанты вспоминают и календарные песни: например, песня, исполняемая на Пасху «Virbotti-varbotti». Дети с веточками вербы ходили по домам и пели ее, желая всем здоровья и благополучия.

Анализируя собранный нами материал, приходится с сожалением констатировать, что почти все эпические жанры утратили свое существование, уступив место лирическим: песням, авторским песням и частушкам. Жива еще и сказочная проза, народ помнит старые календарные праздники. Из обрядов наиболее «живучим» оказался похоронный обряд. Перед собирателями стоит трудная задача: успеть за предельно короткое время собрать сохранившийся в народной памяти ценнейший материал, который поможет как в воссоздании карельского языка, так и карельской культуры.

Литература

Смирнов М. Голос карела: Путевые заметки и карельская поэзия. СПб., 1990.

Topelius S. Suomen kansan vanhoja runoja, ynna myös nykyisempiä lauluja (1822–1831).

**Карельский язык в деятельности
органов государственной власти
и крестьянского самоуправления
в XVIII – начале XX века**

Обеспечение использования карельского языка в богослужении стало к концу XVIII – началу XIX века одной из главных проблем, стоящих перед епархиальной администрацией (Пулькин М. В., 2001). Пристальное внимание к проблеме карельского языка проявилось и в деятельности губернских чиновников. Однако здесь процесс пошел иным путем: впервые вопрос о карельском языке как важной управленческой проблеме был поставлен лишь в первой трети XIX века. Вероятно, запоздалое внимание к языку местных жителей объясняется высокой степенью развития крестьянского самоуправления в Олонецкой губернии. Благодаря этому обстоятельству вмешательство уездной, а затем губернской и заводской администраций в повседневную жизнь крестьянской общины оставалось минимальным. Чиновник не нуждался в контактах с большинством крестьян. Напротив, он имел дело с небольшой частью общества: десятскими, сотскими, старостами, которые, как правило, владели русским языком. Губернская реформа Екатерины II привела к тому, что уездная администрация была максимально приближена к населению, круг выполняемых ею задач расширился.

В конечном итоге сутью политики в многонациональной империи стала русификация, централизация и унификация, «а также насильственное распространение православия» (Власть и реформы..., 1996, 172). Применительно к карелам эта закономерность проявилась в несколько измененном виде. С одной стороны, карелы считались старокрещеным народом, в культуре которого и без того присутствовали заметные славянские черты. С другой

стороны, в отношении карелов, не имеющих собственной письменности и национальных движений, центральная и местная власти действовали довольно решительно. Здесь нелишним будет заметить, что в XIX веке финские этнографы говорили о карелах как о «детях природы, менее цивилизованных, чем финны, сентиментальных и не способных к логическому мышлению. Почти то же говорили о карелах и русские» (Хейккинен К., 2001, 124). Но все же эффективное осуществление задач, связанных с унификацией, оставалось невозможным без минимальных познаний об особенностях населения, которое подлежало унификации.

Первый олонецкий губернатор и известный поэт Гаврила Романович Державин уже в начале своего пребывания в Карелии отметил характерные черты языка местного населения. Это были суждения, которые в дальнейшем неоднократно повторялись в документах разных ведомств и исторических периодов: «Язык лопский весьма недостаточен и, кроме общежитейских слов, для объяснения какого-либо термина потребны многие окольные доводы. ... Наречие пограничной лопи, кроме некоторых отличных названий, совершенно сходствует с наречием олончан» (Державин Г. Р., 1958, 180).

В дальнейшем, в начале XIX века, специфической чертой деятельности заводской и в особенности губернской администраций на территории Карелии на некоторое время стало практически полное отсутствие сведений о языках подведомственных народов и даже более того – интереса к этническому составу населения губернии. Впервые это проявилось в ответе олонецкого губернатора Х. Х. Повало-Швейковскому на запрос Академии наук «касательно числа инородцев». В 1840 году губернатор представил ответ, из которого следовало, что «в Олонецкой губернии инородцев и инородческих селений не имеется». Академику П. И. Кеппену пришлось вновь направить запрос с просьбой собрать сведения о карелах, «чуди» и других народах. Организованная по распоряжению губернатора перепись сильно затяну-

лась, поскольку «невежественные чиновники на местах не могли понять, что от них требуется» (Пашков А. М., 1999, 74)¹.

В 1848 году губернской администрации вновь пришлось заняться этнографией. Однако на этот раз запрос исходил от начальства, и местной власти пришлось отнестись к нему с максимальной ответственностью. Министр Внутренних Дел потребовал от олонецкого губернатора подробные сведения о «числе обитающих в губернии карел и других инородцев». В свою очередь губернатор разослал соответствующие распоряжения земским исправникам. Последние продемонстрировали незаурядную эрудицию и служебное рвение. Так, олонецкий уездный исправник представил подробный «Список о числе душ обитающих в казенных селениях Олонецкого уезда корельского племени», в котором приводилась аргументированная и детальная классификация диалектов карельского языка и конкретные образцы карельской речи, характерные для каждого из селений Олонецкого уезда. Здесь же содержались сведения о численности карелов в каждом из селений Олонецкого уезда. Подводя итоги своим изысканиям, исправник писал: «Жители сии по свойству их наречия и образу жизни подразделяются на три рода или племени, а именно: собственно корелов, русско-корелов и финно-корелов или чудь. Первое племя жительствоует во всей южной части и середине уезда. ... Второе племя проживает в деревнях, населенных начиная с юго-запада до севера и проницает в середину уезда, занимая около третьей части оного. ... Третье племя их населяет северо- и юго-восточную наконечность уезда»².

В отличие от своего олонецкого коллеги вытегорский исправник представил гораздо менее подробные сведения о быте подведомственных ему крестьян-карелов. С одной стороны, это объяснялось крайней немногочисленностью карелов. Как говорилось в документе, «в Вытегорском уезде карелы находятся из государ-

---

¹ См. также: Дело по отношению Петербургской Академии наук о доставлении сведений касательно нерусских жителей губернии // Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК). Ф. 1. Оп. 36. Д. 67/26. Л. 1–101, об.

² Сведения уездных исправников о жизни и быте карел // НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8/4. Л. 67–79.

ственных крестьян в одном токмо Васюковском сельском обществе при Куштозерском погосте в 10 деревнях». С другой стороны, причиной этого стал метод сбора сведений, к которому прибегнул чиновник. Он опрашивал самих карелов, намереваясь узнать у них «предания о старинном их быте и происхождении». Но, как докладывал исправник, карелы «и сами не постигают, отчего они говорят по-корельски, а полагают причиною то, что прадеды их сроднились с корелями Лодейнопольского уезда, постепенно приобыкли к корельскому языку, что удостоверяется и в настоящее время имеющимся у их с корелями Лодейнопольского уезда родством».

В то же время исправник отмечал значительное распространение двуязычия в карельской среде: «...оне и по-русски знают говорить очень хорошо, и даже большею частью лучше, чем по-корельски, и детей своих обучают грамоте по-русски наравне с другими крестьянами. ...Никаких песен по-корельски не поют. ...Никаких письменных памятников корельского языка нет. ...Для составления корельской азбуки никаких попыток не было... Грамотные корелы на своем языке писать не умеют, а пишут по-русски... Корелы здешнего уезда никаких особенных надежд или ожиданий не имеют»³.

Итак, карельский язык относительно поздно стал предметом забот губернской и заводской администраций в Карелии. Причину этого достаточно ясно обозначили сами губернские чиновники: «во всякой вотчине и деревне, конечно, есть хотя один знающий русский язык, которые обыкновенно и занимают упоминаемые должности»⁴. Поскольку речь в документе шла о должностях старост, становится понятным, что заводские и губернские администраторы не испытывали особых проблем в общении с населением карельских деревень. Они повсеместно находили переводчиков и помощников в решении разнообразных управленческих проблем и организации заводских работ. Учитывая, что должность старосты была престижной и, при некоторой ловкости, доходной, можно сказать, что изучение русского языка открывало

---

³ Там же. Л. 53–55.

⁴ НА РК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 78/906. Л. 26, об.

перед крестьянами заманчивые перспективы. По сути дела, это был некий прообраз этнобюрократии, с выгодой для себя использующей свое посредническое положение между заводской администрацией и крестьянами-карелами.

Однако все же возникали и такие ситуации, когда следовало обращаться не к «верхушке» крестьянского самоуправления, а непосредственно к крестьянам – участникам и очевидцам тех или иных событий. В этих случаях языковой барьер становился весьма заметным: в 1844 году правление Олонецких заводов сообщало Олонецкой духовной консистории: «незнание поселянами даже около самого Петрозаводска русского языка производит в судах и следствиях для самых поселян затруднения, а для следователей препятствия открывать истину»⁵. Местная власть занялась поиском выхода из создавшегося положения.

Идея о том, что при некоторых, не слишком значительных усилиях вполне возможно совершенно искоренить карельский язык, как говорится, витала в воздухе. Существование ее в массовом сознании наиболее отчетливо проявилось в исторических преданиях о Петре Великом. Так, священники Ладвинского погоста доносили в середине XIX века епископу: «издревле говорили в сем погосте крестьяна по-корельски, но со времени императора Петра I по Высочайшему его повелению начали употреблять русский язык, и постепенно корельский вовсе уменьшился, и с того времени начали обучаться грамоте»⁶. Как видно из приведенного текста, решающую роль должно было сыграть высшее начальство. И оно немедленно приступило к действию.

Олонецкий, архангельский и вологодский генерал-губернатор считал вполне возможным «постепенное выведение из обращения карельского языка». Разумеется, столь радикальная мера требовала времени, средств и значительных усилий. Однако высокопоставленный чиновник не сомневался в успехе. Как говорилось в цитируемом документе, «по мнению его, генерал-губернатора, надобно бы-

---

⁵ Там же. Л. 24, об.

⁶ Исторические сведения о приходах Петрозаводского уезда // Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 450 (Барсов Е. В.). Оп. 1. Д. 696. Л. 23.

ло бы вменить в обязанность Олонецкому губернскому начальству, а наипаче управлению Олонецких горных заводов, в ведомстве коего состоят казенные крестьяне целого Петрозаводского уезда, стараться о распространении русского языка и чтобы карельский, как не книжный и ни к чему не нужный, мало-помалу ослаблялся⁷. Для успешного осуществления плана был намечен ряд мер.

Во-первых, предусматривалось полное исключение карельского языка из делопроизводства. Настойчивость, с которой это решение повторялось в документе, свидетельствует о том, что крестьяне пытались использовать карельский язык при общении с представителями власти. Как говорилось в документах губернского правления, «земским судам предписано было, дабы они вменили в обязанность волостным начальникам и в каждом селении старшинам, чтобы никому не объясняться по делам службы на корельском языке, убеждая поселян собственною их пользою»⁸.

Во-вторых, планировалось развернуть, говоря современным языком, разъяснительную работу. Губернские чиновники получили указание «внушать» карелам «о пользе от того самим поселянам и поощрять их к познанию русского наречия». Аналогичное предписание получил представитель крестьянского самоуправления – вотчинный голова. Он должен был «при всяком случае внушать хозяевам дворов о пользе русского языка», а также советовать им «ввести употребление одного в семьи свои» и, наконец, «посылать детей своих в приходские училища» и посещать церковь, «где, кроме христианского учения, привыкать могут и к наречию русскому»⁹.

При этом, однако, запрещалось применять принуждение. Губернское правление, зная местные нравы, подчеркивало: «предоставить же сельским начальникам какую-либо особенную власть по сему предмету неминуемо подаст повод к притеснениям, тем более опасным, что происходить будут в отдаленных и малонаселенных местах и над людьми, которые, по незнанию русского языка, не столь удобно могут жалобы свои приносить

---

⁷ НА РК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 78/906. Л. 25.

⁸ Там же. Л. 28.

⁹ Там же. Л. 27.

начальству»¹⁰. Заметим, что это опасение подтверждается данными конца XIX века. В этот период, как, вероятно, и прежде, «по причине безграмотности своей и бедности» карелы становились «безгласными жертвами ими же избранных лиц» (Ефименко А. Я., 1878, 154). В некоторых случаях местные власти были вынуждены составлять документы, регламентирующие деятельность крестьянского самоуправления, как по-русски, так и по-карельски. Так, составленные в 1871 году наказания сотским и десятским, в которых разъяснялось «значение обязанностей, способы их выполнения и та ответственность, которой они будут подвергаться за бездействие по службе», были переведены на карельский язык¹¹.

В-третьих, намеченный план подкреплялся серьезной аналитической работой, направленной на обобщение опыта, приобретенного за десятилетия более или менее успешного управления приписными крестьянами. Заводская администрация потребовала от волостных правлений сведения о том, в каких именно волостях крестьяне используют только карельский язык, совершенно не зная русского, «в каких при употреблении карельского языка знают и говорят по-русски, и в каких вовсе нет кареляков»¹².

Оказалось, что двуязычие уже широко распространилось в карельской среде. Из собранных сведений «открылось», что в пяти волостях Остреченской вотчины¹³, кроме деревни Машозера, «крестьяне говорят по-русски и карельского языка вовсе не знают, а в Машозере хотя и говорят по-русски, но знают карельский язык». В пяти волостях Рыборецкой вотчины «крестьяне говорят по-карельски и знают хорошо по-русски, а в шестой волости Щелейской по-карельски вовсе не знают». Несколько иная ситуация сложилась в Шуйской, Салменижской, Толвуйской и Петропавловской вотчинах. Используя выражения источника, можно отметить, что положение было следующим: «крестьяне говорят

---

¹⁰ Там же. Л. 28, об.

¹¹ НА РК. Ф. 122. Оп. 1. Д. 12/590. Л. 1.

¹² Там же. Ф. 25. Оп. 20. Д. 78/906. Л. 25, об.

¹³ Вотчинами в этот период назывались территории, находящиеся в заводском ведомстве.

по-карельски и малою частию знают по-русски». Исключениями здесь стали те немногие деревни, жители которых вовсе не знали карельского или русского языка¹⁴.

Основные надежды губернская и заводская администрации возлагали на приходские училища. Развернувшаяся по этому поводу переписка между Министерствами Финансов, Народного Просвещения и Внутренних Дел показала, что необходимые для этого средства в казне не найти. Поэтому Департамент Горных и Соляных Дел предписал начальнику Олонецких заводов «стараться уговорить крестьян учредить несколько приходских училищ и со стороны завода оказать им в сем случае пособие»¹⁵. Однако необходимые средства отсутствовали не только в казне Российской империи, но и в крестьянских кошельках. Крестьяне-карелы «отзывались, что на устройство и содержание таковых училищ, по недостаточному их положению, не имеют состояния; в семействах же своих вводить русский язык и обучать оному детей обязуются»¹⁶. Так завершилась первая попытка местной власти навсегда искоренить карельский язык.

В дальнейшем местная власть в лице губернатора смотрела на проблему языкового барьера более реалистично. Утопическое решение о полном искоренении карельского языка на некоторое время исчезло со страниц документов. Более того, влиятельный «Журнал Министерства Внутренних Дел», значительную часть читателей которого составляли чиновники, подчеркивал особое значение карельского народа: «Из истории Олонецкого края видно, что русские не могут считаться коренными обывателями его: большая их часть была вызвана из разных губерний Петром Великим и приписана к Кончезерскому заводу» (Статистические заметки..., 1859, 28–29).

Однако даже после столь решительных выводов практические потребности управления все же вынуждали вспоминать о карельском языке прежде всего как о существенном препятствии на пути решения насущных административных проблем. В 1857 году

---

¹⁴ НА РК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 78/906. Л. 26, об.

¹⁵ Там же. Л. 31, об.

¹⁶ Там же. Л. 32.

начальник губернии обратился к Министру Внутренних Дел с ходатайством об «учреждении в уездах переводчиков карельского языка». В качестве аргумента в документе указывалось на трудности, возникающие в повседневной деятельности органов власти: «производство следствий» в ряде уездов Олонецкой губернии было признано «весьма затруднительным». Причину этого губернатор видел в следующем: «чиновники, производящие следствие, не зная карельского языка, для допроса обвиняемых... должны обращаться к тем же местным жителям».

Но это существенно осложняет дело. Из местных крестьян «многие, или будучи сами участниками в преступлениях, или желая скрыть истину из боязни преследования... переводят показания при следствии по произволу или даже от недоразумения пропускают некоторые важные слова». Поэтому «при следствиях не только трудно добраться до истины, но часто показания бывают противны существу дела и легко могут быть опровергнуты при передопросах в суде». Для того чтобы избежать подобного рода казусов, чиновники нередко обращались за помощью к местным священникам. Однако это не всегда удобно: «хотя при некоторых следствиях переводчиками бывают священники и церковнослужители, на кого можно бы положиться, но требовать их постоянно к сему невозможно»¹⁷.

Губернатор планировал широкую программу приобщения чиновников к карельскому языку. Во-первых, он ходатайствовал о немедленном «дозволении иметь по одному переводчику карельского языка в каждом уезде» с финансированием «из земских сумм». Во-вторых, предполагалось «ввести преподавание карельского языка в состоящем при Олонецкой гимназии пансионе для детей канцелярских служителей, обявав их по окончании курса служить известное время в Олонецкой губернии»¹⁸. Из имеющихся материалов неясно, какие последствия имела эта попытка. Однако очевидно, что в своем стремлении вывести карельский язык из обращения власть явно потерпела фиаско. Отныне не борьба против карельского языка, а стремление адаптировать административный аппарат к реальной

---

¹⁷ Там же. Ф. 1. Оп. 24. Д. 6/13. Л. 5, об., 6, об.

¹⁸ Там же. Л. 1-1, об.

этнической ситуации стало определяющим фактором в деятельности местной власти в Карелии.

Оживление интереса к национальным проблемам вообще и к карельскому языку в частности относится к концу XIX – первым годам XX века. Однако теперь местная власть действовала в принципиально изменившейся ситуации. С одной стороны, национальное пробуждение в Финляндии существенным образом повлияло на рост самосознания карелов, которому в значительной степени способствовала деятельность расположенных в Суоми националистических организаций. В своих основных чертах ситуация развивалась в соответствии с общими закономерностями эволюции межэтнических конфликтов. Во-первых, отчетливо проявилась враждебность российской администрации к источнику угрозы, который видели в «Союзе Беломорских карел» и в целом в зарубежном влиянии. В частности, олонекский губернатор требовал запретить въезд в Россию лицам, подозреваемым в намерении вести панфинскую пропаганду среди карелов (Витухновская М. А., 1998, 247–248).

Во-вторых, усилилась внутригрупповая солидарность и осознание внутригрупповой идентичности, в качестве главных факторов при этом рассматривались православие и длительный исторический опыт сосуществования русских и карелов. В-третьих, произошло заметное усиление этноцентризма¹⁹. Особенно отчетливо это проявилось в трудах публицистов начала XX века. Так, А. П. Липранди писал в 1910 году: «Ничего особого финляндские финны, конечно, собою не представляют: это одно (или несколько) из тех многочисленных финских племен, которые рассеяны по всей России, ему (или им) естественно и разделять общую судьбу всех этих племен – жить русской, государственной жизнью, ибо своей государственной жизни у них не было никогда,

---

¹⁹ См. об этом подробнее: *Солдатова Г. У.* Психология межэтнической напряженности. М., 1998. С. 153. (Этноцентризм – свойство этнического самосознания воспринимать и оценивать жизненные явления сквозь призму традиций и ценностей собственной этнической группы, выступающей в качестве некоего всеобщего эталона или оптимума).

нет, быть не может и, конечно, никогда не будет» (Липранди А. П., 1910, 66).

Для идеологической поддержки ассимиляции создавались произведения, в которых подчеркивалось преобладание русского элемента в карельской культуре. Автор книги с красноречивым названием «Голос карела» Мирон Смирнов писал: «У карел ничего своего нет – ни преданий, ни песен; у них все русское. Кто мало-мальски имеет способность и развитие, тот уже старается говорить по-русски и учиться русской грамоте» (Смирнов М., 1890, 7). Он предлагал отказаться от всех попыток «вводить между корелами грамотность на туземном карельском наречии» и перейти к использованию только русского языка во всех сферах жизни.

Всех карелов он предложил разделить на «три категории экономического развития». Во-первых, часть карелов входила в «торгово-промышленную» категорию, большинство представителей которой «настолько в состоянии говорить по-русски, насколько это необходимо, и многие знают также русскую грамоту». Во-вторых, это «самобеднейшая» часть карельского населения, которая «отводит своих детей с малолетства в русские губернии, где знакомятся с русским языком сами собою». Третью часть составляют карелы, занимающиеся и хлебопашеством, и домашними промыслами, «но и те кое-как умеют читать по-русски (изустно) краткие молитвы; между ними не найдется не только парня, но даже девушки, которые бы не спели полдюжины русских песен, – конечно же, с искажением русских слов» (Смирнов М., 1890, 89–90). Таким образом, сформировалась парадоксальная ситуация: на фоне ассимиляции значение карельской культуры для политической жизни возрастало в связи с развитием панфинской пропаганды. Выход из создавшегося положения губернские власти видели в дальнейшем усилении русского влияния.

В документах, вышедших из-под пера местных чиновников, последняя закономерность проявилась с предельной отчетливостью. Так, земский начальник IV участка Повенецкого уезда составил собственное представление о происхождении карелов и их языка и не замедлил доложить губернатору о результатах своих наблюдений. «Тип так называемого корела, – писал чиновник, – образ его

жизни, православное вероисповедание, относительная набожность, заставляют крепко задуматься о том, действительно ли он принадлежит в полном смысле слова к финскому племени?»

Далее следовало более чем оригинальное суждение: «позвоительно думать, что современные карелы такие же потомки новгородских ушкуйников, какие заселяют северную полосу России. ... Только благодаря исключительному положению, близости Финляндии, отсутствию населения, говорящего по-русски, силою вещей приняли язык местных аборигенов и стали известны под именем корел»²⁰. В подтверждение своих слов земский начальник привел своеобразный аргумент. Он указывал, что в отличие от финнов карелы, во-первых, «скоро научаются русскому языку и произносят таковой без всякого акцента, неизбежного у чистокровного финна». Во-вторых, «корельское население, бедное своим языком и введшее в свою речь много русских и финских слов, как оказывается, трудно или даже почти не понимает финский язык центральной Финляндии и побережья Финского залива»²¹.

Для того чтобы карельское население поскорее приобщилось к русской культуре и не могло в дальнейшем «причинить много хлопот нашему Правительству», чиновник предлагал следующую меру: «настоятельно необходимо приступить к переселению русского православного населения на казенные земли, расположившиеся вдоль той же финляндской границы, вперемешку с карельскими деревнями... Можно ожидать, что оба эти населения войдут между собою в родство путем взаимной выдачи дочерей в замужество»²². Таким образом, используя современную терминологию, ускорятся ассимиляционные процессы и «тяготение корел к Финляндии» прекратится.

Надо отдать должное олонецкому губернатору. Он отличался более высоким уровнем образования и смотрел на происхождение и будущность карелов более рационально. Но все же предла-

---

²⁰ Земский начальник IV участка Повенецкого уезда Его Превосходительству Господину Олонецкому губернатору // НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 105/61. Л. 50, об., 51.

²¹ Там же. Л. 51.

²² Там же. Л. 56, об., 57.

гаемые им меры имели некоторые черты сходства с прожектами земского начальника из Повенецкого уезда. В 1908 году олонецкий губернатор Н. В. Протасьев составил докладную записку на имя председателя Совета министров П. А. Столыпина. В документе предлагались решительные меры, направленные на то, чтобы «не только положить предел попыткам финнов, пока культурно, а затем и политически, завоевать русское достояние, но и перенести влияние русской православной государственности за восточный рубеж Финляндии»²³.

Столь решительная постановка вопроса предполагала широкий комплекс мероприятий. К их числу относились, во-первых, меры административного характера – увеличение числа становых приставов в Повенецком и Петрозаводском уездах и «изменение границ участков земских начальников». Во-вторых, олонецкий губернатор предполагал меры образовательного и церковного характера: открытие учительских семинарий и «министерских народных училищ повышенного типа с преподаванием ремесла», в которых карелы могли обучаться не только ремеслам, но и русскому языку. Система образования, таким образом, вновь рассматривалась как фактор, способствующий ускорению ассимиляционных процессов. В-третьих, важная роль отводилась церкви, в особенности духовенству тех приходов, в которых карелы составляли значительную часть населения. Планировалось повысить жалованье тем церковникам, которые используют карельский язык в профессиональной деятельности. В-четвертых, предполагалось «заселение Олонецкой границы выходцами из коренных русских православных губерний», т. е., говоря современным языком, ускорение процессов культурной ассимиляции. Кроме того, губернатор планировал провести в Карелию железнодорожную магистраль, «соединенную с сетью русских железных дорог», и «организовать агрономическую подготовку как

---

²³ Докладная записка олонецкого губернатора тайного советника Протасьева его высокопревосходительству господину председателю Совета министров статс-секретарю гофмейстеру П. А. Столыпину // НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 105/61. Л. 2.

местного населения, так и будущих переселенцев»²⁴. Позднее, в 1914 году, была разработана аналогичная программа с целью «еще теснее привязать Финляндию к России». В финской литературе она получила название «большая программа русификации»: «ее долговременная цель сводилась к упрочению экономических и культурных связей России и Финляндии в такой мере, чтобы снять взаимные расхождения народов» (Расила В., 1996, 134).

Наиболее заметным образом это стремление проявилось в деятельности генерал-губернатора Н. И. Бобрíkова, который, изучив финское законодательство, пришел к выводу о том, что «ни в политическом положении Финляндии, ни в действующих ее постановлениях не имеется ни малейшего препятствия к введению русского языка в местное делопроизводство». Введение русского языка он связывал с сохранением «государственного единства Империи и необходимостью внедрения в инородческие массы русской государственности» (Бородкин М., 1905, 122). Но и здесь, как в Карелии, подчеркивалась недопустимость принудительных мер. Н. И. Бобрíkов писал: «Но в то же время принудительно навязывать русский язык финскому населению вне государственных функций и официальных отношений нет ни малейшей надобности, так как национальная, этнографическая и культурная самобытность финнов всегда признавалась и признается» (Бородкин М., 1905, 123).

Итак, всемерное распространение русского языка не ограничивалось пределами Карелии. Повсеместно органы власти всех уровней стремились к унификации официального делопроизводства на основе русского языка. В 1907 году к решению языковых проблем подключилось олонеккое губернское земство. Оно объявило, что «твердо решило бороться с панфинской пропагандой всеми силами и всеми средствами, достойными культурных людей и обязательными для верных сынов своей родины»²⁵. В качестве первоочередных мер земство рассматривало «организацию

---

²⁴ Там же. Л. 2, об.

²⁵ Доклад Комиссии по разработке вопроса о проведении в край железной дороги в чрезвычайное Олонеккое губернское земское собрание // НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 105/61. Л. 18.

бесед с крестьянами на карельском языке», открытие новых школ и приходов. Но все эти решения само земство считало недостаточными: «земство увидело, что оно почти ничего не сделало... ибо с хорошо вооруженным врагом можно бороться только хорошим оружием, а безоружному бороться нельзя». Отныне ставка делалась на ассимиляцию карелов. Об этом говорилось с предельной откровенностью: «коренные русские люди образуют свои поселения на границе с Финляндией и среди карел... Они принесут в Карелию свое русское влияние и лучшие способы обработки земли, разделят карельское население, вольются в него и скорее ассимилируют его»²⁶. Для того чтобы переезд русского населения стал массовым и успешным, земство предполагало построить железную дорогу от Петрозаводска до приграничных с Финляндией мест Северной Карелии.

К началу XX века ситуация стала противоположной: попытки искоренить карельский язык ушли в прошлое. Проект строительства железной дороги остался на бумаге, массовое переселение русских в Карелию не состоялось. Но самое главное, собрания карелов предъявляли чиновникам требование изучить карельский язык и использовать его в профессиональной деятельности. Так, 21 декабря 1905 года около 300 человек, собравшихся в Ухте на митинг по поводу предстоящих выборов в Государственную Думу, потребовали, в частности, чтобы «местные чиновники по крестьянским делам, для которых желательно знание национального языка», избирались местными «обществами» (Дубровская Е. Ю., 1991, 62).

Таким образом, на протяжении XVIII – начала XX века судьба карельского языка оставалась предметом пристального внимания местной власти в Олонецкой губернии. Интерес к лингвистическим особенностям местного населения не был праздным любопытством: он обуславливался практическими потребностями, связанными с решением административных задач. В начале XIX века деятелям местной власти удалось сформировать устойчивые представления о карельском языке, отчасти о культуре и специфических чертах менталитета карелов. Собранные сведения позволили предположить, что «упразднение» карельского языка

---

²⁶ Там же. Л. 20, об.

станет несложной задачей. Но это решение осталось на бумаге. С одной стороны, ресурсы государства не соответствовали масштабам амбиций. С другой стороны, карельский язык продемонстрировал неплохую жизнеспособность. В дальнейшем, во второй половине XIX – начале XX века полное уничтожение карельского языка рассматривалось как отдаленная перспектива, а на тот момент главной задачей стало использование «наречий» жителей Олонецкой губернии для решения административных, церковно-просветительских и образовательных задач.

Литература

Бородкин М. Из новейшей истории Финляндии. Время управления Н. И. Бобрикова. СПб., 1905.

Витухновская М. А. Карелы и Карелия как «яблоко раздора». Русская власть и русская церковь против карельского национализма // Россия и Финляндия в XVIII–XX вв. Специфика границы. СПб., 1998. С. 239–253.

Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996.

Державин Г. Р. Поденная записка, учиненная во время обозрения губернии правителем Олонецкого наместничества Державиным // Пименов В. В., Эпштейн Е. М. Русские исследователи Карелии (XVIII в.). Петрозаводск, 1958. С. 157–191.

Дубровская Е. Ю. Противоборство панфиннизма и русского великодержавия в Карелии (по материалам источников конца XIX – начала XX века // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1991. С. 55–64.

Ефименко А. Я. Юридические обычаи Лопарей, Корелов и Самоедов Архангельской губернии // Записки Императорского Русского географического общества. СПб., 1878. Т. 8. С. 1–232.

Липранди А. П. Россия и ее финляндская окраина. Харьков, 1910.

Пашков А. М. Изучение вепсов в первой половине XIX века // Вепсы: история, культура и межэтнические контакты. Петрозаводск, 1999. С. 72–79.

Пулькин М. В. Православное духовенство и прихожане-карелы: поиски взаимопонимания (XVIII – начало XX в.) // «Свое» и «чужое» в культуре. Петрозаводск, 2001. Вып. 2. С. 128–140.

Расила В. История Финляндии. Петрозаводск, 1996.

Смирнов М. Голос корела. Путевые заметки и корельская поэзия. СПб., 1890.

Статистические заметки о Петрозаводском уезде // Журнал Министерства Внутренних Дел. СПб., 1859. Ч. 37. С 6–55.

Хейккинен К. Как этнографическая активность творит «своих» и «чужих» // «Свое» и «чужое» в культуре. Петрозаводск, 2001. Вып. 2. С. 122–127.

Этническая идентичность и этнические стереотипы молодых карелов в пространстве межэтнического взаимодействия

Одна из наиболее важных психологических задач для молодого человека – поиск идентичности, личностной и социальной. От того, насколько четко молодой человек может ответить на вопросы: «Кто я?», «Какой я?», зависит его психологическое здоровье, личностная зрелость и межличностная успешность.

Человек формирует ценности и мировосприятие, ориентируясь на различные социальные общности (от семьи до всех людей на планете). Большое значение играет и этническая принадлежность человека, и его отношение к собственной этничности.

Этническая идентичность – представление человека о себе как о члене определенной этнической группы наряду с эмоциональным и ценностным значением, приписываемым этому членству (Лебедева Н. М., 1999, 20).

В структуре этнической идентичности традиционно выделяют два компонента (Стефаненко Т. Г., 1999, 211):

- 1) когнитивный – представления о своей и чужих этнических группах, осознание себя членом своей этнической группы;
- 2) аффективный – эмоциональная окраска принадлежности к группе, оценка ее качеств.

Также в качестве существенных признаков этнической идентичности признаются солидарность и конфронтационность.

Везде, где наблюдается объединение, солидаризация людей, можно наблюдать и противопоставление. Поэтому рост этнической идентичности зачастую связан с ростом этнической нетерпимости (интолерантности) (Солдатова Г. У., 1998, 40–63).

Считается, что зачатки этнической идентичности формируются в детстве, но только начиная с подросткового возраста возможно ее полное формирование.

Также время формирования и степень выраженности этнической идентичности зависят от того, в какой среде социализируется человек: в моно- или полиэтнической.

В полиэтнической среде больше возможностей для межэтнического общения, сравнения, и, следовательно, этническая идентичность формируется раньше.

Кроме этого, формирование этнической идентичности зависит от того, к какой группе – этнического большинства или меньшинства – принадлежит человек. Известно, что дети – представители групп меньшинства – раньше приобретают знания о своей группе и группе большинства.

Также дети из групп этнических меньшинств довольно рано сталкиваются со знаниями относительно существования различных социальных статусов групп. Представители низкостатусных групп этнических меньшинств могут проявлять предпочтение чужой, высокостатусной группе большинства (Левкович В. П., Панкова Н. Г., 1973).

Необходимо отметить влияние на формирование этнической идентичности социальных, государственных и идеологических изменений.

Во всем мире в последнее время наблюдаются различные формы проявления все возрастающего интереса людей к своим этническим корням.

Развитие средств массовой коммуникации, увеличение межнациональных связей на уровне стран и отдельных людей приводит к постепенному сглаживанию этнической самобытности народов.

Такого рода процессы на социально-психологическом уровне ставят под угрозу целостность и защищенность социальных групп, что, в свою очередь, вызывает противоположные интеграции процессы – дифференциации и подчеркивания различий.

На территории бывшего СССР данные процессы проявляются ярче вследствие 70-летней политики советского государства, направленной на нивелирование этнических различий и формирование единого «советского народа».

В 2000–2001 годах нами было проведено исследование этнической идентичности карелов в пространстве межэтнического взаимодействия.

Карелы – малочисленный народ, проживающий в России на территории Республики Карелия, в Мурманской, Ленинградской, Тверской областях.

В советский период в связи с политическими и экономическими условиями (укрупнение, ликвидация «неперспективных» деревень, ослабление традиционных промыслов, массовые миграции и пр.) резко увеличились темпы языковой и этнической ассимиляции карелов в России. Это постепенно привело к тому, что карелы, несмотря на титульность нации, стали представлять в Республике Карелия, особенно в городах, этническое меньшинство.

Это, естественно, проявилось и в этническом сознании карелов. Многие карелы стали равнодушно относиться к своей этнической принадлежности, стеснялись говорить на родном языке (Клементьев Е. И., 1991, 55).

В последние десятилетия ситуация изменилась. В республике проводится активная деятельность, направленная на сохранение и возрождение карельского языка и культуры.

Возможность сохранения и развития этнической культуры зависит в первую очередь от того, что думают о своей этнической принадлежности молодые представители этноса.

Этническая идентичность является продуктом межэтнического взаимодействия, поэтому в выборку были включены ближайшие «этнические соседи» карелов – русские и финны.

Выборка составила 80 человек в возрасте 17–25 лет: 27 карелов, 37 русских и 16 финнов, проживающих в городах и деревнях Республики Карелия.

Нас интересовали следующие вопросы:

степень выраженности этнической идентичности у молодых представителей карельского этноса по сравнению с финнами и русскими;

содержание этнических авто- и гетеростереотипов карелов, финнов и русских (когнитивный компонент этнической идентичности);

эмоциональная окраска качеств, приписываемых своей и чужим этническим группам (аффективный компонент этнической идентичности).

Этнический стереотип – упрощенное и обобщенное представление об этнической группе, причем автостереотип – это то, «что мы думаем о себе», а гетеростереотип – то, «что другие думают о нас».

В нашем исследовании для реализации цели изучения этнической идентичности карелов использовались методика самоописания Куна – Макпартленда (фиксировалось наличие в самоописании категории этнической идентификации), методика изучения социальной идентичности, разработанная профессором Куницыной В. Н. (Куницына В. Н., 2001), а также вариант метода свободного описания (для изучения когнитивного и аффективного компонентов этнических стереотипов) (Стефаненко Т. Г., 1993).

Анализируя полученные данные, можно сделать следующие выводы.

Наибольшая степень выраженности этнической идентичности наблюдается у молодых карелов. Это, возможно, связано с тем, что карелы представляют этническое меньшинство (особенно в городах), являясь в Республике Карелия титульной нацией.

Было выявлено содержание этнических авто- и гетеростереотипов молодых карелов, русских и финнов, проживающих в Карелии.

Автостереотипы всех исследуемых групп обладают позитивной эмоциональной окраской (своей этнической группе приписывается больше положительных характеристик, чем отрицательных или нейтральных).

Так, карелы приписывают своей этнической группе следующие качества: гостеприимный (отметили 33% респондентов); добрый, доброжелательный (35%), трудолюбивый (22%), ленивый (15%) и веселый (12%). Также карелы считают себя общительными, умными, упрямыми и хитрыми.

Интересно, что в автостереотипе карела достаточно часто является эпитет «вредный», который больше не встречается ни в одном описании.

Финн в описании карелов: скупой (40% респондентов); медлительный (39%); умный (26%); трудолюбивый (25%) и хитрый (22%). Далее по частотности следуют такие качества, как толстый, богатый и расчетливый.

Русские, по мнению карелов, добрые и добродушные (50%), веселые (26%), гостеприимные и умные (по 22%), а также общительные (18%) и хитрые (14%).

Важно отметить, что в описаниях всех этнических групп, данных карелами, наблюдается лояльность (отсутствие предубежденности), большинство характеристик, приписываемых и русским, и финнам, и своей группе (карелам), окрашены позитивно. Данный факт может говорить о наличии у молодых карелов позитивной этнической идентичности, которая проявляется в сохранении собственной этнокультурной специфики и не содержит непримиримости к другим (близким в нашем случае) культурам.

Тем не менее существуют некоторые различия в описаниях, данных карелами. Портрет русского на 53% состоит из позитивных качеств, финна – на 39%, свой – на 44%. Мы наблюдаем в данном случае часто встречающуюся реакцию представителей этнического меньшинства – привлекательность группы этнического большинства. Но данный факт не мешает оценивать собственную группу тоже позитивно.

Также карелы воспринимают себя похожими и на русских (в большей степени), и на финнов (в меньшей степени), в отличие, например, от русских респондентов, которые воспринимают себя не похожими ни на карелов, ни на финнов.

Можно предположить, что карелы видят себя где-то «посередине» между финнами и русскими, но все же ближе к русским. Это объяснимо, вероятно, тем, что карелы сильно ассимилированы в русскую культуру, с одной стороны, но, с другой – родственны финнам (язык, традиции, территория).

Также возможно, это частично отражает существующее в обыденном сознании представление, что карел – это обрусевший финн.

Русские респонденты приписывают своей группе такие качества, как добрый (в 35% описаний), веселый (29%), щедрый (23%), умный, смекалистый (23%) и общительный (15%). Часто встречаются эпитеты «ленивый» (14%), «пьющий» (14%).

Описывая типичные черты финна, русские респонденты чаще всего называют слова «скупой», «жадный» (около 50%), а также «расчетливый» (15%). Далее по частотности следуют: медли-

тельный (23%), толстый (17%), трудолюбивый (13%) хитрый (13%) и пьющий (13%).

Карел описывается схожим образом: жадный (упоминается в 30% ответов русских респондентов), хитрый (29%), медлительный (25%), малообщительный (23%) и трудолюбивый (15%). Кроме этого, карела считают упрямым и любителем рыбы и рыбалки. Вообще, большинство русских респондентов столкнулось с трудностью в описании карелов, возможно, поэтому описали его по аналогии с финном.

Можно заметить, что автостереотип русских окрашен гораздо более позитивно, чем стереотипы финна и карела. В описании собственной группы преобладают позитивные характеристики (46%), тогда как в описании и карела и финна больше отрицательных качеств (по 36–38%). То есть можно наблюдать в данном случае небольшие проявления этноцентризма, позиции «Свои лучше, чем чужие». Считается, что одна из функций этноцентризма – защита, восстановление позитивной этнической идентичности (Лебедева Н. М., 1999, 21; Соснин В. А., 1997).

Можно предположить, что подобная ситуация вызвана активизацией защитного социально-психологического механизма в ситуации размывания позитивной этнической идентичности русских респондентов, на которую оказывают влияние, с одной стороны, возрождение культуры этнического меньшинства (карел), а с другой стороны, более высокий социальный статус финнов (из-за близости более развитой экономически Финляндии).

Молодые финны, проживающие в Карелии, демонстрируют наименьшую степень выраженности этнической идентичности по сравнению с группами карелов и русских. То есть их этническая принадлежность не является для них особо значимой. Вероятно, это объясняется сильной ассимиляцией молодых людей в русскую культуру. Несмотря на это, «своей» группе они приписывают больше положительных характеристик (51% всех качеств), чем русским и карелам.

Первые места в автостереотипе финна занимают эпитеты «трудолюбивый» и «законопослушный» (отметили по 30% респондентов), далее – «педантичный» и «пунктуальный» (по 25%). Также финны описывают себя как пьющих, жадных и расчетли-

вых (по 19%), дружелюбных и доброжелательных (13%). В ответах респондентов-финнов часто для описания собственной группы используются слова-синонимы с более позитивной окраской (не скупой, а экономный и пр.).

Большинство финнов отмечали, что затрудняются назвать типичные черты карела. Возможно, поэтому в их описаниях карела преобладают различные нейтральные характеристики (например, сельский, любит природу, рыбак, тихий, спокойный и пр.) Тем не менее чаще встречались следующие качества: трудолюбивый, хитрый (отметили 25% респондентов), приверженец традиций (25%), общительный (19%), упрямый, добрый и отзывчивый (по 13%).

Русским же финны приписывают такие черты, как гостеприимный, пьяница (в 31% ответов), веселый (25%), наглый (19%), ленивый, патриот, предприимчивый и изворотливый (по 12,5%).

Русские в описании финнов выглядят более привлекательно, чем карелы, которым приписывается в два раза меньше позитивных характеристик.

Наибольшая согласованность наблюдается в авто- и гетеростереотипах русского. Русские в восприятии и карелов, и финнов, и русских – гостеприимные, веселые, добрые, ленивые и пьяницы.

В содержании автостереотипов карелов и русских преобладают характеристики добросердечия, теплоты и открытости, что в целом свойственно группам с невысоким социальным статусом.

Таким образом, было выявлено, что в настоящее время этническая идентичность молодых карелов является положительной. Молодые карелы, участвовавшие в данном исследовании, в большинстве не только придают значение своей этнической принадлежности, но и относятся к своей этнической группе положительно («Я карел, и мне это нравится»). Также в карельской группе не наблюдается нетерпимости к группам окружения – русским и финнам.

Литература

Клементьев Е. И. Карелы. Этнографический очерк. Петрозаводск: Карелия, 1991.

Куницына В. Н. Межличностное общение. СПб.: Питер, 2001.

Лебедева Н. М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М.: Ключ-С, 1999.

Левкович В. П., Панкова Н. Г. Проблемы формирования этнического самосознания у детей в работах зарубежных авторов // Советская этнография. 1973. № 5. С. 123–131.

Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998.

Соснин В. А. Культура и межгрупповые процессы: этноцентризм, конфликты и тенденции национальной идентификации // Психологический журнал. 1997. Т. 18. № 1. С. 50–61.

Стефаненко Т. Г. Методы исследования этнических стереотипов // Стефаненко Т. Г., Шлягина Е. И., Еникополов С. Н. Методы этнопсихологического исследования. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993. С. 3–27.

Стефаненко Т. Г. Этнопсихология / Институт психологии РАН. М., 1999.

Этническая принадлежность в структуре социальной идентичности карелов

У человека существует базовая потребность быть включенным в социальную общность. Являясь членом определенной социальной группы, личность может чувствовать защищенность, самоуверждаться и самовыражаться.

Социальная идентичность – это представление человека о себе как о члене социальной группы, а также эмоциональное отношение к данному членству. Проблема социальной идентификации личности исследуется философами, социологами и психологами. В современной психологии можно выделить несколько основных линий изучения социальной идентичности (Антонова Н. В., 1996).

Во-первых, это работы, выполненные в рамках психоаналитического направления (З. Фрейд, Э. Эриксон, Дж. Марсиа). Идентификация с группой или общностью в психоаналитической традиции соотносилась с потребностью в любви и защите со стороны более сильного. В интеракционистской теории Г. Мида акцентировалось значение межличностного и межгруппового взаимодействия для формирования и развития социальной идентичности.

Одна из наиболее востребованных концепций в контексте изучения социальной идентичности – теория социальной идентичности Тэшфела – Тернера, созданная в рамках когнитивного подхода. Особое внимание Тэшфел уделял стадиям формирования социальной идентичности, которые, по его мнению, основаны на когнитивных процессах: 1) социальная категоризация – упорядочивание социального окружения в терминах группировки личностей определенным способом; 2) социальная идентификация – процесс, посредством которого человек помещает себя в ту или иную категорию; 3) формирование социальной идентичности – некоторого итога социального отождествления личности.

В современном обществе каждый человек включен в большое количество различных по масштабу и значимости социальных групп. Представления человека о себе как о члене социальных групп структурируются в процессе социализации, образуя некую иерархию. Одни группы в самопредставлении доминируют, другие находятся как бы на периферии.

Социальная идентичность определенным образом детерминирует поведение людей. Человек выбирает способ социального поведения в зависимости от того, принадлежность к какой социальной группе актуализирована в данный момент. А это, в свою очередь, во многом зависит от места этой принадлежности в структуре социальной идентичности. Исследованиями последних лет показано, что в настоящее время происходит некоторая интенсификация этнического компонента социальной идентичности (Антонова Н. В., 1996; Лебедева Н. М., 1999). Это обусловлено различными факторами, в частности, процессами мировой глобализации, а также социальными изменениями, происходящими на территории бывшего СССР. Также можно предположить, что у представителей этнических меньшинств «удельный вес» этнической принадлежности в структуре социальной идентичности выше, чем у представителей этнического большинства.

В 2000–2001 годах нами было проведено исследование социальной идентичности карелов, финнов и русских, проживающих в городах и деревнях Республики Карелия.

В выборку был включен 271 человек в возрасте от 17 до 70 лет, проживающий в городах и деревнях Карелии: 112 карелов, 100 русских и 59 финнов. В каждой группе было выделено три возрастных подгруппы: до 30 лет, 31 год – 45 лет и старше 46 лет.

Нас интересовали следующие вопросы:

1. Какова структура социальной идентичности карелов по сравнению с русскими и финнами?
2. Какое место в структуре социальной идентичности карелов занимает этническая принадлежность?
3. Существуют ли возрастные различия в структуре социальной идентичности карелов?

В исследовании использовалась методика социальной идентичности СИД, сконструированная В. Н. Куницыной (на основе методики В. А. Ядова (Ядов В. А., 1994).

В данной методике респонденту предлагалось оценить по 12-балльной шкале, насколько он ощущает свою близость («Это – мы») с каждой из 20 нижеперечисленных групп людей:

1. С моей семьей и близкими друзьями.
2. С людьми той же национальности.
3. С людьми того же образования, образованности.
4. С людьми того же достатка.
5. С теми, кто живет в том же городе (поселке).
6. С гражданами России.
7. С гражданами СНГ.
8. С людьми своего поколения.
9. С общностью «советский народ».
10. Со всеми людьми на планете.
11. С теми, кто не утратил веры в будущее.
12. С теми, кто не любит высовываться и живет как все.
13. С теми, кто предприимчив и склонен к борьбе.
14. С теми, кто потерял смысл жизни.
15. С теми, кто нашел свою дорогу в жизни.
16. С теми, кто борется за выживание.
17. С теми, кто стремится изменить все, что можно изменить.
18. С теми, кто хочет сохранить многое из того, что было раньше.
19. С теми, кто может пробиться в жизни сам.
20. С теми, кто верит в судьбу и высшие силы.

Для обработки данных использовались методы математической статистики.

Объекты идентификации подразделяются на две категории:

– первая (1–10) – идентификация с различными социальными общностями – от семьи до всех людей на планете;

– вторая (11–20) – идентификации, формируемые на основе предпочитаемых поведенческих стратегий.

Анализируя результаты, можно сделать выводы о структуре социальной идентичности, о месте в ней («удельном весе») этнической идентичности, а также об ориентации на определенные стратегии поведения.

В данном случае нас интересуют результаты, полученные на основе заполнения респондентами первой части методики –

идентификация с различными социальными общностями.
Обратимся к ним.

А) Интенсивность социальной идентичности

При подсчете среднего балла по всем десяти параметрам (идентификация с различными социальными группами) было выявлено, что существуют статистически значимые различия по интенсивности социальной идентичности между респондентами – карелами, русскими и финнами.

Наибольшую интенсивность социальной идентичности продемонстрировали карелы (ср. балл – 7,97, ош. ср. – 0,13), чуть меньшую – русские (ср. балл – 7,63, ош. ср. – 0,12); наименьшую – финны (ср. – 6,89, ош. ср. – 0,16). Различия по данному параметру между карелами и финнами и между русскими и финнами являются значимыми.

То есть карелы в целом в большей степени, чем респонденты – русские и финны, ощущают близость с различными социальными общностями. Финны же, наоборот, меньше других исследуемых групп склонны идентифицироваться с различными социальными общностями. Русские респонденты по интенсивности социальных идентичностей оказываются где-то посередине между карелами и финнами, но ближе к карелам.

Возможно, высокая интенсивность социальной идентичности карелов может быть связана с тем, что карелы издревле занимались сельским хозяйством и жили в деревнях, зачастую бедно, а известно, что такой образ жизни формирует культуру с преобладанием коллективистских тенденций.

Б) Структура социальной идентичности

Ранжирование идентичностей по интенсивности показало, что существуют как сходство, так и различия в структурах социальной идентичности исследуемых групп – карелов, русских и финнов (табл. 1).

Таблица 1. Иерархия категорий социальной идентификации карелов, русских и финнов

Категории социальной идентификации	Карелы			Русские			Финны		
	ср. знач.	ош. ср.	ранг	ср. знач.	ош. ср.	ранг	ср. знач.	ош. ср.	ранг
1. Семья, близкие друзья	11,37	0,12	1	10,77	0,31	1	10,66	0,26	1
2. Люди своего поколения	8,81	0,31	2	9,05	0,28	2	8,1	0,41	3
3. Люди той же нац-ти	8,53	0,34	3	8,27	0,31	4	6,88	0,42	5
4. Люди того же образования	8,47	0,34	4	8,81	0,27	3	7,61	0,47	4
5. Люди того же достатка	7,91	0,35	5	7,65	0,34	5	8,17	0,43	2
6. Жители одного города	7,71	0,35	6	7,35	0,3	6	6,76	0,41	6
7. Граждане России	6,96	0,37	7	6,93	0,33	7	5,73	0,43	7
8. Общность «сов. народ»	5,08	0,41	8	5,75	0,37	9	4,31	0,44	8
9. Граждане СНГ	4,75	0,36	9	5,08	0,33	10	3,86	0,37	10
10. Все люди на планете	4,46	0,39	10	6,05	0,39	8	4,2	0,42	9

У всех респондентов на первых местах находятся группы ближайшего повседневного окружения – семья, близкие друзья и сверстники.

Карелы отмечают большую степень близости с семьей и друзьями, чем русские и финны.

Места в середине иерархии занимают этнические, профессиональные группы, а также общности, выделяемые по месту жительства, достатку и гражданству.

Так, идентификация по этнической принадлежности у карелов занимает третью позицию в иерархии, у русских – четвертую, а у финнов – пятую. То есть этническая идентичность у карелов имеет больший «удельный» вес, чем у русских и финнов. Финны демонстрируют значительно меньшую степень этнической идентичности по сравнению с карелами и русскими. Возможно, это связано с тем, что финны, живущие в Карелии, сильно ассимилированы в русскую культуру.

Крупные социальные общности (советский народ, граждане СНГ, все люди на планете) завершают список.

Респонденты-финны демонстрируют несколько иную структуру социальной идентичности. Основное отличие от русских и карелов в том, что у финнов на второе по значимости место попадает идентификация с людьми того же достатка (которая у русских и карелов находится на пятой по значимости позиции), за счет чего такие категории, как «люди того же поколения», «люди того же образования и той же национальности», отодвигаются ниже.

Гражданская идентичность (отождествление с гражданами России) у всех групп занимает седьмую позицию в иерархии категорий идентификации, но респонденты-финны демонстрируют меньшую интенсивность гражданской идентичности, чем карелы и русские. Может быть, респонденты-финны, живущие в Карелии, в какой-то степени идентифицируются с жителями Финляндии?

Еще в меньшей степени финны идентифицируются с категорией «граждане СНГ», что значительно отличается от идентификации с данной категорией русских респондентов.

Все респонденты отмечают идентификацию с несуществующей уже общностью «советский народ» (так называемая «фан-

томная идентичность»); правда, значения по данной категории невысокие, но конкурирующие со значениями по категориям «граждане СНГ» и «все люди на планете».

Меньше всего с советским народом себя идентифицируют финны, значимо отличаясь от русских. Карелы занимают среднюю позицию.

Существуют различия между карелами и русскими по позиции, которую занимает идентификация со всеми людьми на планете. Хотя у обеих групп данная категория не является значимым элементом социальной идентичности, тем не менее русским респондентам свойственно сильнее ощущать близость с этой условной социальной общностью (восьмое место в иерархии против десятого у карелов). По интенсивности идентификации с общностью «все люди на планете» русские респонденты также значимо отличаются как от карелов, так и от финнов. Известно, что в условиях социальных перемен социальная идентичность переструктурируется в целях сохранения позитивного самовосприятия у личности. Возможны различные изменения в структуре, в частности, могут усиливаться более «старые» по происхождению категории, такие как «этническая», «территориальная принадлежность» (так называемая «возвращающаяся идентичность»), или может произойти усиление идентификаций с большими общностями – «европейцы», «все люди на земле» (идентичность типа «бега вперед»).

Таким образом, можно сделать вывод, что в целом структура социальной идентичности карелов практически аналогична структуре социальной идентичности русских респондентов, но отличается от структуры идентичности, продемонстрированной финнами.

В) Возрастные особенности социальной идентичности карелов.

Были выявлены внутригрупповые возрастные отличия в структурах социальной идентичности карелов (табл. 2).

Категории социальной идентификации	До 30 лет			31 год – 45 лет			Старше 46 лет		
	ср. знач.	ош. ср.	ранг	ср. знач.	ош. ср.	ранг	ср. знач.	ош. Ср.	ранг
1. Семья, близкие друзья	11,59	0,15	1	11,41	0,21	1	11,1	0,25	1
2. Люди своего поколения	9,72	0,47	2	9,59	0,36	2	6,79	0,66	3
3. Люди той же нац-ти	9,48	0,41	3	9,12	0,54	3	6,55	0,69	5
4. Люди того же образования	9,1	0,54	4	7,51	0,57	6	6,59	0,63	4
5. Люди того же достатка	8,93	0,53	5	8,73	0,54	4-5	5,72	0,61	6
6. Жители одного города	8,55	0,59	6	8,73	0,59	4-5	8,21	0,59	2
7. Граждане России	8,03	0,63	7	7,39	0,58	7	5,28	0,68	7
8. Общность «сов. народ»	6,07	0,73	8	4,56	0,49	9	3,69	0,66	9
9. Граждане СНГ	5,62	0,83	9	4,27	0,59	10	3,69	0,62	10
10. Все люди на планете	5,48	0,76	10	5,2	0,64	8	4,52	0,78	8

На первых местах в структуре социальной идентичности карелов в возрасте до 30 и 31 года – 45 лет находятся категории: «семья и друзья», «люди своего поколения и того же образования». На четвертой позиции у молодых карелов – идентификация с жителями своего города. В середине иерархии находятся идентификации по уровню достатка, национальности; а завершают список – гражданские и символические идентификации. Интересно, что гражданские идентификации выражены у молодых людей сильнее, чем у людей старшего поколения. Так, идентификация с «гражданами России» во всех возрастных группах занимает седьмую позицию, но ее интенсивность выше у карелов до 30 лет. Также молодые люди демонстрируют большую интенсивность идентификации с гражданами СНГ (восьмая позиция). На последнем месте в иерархии находится идентификация с общностью «советский народ».

В группе респондентов в возрасте 31 год – 45 лет также наибольшую значимость имеют идентификации с семьей, друзьями, сверстниками и людьми того же образования. Идентификации по национальности и уровню достатка имеют больший удельный вес, чем у людей в возрасте до 30 лет, отодвигая на шестую позицию солидарность по месту жительства. Завершают иерархию (так же, как и в группе старше 46 лет) категории: «советский народ», «граждане СНГ» и «все люди на планете» (соответственно 8, 9, 10-е места). У карелов старших возрастных групп категория «советский народ» занимает в иерархии социальных идентификаций место выше категорий «граждане СНГ» и «все люди на планете».

Специфика структуры социальной идентичности карелов старше 46 лет заключается в гораздо большем «удельном весе» категории этнической идентичности по сравнению с другими возрастными группами: вторая позиция в отличие от шестой у респондентов до 30 лет и четвертой-пятой – у респондентов в возрасте 31 год – 45 лет.

В меньшей степени карелы старшего поколения отождествляют себя с людьми того же уровня образования: пятая позиция по сравнению с третьей в возрастных группах до 30 лет и 31 год – 45 лет. Различия по интенсивности данной идентификации также являются статистически значимыми. Возможно, это связано с тем, что в по-

следнее время увеличилась степень социальной дифференциации в обществе, в частности, и по образовательному критерию.

Солидарность с людьми того же материального достатка занимает пятую позицию в иерархии категорий идентификации в возрастных группах до 30 лет и 31 год – 45 лет; шестую – у респондентов старше 46 лет. По интенсивности показателя существуют значимые отличия карелов старшего возраста, они в гораздо меньшей степени ориентируются при идентификации на этот признак. Можно предположить, что живя в советском обществе, где «все были равны», люди привыкли солидаризироваться по другим критериям.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

Респонденты – русские и карелы – демонстрируют схожие структуры социальной идентичности, в которых на первых по значимости местах оказываются идентификации с группами повседневного окружения (семья, друзья, сверстники), затем следуют идентификации, основанные на социальной дифференциации (национальность, образование, материальный достаток, место жительства), замыкают список гражданские и «символические» идентификации («граждане России», «советский народ», «граждане СНГ», «все люди на планете»). Специфика структуры социальной идентичности респондентов-финнов заключается в большом «удельном весе» идентификации по материальному достатку, занявшей вторую по значимости позицию (вслед за семьей и друзьями).

Этническая принадлежность в структуре социальной идентичности карелов занимает третью позицию в отличие от четвертой у русских и пятой – у финнов. То есть карелы ощущают большую близость с собственной этнической группой.

Существуют возрастные особенности структуры социальной идентичности карелов, которые заключаются: во-первых, в уменьшении с возрастом интенсивности гражданской идентичности; а во-вторых, в увеличении с возрастом «удельного веса» в структуре социальной идентичности этнической принадлежности.

Литература

Антонова Н. В. Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 131–143.

Лебедева Н. М. Социальная идентичность на постсоветском пространстве: от поисков самоуважения к поискам смысла // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 3. С. 48–58.

Ядов В. А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 35–52.

Научное издание

БУБРИХОВСКИЕ ЧТЕНИЯ: Проблемы прибалтийско-финской филологии и культуры

Сборник научных статей

Редактор *О. В. Обарчук*
Компьютерная верстка *М. А. Моросин*

ЛР № 02969 от 06.10.2000.

Гигиенический сертификат № 10.КЦ.34.953.П.00136.03.99 от 05.03.99.

Подписано в печать 20.12.2002.

Формат 60×84 1/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Уч.-изд.л. 18,0. Усл.кр.-отт. 81. Тираж 500 экз. Изд. № 206.

Петрозаводский государственный университет
Типография Издательства Петрозаводского государственного университета
185640. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

